

ОЧЕНЬ
**ДОЛГОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ 3**

ИЛИ ИНЬ И ЯН

Яна Соловьева

Мечтать о приключениях с геймпадом в руках или вляпаться в них по-настоящему — разные вещи. Упрямой ведьмачке Яне предстоит найти свой путь в мире Ведьмака.

Мы продолжим историю обманутых скоя'таэлей, бьющихся за свою свободу. В пути от Каэр Морхена до Зеррикании и Дол Блатанна переплетутся судьбы многих героев саги.

Очень долгое путешествие, или Инь и Ян. Авалон

Ветер, перенёсший нас, как Элли с Тотошкой, через непроходимые горы и пустыню, стих. В недрах сумки позвякивали склянки эликсиров, хлопала вода во фляжке на бедре, и это были единственные звуки, гуляющие по каменным лабиринтам предрассветного спящего Вергена. Около двери Сесия Бурдона я свалила вещи на землю и присела на корточки, прислонившись спиной к холодной стене. Щёки морозил прозрачный утренний воздух. Я прикрыла глаза, и казалось, что если открыть их, то вокруг будут сосны с длинными иглами и чёрные камни, и осыпающиеся гребни барханов, и река со всплесками рыб. Будто после долгого отпуска ты вернулся домой — пустой и другой, и уже забыл, кто ты и что делал раньше. Будто тело переместилось сквозь пространство, а душа, тяжело хлопая крыльями, догоняла где-то.

Из-за двери послышался шорох и явно распознаваемый стон. Я вскочила. Затарабанила в дверь Сесия. Звуки стихли, и я уж решила, что ослышалась, когда дверь распахнулась, и староста-краснолюд схватил меня за грудки, втащил внутрь и, пригнув к себе, смачно расцеловал в обе щёки.

— Наконец-то! — вскричал он, и его глубоко посаженные глаза лихорадочно горели.

— Сесиль! — я высвободилась из хватки. — Я тоже рада тебя видеть, но что случилось?!

В зале было душно натоплено, камин горел, и чадили огарки свечей в люстре под потолком. Длинный каменный стол с заплывшими канделябрами был погребён под бумагами, главным образом разнообразными списками. На одном я успела заметить бесконечные колонны из фамилий, а на другом перечень продовольствия, исчисляемого ящиками, бочками и головами скота.

— Ты всю ночь не спал? — спросила я.

— Завтра, теперь уже завтра! — простонал он, повалился на стул и упал головой на сложенные на столе кулаки.

— Что завтра? Война? Нильфгаардцы?

Сесиль не шевелился, и я начала подозревать, что он уснул. Но через мгновение он с трудом отлепил голову от рук.

— Нет, — сказал он, и его голова поникла вновь.

— Что-то случилось с Саскией?

— Нет, — повторил он, — что с ней станется?

— Так. Рассказывай, — я села напротив за стол и взяла в руки его огромные, крепко сжатые кулаки.

Сесиль поднял на меня мученический взор.

— Понимаешь, Яна, я — староста... — начал он. — Город, понимаешь, дела всякие...

— Я знаю, Сесиль, — мягко сказала я. — Ты — лучший староста города, которого я знаю.

— А тут эти аэдирнцы... Понимаешь, если рыцарь начинает засматриваться на краснолюдку — беды не миновать. Это значит, что ему давно пора катиться туда, откуда он притопал.

— Проблема с рыцарями Александра?

— Нет, — покачал головой Сесиль. — А ещё эти пришлые эльфы, которых мы

встречаем, как дорогих гостей, а они ходят, словно цацы, сплёвывают, будто мы на серебре должны им подавать...

Он встрепенулся и с обидой воскликнул:

— Как будто в лесу они не говно с листа жрали!

— Сесиль, проблемы со скоя'таэлями? — я встряхнула его руки.

— Да нет же, причём тут скоя'таэли! — воскликнул он. — А Ярпен, чтоб его понос взял, разворотил бомбами могильный курган, и оттуда который день твари лезут. Но и это не главное...

— Сесиль, ты валишь всё в кучу, я за тобой не поспеваю, — я сжала его руки и заглянула в глаза. — Что же главное?

Вздыхнув, он забрал у меня руки, огладил помятый несвежий кафтан и растрёпанную бороду.

— Скален... — сказал он. — Мой племянник женится, и завтра прибывает его невеста.

От неожиданного облегчения я едва не рассмеялась. Сесиль тем временем причитал:

— А всё твоя сера виновата! Как Скален привез её тогда с Махакаму, так и зачастил под гору Карбон мотаться. Я уж думал, у него ум дипломатический отрос — нам с советом кланов хорошие отношения позарез нужны.

— А ум не отрос? — уточнила я.

— Куда там! Хрен у него дипломатический отрос! Старый гриб Брувер Гоог откопал в шахтах залежалую внучатую племянницу, а та и давай Скалену прелестями подмигивать.

— погоди, Сесиль, — я наморщила лоб, пытаясь ухватить за хвост в закоулках памяти знакомую фамилию. — Но ведь Брувер Гоог — староста всего Махакама. Такой брак только упрочит союз между ними и Долиной Понтара.

— Прежде, чем что-нибудь упрочить, такой брак разорит меня до портков, ибо на краснолюдской свадьбе, да у племянника старосты, должна гулять вся деревня. А деревня у нас, как ты понимаешь, немаленькая. И ко всему прочему набита пришлыми эльфами — так и представляю, как встопорщатся бороды у махакамской делегации, когда они эти кислые рожи увидят. Ладно бы только наши эльфы были, те уж свои, к краснолюдам привычные, да и мы с ними сроднились, а эти новые... Да в придачу трупоеды... Не свадьба то будет, а катастрофа!

Он вздохнул, засеменил в угол к деревянному комоду с миллионом ящичков.

— Ты же за квартирой пришла? Вот она, берёг до последнего, — он вложил в мою руку ключ и поднял лицо со страдальчески вздёрнутыми бровями. — Ты уж, будь добренька, поговори с Йорветом, ты же не одна вернулась, так? Пусть он на пришлых эльфов повлияет, чтоб они, значит, дипломатию нам не обосрали. И с курганом разберись, Ярпен там лагерем встал. Не дело это. Лезут и лезут, хоть на сковородку эту нечисть, да к столу — я бы тогда всех накормил...

С зажатым в руке ключом я вышла из лишённой воздуха квартиры Сесилия Бурдона в прохладное вергенское утро. Город просыпался, наполнялся голосами, скрипел и хлопал дверьми. Редко и звонко застучали в кузницах. Разговор с Сесилем успокоил разыгравшуюся было тревогу о том, что за время нашего отсутствия в городе произошло нечто непоправимое. Свадьба — проблема мирного времени, а будь рядом война, старосту Вергена волновали бы совсем другие проблемы.

Чисто прибранная квартира словно ждала меня — в ней ничего не изменилось со времени нашего с Шани отъезда, и даже принесённое Скаленом зеркало в рост так и стояло

в углу. Без колебаний я заняла гигантскую кровать под алым шёлковым покрывалом — на этот раз мне было с кем её делить, и, несмотря на то, что теперь нам предстояло прятаться от любопытных глаз всего Вергена, я не собиралась отдавать Иорвета Исенгриму без борьбы. Сколько бы времени нам ни было отпущено — я хотела всё целиком, без остатка!

Туча благосклонно приняла яблоко и, цокая подковами, послушно зашагала под уздцы к северным воротам Вергена. Безбрежная лужа в скоя'таэльском квартале исчезла, и на её месте выросли болотного цвета шатры, и сколько я ни рыскала взглядом, но так и не встретила никого из знакомых белок в перенаселённом эльфами шумном районе.

Распогодилось. Путь к кургану был неблизким. Утрамбованная дорога пылила, меж скал блестел Понтар. Небо было высоким, по-осеннему синим. После того, как я миновала поворот на катакомбы, мне повстречался отряд скоя'таэлей, патрулирующих дорогу, и потом ещё один на подъезде к кургану. Среди эльфов последнего отряда, наблюдавших за тропой с вершины утёса, я заметила светловолосую голову Айвора и приветственно замахала ему руками. Лёгкими прыжками тот спустился со скалы и, казалось, обрадовался мне, а ещё больше известию о возвращении Иорвета. Судя по его версии событий, в городе не ждали войны до весны, а значит, всё было хорошо, даже несмотря на эксперименты Ярпена с бомбами и прибывающие со всего Севера скоя'таэльские отряды. Однако на лице Айвора лежала тень, и свет, который раньше излучало его юное лицо, померк, а ясные голубые глаза потускнели.

— Точно всё хорошо? — уточнила я, опять затревожившись.

Он усмехнулся, кивнув, неопределённо покрутил рукой в воздухе и растворился в жёлто-коричневом лесу.

Вдалеке над деревьями взметнулись чёрные птицы, громыхнуло. Туча испуганно заржала и попятилась, присев на задних ногах. Я успокоила её и пустила шагом по извилистой тропе между скал, опутанных пожухлыми лианами, из-под которых тянулись, вытянув дудочками венчики, ярко-синие цветы.

Тропа должна была вывести к пустырю, посередине которого в гигантском кургане похоронили погибших в битве нильфгаардцев. Пустырь был на месте, однако выглядел так, будто в наше отсутствие Сабрина Глевиссиг скинула на него ещё один метеоритный дождь, а кургана (ровные земляные склоны которого я помнила подёрнутыми свежей травяной дымкой) не было вовсе. На его месте в развороченной комьями земле в полном боевом обмундировании сновали краснолюды Ярпена, а сам он, стоя на насыпи, зычно отдавал команды. У скал по периметру пустыря растянулись цепью скоя'таэли, и среди них я заметила Мону.

— П-пошла-а-а! — с оттяжкой заревел Ярпен, приправил потоком брани, и краснолюды ринулись к чему-то, невидимому мне издалека.

Я тронула лошадь, и Туча, сделав несколько шагов, зафыркала, заартачилась — перед копытами между островками длинной травы лежал полуразложившийся труп. С лица сползли лоскуты кожи, из набитой личинками глазницы на бурых нитках мышц свисал глаз. Нижней части тела у трупа не было, из-под истлевшей, пропитанной землёй рубахи торчал белый позвоночник. Я круто повернула лошадь прочь и, присмотревшись, в ужасе увидела, что весь пустырь был усеян человеческими останками. Похлопывая дрожащую Тучу по шее, вдоль скал я направила её к Моне.

Улыбающаяся эльфийка крепко обняла меня, и от сердца отлегло.

— Что здесь происходит? — спросила я, обводя рукой пустырь.

— Тебе с самого начала или коротко? — засмеялась она.

— С начала! — я привязала лошадь к дереву у скалы. — Не узнаю Верген, здесь слишком много всего произошло, и я ничего не понимаю!

— С тобой небось тоже произошло немало, — её белые зубы сверкнули в улыбке, — и вечером ты обязана мне всё рассказать! Два с лишним месяца ни от тебя, ни от Йорвета ни слуху ни духу...

— Во-о-ольно! — донёс ветер крик Ярпена.

Мона мотнула головой в сторону краснолюда.

— С неделю назад на кургане появились трупоеды. Сначала гравейр со стаей гулей, потом гнильцы. И Ярпен решил...

— Amadan, — мрачно прокомментировал скоя'таэль из отряда Моны, стоящий неподалеку.

Идиот

— Решил их взорвать, бомбы-то остались, — продолжила Мона.

— Взорвать захоронение? — удивилась я. — Своими собственными руками?

— Спустили бомбы в прорытые гравейром ходы и бахнули. А под курганом оказались старые шахты, которые обвалились от вибрации, и из них полезла нечисть...

— Говорили ему ведьмачку подождать, — буркнул скоя'таэль, и я почувствовала гордость за профессию.

— Вот мы и дежури́м теперь тут, — закончила Мона. — Наше дело — отстреливать тварей на периметре, чтобы за пустырь ни одна не пробралась...

— А их становится меньше? — спросила я.

— Волнами идут, — ответила Мона. — Сейчас затишье.

Переваливаясь с ноги на ногу и на ходу обстукивая сапоги, к нам шёл Ярпен Зигрин. Длинный чуб прилип к блестящему от пота бритому черепу, в бороде и в накинутой на плечи лисьей накидке застряла земля.

— Что, поспела к шапочному разбору? — восторженно возопил он, трясая мою руку. — И без ведьмака, глядишь, управились!

— Как же, управились, — проворчал скоя'таэль в сторону.

— Пойдём, покажу диспозицию, — Ярпен хлопнул меня по ножнам мечей на спине и зашагал обратно к центру пустыря.

Я заторопилась за ним. Чем ближе мы приближались к центру, тем гуще вокруг были разбросаны полуистлевшие фрагменты тел. Пахло затхлым погребом, и между человеческими останками стали встречаться убитые трупоеды — гули и гнильцы с развороченными головами, лежащие в зеленоватых, впитавшихся в землю лужах. К смраду добавился сладковато-гнилостный трупный запах.

— Смотри, каков экземпляр, — краснолюд остановился около мускулистой, похожей на гуля, но гораздо крупнее, туши с иссиня бледной, уже вздувшейся пузырями кожей и вспоротым животом. Запрокинутая голова с тремя костяными гребнями жутко улыбалась кривыми острыми зубами. — С него всё и началось — рыл курган, что твой мародёр, а из ходов его дружки повылазили.

— Да, гравейр, — подтвердила я.

Это чудовище во плоти раньше мне не встречалось.

— Три дня всего, как подсохло, и дело споро пошло. До того рядили дожди, мы в грязи

чуть не увязли, — Ярпен широко развёл руки и подставил лицо безоблачному небу: — Краснолюдское лето — понежиться на последнем солнышке до холодов.

Он подвёл к провалу в земле, вокруг которого кучей были навалены туши убитых трупоедов. Самые верхние, «сегодняшние», — как пояснил он, были альгулями — я узнала их по зеленоватому оттенку кожи и острым шипам на локтях.

— А там что? — я указала в провал.

Ярпен вздохнул.

— Старые махакамские галереи. Их забросили ещё в те времена, когда Вергена и в помине не было.

— Обычными бомбами не уничтожить гнёзда трупоедов, — сказала я, переступила, опираясь на руку Ярпена, через скользкие зловонные тела и склонилась над провалом.

— Тебе лишь бы обосрать наши достижения, — проворчал он. — Зато от бомб сами трупоеды летали красиво, выше неба.

— И не только трупоеды, — тихо сказала я себе под нос и громко добавила: — Нужен факел.

Ярпен крикнул: «Ксавьер!», и лысый пожилой краснолюд с заплетённой в косу седой бородой поднёс факелы. Огонь осветил просторный подземный зал, факел упал около горки из трухи. Ветошь, немного погодя, затлела, и скоро тусклый свет выявил поверхность пола, всю в округлых ямках гнёзд чудовищ, и снизу донеслось поскуливание и хрипение.

— Я и сам додумался бы факел кинуть, — засопел Ярпен, — просто мы к этой дыре только вот-вот пробились.

— Вы сделали самое трудное, — примирительно сказала я, хотя и подумала про себя, что будь гравейр моим заказом, я бы не стала взрывать могильник, полный недоистлевших тел. С другой стороны, именно самодеятельность Ярпена позволила найти источник всех бед.

Краснолюд успокоенно заулыбался.

— Раз ты ведьмачка, то и командуй теперь, — благосклонно разрешил он.

— Я поговорю с Титом, нам нужны специальные ведьмачьи бомбы, — сказала я. — Как только сделаем, надо будет зачистить эти подземелья от гнёзд, не то трупоеды будут возрождаться бесконечно.

— К завтраму успеем? — спросил Ярпен. — Вроде мы всех порубали, а я бы на махакамскую девицу не прочь взглянуть — весь город, месяц уж как, на ушах ходит.

— Поговорю с Титом, — повторила я. — Но оцепление снимать нельзя.

Ярпен тяжело вздохнул и отвернулся к краснолюдом. Дагг Борос, красной бородищей органично вписывающийся в осенний пейзаж, отбросил пучок травы, которым протирал топор.

— Да постоим ещё, — пробасил он, — всё веселее, чем ворота сторожить.

Я вернулась к Моне, которая гладила морду Тучи и успокаивающе мурлыкала ей что-то. На тропе между скал, откуда я приехала, мелькнул светлым пятном силуэт белоснежного коня. Я перехватила повод лошади.

— Уже убегаешь? — удивилась эльфийка, проследила за направлением моего взгляда, и её болотного цвета глаза с золотистыми крапинками смешливо вспыхнули. — А, я понимаю...

— Увидимся вечером в таверне! — торопливо обняв и чмокнув Мону в щёку, я вскочила в седло и подняла Тучу в галоп.

Белоснежного коня Иорвета я догнала недалеко от места, где повстречала Айвора с отрядом белок. Эльф махнул рукой в сторону боковой тропы, уводящей в глубь скал.

— Я объезжаю посты, — сказал он. — Поедем вместе.

Лошади пошли бок о бок, и я едва не задевала стремянем за стену узкого ущелья.

— Чему ты улыбаешься? — спросил он и, остановив коня, потянулся ко мне.

— Я будто неделю тебя не видела, — обвив руками его шею, я целовала лицо и податливые губы, и не могла остановиться.

Он был рядом, и необъяснимая тревога, волнами накатывавшая с самого утра, растворилась бесследно.

Иорвет рассмеялся.

— Как жаль, что мимо моих бойцов ни одна мышь не проскользнёт незамеченной, — шепнул он и высвободился из объятий. — Но я знаю одно место, где мы будем одни...

Я задрала голову и обвела взглядом уходившие ввысь, на вид пустынные скалы.

— А ничего, что нас увидят вдвоём? — спросила я.

— Все знают, что мы напарники. Но больше того им знать не положено, — он тронул коня, и мы вновь зашагали по тропе. — Я прислал за тобой, но тебя не было, и поехал вслед сам.

— Ярпен наворотил дел на кургане.

— Да, мне уже рассказали, — Иорвет усмехнулся. — Геральт был прав — всем нужен ведьмак...

Он задумался.

— Какие новости? — спросила я. — Сесиль рассказал, что в Вергене много новых скоя'таэлей, и я видела шатры у вас в квартале.

— Пришли почти все, кому я писал, — ответил Иорвет, и его губы сложились в жёсткую улыбку. — И каждый командир лучше всех знает, что нам следует делать дальше. Завтра общий сбор, ты должна быть там.

— Вряд ли моё присутствие облегчит переговоры, — усмехнулась я.

— Ты пойдёшь со мной в Дол Блатанна и должна быть на совете. Чем больше разногласий вскрыется в начале, тем меньше их останется в конце.

Я не ответила, вдруг осознав, что никакой Дол Блатанна в нашем с Иорветом договоре не значилось. Я помогла ему добыть Исенгрима из Зеррикании, а в ответ он обещал помочь найти Филиппу Эйльхарт. Однако напоминать ему об этом я не стала и не испытывала и тени сомнений в том, что пойду с ним хоть в Дол Блатанна, хоть за тридевять земель — куда угодно, лишь бы быть рядом всё то время, пока чёртова роза болталась на моей груди.

Тропа вывела из ущелья, и через перелески, заболоченные ручьи и очередные ущелья мы огибали Верген по дуге в сторону Восточных Ворот. Как из воздуха перед нами появлялись скоя'таэли, и Иорвет спешилался, приветствовал каждого бойца и обменивался с ними короткими фразами на Старшей Речи. Я ждала в стороне, размышляя о том, что Иорвет всё-таки добился своего и получил «карманного магического dh'oine», и о том, что я ни о чём не жалела, потому что и я добилась своего тоже.

На дорогу к Восточным Воротам Вергена мы спустились в том самом месте, где когда-то встретили Шани с обозом аэдирнцев. Лошади, с напругой перебирая копытами, взобрались по крутому обваливающемуся склону и понеслись галопом, перелетая через овраги, в сторону берега Понтара.

Мы спустились к реке, и лошади пошли шагом по песку. Вода была тёмной, и к берегу прибило покачивающийся на мелкой волне толстый слой опавшей листвы. Мы обогнули утёс с полуразвалившейся хижинкой наверху, куда вела тропа, и Йорвет свернул на неё.

— Иди ко мне, — сказал он, протянул руку, и я, перебравшись в седло на спине Бинки, уселась лицом к Йорвету.

— Теперь ты не будешь видеть, куда идти, — сказала я, обнимая его руками и ногами.

— На этой тропе нет развилок, Бинки не заблудится, — сказал он и бросил поводья.

Двор вокруг хижины на обрыве порос бурьяном. Как преступники, мы скрылись за трухлявыми стенами, и казалось, что из-за необходимости прятаться не только от Исенгрима, но и от всего мира нам стало невыносимо мало времени вместе, и хотелось запастись друг другом впрок. Постояли, оглядываясь.

— Худшее место для свиданий, что я видела в жизни, — сказала я.

— И поэтому здесь нет никого, кроме нас. Иди ко мне, — повторил Йорвет, притянув меня за руку, и я запрыгнула к нему на бёдра.

— Мне нравится, когда ты на меня прыгаешь, — засмеялся он.

— Обычно ещё было вот так, — я щёлкнула пальцами, вокруг нас разлился оранжевый шар Квена и осветил чёрные стены.

— Ещё лучше, — он придавил меня спиной к косяку двери, и мы целовались, как в первый раз. С притолоки посыпалась труха. — Теперь нас видно со всего Вергена...

Снизу от реки слышались голоса. Неразборчиво выругавшись, Йорвет отпустил меня, и, раздвигая ветки кустов, проникших снаружи хижины, мы выглянули в дыру окна. На берегу остановилось с десятков скоя'таэлей, и темноволосая эльфийка в зелёном кафтане с короткими рукавами, присев на корточки, рассматривала на песке следы копыт наших лошадей.

— Верноссиэль, — тихо сказал Йорвет, — всё-таки пришла.

Он криво усмехнулся, приподнял ладонью моё лицо, погладил большим пальцем по щеке.

— Надо её встретить. Это место тоже оказалось неподходящим.

— Оно было таким с самого начала, — улыбнулась я, приглаживая волосы, и оглядела засыпанный гнилой соломой пол. — Хотя в моей квартире нет окон, через которые можно пробраться тайно, но там приятнее, и живу я совсем одна.

— Я постучу в дверь, — ответил он, и мы вернулись к лошадям.

— Смотрите-ка, какая честь! Меня встречает сам Йорвет собственной персоной! — воскликнула эльфийка, когда мы верхом спустились с утёса. — Ты ждал меня в тех кустах?

Всплеснув оголёнными по локоть руками, она упёрла кулаки в широкий кожаный пояс на тонкой талии. Рассмеялась, и её широко расставленные светлые глаза смеялись тоже, и невольно заулыбались скоя'таэли из её отряда.

— Да, Верноссиэль, все эти годы я ждал тебя в тех кустах, — с полной серьёзностью на лице ответил Йорвет, спешил, подошёл к ней и вдруг широко улыбнулся в ответ и прижал её к груди. — Я был уверен, что ты не придёшь.

— Ты никогда не мог предугадать мои действия, — сказала она.

— Я даже не пытался, — ответил он.

Йорвет взял под уздцы Бинки, и мы направились в сторону Вергена. Я не слезала с Тучи и украдкой рассматривала Верноссиэль, её миловидное, с мелкими чертами лицо с острым

подбородком и слегка вздёрнутым носом. В отличие от всех знакомых мне скоя'таэльских девушек, вместо штанов она носила юбку до колен, из-под которой выглядывали перевязанные голубой лентой гольфы. Иорвет тем временем представил меня.

— Летом в наш лагерь пришёл белоголовый ведьмак, искал бестию, — сообщила Верноссиэль. — А это мы — мы были бестией!

Она расхохоталась и подмигнула мне.

— Тебе тоже дали заказ найти бестию? Так далеко ходить не надо, она рядом с тобой, — она ткнула пальцем в Иорвета.

— Спасибо за ценную информацию, — ответила я.

— Расскажи же, Иорвет, — продолжила Верноссиэль, потеряв ко мне всякий интерес, и её маленький аккуратный рот скривился, — хорошо ли тебе жилось на сытных харчах под крылом Девы-Драконоубийцы, пока твои братья и сёстры умирали в лесах, сражаясь с dh'oine?

— У моих братьев и сестёр был выбор присоединиться ко мне, — холодно ответил Иорвет. — Но, насколько я помню, ты ушла.

— А ты не пошёл за мной и не пытался вернуть, — сказала она.

— Я уважал твой выбор, — сказал Иорвет.

— И он был правильным! Пока на Севере остаётся в живых хотя бы один солдат, мы должны убивать их, а не отсиживаться за каменными стенами!

— Ты ушла с полусотней скоя'таэлей, — тихо сказал Иорвет. — А вернулась с десятком.

— Это в два раза больше, чем у меня было летом, — ответила она. — И оно стоило того.

— Оно не стоило того, сколько стоит жизнь.

Иорвет зашагал вперёд. Верноссиэль крикнула ему вслед что-то на Старшей Речи, он ответил с сарказмом. Белки из её отряда зароптали, один схватился за рукоятку меча, и резким голосом она осадила его. Я сжала голеньями бока лошади.

— Увидимся! — бросила я Иорвету, кивнула Верноссиэль и рысью поскакала к Вергену по засыпанной листьями тропе, оранжевой под ласковым солнцем краснолюдского лета.

ВЕРГЕН. Выпьём за болезнь

На рынке в Вергене я купила еды и отвела Тучу в конюшню. В кузнице Тита Сороки вовсю кипела работа. Краснолюд передал помощнику мои мечи и долго и дотошно уточнял пропорции аера и ребиса в рецепте ведьмачьих бомб.

— А помнишь, как Ярпен наши бомбы перделками называл? — ворчал он, аккуратно складывая лист с рецептом и чертежом. — А как ты прочь, он тут как тут — давай грохнем да давай грохнем! Вот и догрохался...

Дома я разложила на столе купленную снедь, убрала в дальнюю комнату вещи. Мне хотелось побыть одной — за несколько часов произошло слишком много событий. На улице было теплее, чем в доме, и я разожгла камин. Поленья задымили и нехотя занялись пламенем. На полке над кроватью так и стояла недочитанная «Мерзавка Мюриэль», но на этот раз мой взгляд зацепился за соседний с ней кожаный переплёт с надписью «Самоучитель Старшей Речи». «Какого чёрта? — подумала я и достала тонкую книжицу. — За это время я могла бы уже научиться говорить!» Лёгкость, с которой эльфы переходили на свой язык и выкидывали меня из разговора, бесила. Я уже понимала отдельные слова, но пока они торчали разрозненными вкраплениями и плохо складывались в общий смысл. Открыла самоучитель. «Как пройти в таверну?» — старательно прочитала я по транскрипции первую фразу в разделе «Самые употребительные выражения». «Сколько dh'oine вы убили вчера?» — значилось второй с припиской: «фраза-приветствие, носители эльфийского языка употребляют её в значении „Здравствуйте“, ответа не требует», и я расхохоталась. «Aé minne taedh» — «Я тебя люблю» следовало третьей, и я повторила её раз, потом другой и ещё раз, перекаtywая на языке непривычные сочетания звуков.

Решив, что поговорю с Моной, я отложила самоучитель. С одной стороны, изучать новый язык представлялось бессмысленным. С другой — мне казалось, что я уже достаточно напилалась Старшей Речью, и не хватало лишь малого, чтобы мои обрывочные познания сложились в систему. Я не забыла слова Йорвета, сказанные там, в зерриканском дворце с видом на золотое солнце и золотые крыши, и теперь точно знала, что скажу ему на прощание, когда время наше истечёт.

В дверь постучали. Худенький эльфийский мальчонка с нескрываемым любопытством глазел на меня, а потом, видимо удовлетворённый результатом осмотра, важно сказал: «От командира», потыкал пальцем в небо и сунул мне в руку записку. Она была без подписи, и наклонными энергичными буквами с размашистыми хвостиками в ней сообщалось, что мне надлежало явиться в Замок Трёх Отцов немедленно.

Йорвет ждал меня у ближайшего к Западным Воротам входа в замок.

— Саския хотела поговорить с нами наедине, — сказал он и отворил дверь. — Предполагаю, она хочет узнать об отце.

В зале, где после битвы развернули временный госпиталь, теперь оборудовали постоянный. Низушек Виго Бамберг склонился над конторкой у входа и подписывал этикетки на бутылках с отварами. Несколько пациентов-краснолюдов, сдвинув койки, резались в гвинт.

— Борх просил никому не рассказывать о сыне, — сказала я, когда мы прошли мимо госпиталя в глубину гулких, холодных коридоров. — Но мне кажется нечестным скрывать это от Саскии.

— Это её семья. Она должна знать, — помолчав, кивнул Йорвет.

Аэдирнская Дева в одиночестве сидела в зале собраний за огромным двенадцатиугольным столом под сенью пузатой статуи краснолюдской мадонны. Перед ней стоял кубок с вином, и сама она казалась маленькой и хрупкой в окружении монументальных шедевров махакамского зодчества.

Увидев нас, она вскочила, безмолвно обняла Йорвета и, пригнув его голову, прислонилась лбом к его лбу. Потом повторила то же приветствие со мной, только пригибать голову пришлось уже ей. Лоб её был горячим.

— Я понимаю, что, учитывая пункт назначения, вы вернулись быстро, — сказала она. — Но кажется, что прошла вечность.

Она молчала, пока появившийся вслед за нами виночерпий расставлял дополнительные бокалы и разливал вино. Мне показалось, что она исхудала за время нашего отсутствия, и в лице недоставало былых красок.

— Что же, Исенгрим здесь, — продолжила она, отпив вина, и тяжёлым взглядом посмотрела исподлобья на Йорвета. — Теперь ты уйдёшь из Долины Понтара и заберёшь с собой скоя'таэлей?

Йорвет молчал, глядя на неё. Потом встал и сделал круг по залу.

— Прежде чем мы перейдём к делам, я хотел бы напомнить тебе одну вещь, Саския. Я хотел бы напомнить тебе твои слова, — сказал он.

Скрестив руки, он остановился под статуей, смерил её взглядом от огромного кувшина на плече до ступней, вернулся и нажал ладонями на стол:

— Ты сказала: «Мы — одна команда. По одному мы ничего не стоим, и только вместе мы сила».

— Да, я говорила это! — с вызовом произнесла она.

— С моей стороны ничего не изменилось, — сказал Йорвет. — А с твоей?

Он прямо смотрел Саскии в глаза, и она сморгнула, но не отвела взгляд.

— С моей стороны тоже ничего не изменилось, — отчеканила она.

— Долина Понтара не выживет в одиночку. Дол Блатанна не выживет в одиночку...

— Я хотела убедиться, что мы всё ещё вместе! — перебила Саския. — Новые скоя'таэли ни в грош не ставят ни наши достижения, ни нашу независимость, они только и мечтают о дне, когда смогут вернуться на свою землю. А учитывая новости...

— Какие новости? — напрягся Йорвет.

Саския усмехнулась и, расстегнув тёмную кожаную куртку, в которую была затянута её точёная фигура, достала из-за пазухи пухлый конверт.

— Самые свежие новости, — она шлёпнула конверт на стол. — Три дня назад король Редании Радовид был убит неизвестными в Новиграде. Всё, что у нас есть — это несколько месяцев, прежде чем Север окончательно преклонит колени перед Белым Пламенем.

Йорвет ударил костяшками пальцев по столешнице, откинулся на спинку стула и глубоко задумался. Я неотрывно смотрела на конверт. Я знала, кем были те неизвестные, и знала, кто всадил нож в спину Радовиду Свирепому, предварительно ослепив его, — это была Филиппа Эйльхарт, отомстившая за собственную слепоту своему бывшему воспитаннику, чародейка, которая наложила заклинание на нас с Йорветом. Геральт уже успел освободить её из заточения в теле совы...

— Флот Нильфгаарда стягивается к Скеллиге, — как в тумане, услышала я слова Саскии.

Игра подходила к концу. Совсем скоро Геральту и Цири придётся вступить в последний бой с Дикой Охотой, и после этого останется лишь одно задание, отделяющее меня от возвращения, — каким-то образом заставить Филиппу приготовить эликсир с контрзаклинанием. «Есть ещё роза, — непроизвольно сжав кулаки, подумала я. — Даже заполучив эликсир, я могу жить, пока не отдам розу». Эта мысль взбодрила.

Иорвет не шевелился, глядя в потолок и постукивая пальцами по столу. Мы молчали. Саския рассматривала зерриканское кольцо на его руке. Потом ей надоело ждать, и она повернулась ко мне.

— Яна, ты была на кургане?

— Да, — ответила я и рассказала о плане по уничтожению гнёзд.

— Нам надо привести город в порядок. Краснолюдская диаспора чрезвычайно серьёзно готовится к грядущей свадьбе, — сказала Саския. — В сложившихся обстоятельствах дружба с Махакамом для нас стратегически важна.

Пальцы Иорвета выбили на столешнице финальный аккорд, и он рывком поднялся.

— Убийство Радовида ничего не меняет для нас в краткосрочной перспективе, — объявил он, — хотя король Редании и был единственным, кто способен противостоять Эмгыру. Как и раньше, так и теперь, в любом из вариантов развития событий на Севере нам необходимо создать сильную коалицию вокруг Долины Понтара.

— Значит, Дол Блатанна? — спросила Саския.

— Да. И кроме неё... — он помолчал: — Где Александр?

— Он встречается в Ваттвейре с аэдирнскими баронами, — ответила Саския. — Они не теряют надежды найти и вернуть Стенниса на престол.

Иорвет хмыкнул.

— Безумцы...

— Так или иначе, сейчас важное для Долины время, в которое решается наше будущее. Это проверка на прочность — либо мы сплотимся, либо нас перебьют по одному! — Саския подняла бокал. — Я рада, что твои планы не изменились. За возвращение!

Кубки звякнули. На время все забыли о войне, и мы с Иорветом по очереди рассказывали о встрече с Борхом, о словах, которые он попросил передать Саскии, и о том, что в далёкой Зеррикании у неё появился брат — золотой дракон.

— Когда-нибудь наши пути пересекутся, — задумчиво сказала она. — Когда-нибудь...

Двери в зал приоткрылись, и в щель заглянул Сесиль Бурдон, просительно шевелящий бровями в сторону Саскии. Она поднялась. Аудиенция была закончена. Иорвет вышел из зала, а Дева-Драконоубийца перехватила меня за руку.

— Будь вечером в таверне, — тихо сказала она, и я вновь поразилась её глубоко запавшим глазам и заострившимся чертам лица. — У меня есть для тебя заказ, Яна.

В таверну я отправилась напрямиком из Замка Трёх Отцов, что оказалось благоразумным — вечер ещё не наступил, однако все столы были заняты. Я подождала за стойкой, пока краснолюд-трактирщик, пообещавший сообразить всё в наилучшем виде, не сопроводил к моему обычному столику в углу.

Набитый посетителями зал гудел. У стены справа за длинным столом неслышно переговаривались незнакомые мне скоя'таэли. Их одежда была оборвана и изношена, кафтаны залатаны кое-как, но, несмотря на это, держались эльфы с гордостью и достоинством аристократов.

Во главе стола скоя'таэлей сидела, опустив голову, эльфийская девушка. У неё были длинные, пушистые ресницы и неестественно бледная кожа, и на спину буйно опали чёрные волосы, лишь на висках заплетённые в косички. Она не реагировала на реплики товарищей и молча смотрела в бокал с вином.

Крики за соседним столом, занятым краснолюдами, отвлекли меня. Один из них, из отряда Ярпена, трепал за грудки вдребезги пьяного мясника из людей, и остальные краснолюды громко подбадривали. Примчавшийся трактирщик, как бульдог, ринулся в схватку, охаживая тумакими и того, и другого, а потом за шкуру выволок мясника из таверны, в дверях чуть не сшибив заходившую Мону. Эльфийка ловко увернулась и с невозмутимым выражением лица продолжила путь. Подойдя к столу скоя'таэлей, поприветствовала их и обменялась парой фраз с девушкой во главе стола, а потом рассмеялась и отказалась присоединиться к ним, показывая в мою сторону.

— Вот уж наша свадьба покоя никому не даёт, — проворчал вернувшийся с улицы трактирщик.

— Почему они дрались? — спросила я.

— С мясником-то? — уточнил краснолюд. — Да разве ж это драка? Пальцем, считай, погрозили. А на выход я его отправил, потому что нечего невесту нашу оскорблять — старый пень как насвинячится, так язык без костей, через что и огребают.

Он для виду повозил полотенцем по столу, принял у нас с Моной заказ и исчез.

— К свадьбе Скалена готовятся серьёзнее, чем к войне, — сказала я Моне. — Никогда не видела Верген в таком возбуждении.

— Ничего, свадьба — дело не вечное, в отличие от войны, — она вздохнула. — Знала бы ты, как это надоело. Уехать бы, поселиться где-нибудь в своём доме, растить детей... А то и не мир, и не война, и сколько так будет продолжаться — неизвестно.

Покачав головой, она горько усмехнулась, и по лицу её промелькнула тень неизбывной усталости, и стало явственно видно, что юная белокурая эльфийская девушка, сидящая передо мной, совсем не юна по человеческим меркам, а может быть даже и по эльфийским...

— Киаран повысил меня, — сказала она тихо, — теперь под моим началом пять десятков лучников.

Она встряхнула головой, будто отгоняя морок, и вновь превратилась в себя, и потребовала отчёта о путешествии. Трактирщик принёс вино, Мона слушала про Зерриканию, и её глаза по-детски округлялись, когда я рассказывала про бесконечные пески пустыни и заколдованный остров, про чародеев, Хранительниц и сверкающий золотом Алтинадир.

— И как оно — быть так долго наедине с Йорветом? — спросила она, хитро сощурившись. — Многие девушки отряда пошли бы на всё ради такого шанса.

— Ну, м-м-м, — я запнулась. — Он...

— Милашка? — подсказала Мона то слово, которым назвала Йорвета давным-давно, на водопаде в Синих Горах.

— Да, — ответила я, и мы рассмеялись.

Неожиданно стало тихо. Пригнув голову на входе, в таверну вошёл высокий эльф с удлинённым, красивым и выразительным лицом, на котором будто светились ярко-голубые глаза. Через левое плечо у него была перекинута лоснившаяся коротким мехом волчья шкура, стянутая на талии широким кожаным поясом с металлическими вставками. Эльф осмотрел

зал, и было в его взгляде что-то ещё, помимо обычной для эльфов гордости. «Презрение», — распознала я, приглядевшись внимательнее. Пронзительный взгляд эльфа остановился на темноволосой эльфийке за столом скоя'таэлей, которая, не поднимая головы, доливала себе вина.

— Яевинн, — прошептала Мона. — Привёл самый большой отряд, в две сотни белок.

— А это кто? — тихо спросила я, показывая глазами на темноволосую эльфийку.

— Торувьель, — ответила Мона. — Она потеряла почти весь отряд под Вызимой, когда столицу Темерии брали чёрные. Попали меж двух огней и не смогли пробиться через окружение. Ей пришлось присоединиться к Яевинну, они прибыли в Верген вместе.

Следом за Яевинном в таверну вошло несколько эльфов, вооруженных до зубов притороченными к перевязям кинжалами и мечами на поясах. Все они были одеты в зеленеватые, ладно скроенные гамбезоны. Таверну снова захлестнул привычный шум, и эльфы, лавируя в толпе, стали пробираться к столу скоя'таэлей.

— Мы с Иорветом встретили сегодня отряд Верноссиэль, — сказала я Моне.

— И она пришла? — глаза эльфийки сузились. — Что же, будет весело. Всё это время Киаран едва удерживал от разборок уже пришедших, но она — как фитиль у пороховой бочки.

Мона вздохнула и сделала глоток вина.

— Хорошо, что Иорвет вернулся, Яна. Без него был бы взрыв. Как вовремя, как хорошо!

Мы приступили к густому мясному рагу, а я украдкой наблюдала за скоя'таэлями. Яевинн присел около Торувьель, навис над ней, оперевшись одной рукой на спинку её стула, а другой отодвинул в сторону бутылку. Девушка подняла лицо, и её чёрные глаза опасно блеснули. Она залпом допила вино в бокале и щёлкнула пальцами в сторону бутылки. Один из скоя'таэлей её отряда, нарочито вызываясь глядя в лицо Яевинну, наполнил бокал.

Я вернулась к еде, продолжая незаметно подглядывать за эльфами. Похоже, что Мона была права — для одного Вергена здесь собралось слишком много командиров, и каждый из них лучше всех знал, что делать другим.

Рука Торувьель тем временем потянулась к вину, но на полпути Яевинн перехватил её пальцы и сжал в ладони. Девушка подняла на него нахмуренное лицо, а эльф начал говорить, не выпуская её руки. Я с любопытством наострила уши, но Яевинн говорил на Старшей Речи.

— Мона, — повернулась я к эльфийке. — Я знаю, что это звучит странно, но мне нужен учитель по Старшей Речи. Знаешь кого-нибудь?

— Ты хочешь говорить на нашем языке? Правда? Но зачем? — удивилась она. — А, я понимаю...

Сказав свою коронную фразу, Мона многозначительно поиграла бровями, будто сыщик, намекающий подозреваемому, что знает его тайну.

— Я просто хочу понимать, что говорят эльфы, — буркнула я. — Вокруг меня их толпы.

— Да-да, понимаю, — Мона лукаво улыбнулась и закивала, и было совершенно очевидно, что она мне не поверила. — Поговори с Эйлин, она обучает детей грамоте здесь, в Вергене.

— Она эльфийка?

— Да ты её знаешь! Это же мать Несы, я видела, как вы разговаривали на празднике.

Посетители всё прибывали в таверну. Приходили скоя'таэли Иорвета, чьи лица я уже знала, и незнакомые эльфы. Гвалт от краснолюдских столов перекрывал крики болельщиков,

наблюдающих в соседнем зале кулачные бои. Саския в окружении двух аэдирнцев прошла за приготовленный стол в противоположной стороне зала.

Справа раздались резкие возгласы на Старшей Речи, и Торувьель, смахнув с плеча руку Яевинна, поднялась из-за стола и стремительно зашагала к выходу. Оставшиеся эльфы мрачно смотрели друг на друга. Ко мне подошёл трактирщик и жарким шёпотом сообщил, что Саския ждёт.

— Иди, — Мона прикоснулась к моей руке и быстро глянула на эльфов. — А я разужнаю, что там случилось...

Я присела за стол Саскии в крохотном каменном алькове недалеко от выхода в кухню, и трактирщик задернул занавеску на толстых, как в примерочной, кольцах. Гомон зала притих, из кухни доносился звон посуды и перебранка поваров. Пахло пережаренным маслом. Центр стола занимало блюдо с сырами и кусочками кровяной колбасы. Саския разливала вино. Я отрицательно помотала головой, отодвигая свой бокал, но она требовательно сжала мою руку.

— Вышей со мной, Яна, — попросила она. — Мне по прежнему некому рассказать про мою болезнь, кроме тебя. Не с кем выпить за неё.

— Выпить за болезнь? — я непонимающе уставилась на Саскию.

— За любовь, Яна, — сказала она и подняла бокал.

Я пригубила вино. Совершенно точно весь Верген сошёл с ума, пока нас не было.

— Рассказывай, — произнесла я.

Сделав большой глоток, Саския грохнула полупустой бокал на стол. Тёмные глубокие глаза заблестели. Она ослабила ремни куртки, потом передумала, расстегнула и сбросила куртку на спинку стула, оставшись в расшитой по горлу белой рубаше. Приложила руку к груди:

— Боль. Я чувствую боль, которая всегда и везде со мной, — начала она перечислять симптомы, словно пациент на приёме у доктора. — День и ночь каждая частичка моего тела зудит: «Где он? Что ты сделала сегодня, чтобы быть вместе?»

Она сжала кулаки.

— Я потеряла сосредоточенность, мой разум блуждает — и это сейчас, когда только от остроты и быстроты нашего ума зависит будущее Долины Понтара!

Опустив взгляд, подрагивающими пальцами она затеребила вилку.

— Иногда я плачу...

Я мягко накрыла её ладонь своей.

— Нет, не жалея меня! Не то я опять... — слёзы всё-таки покатались по её лицу, но она не убрала руку. — Всего неделя, как он уехал, а я иногда будто вижу его. Иду по улице, он идёт рядом. Расчёсываю волосы в спальне, он в дверях. Когда совсем плохо, кричу: «Уйди!» и боюсь услышать в ответ, как он смеётся.

Саския смахнула слёзы салфеткой, и губы её растянулись в кривую усмешку.

— Барды поют, что любовь — это счастье, но если бы к этой так называемой любви вела дверь, я немедленно захлопнула бы её и заперла на ключ!

Я продолжала держать её руку и успокаивающе поглаживала по тыльной стороне ладони.

— В тот раз я не сказала тебе, кто причина моей болезни...

— Я знаю, — ответила я.

— Знаешь? — бледное лицо Саскии пошло красными пятнами. — Йорвет проговорился?

— Нет, я догадалась.

— И что ты скажешь? — голос её зазвучал повелительно.

— Скажу, что я тебя понимаю, — ответила я. — А ещё скажу, что это пройдёт. Когда-нибудь эта боль устанет и уйдёт.

Я знала, что лгала. Саския покачала головой.

— Я — дракон, и если уж что-то втемяшилось мне в голову...

— Это уж точно, — подтвердила я, вспомнив её отца.

— Ждать — не вариант! Мне нужна помощь, твоя помощь. Мне нужно, чтобы не болело!

— Саския, я могу выслушать тебя, если от этого тебе станет легче. Но я не могу помочь.

— Ты можешь! — сердито сказала она, выдернув руку, и стукнула кулаком по столу так, что подпрыгнули вилки. — Ты человек, как и он, ты должна знать! Что делают человеческие женщины, чтобы завоевать своего мужчину?

Я упрямо покачала головой, и её глаза полыхнули гневом. Неожиданно она подалась вперёд, схватила обеими руками за ворот моей куртки и притянула к себе.

— Что. Делают. Женщины? — проговорила она мне в лицо.

— А он вообще знает, что ты женщина?! — воскликнула я и вырвала ворот из её рук.

Саския замерла и медленно осела на стуле.

Тишина и ночной воздух остужали гудящую после грохота таверны голову. События сегодняшнего дня слепились в мутную мешанину из взбудораженных свадьбой краснолюдов, гордых скоя'таэльских командиров, беседы с Саскией и развороченного могильника с трупоедами. Заказ на кургане неожиданным образом успокаивал — там был план и там я знала, что делать. Свадьбу и скоя'таэлей я постаралась выбросить из головы — то была не моя забота и ни на что повлиять я не могла. А вот Саския... Перед уходом она вытрясла из меня обещание хотя бы подумать над её словами и смотрела так, как потерпевший кораблекрушение следит за удаляющимся одиноким парусом.

Что я могла ей сказать? Что сделать? «Ничего», — раздражённо думала я, шагая по тёмным переулкам. Я знала эту боль — ноющую и постоянную, будто позвонок не на месте. Я понимала её любовь — этот океан, в который она не могла войти, потому что для этого нужны были двое, а она лишь слушала шум прибоя. Я не могла ей помочь. Я купалась в этом прибое.

Захлопнув за собой дверь квартиры, я, не раздеваясь, уселась медитировать. Постепенно клубок в груди распустился, сознание успокоилось. «Я сделаю всё, что смогу, — решила я. — А что не смогу — не сделаю!» Повторяя про себя эту не отличающуюся глубиной, но дающую почву под ногами мысль, я долго смывала с себя пыль сегодняшнего дня и запах таверны с волос и тела, потом подбросила поленья в остывший камин и легла на кровать.

Ночь была тихой. В углу размеренно и уныло стрекотал сверчок. Полупрозрачные окна над дверью тускло светились от масляного фонаря с улицы, блики от камина отражались от тёмного зеркала и плясали над кроватью по потолку. Я смотрела на дверь. За ней было тихо.

Трель сверчка повторилась сорок девять раз — я считала, и он замолк. За дверью было тихо. Раздосадованно я поднялась с кровати и разделась. Отвернула в сторону шёлковое покрывало. Оно было гладким и скользким. Потянув ткань к себе, на миг я ощутила укол

совести за слова, брошенные Саскии. Кто бы говорил! Ведьмачка!

Соскочив с кровати, я подошла к зеркалу, покрывало скользило за мной по полу. Подобрала, обернула его вокруг груди, завязала хвосты узлом на поясице, соорудив нечто вроде бального платья с открытыми плечами, и вспомнила вдруг, что когда-то у меня было много платьев. В тени, в глубине гладких складок ткань казалась чёрной, а на бликах света от камина блестела, как свежая кровь. В дверь тихо постучали.

Иорвет запер дверь изнутри на ключ, а я вернулась к зеркалу, будто он не застал меня врасплох, обмотанной покрывалом, будто так и было задумано. К тому же из какого-то ослиного упрямства мне хотелось скрыть, что я ждала его весь вечер, что смотрела на дверь и считала трели сверчка. Он встал за спиной, и в темноте зеркала отразились мы двое. Я расправила ткань, и она легла шлейфом на полу у моих ног.

— Готовишься к свадьбе Скалена? — он осторожно собрал мои распущенные волосы, отвёл в сторону и, едва касаясь подушечками пальцев, провёл по позвонкам шеи и до ямки между лопаток.

— Нет, ищу в себе женщину, — ответила я.

Он улыбнулся мне в зеркале.

— Ты её потеряла? — тёплыми огрубелыми ладонями он проводил по голым плечам и вниз по рукам.

— Не знаю... я просто думала об одном сегодняшнем разговоре.

— С Саскией?

— Мона рассказала? — усмехнулась я.

— Да.

— Саския чахнет от любви, — сказала я тихо. — Она уверена, что это болезнь.

— Она права, — он целовал мою шею. — Она, чёрт возьми, права! Это болезнь.

Дёрнув узел из покрывала на моей спине, он подхватил меня на руки. Я искала его губы, мягкие и желанные, как умирающий от жажды, и покрывало соскользнуло с тела на пол.

— Болезнь, — повторил Иорвет на кровати, и я раздевала его, не переставая целовать, и волны того самого прибоя бросали и крутили, и это точно была болезнь.

— Смертельная, — сказала я.

— Обещай мне, — сказал он, мы остановились, будто вынырнули из волн, и смотрели в глаза друг другу. — Обещай, что мы не переступим черту, что мы не заболеем.

— Мы пойдём по краю, с нами такого не случится.

— Это невозможно для нас.

— Никогда.

«Никогда», — повторяли мы, как в горячечном бреду, как будто это могло что-то изменить, и были просто мужчиной и просто женщиной на белых простынях, в чёрной ночи, в каменном городе, купающимися в грохочущем прибое болезни под названием любовь.

ВЕРГЕН. Об эльфах и краснолюдах

Белое утреннее солнце нарисовало на ковре в центре комнаты три ярких прямоугольника. В дверь колошматили: судя по звуку, ногой в подбитом скобами и гвоздями краснолюдском сапоге. «Иду!» — крикнула я охрипшим ото сна голосом, на ходу запрыгивая в штаны и натягивая рукава рубашки.

Помощник кузнеца Курт Монтас стоял, привалившись к косяку, с таким скучающим видом, точно ждал меня целую вечность, и ковырял под ногтем остриём широкого тесака.

— Солнце уже вона где! — проворчал он, гнусава. — Всю ночь, поди, за чудищей гонялась?

Он указал тесаком на едва оторвавшийся от горизонта солнечный диск.

— За бестией, — ответила я. — В чём дело?

— Тит собрал экспериментальный экспонат, — сообщил он. — Нуждается в экспертном мненье.

— Поняла, скоро буду, — сказала я, попытавшись закрыть дверь, которую краснолюд придерживал мощной рукой.

— И мечи забирай! — дополнил он, просовывая бородатую голову в щель.

— Хорошо!

Я захлопнула дверь. Второй день подряд утро начиналось с долбёжки по голове, и ужасно хотелось спать. Закралась даже шальная мысль навестить Исенгрима, который остановился в квартире Йорвета, и выпросить у него кофе. Я знала, что он взял из Зеррикании запас, но, решив не будить лихо, подавила этот порыв и побрела совершать ритуал утреннего омовения. Из кузницы Тита Сороки, до которой было рукой подать, уже вовсю доносился низкий звон кузнечного молота и дребезжащее позвякивание молотков. Курт был прав — с восходом солнца жизнь в Вергене была ключом и не сбавляла темпов до полудня, чтобы потом, с легкой послеобеденной ленцой покатиться в сторону вечера и угомониться к закату.

— Я тут покумекал... — встретил меня Тит и повёл в глубину кузницы мимо пышущего жаром горна, над которым один из помощников щипцами поворачивал раскалённый металлический штырь. Второй размеренно наваливался на рукоятку кузнечных мехов.

— Смотри, — Тит подвёл к закопчёному котлу, изъеденному изнутри кислотами. — Взял я часть ребиса и часть аера, смешал, как ты и говорила. Если это дело поджечь, то там, где порошок на яйца чудовищ попадёт, там у них оболочка и скукожится, так ведь? Дело хорошее, да вот только зона поражения не ахти... Облако-то, оно где хлопнуло, там и осело, а ещё, чего доброго, ветер подымет — Ярпену-то один хрен, а вот на твоих щёчках дырки смотреться не будут...

— В подземельях нет ветра, — засмеялась я.

— Э-э-э, да ты не спорь — смотри!

Тит аккуратно окунул крохотный черпачок на длинной ручке в бочонок с замешанным ребисом пополам с аером. Высыпал зелёный порошок на дно котла. Потом из-под верстака достал квадратную бадью из травленной жести и влил в котёл немного чёрной маслянистой жидкости.

— Махакамская смесь, — сказал он, помешивая на дне котла черпаком. — Лучшая приправа для любого блюда.

Закончив, взял длинную лучину, поджёг и опустил в котёл. Глянцево-чёрная с зелёными блёстками лужица на дне затянулась пламенем, по поверхности побежали пузыри, которые лопались и разбрызгивались, и через миг кипящая, бурлящая жидкость, размазываясь по стенкам котла, поползла вверх.

— Видела, ты это видела?! — закричал Тит, когда один из горящих языков перебрался через стенку, капнул и, пузырясь, начал растекаться по полу.

— Липнет, как девица! — с восторгом добавил он. Лужица прогорела, и на камнях осталось уродливое, точно раздавленный паук, выжженное пятно. — Ну, вот и всё.

— Убойная штука, — сказала я.

— Вот и я так подумал.

Кузнец взял с верстака кожаный мешок, похожий на тот, в котором носили монеты, и протянул мне. Мешок был мягким и тяжёлым, и из замазанного смолой горла торчал фитиль.

— Внутри бомба, а снаружи бычий пузырь со смесью. Бросаешь, и всем гнёздам кранты. Главное — бросай подальше и беги, — по раздумью добавил он.

Я поблагодарила Тита. Придуманная им смесь действительно могла быть полезной в тоннелях, ставших гнездовьем трупоедов. Однако всё же попросила его сделать половину бомб по оригинальному рецепту — уничтожать одиночные гнёзда по старинке казалось более безопасным.

— Добро, — проворчал он не слишком любезно. — Завтра будет готова первая партия.

Уходя, я позаимствовала у него горелку и принадлежности для варки эликсиров. Мне хотелось навести порядок в ведьмачьем хозяйстве. Занесла добытое домой, благо мне всего лишь нужно было пересечь площадь и подняться по ступенькам, и вытащила с полки самоучитель Старшей Речи. Пришло время навестить мать Несы.

Эйлин удивилась моему приходу, но приветливо поздоровалась и пригласила войти. Квартирка родителей Несы была меньше моей, но, войдя, я не смогла сдержать вздоха восхищения — только эльфы могли превратить каменную коробку макахамского жилища в таинственный волшебный уголок. Через расписанный листьями и цветами витраж над окном лился радостный свет и ложился разноцветными узорами на выбеленные волчьи шкуры на полу. Стены украшали шёлковые зеленовато-бежевые гобелены с тонкой вышивкой переплетённых лоз. Мягкий свет ламп на полу и в нишах стен прикрывали белые тканевые экраны, и рисунок на них повторял растительные орнаменты гобеленов.

Эйлин вернулась за стол, за которым вышивала гладкое покрывало, жестом показала на стул напротив. Заплетённые в две толстые косы пшеничные волосы эльфийки спускались почти до пола.

— Мона сказала, что ты учишь детей... — начала я.

— Школу временно закрыли, поэтому сейчас я подрабатываю, чем умею, — вздохнула она и приподняла вышивку. — В школе разместили скоя'таэлей. А дети и рады...

— А где Неса? — спросила я.

В квартире кроме нас с Эйлин никого не было.

— Ты пришла её навестить? — улыбнулась она. — Эту егозу не так-то просто застать — с утра до вечера она на улице, верховодит стайкой ребятишек. Уже два дня дома не ночевала — строят где-то в лесу дом на дереве. Знает, что мне это не нравится, да разве её убедишь? И отец ей потакает...

Эйлин показала рукой на заправленную кровать в нише, спрятанную за полупрозрачной завесой из нитей с нанизанными стеклянными бусинами.

— По правде сказать, я пришла к тебе, — я выложила на стол самоучитель Старшей Речи. — Ищу учителя.

Взяв книжицу, Эйлин перелистнула несколько страниц и фыркнула от смеха.

— Я никогда не учила взрослых Старшей Речи. Я учу детей всеобщему. Учу читать, писать и складывать числа.

— Но ты же знаешь Старшую Речь и умеешь преподавать. Клянусь, я буду послушной, как ребёнок!

— А вот этого не надо! — расхохоталась она. — Тогда я точно с тобой не справлюсь.

Эльфийка ещё посопротивлялась для приличия некоторое время, но я видела, что новая идея увлекла её. Я пустила в ход всю свою силу убеждения и мешочек с новиградскими кронами, чтобы развеять последние сомнения, и вскоре мы ударили по рукам. Эйлин ушла в заднюю комнату и вернулась с парой книг.

— «Aen N’og Mab Taedh’morc» — пособие начинающего барда. Эльфийские баллады на Старшей Речи и перевод на всеобщий, — её голос сделался строгим. — К вечеру изучи первую страницу, и начнём.

— Договорились! — сказала я, принимая из её рук увесистые тома.

Распрощалась с Эйлин, попросила передавать привет Несе и направилась домой, попутно размышляя о том, зачем я вообще в это ввязалась, и одновременно прикидывая, успею ли осилить страницу до полудня, когда ожидалось прибытие невесты Скалена.

Длинные алые полотнища украшали отвесные стены западного подъезда к Вергену и заодно прикрывали некрасивые потёки смолы, оставшиеся от битвы с нильфгаардцами. К массивной арке Махакамских врат в торжественной тишине, в которой слышался только хруст ободов по мелким камешкам дороги, неторопливо приближались гружёные подводы. Каждую повозку тянула пара саврасых пони с мохнатыми головами в богато украшенной металлическими бляхами сбруе. Поверху стен выстроилась бригада Ярпена Зигрина, и от начищенных кольчуг, нагрудников и топоров разбегались в стороны солнечные зайчики.

Сесиль Бурдон стоял посреди площади за воротами и время от времени нервно вытирал ладони о полы парадного зелёного камзола с пышными складками на рукавах. Киаран, Ярпен и я стояли за его спиной в первом ряду встречающих. Казалось, что на площади собрались всё краснолюды Вергена, включая женщин и детей, и лишь за их спинами, поодаль, да на вершинах лестниц толпились люди и редкие эльфы.

— А где Йорвет? — шёпотом спросила я Киарана.

— Я вместо него, — улыбнувшись, ответил он.

— И то дело, — встрял Ярпен, — нечего кривой рожой невесту пугать. У Сесили чёткий план — подмешивать эльфов в панораму по чуть-чуть, как горькую пилюлю.

— Как сладкий десерт, ты хотел сказать? — Киаран посмотрел на Ярпена сверху вниз.

— Если бы хотел, так бы и сказал, — осклабился краснолюд. — А то наша Брунимора ни единого эльфа в жизни не видала, в Махакаме их не водится.

— Ни один уважающий себя эльф не ступит на махакамскую землю, — сказал Киаран.

— И правильно! — воскликнул Ярпен.

— Тише! — прошипел Сесиль, обернувшись на него.

— А я что, я молчу. Это всё этот, — Ярпен мотнул чубом на Киарана, — десерт, мать

его...

Обоз миновал врата, пони сделали полукруг по площади и остановились. С передней повозки чинно ступили на вергенскую землю первые делегаты: четверо мощных краснолюдов с длинными косматыми волосами и бородами, за которыми не видно было лиц. С плечей махакамцев и до пят спускались мохнатые шубы рыжего меха, перетянутые на объёмных животах поясами из металлических пластин.

— Дядя... — шёпотом пояснил Ярпен.

Вслед за ними спустился Скален Бурдон, и рядом с будущими родственниками выглядел он в своём пурпурном камзоле и неизменном берете как подкидыш какаду в совином дупле. Вторая в цепочке повозка была закрыта тентом, а на веренице следующих громоздились сундуки и баулы, и на козлах сидело по паре тяжеловооружённых краснолюдов.

Приблизившись к старосте, дядя выстроились шеренгой. Бойцы Ярпена на стенах синхронно вскинули к губам короткие гнутые рожки, и тишину взорвал троекратный зычный гудок, похожий на бляение. Махакамцы и Сесиль склонили головы, тщательно следя, чтобы угол наклона бороды ни у кого не был больше другого.

— Приехал бы сам Брувер Гоог, тогда бы его Саския встречала, — шепнул мне Ярпен и многозначительно показал бровями в сторону гружёных повозок. — Приданого привезли — мама не горюй! Мы-то на свадьбу всей общиной скидывались, а в прибыли один Сесиль останется.

— Сесилью потом со Скаленом и его женой жить, а не вам, — шёпотом ответила я.

Киаран шикнул на нас.

Краснолюды-охранники спрыгнули с козел, и двое из них сняли тент с крытого фургона. Оттуда сурово шурились на солнце две пожилые краснолюдки в лохматых меховых горжетках, а напротив них сидела высокая фигура, закутанная с ног до головы в пледы и скрытая за плотной вуалью. Пока я рассматривала эту таинственную незнакомку, вспыхнуло на солнце медью, и с сиденья рядом с ней поднялась ярко-рыжая молоденькая девушка и приветственно вскинула руки. Краснолюды на площади взревели, и в толпе взлетели в воздух шапки. Не дожидаясь протянутой руки, юная краснолюдка спрыгнула с повозки.

— Ишь, борзая! — с восторгом прокомментировал Ярпен. — А красота-то какая!

Миловидное круглое лицо невесты было сплошь усыпано веснушками, и в противоположность укутаным дамам, её упитанная фигурка была облачена в блузку с коротким рукавом и глубоким декольте, тесный кожаный жилет и пышную зелёную юбку. Выходка девушки явно переполошила пожилых краснолюдов, и они, неловко задирая ноги и кряхтя, с помощью охранников вывалились из повозки.

— Мамушки, — сказал Ярпен и сплюнул.

— Кто? — удивился Киаран.

— Цепные псы на страже девичьей чести, — пояснил Ярпен и, сделав шаг назад, попытался скрыться за спиной у эльфа. — Тьфу на них!

Мамушки тем временем окружили невесту: одна накидывала ей на плечи платок, другая опраивала зацепившуюся за голенище высокого ботинка юбку, которая задралась аж до щиколотки.

Все гости подошли к Сесилью.

— Приветствуем долгожданных гостей из Махакама в Вергене — столице Свободной Долины Понтара! — прокашлявшись, изрёк он.

Скален Бурдон выступил вперёд и громким официальным голосом представил сначала

своего дядю, а потом пошёл по гостям, начав с мамушек.

— Эклипсия Гоог, Исидора Фукс... — заунывно звучал его голос, и я отвлеклась, пытаюсь найти в толпе женщину в вуали, но та исчезла.

— Брунимора Гоог, — молодой краснолюд поклонился своей избраннице, и берет упал ему на лицо.

— Чтоб я так жил! — пробормотал из-за спины Киарана Ярпен.

Брунимора, чей скучающий взгляд блуждал по толпе, вдруг встрепенулась и, вырвав локоть из рук Эклипсии или же Исидоры, прошагала мимо Сесилия и остановилась перед нами. Ярпен вылез вперёд и приосанился.

— Да что ж тебя, сладенький, не кормили, что ли? — воскликнула Брунимора, глядя снизу вверх на Киарана, и приложила пухлые ладони к груди. — Такой длинный, а тощий, как кишка, ни дать ни взять!

Заострённое ухо Киарана едва заметно дёрнулось, но улыбка на ослепительно красивом лице не дрогнула.

— Вся надежда на вас, — глубоким баритоном произнёс эльф и подмигнул.

В тишине площади, заполненной краснолюдьми, звонким эхом разнёсся залиvistый смех Бруниморы.

Церемония встречи гостей продолжилась, а мы с Киараном протиснулись сквозь толпу и незаметно ускользнули. Быстрым шагом эльф вёл к замку Трёх Отцов. Приветливая улыбка слетела с его губ, а лицо стало озабоченным.

— Готов поставить пятьдесят крон, что эльфы не смогут так любовно договориться, как краснолюды, — он глянул на меня.

— Ты не найдёшь здесь никого, кто хотел бы поставить на противоположное, — усмехнулась я.

Он кивнул, придержав мне дверь. Из глубины коридоров доносился ровный гул голосов.

— Постарайся не привлекать к себе внимания, — мягко сказал он, взявшись за ручки дверей в зал собраний. — Они не знают тебя так, как знаем мы, и не упустят случая...

— Не оправдывайся, — тихо сказала я. — Я всё понимаю.

Он приоткрыл двери, и мы просочились в зал, заполненный скоя'таэлями, среди которых с удивлением я заметила нескольких краснолюдов. Вокруг двенадцатиугольного стола в три ряда расставили стулья, и за спинами скоя'таэльских командиров расположились доверенные члены их отрядов. Вопреки предосторожностям Киарана, все головы повернулись к двери, и гудение разговоров разом стихло. Исенгрим, сидящий за столом лицом ко входу, исподлобья посмотрел на меня, и я перехватила мимолётный взгляд Иорвета, который стоял справа от него, опершись на стол. Одетого в тёмную и неприметную одежду Исенгрима затмевал сиянием боевых доспехов сидящий по левую руку Яевинн. Лицо голубоглазого эльфа сохраняло непроницаемое и высокомерное выражение, и под его пристальным взглядом по стеночке я пробралась к незаменимой четвёрке Иорвета и уселась между Айвором и Анару. Перегнувшись через Роэля, Мона ободряюще потрепала меня по руке.

— Все в сборе, — сказал Иорвет, когда Киаран занял единственное пустующее место за столом справа от него. — Начнём.

— У меня вопрос, — раздался звонкий голос Верноссиэль, сидящей напротив Исенгрима. — Почему дело, касающееся исключительно эльфов, мы обсуждаем на всеобщем

языке, а не на Старшей Речи?

— Наше дело касается всех скоя'таэлей, — спокойным голосом ответил Иорвет. — И если бы ты, Верноссиэль, дала себе труд внимательнее оглядеться по сторонам, ты бы заметила, что среди нас не одни только эльфы.

— Ещё чего придумала! — воскликнул краснолюд в выцветшей пиратской бандане, сидящий рядом с Торувьель. Черноволосая эльфийка, как и вчера в таверне, безучастно глядела в пространство перед собой.

— Говорите на всеобщем, черти! — раздались голоса с противоположной стороны, где на двух стульях втиснулись в одно место за столом пара совершенно одинаковых скоя'таэлей-краснолюдов. Близнецы переглянулись, и один из них ударил кулаком по столу: — Не для того мы пёрлись сюда и потеряли пол-отряда, чтобы слушать ваше чириканье!

— Ты прав, Иорвет, наше дело касается скоя'таэлей, — раздался ледяной голос Яевинна, — но присутствие среди нас dh'oine вызывает закономерные вопросы.

— Среди нас нет dh'oine, — отрезал Иорвет. — Ведьмачка в моём отряде, и если бы не её помощь, этой встречи бы не было.

Исенгрим едва заметно покачал головой.

— У нас много разногласий и много вопросов друг к другу, — продолжил Иорвет. — Однако вы здесь, а значит, вас что-то заинтересовало...

— Уж точно не твои красивые глаза, — перебил один из близнецов-краснолюдов, а второй хохотнул.

— Не говорите за всех, — засмеялась Верноссиэль и задорно стрельнула взглядом в сторону Иорвета.

— Вы пришли сюда не ради меня. Вы пришли сюда ради Дол Блатанна, — повысив голос, сказал Иорвет. — Каждый из вас уже в курсе положения дел на Севере, и сейчас подходящий момент, чтобы вернуть отобранную у нас землю и чтобы отомстить.

— Даже если и так, даже если сейчас и подходящий момент, Иорвет, — вдруг заговорил молчавший до того эльф с волосами, как пух, обрамляющими светлым облаком его измождённое лицо. — Что будет с Дол Блатанна после того, как мы победим? Свободная земля для эльфов, краснолюдов и людей, как здесь? Если это так, то боюсь, что Франческа избрала не худший для эльфов компромисс...

— А я тебе говорила, — громко сказала Верноссиэль, обращаясь к Иорвету, — говорила, что союз с Драконоубийцей — это предательство!

Её провокационное заявление будто прорвало плотину — с задних рядов донеслись поддерживающие выкрики, краснолюды матерились, эльфы ругались на Старшей Речи. Иорвет скрестил руки на груди и невозмутимо смотрел на обращённые к нему гневные лица. Исенгрим молчал, исподлобья обводя присутствующих взглядом. Торувьель прикрыла ладонью лицо. Я почувствовала, как в груди закипела ярость — эти благородные эльфы напоминали стаю обезьян, кидающихся друг в друга экскрементами.

— Цирк с конями, — мрачно сказал мрачный Анару.

Киаран резко встал.

— Вы обвиняете Иорвета... — тихо и зло сказал он, и я не узнала всегда ласковый голос эльфа. — Вы так гордитесь тем, что выживали и не шли на компромисс, однако, пока вас убивали в лесах, Иорвет нашёл для нас место, где мы можем жить. Куда может прийти любой эльф, и его не прогонят, не будут преследовать!

Крики стихли, и в звенящей тишине слышно было разгорячённое дыхание спорщиков.

— За год в Долине Понтара собралось больше эльфов, чем во всех государствах Севера вместе взятых, — продолжил Киаран так же тихо, но каждое его слово звучало веско и отчётливо. — И не только скоя'таэлей! В Тиле работают эльфские ткацкие мастерские, в Калькаре близ шахт эльфы, которых вы не смогли защитить, куют лучшие мечи на Севере. Никто из вас не решился сделать то, что сделал Иорвет — добиться для нас мира!

Он оглядел всех. Висела тишина. Киаран сел.

— И какова же цена этого мира? — Верноссиэль всё не унималась, и я с силой вдавила в ладони пальцы, произвольно сложившиеся в Акси́й. — Склонить голову перед человеком?

— Нам не нужен мир, — жёстко сказал Яевинн. — Нам нужна Дол Блатанна.

— Говори только за себя! — вдруг вскинула голову Торувьель.

— Я считал, что имею право говорить и за тебя, Торувьель, — ярко-голубые глаза эльфа не отрывались от её бледного лица. — Меня не интересуют компромиссы с людьми. Всё, чего я хочу — чтобы мои скоя'таэли вернулись в Дол Блатанна. Я хочу, чтобы все эльфы вернулись в Дол Блатанна. Чтобы туда вернулась ты...

— А меня не интересует Дол Блатанна! — воскликнула Верноссиэль. — Пока там сидит моя мать и смотрит в рот Францеске, ноги моей не будет в этой гнилой богадельне! Вы предаётесь мечтам, но как только Дол Блатанна вернётся эльфам, она станет прыщом на заднице Севера, и рано или поздно Нильфгаард выдавит его. Нам выгоднее сражаться поодиночке. Малыми группами, в тылу врага. Мы должны быть мелкой вошью, которую невозможно извести!

— Зачем же ты вернулась, Верноссиэль? — вкрадчиво спросил Иорвет. — Я весьма ясно изложил в письме наши цели.

— Может быть потому, что ты попросил, да ещё и вежливо? — она с вызовом смотрела ему в лицо.

— Прибереги эту сказку для кого-то более доверчивого, — невозмутимо сказал Иорвет. — Зачем ты здесь?

— Пусть так, не верь. Тогда я назову вторую причину, и тебе она не понравится, — Верноссиэль поднялась и нагнулась над столом, буравя взглядом изуродованное лицо Исенгрима. — Если бы не он, меня бы здесь не было. А он молчит, будто в Зеррикании разучился говорить! Я здесь, чтобы посмотреть ему в глаза. Чтобы спросить — какого хрена он сбежал?

Её рука поднялась, обвиняюще указывая в лицо неподвижно сидящего Исенгрима. Вскочил сияющий Яевинн, вскочили белки в задних рядах, вскочили Мона и Роэль, и снова крики на Старшей Речи захлестнули зал. Я вдруг осознала, что впервые со времени попадания в этот мир безо всяких на то веских причин у меня разболелась голова — за левым глазом разрасталась и пульсирующими волнами отдавала в лоб свербящая боль.

— Мы так не договаривались! — кричали близнецы-краснолюды, тоже вскочив. — Грабануть сокровищницы Францески, купить оружия и свалить, так мы думали!

На близнецов кричал эльф с волосами, как пух, и незнакомая эльфийка по левую руку от него.

— Дайте же Иорвету сказать! — сверкая глазами, вскочила Торувьель. — Он собрал нас, дал нам кров, давайте же выслушаем его!

— Кров — это всё, что тебе нужно, Торувьель? — ядовито бросил Яевинн.

Исенгрим шевельнулся. Разжал сцепленные руки и хлопнул ладонями о стол. Как в

застывшей картине смотрели собравшиеся на сверкающий зелёным перстень в оправе из свернувшейся кольцом змеи.

— Довольно, — устало сказал он. — Я услышал всех.

Он встал, и медленно, подчиняясь его тяжёлому взгляду, один за другим опустились на стулья все присутствующие.

— Ни один из вопросов, прозвучавших здесь, не имеет отношения к делу, — сказал Исенгрим своим низким, хриплым голосом. — Не подлежит сомнению одно — Дол Блатанна должна стать нашей. Потом по традиции у каждого из вас будет время, чтобы высказаться. Будет время, чтобы убедить других в том, каким должно быть будущее нашего государства. Сейчас — не время. Сейчас каждый из вас должен решить и сказать в присутствии свидетелей — идёт ли он со мной и с Иорветом возвращать нашу Родину эльфам или нет. Пути назад не будет. Я жду.

Он сел, так и держа руки на столе, чтобы каждый видел сверкание эльфийского берилла на его пальце. Все молчали. Поднялся Яевинн.

— Я пойду за Исенгримом, — сказал он. — Я пойду за королём!

Один за другим поднимались эльфы, «Я пойду в Дол Блатанна», — говорили они.

— Я остаюсь в Вергене, — сказал краснолюд в пиратской бандане из отряда Торувьель и виновато посмотрел на неё. — Прости, сестрёнка. Нечего нашему народу делать в Долине Цветов.

Торувьель кивнула ему и поднялась.

— Я иду с Иорветом, — сказала она. — И с Исенгримом.

— Эльфы из нашего отряда сами выберут, идти или нет, — когда дошла очередь до близнецов, они поднялись оба. — Мы не пойдём, то ваша драка. Ежели сойдёмся в цене с Ярпеном, останемся тут, нет — так нет, наберём жирка и уйдём.

Последней поднялась Верноссиэль. Все смотрели на неё.

— Так уж и быть! — воскликнула она и махнула рукой. — Я хочу посмотреть, как перекосит лицо матери, когда она меня увидит. Идём в Дол Блатанна!

Иорвет сидел, сосредоточенно глядя на сложенные на столе руки, но по едва заметно и невидимо для других приподнявшимся кончикам его губ я поняла, что он улыбался.

ВЕРГЕН. И в конце все умрут

Прогулка от замка Трёх Отцов до эльфийского квартала ничуть не облегчила боль в глазу, начавшуюся на собрании скоя'таэлей. Эйлин зажгла ароматическую палочку, воткнула её в плоску с песком. Запахло летним стогом и перепревшей травой.

— Скоро полегчает, — дружелюбно сказала она. — Головная боль — не повод отменять занятие.

— Конечно, не повод, — тоскливо согласилась я и достала домашнее задание.

Приглушённый тканевыми экранами свет ламп резал налитые болью глаза. Эйлин прошлась со мной по каждому слову первой страницы баллады о прекрасной Эттариэль, заставила прочитать текст вслух, поправляя произношение. Через некоторое время боль и правда притупилась, и до наступления темноты эльфийка говорила со мной на Старшей Речи, начав с простейших тем, и попутно подмешивала в объяснения грамматику.

С урока в холодную ночь я вышла с разгорячённым и распухшим мозгом, вернувшейся головной болью и домашним заданием, которое следовало выполнить к восходу солнца.

Дверь в квартиру оказалась незаперта. Я растерянно вытащила ключ из замка, пытаюсь вспомнить, закрывала я его или нет. Сложила пальцы в Аард и, неслышно надавив на ручку, проскользнула в приоткрытую дверь.

Все имеющиеся в квартире свечи горели, просторная передняя комната превратилась в заставленный штабелями сундуков склад. Моя кровать была отгорожена ширмой, с которой свисали густая вуаль и одинокий шёлковый чулок, а на алом покрывале из-за ширмы виднелась чёрно-белая кружевная куча. Из кучи торчали согнутые в коленях, сложенные одна на другую голые ноги. Верхняя нога покачивалась, и по белой ступне ритмично похлопывал отороченный пухом элегантный шлёпанец.

Руки мои опустились, и я беспомощно переводила взгляд с кровати на заваленный книгами стол у камина с отодвинутой на край горелкой и обратно на кровать.

— Момент, мне надо завершить абзац! — раздался женский с лёгким грассированием голос.

В глаз будто с размаху воткнули гвоздь, и, разъярившись, я прошагала в дальнюю комнату — так и есть, узкая кровать в нише была застелена, и для пущей убедительности, что теперь она принадлежит именно мне, эфесами на подушке ровненько и красиво лежали рядышком мои мечи. Я швырнула на кровать эльфийские баллады вместе с переводом.

— Какого чёрта! — воскликнула я, вернувшись в переднюю комнату.

Схлопнула ширму, отставила её к стене и замерла, потеряв дар речи. Над кроватью в воздухе парил свиток, по которому мелким убористым почерком с невероятной скоростью выводило буквы летающее гусиное перо. Из-под свитка сердитыми серыми глазами на меня смотрела молодая женщина с раскинутыми по подушкам волнами тёмных волос.

— Я же сказала, один момент! — возмутилась она.

— Кто ты такая, и что ты делаешь в моей кровати?! — зло спросила я.

Закатив глаза, незнакомка сделала движение рукой, будто поймала комара, и свиток с пером опустились на покрывало. Мотнула ногой (пуховый тапочек улетел к стене) и поднялась, расправляя глухое чёрное бархатное платье, из-под которого виднелись пышные белые кружева рукавов и нижних юбок.

— Боюсь, между нами закралось драматическое недопонимание, — миролюбиво

сказала она, с легкой улыбкой рассматривая меня. — Милый Скален, который привёз нас сюда, уверял, что ведьмачка совершенно точно не будет против соседки по квартире и что совершенно точно она живёт в дальней комнате, что подтверждали вещи, находившиеся там. Поэтому мне и постелили здесь.

На её подвижном и выразительном лице, которое в иных обстоятельствах я назвала бы приятным и даже привлекательным, сморщился нос.

— Похоже, что матрас этой кровати выковали в вергенской кузнице, и клянусь, здешняя матрасная сталь ещё твёрже махакамской!

Я упала на стул у камина и облокотилась на стол, обхватив пульсирующую голову руками. Единственной мыслью, способной задержаться в больной голове, была мысль о том, что я ненавижу эту кружевную женщину, а заодно и Скалена Бурдона, и что теперь во всём Вергене не найдётся ни единого места, где мы с Йорветом могли бы остаться наедине.

— Марго Д'Альбер. Романистка, — деловито представилась она, и перед глазами замаячила узкая ладонь с длинными, выкрашенными в чёрное ногтями. — Не смогла пройти мимо шанса поближе познакомиться с настоящей ведьмачкой. Да к тому же мамушки ужасно храпят.

Я закрыла глаза, лишь бы её не видеть, и в тот же момент по лбу больно ударили пальцы. С грохотом опрокинув стул, я вскочила, намереваясь всё-таки пустить в ход Аард. Моя новоиспечённая соседка отшатнулась, а я вдруг поняла, что голова больше не болит. Совсем не болит.

— Спасибо, — буркнула я и подняла с пола стул. — Яна из Каэр Морхена. Ты чародейка?

— Могла бы быть, — ответила она. — Но моя магия в другом...

— Оказываться в чужих кроватях? — спросила я и даже удивилась, что яд не капает с моего языка.

Романистка запрокинула голову так, что копна волос перелетела за спину, и расхохоталась.

— Ты даже не представляешь себе, как ты права, — смеясь сквозь слёзы, выдавила она. — Мне надо это записать, не то забуду!

Она бросилась к кровати, пассами вызывая к жизни свиток и летающее перо, а я оглядела стол, и в моём просветлевшем мозгу созрел коварный план мести.

— Раз ты так любезно избавила меня от головной боли, я, пожалуй, займусь эликсирами, — сказала я, расчищая место для горелки.

Из своей комнаты я принесла сумку с ведьмачьими принадлежностями и плотно задёрнула за собой полог. На горелку поставила нагреваться колбу со спиртовым дистиллятом и мерной ложкой отсыпала в миски шесть частей квебрита (экстракта собачьей петрушки) и три части ребиса, получаемого из трупного яда. Эликсир Кошка казался именно тем, с чего следовало начать — в процессе уваривания квебрита в спирту выделялся слезоточивый и омерзительный анисовый запах.

— Ты мне ничуть не помешаешь, — благосклонно разрешила наглая девица и уселась рядом за стол. Свиток и перо парили неподалеку в полной боевой готовности. — Напротив, раз уж мне так повезло с соседством, я собираюсь выжать всю возможную пользу из каждой минуты рядом с тобой — фиксировать все подробности твоей жизни, стать твоей молчаливой тенью...

— Что?! — моя рука дрогнула, и на стол мимо горла колбы просыпался с мерной ложки

квебрит.

— Уже несколько лет я вынашиваю идею романа о ведьмаках, но не хватало фактуры. В центре романа красной нитью пройдёт любовь между опытным ведьмаком и юной ведьмачкой...

Подняв глаза от горелки, я с подозрением впила взглядом ей в лицо.

— Честно говоря, я считала женщину-ведьмака своим личным изобретением, — пояснила она. — Но теперь никто не посмеет обвинить меня в недостоверности! Это будет великий роман об изгоях, о тех, кого считают бесчувственными монстрами. Он покажет всю высоту любви, на которую не способен обыватель... Это будет бомба! В конце, конечно же, все умрут. Читатели будут рыдать, как сиротки.

Перо энергично заскрипело по бумаге.

— Так уж необходимо, чтобы в конце все умирали? — спросила я, с тайным удовлетворением наблюдая, как закипает спирт с квебритом.

— Совершенно необходимо, — убеждённо ответила она. — Иначе не проймёт. Хотя вот краснолюды заплатили мне вдвое, лишь бы в истории Бруниморы и Скалена был счастливый финал. Они ничего не понимают в искусстве.

— Ты пишешь любовный роман о краснолюдской свадьбе? — удивилась я.

— Жирный заказ от клана Гоогов, не смогла отказаться. Да и Новиград сейчас не лучшее место для молодой самостоятельной женщины, а к махакамцам не сунется ни один охотник за колдуньями.

Тонкой стеклянной палочкой я помешивала смесь в колбе. В глазах щипало, и по комнате пополз отвратительный анисовый запах. Чуть склонив голову, Марго внимательно и невозмутимо следила за моими манипуляциями.

— Пахнет не лучшим образом, — с притворной заботой сказала я. — Прости.

Она принялась, раздувая крылья носа.

— Я чую слабый, но весьма приятный аромат бадьяна, — наконец, произнесла она и полезла в карман платья. — Простыла в дороге. Красноту с носа я убрала, а вот лечение от насморка преподают только на втором курсе.

Задыхаясь от вони, слезящимися глазами я смотрела, как романистка Марго Д'Альбер расправила в руках кружевной платок, трубно высморкалась и с видимым удовольствием задышала витающим в комнате слабым, но очевидно весьма приятным ароматом.

Потерпев оглушительное фиаско в борьбе с соседкой, я доварила Кошку и ретировалась в свою комнату. Хотелось рыдать, и я решила, что домашнее задание по Старшей Речи будет отличным подспорьем в достижении этой цели.

Из соседней комнаты доносились бряцание замков и хлопанье крышек сундуков, потом звуки стихли. Я выписывала непонятные фразы и слова на бумажный лист и незаметно для себя так увлеклась переводом, что не сразу услышала, что за пологом тихо разговаривают.

— Яна из Каэр Морхена! — раздался ненавистный голос. — К тебе пришли!

Иорвет, выглядящий непривычно по-мирному в зелёном кафтане без кирасы и кольчуги, привалился плечом к стене и внимательно рассматривал резной орнамент над камином. Романистка, успевшая облачиться в шёлковый пеньюар (с неизменными кружевами), в свою очередь внимательно рассматривала Иорвета, да с таким видом, будто над головой у него сиял нимб, а за спиной шевелились крылья. Увидев меня, Иорвет молча кивнул на дверь.

Я захватила из комнаты тёплую накидку с капюшоном, пристегнула к поясу ведьмачий

нож. Иорвет толкнул дверь, и, выходя, я бросила взгляд на Марго — с опасно-одухотворённым выражением на лице та мечтательно смотрела нам вслед, а перо яростно строчило по зависшему над полом свитку.

На улице я, как спасённый утопленник, жадно задышала холодным свежим воздухом. Стояла глубокая ночь, и от яркой луны падали на мостовую наши длинные тени. Иорвет вопросительно приподнял бровь, и я могла поклясться, что он готов был засмеяться.

— Она проросла в моей кровати, пока меня не было, — буркнула я. — Скален решил, что я не против соседей.

Иорвет пробрался рукой под накидку и нашёл мою ладонь.

— Пойдём, — сказал он и потянул к тоннелю у выхода с площади.

— Куда? — спросила я. — Теперь нам некуда податься.

— Куда-нибудь, — ответил он. — Смотреть на луну.

Иорвет шёл неслышно, и я старалась ступать так, чтобы от шагов не доносилось ни звука. Город потерял привычные очертания и распался на лунно-белые и непроницаемо-чёрные геометрические фигуры. Мы шли по тёмной стороне, как невидимки, как призраки. Задержались в густой тени угла — мимо, бряцая оружием, прошагал патруль краснолюдов.

Дверь таверны хлопнула, невнятно бубня прошаркали голоса, кто-то громко зевнул. На стене, уперевшись лбом в древко секиры, дремал часовой. По кромке стены мы проскользнули за его спиной к тропке в скалы, которая по верхам вела ко входу в Тоннель Основателей.

— Видишь, нам всегда есть куда податься, — сказал Иорвет, когда мы выбрались наверх и спрыгнули на площадку под чахлым и кривым облетевшим дубом.

Со стороны Вергена площадку отгораживали мощные камни, а в другую сторону открывался вид на залитую лунным светом долину и белеющие палатки лагеря на берегу Понтара.

— Вижу, — засмеявшись, я сгребла в кучу сухие дубовые листья, уселась на них и хлопнула рукой возле себя. — Прошу.

Иорвет примостился рядом, хитро глянул на меня и достал из-за пазухи стопку листов.

— Твоя соседка, — сказал он. — Скален дал мне информацию обо всех, кто приехал в Верген, а на госпожу писательницу махакамцы и сами собрали полное досье. Я решил захватить его, когда Скален проговорился, что подселил эту даму к тебе.

— Ого! — я взяла записи. — У тебя есть досье на каждого жителя Долины Понтара?

— Я стараюсь знать как можно больше, — ответил он. — Обо всех.

— А на меня есть досье? — спросила я.

— Конечно же есть, — он склонился ко мне. — Только не на бумаге...

— Мне всё-таки любопытно почитать про Марго Д'Альбер, — сказала я немного погодя, легонько отталкивая эльфа. — Мало кому удавалось вызвать во мне ненависть в первую же минуту знакомства.

Иорвет поднял лицо к небу и, казалось, мечтательно рассматривал круглую белую луну.

— Хочешь, я убью её? — спросил он.

— Хочу! — ответила я.

— Хорошо, — сказал он, кивнув с совершенно невозмутимым выражением на лице.

— Погоди, ты ведь не всерьёз? — переполошилась я и вцепилась ему в рукав.

Иорвет скосил на меня глаз, по губам промелькнула улыбка.

— Ты меня разыграл! — воскликнула я, кинулась на него и повалила на подстилку из

листьев. — Ты — командующий войсками Долины Понтара не мог сказать такого всерьёз!

— И это говорит ведьмачка, советник первого ранга, которая пыталась отравить соседку чадом от эликсиров, — смеялся он, отпихивая мои руки.

— Мне это не удалось, так что совесть моя чиста, — мрачно ответила я, поднялась и собрала рассыпавшиеся листы. — Посмотрим...

При свете луны я пыталась разобрать путаный почерк в досье.

— Сорок восемь лет, — сказал Иорвет по памяти, вытянулся на листьях и заложил руки за голову, — дочь богатого темерского дворянина из-под Горс Велена. Способностей к магии нет, но щедрые пожертвования отца открыли ей двери в Аретузу. Окончила первый курс, на котором прошла инициацию и получила базовые знания...

— Как сводить красноту с носа и не стареть, — съязвила я.

— Не так уж и мало, — сказал Иорвет. — Потом её отец внезапно разорился — тёмная история, по слухам в этом виновата долгая тяжба из-за земли с соседом. Марго была тут же отчислена и выдана замуж за этого самого соседа, став его восьмой женой. В тот же год её отец умер при невыясненных обстоятельствах.

— Вижу, да, — сказала я. — От первого брака остался сын, местонахождение неизвестно. Дальше пропуск во много лет, дальше она вышла замуж во второй раз за графа Д'Альбера, которому на момент свадьбы было семьдесят пять лет. Опять пропуск...

В досье остался последний лист.

— Самый востребованный автор любовных романов в Новиграде, — прочитала я. — Контракт с издательством Маркуса Т. К. Ходгсона. Владеет двухэтажным домом в переулке за площадью Иерарха, двумя кобылами и крытой дамской повозкой, именуемой каретой.

Я отдала досье на романистку Иорвету.

— Ну её к чёрту, — сказала я. — Нельзя лишать краснолюдов великой истории любви.

Иорвет тихонько рассмеялся и, сев, достал трубку. Я придвинулась к нему под тёплый бок, и мы сидели и смотрели на ночь и на луну. Где-то далеко-далеко тоненько и тоскливо выли волки.

— На рассвете я ухожу, — сказал Иорвет.

Я молчала.

— Первый шаг сделан — скоя'таэли готовы идти в Дол Блатанна. Нам с Исенгримом надо встретиться с Эдваром...

— Хорошо, — сказала я.

— Со мной пойдут, как обычно, Анару с Айвором, Мона и Роэль.

— Ведьмак не будет нужен?

— Ведьмак всегда нужен, Яна, ты знаешь. Но...

— Перестань, — я обняла, оплела руками его грудь. — Я знаю.

Мы молча сидели, луна катилась по небу. Под накидкой, где мы поместились вдвоём, было тепло. Вдруг захотелось трепаться до утра, пока есть время, пока он не ушёл, и мы сидели рядом и смотрели на луну.

— А что с Айвором? — вспомнила я. — Он болен?

— Болен, — кивнул Иорвет. — Как и Саския. Я не отпустил его в Ард Дол. Он нужен мне здесь.

— Ты тиран и самодур, — сказала я.

Иорвет усмехнулся.

— Если его любовь не выдержит небольшой разлуки, то грош ей цена...

Луна падала в реку, в далёком лагере у Понтара погасли огни. Мы говорили про Верген и о том, что нас ждёт в Дол Блатанна, перемыли косточки каждому эльфу, краснолюду и человеку на Севере, и стало очень тепло, а снаружи холодно, и я поняла, что давно уже сплю. С сожалением поднялась с листьев.

— Обещай мне, — сказала я, осознавая, что прошу глупость, которую никто и никогда не слушает, но от которой становилось спокойнее, — обещай, что будешь осторожен.

— Я вернусь до Саовины, ты даже не успеешь соскучиться, — сказал Йорвет. — Обещаю.

Мы долго расставались на пороге моей квартиры, и потом Йорвет исчез в посеревших тенях. Мне не удалось пробраться в свою комнату незамеченной — при свете огарка свечи Марго сидела за столом и, запустив пальцы в шевелюру, с остервенением массировала голову. Перед ней лежал свиток.

— Я передумала! — заявила она, схватила свиток и протянула мне. Глаза её горели, волосы стояли взлохмаченной копной. — Ведьмак и ведьмачка — это слишком скучно. Нет конфликта!

— Неужели? — обогнув её, я проскользнула к себе и задёрнула полог.

— Ведьмачка и гордый неприступный скоя'таэль — вот где конфликт! — ничуть не смутившись, она отдёрнула полог обратно, зашла ко мне в комнату и, как пациент дома умалишённых — в белой сорочке и со всклокоченными волосами, вскинула руки. — Она — изгой, он — изгой...

— Он не изгой, — перебила я.

— Изгоним! — непоколебимо сказала она. — Гордость и предубеждение...

— О боже, — пробормотала я и вернулась к камину за свечой, чтобы от неё зажечь свечи в комнате. Я подозревала, что используй я Игни, от романистки не удалось бы избавиться до самого утра.

— Завязка такова — они сталкиваются в лесу, и он приставляет к её горлу нож... — продолжила Марго.

— И в конце все умрут? — съязвила я.

— Несомненно!

— Блестящая идея, — я надвинулась на неё, оттесняя за полог. — Но мне правда очень нужно спать. На рассвете у меня дела...

— Обязательно разбуди меня! — отступая, сказала она. — Я пойду с тобой!

Невнятно промывчав нечто убедительное, я, наконец, избавилась от соседки. На секунду мысль об её убийстве показалась невыразимо привлекательной. «Спать! Срочно спать!» — подумала я и забралась в постель. Под носом в углу тонко пахла лавандой и запахом весеннего леса оставленная Шани подушечка с травами.

ВЕРГЕН. Чужак против хищников

Даже профессиональный вор-домушник не смог бы сработать тише, чем я, когда умылась и оделась на рассвете и с зажатыми под мышкой книгами прокралась мимо ширмы к двери. Романистка не подавала признаков жизни и спала, уткнувшись лицом в подушку. Ключ не подвёл и провернулся в замке без лязга, дверь отворилась без скрипа.

Перед уроком по Старшей Речи я заглянула в кузницу Тита Сороки, работа в которой кипела.

— К полудню бомбы будут на кургане, — проворчал он. — То Ярпен ходит, то ты! Вы бы между собой договорились, что ли, чем меня отвлекать...

Эйлин беспокоилась. Ночью Неса так и не вернулась домой, и эльфийка мужественно начала занятие, но постоянно теряла мысль и дрожащими пальцами нервно теребила косу.

— Отложим урок, — решительно сказала я. — Раньше такое бывало?

— На ночь бывало. Отпрашивалась пару раз. Ночевали с детьми в лесу, играли в скоя'таэлей. Муж мой сказал, что беды в этом нет, всех чудовищ и хищников близ Вергена повывели. Сам он на охоте, к свадьбе нужна дичь...

— Ты говорила, что дети строят дом на дереве. А где? У меня есть время, я могу поискать.

— Правда? — обрадовалась эльфийка. — Мне, право, неловко...

— У меня есть время, — повторила я.

— Где сам домик, я и не знаю, — развела руками Эйлин. — Скорее всего, Юзефа подскажет — это мать лучшего друга Несы, его Дин зовут. Я и сама думала у неё спросить, да вот только...

Эльфийка замялась.

— Что только? — ободряюще переспросила я.

— Побайваюсь я её. Она считает, что Неса избалована и плохо на Дина влияет, от работы отвлекает. Может быть, она и права... — Эйлин виновато потупилась, а потом вскинулась: — Но они же совсем дети! Для работы вся жизнь впереди!

— Разберусь, — сказала я, придав голосу уверенности больше, чем испытывала сама.

Эйлин выдала мне поясок Несы — сплетённую из белых и красных нитей узорчатую тесьму, и передавая его, чуть не расплакалась.

— Паниковать рано, — твёрдо сказала я. — Обойди, пожалуйста, других матерей — быть может, они что-то знают. А я навещу эту Юзефу...

«И поговорю с Киараном», — думала я, направляясь к таверне, где работала мать Несинога друга.

Улицы кипели народом, с поросших пучками травы обочин и в закутках между домов возмущенно гоготали и хлопали крыльями гуси. По дороге от Махакамских врат удалялись от города телеги, груженные коваными изделиями кузнецов и оружием, навстречу сплошным потоком шли обозы с продовольствием из деревень. Перенаселённый город требовал еды. За пару крон трактирщик отрядил работника, который провёл через чадящий ад кухни, где в огромных котлах готовили кашу, а над очагами на вертелах подгорали окорока, потом через узкие коридоры и лестницы вниз. Мне казалось, что мы забрались глубоко под землю, но краснотол толкнул дверь в тупике, и мы вышли на воздух.

Круглый провал, окружённый вертикальными, уходящими ввысь скалами был заполнен

водой. Вода была прозрачной и синей, и сквозь неё было видно, что стены водоёма отвесные, а сам он бездонный. Высоко над головой на канатах висел гигантский чан — раз в день в нём поднимали лебёдками воду и наполняли цистерну на площади. Я пригляделась: действительно, мы не ушли далеко, край резного каменного козырька над входом в таверну виднелся у вершин скал.

Краснолюд повёл по выступу в стене к выдолбленному в камне широкому жёлобу, по которому скатывалась, бурля, вода из резервуара. Жёлоб уходил в скальную расщелину, и, спустившись вдоль него, мы вышли на площадку, где, согнувшись над бадьями, работали прачки. Над костром в жестяном поддоне грелись бульжники, под ногами хлюпала серая мыльная пена. По отвесной стене поднимались и опускались корзины с бельём.

— Юзка, к тебе! — крикнул мой провожатый и почему-то попятился.

— А ну, стоять! — от бадьи разогнулась краснолюдка с ребристым вальком-колотушкой в руке. На голове её тюрбаном был повязан платок, рукава рубахи засучены, и она надвигалась на нас, угрожающе постукивая вальком по ладони. — Уголь когда уберёшь, шельмец?

— Будет сделано, Юзечка, — забормотал краснолюд.

— И дров спусти, камни еле тёплые! Заставить бы тебя в ледяной воде стирать, негодник!

Руки у краснолюдки были красными, с распухшими и узловатыми суставами. Она замахнулась колотушкой, и работник, крикнув: «Сей момент!», припустил на выход. Вслед ему понеслись выкрики и смех остальных прачек, которые воспользовались перепалкой, чтобы минутку передохнуть.

— Тебе чего? — угрюмо осведомилась краснолюдка и направилась к бадье.

— Я ищу Дина...

— Как найдёшь, так передай, чтоб домой не появлялся! — перебила она, подошла к костру и, одной рукой подхватив на кованую лопатку бульжник, плюхнула его в бадью.

— Обязательно передам, Юзефа, — сказала я, — но мне нужно знать, где его искать.

Краснолюдка молча поднимала валёк и с размахом била по приподнятому над бадьёй белью.

— Ночевал ли Дин дома в последние три дня? — спросила я.

Юзефа разогнулась.

— Ты думаешь, мне есть время за ним следить? — грозно спросила она. — Ишь ты, Юзефа я ей! Так и скажи, что тебя эльфка подослала... Мой-то муж, в отличие от ейного, в битве полёг, мне некогда над дитятами крылами хлопать!

— Детей не было дома три дня, — твёрдо заявила я. — Я хочу их найти. Всё, что мне нужно — это информация, где они могут быть.

— Младший мой, Тим, знает, да только и он сегодня ни свет ни заря убёг, — краснолюдка вернулась к работе. — Ух, выпорю!

Некоторое время слышался только шум потока и тяжкие удары вальками по мокрому белью. Я ждала.

— Так и будешь над душой стоять? — наконец, спросила Юзефа.

— Мне нужна хоть какая-то зацепка, — сказала я. — Эйлин говорила, что дети строят дом на дереве...

— Эйлин, пф... — краснолюдка фыркнула.

— Ей дочка ничего не рассказала о том, где они играют. Может быть, вам сыновья

доверяют больше? — попробовала схитрить я.

— Конечно, доверяют! Кому, как не собственной матери, при безотцовщине доверять? — краснолюдка, наконец, остановилась и вытерла руки о передник. — Младший говорил, что к северу от старого гномьего столба тропа идёт, так они за ельником дерево нашли, с которого полмира видно. Больше ничего не знаю.

— Мне нужны какие-нибудь вещи Дина или Тима, чтобы найти их след.

— Я работаю, не видишь? — буркнула краснолюдка.

Глубоко вздохнув, я выровняла дыхание, чтобы в голос не проникло нарастающее от разговора с невыносимой собеседницей раздражение.

— Я заплачу за простой в работе, — сказала я и похлопала по мешочку с монетами.

Лицо краснолюдки побагровело.

— У меня ребёнок пропал, а она мне деньги суёт! — Юзефа пихнула мне в руки колотушку. — Сторожи бадью, а лучше постирай, пока я хожу, время теряю. А то руки белые, как у барыни...

Краснолюдка ушла. Я опустила пальцы в бадью. Вода была ледяной и ничуть не нагрелась от камня.

— Не бери в голову, — добродушно сказала прачка по соседству. — Она скоро обернётся, времени не потеряет — живёт рядом с таверной.

— Юзя-то на словах только грозная, — добавила худая женщина с другой стороны. — Как муж у ней погиб, так и крутится, чтобы пацанов на ноги поставить...

Краснолюдка и правда вскоре появилась. Забрала у меня из рук валёк и всучила лохматую игрушку — волчонка с вышитыми крестиками глазами.

— Из мужнина тулупа сделала, Дин с этим волчком каждую ночь спал, — пробурчала она, потом пожевала губами, посмотрела исподлобья: — Иди и найди наших детей, ведьмачка.

Дома я застала Марго перед зеркалом. В белых чулках и бархатном коричневом костюме из пышных панталон ниже колен и курточки до пояса она походила на пажа. В её руке был мой серебряный меч. На голове моя шляпа. Волосы заплетены в косу, как у меня. Она приняла красивую в её представлении позу, картинно подняв меч над головой.

— Я похожа на ведьмачку? — поинтересовалась она. — Смотри, вылитая ты, у нас даже глаза одного цвета! Я знала, что ты вернёшься за мечами, поэтому не в обиде, что ты меня не разбудила.

— Зато я в обиде, — перехватив её руку за запястье, я отняла меч и забрала с головы свою шляпу. — Никогда больше, слышишь, никогда не трогай мои вещи! Тебе очень повезло, что я спешу!

— Не вздумай убежать! — засуетилась она, полностью проигнорировав угрозу в моём голосе. — Я с тобой!

Второй раз за сегодняшний день мне потребовалось приводить дыхание в порядок. Вскинув меч, я коснулась остриём бархата на груди Марго.

— Давай-ка проясним отношения раз и навсегда — ты никуда со мной не пойдёшь, ясно?

Романистка, отступив на шаг, потянулась к столу и подала мне сложенный трубочкой с разломанной сургучной печатью свиток.

— Совершенно точно я пойду с тобой сегодня на обед в честь приезда махакамцев, —

сказала она, разворачивая лист перед моим носом. — Приглашение для нас двоих от Скалена Бурдона.

Я пробежалась глазами по свитку.

— Вот там и встретимся, — сказала я, опустив меч, и скрылась в своей комнате.

Оружие, эликсиры, доспехи из шкуры виверны — полностью подготовившись к вылазке в лес, а заодно и на курган, я подошла к двери.

— Удачи! — проворковала Марго, перед зеркалом заправляя волосы под аккуратный берет с пушистым свисающим пером цапли.

На ногах у неё уже красовались длинноносые туфли с блестящими пряжками. Я посмотрела на неё в зеркало многозначительно и надеялась, что сурово, и получила в ответ чистый, полный невинности взгляд. Дверью я постаралась хлопнуть как можно громче.

Киарана я нашла в палатке Яевинна вместе с другими командирами скоя'таэлей. Не слишком-то обрадованный моим вторжением, эльф вышел.

— Ты зря беспокоишься, — улыбнулся он, выслушав меня. — Но я пошлю гонцов по отрядам, чтобы они прочесали лес.

— И... — начала я.

— И мы проверим берег, — успокаивающе добавил он. — С детьми ничего не могло случиться.

Он вернулся в палатку, а я повела Тучу на выход из северных ворот. Пару раз мне показалось, что я видела в толпе маячащее белое перо, но рассудив, что за городом Марго не сможет меня догнать, поскакала галопом и вскоре забыла о ней.

«Старый гномий столб и ельник», — вспоминала я указания краснолюдки. Киаран подтвердил, что единственный столб, который подходил под описание, был на той самой поляне, где когда-то мы встретились с Иорветом, а потом расколдовывали Саскию. Про себя я поражалась спокойствию Киарана — поляна находилась на изрядном от Вергена расстоянии, далеко за прочёсываемой ежедневно территорией близ города. Еловый лес начинался ещё дальше, за узким ущельем, сквозь которое вела единственная тропа.

Туча, цокая копытами по камням, вышла из ущелья к тёмной опушке. Тропа уходила в лес, в гору. Спешившись и сняв перчатки, я села на колени и положила под левую руку пояс, под правую игрушечного волка. Закрыла глаза.

Темнота ударила под дых. Наотмашь, наповал, насмерть. Задавила плитой, сжала горло удушьем. Я силилась вдохнуть и не могла, и не могла пошевелиться в сковавшей меня тьме. Из горла давился хрип, становясь всё громче, всё страшнее, и, наконец, надорвался. Воздух кончился. Разом всё стихло.

Я лежала боком, щекой на камнях. Руки были скрючены, под обломанными ногтями набилась каменная крошка, будто я скребла землю. Видение было молниеносным и сокрушительным, и, как вырванный из кошмара человек, я некоторое время не шевелилась, пытаюсь убедиться, что с миром ничего не произошло. Лошадь безмятежно ждала в стороне и вяло обмахивала круп хвостом. Поясок и волчонок валялись рядом. Прежде чем прикоснуться к ним, я сосредоточилась, и ответила мне глухая, слепая тишина. Протянула руку, осторожно дотронувшись до пояска, и сосредоточилась вновь — ничего, словно орган чувств, который отвечал за ощущения в медитации, перегорел, как предохранитель.

Встала на четвереньки, на землю капнула кровь — бровь была рассечена. Согнувшись

над дорогой, на ощупь промыла рану водой из фляги и нанесла мазь. Ещё чувствуя себя контуженной, забралась в седло. Сомнений не оставалось — детей надо было срочно искать! Я пустила Тучу по тропе, уходящей в тёмный лес.

Дважды по дороге мне встречались развилки. Я бессильно прислушивалась к себе, не находила подсказки и выбирала ту дорогу, что вела в гору. «С дерева видно полмира, — размышляла я, — следовательно, оно на высоте». Места стали глухими. Ельник взбирался на плато, к которому невозможно было подобраться с противоположной от города стороны, поэтому шанс встретить патруль скоя'таэлей стремился к нулю.

За приглушённым постукиванием копыт по хвойной подстилке слышались звуки леса — то щёлкали ветки, то шелестело, будто от ветра. Я остановила Тучу — звуки исчезли. Уходящие в небо мрачные ели стояли неподвижно. На периферии зрения что-то мелькнуло. Показалось. Тропинка петляла, огибала скальные выступы склонов. Нехороший был лес, недобрый, совершенно неподходящий для детских игр. Даже сейчас, ясным утром, и даже без чутья, ощущалось в нём чьё-то присутствие, а по спине пробежал холодок, будто кто-то внимательно и давяще смотрел вслед.

Впереди между деревьев я заметила бурую кочку из тряпья или меха, издалека было не разглядеть, и в солнечном сплетении сжалось — неужели я нашла Тима? Подъехав ближе, прыгнула с седла. У тропы лежала мёртвая собака — крупная, рыжая, с оскаленными зубами. Шерсть вокруг порванного горла слиплась от крови, из вскрытого живота выпали внутренности. Труп был ещё тёплым. Встретить собаку так далеко от Вергена было странным. Характер ран указывал на хищников, скорее всего волков. Я вспомнила волчий вой, что мы ночью слышали с Иорветом, для спокойствия достала из ножен меч и направилась верхом дальше по тропе.

Мелькнуло справа — теперь уж не померещилось. Туча запрядала ушами и ускорила шаг без понукания. Перешла на рысь. Еловые ветки царапали лицо. Прижавшись к шее лошади, я оглянулась — между стволами скользили длинные серые тени. Точно, волки! Туча рванула с тропы в сторону и понесла в уходящий вниз распадок.

Волки уже не таились и широкими прыжками летели рядом. Они не нападали, а будто направляли лошадь вдоль оврага. «Загонщики», — думала я, что есть сил дёргая повод. Лошадь не слушалась и хрипя мчалась вперёд. Ахсый! Туча всхрапнула, мотая головой, разжала удила, но не остановилась. Мы скатывались с горы молчаливой серой лавиной, и слышно было только топот и храп лошади. Ахсый! Туча затормозила всеми четырьмя копытами.

— Не останавливайся, bloede arse! — вдруг услышала я крик и краем глаза заметила между деревьев тёмный силуэт всадника.

— Вот ещё! — прошипела я под нос и выбросила Аард.

Накачанная Аксием лошадь присела на задних ногах, а ближайший волк, поскуливая, отлетел в сторону. Никогда ещё я не видела таких огромных волков. Стая ощерилась, подходя ближе, и сжимала кольцо.

— А ну пошли отсюда! — заорала я, бабахнула Аардом слева, перехватила меч и выпустила огонь справа.

Волков было слишком много, и я надеялась, что встретив сопротивление, они отпустят добычу. Ещё один Аард, и несчастная моя лошадь заржала и встала на дыбы, молотя передними копытами по воздуху. Я вцепилась ей в гриву и, матерясь на чем свет стоит,

выпустила ещё один Игни. Сработало! По одному волки отступили и исчезли за деревьями. Я вытерла рукавом пот со лба и потрепала Тучу за шею.

— Зачем ты их прогнала?! Amadana! — раздался голос справа, и я увидела разъярённое лицо незнакомого мне эльфа в меховых одеждах.

Дура!

Он развернул прочь гнедого коня, на ходу убирая за спину лук, и в дополнение к своему непонятному вопросу обложил меня эльфийской матерщиной. Тут уж и я не осталась в долгу и вылила ему на голову существенную часть своих знаний по Старшей Речи.

Вдруг остановившись, эльф замер, опустил хищное лицо с тонким прямым носом к груди и вскинул ладонь. Я замолчала.

— Они нашли новую добычу, — процедил он и подстегнул коня. — За мной!

Ничего не понимая, я поскакала за незнакомцем, решив, что так или иначе нужно выбираться из оврага на тропу.

— Veloë! — крикнул он.

Быстрее!

Лес прорезал далёкий крик.

Лошади летели слаженно, как по прямой дороге. Эльф отпустил поводья, на ходу доставая лук, и, казалось, был с лошастью единым целым, как индеец из прерий, я же сосредоточилась на том, чтобы не задеть головой ветви и не свалиться.

Мы выскочили на тропу и рысью поскакали по ней обратно, справа промелькнул труп собаки.

— Het stráede, — сказал эльф, показывая рукой на следы волков на хвойной подстилке, ведущие вбок.

По этой дороге

Он пустил коня по следу, я держалась за ним, мучительно раздумывая, не маленького ли Тима выбрали волки новой жертвой после того, как отпустили меня. Если они не боялись нападать на вооруженного всадника, то что говорить о ребёнке, который шёл пешком! Я сконцентрировалась и шёпотом выругалась, с досадой убедившись, что чутьё и не думало возвращаться. Мы опять скакали вниз, по другому склону того самого оврага, куда перед этим гнала меня погоня. Эльф не терял следа, но почему-то не торопился, как будто не хотел догонять стаю раньше времени.

— Смотри! — крикнула я ему, указывая на валяющийся в стороне и белеющий на фоне земли пушистым пером берет. — Надо спешить!

— Они не нападут, пока не приведут жертву к засаде. Там всех убьём, — проговорил эльф, мельком глянув на берет, и грозно добавил: — Но не раньше!

Крик раздался вновь, и теперь к нему присоединился высокий волчий вой.

— Пора! — скомандовал эльф.

Мы вылетели на выкат оврага, где деревья расступились и посветлело. Посередине поляны, верхом на звенящем сбруей пони, визжала романистка Марго Д'Альбер. Пони взбрыкивал, отважно отбиваясь копытами от нападавших волков. Марго, как на родео, мешком подпрыгивала на его спине, и крик её обрывался каждый раз, когда коротенькие лохматые задние ноги пони взметались в воздух. В прыжке один из волков вцепился романистке в бархатные складки штанов и выдернул её из седла.

Я погнала Тучу по большому кругу, обжигая крайних волков Игни. Эльф пускал одну за другой стрелы в тех, что нападали на Марго. Я рубила мечом, перегибаясь с Тучи, и отгоняла

Аардом. Волки бросили романистку и с ожесточением ринулись в бой. На этот раз они не убегали, и вскоре я поняла почему — за молоденькими пушистыми ёлочками на опушке притаилось трое волчат. Марго затихла, сидя на земле около пони, и расширившимися глазами, которые занимали пол-лица, наблюдала за схваткой. Матёрая старая волчица подпрыгивала, пытаясь добраться до эльфа, и когда из всей стаи осталась лишь она одна, волчата выскочили из укрытия. Двое кинулись к пони, и тот отбросил их копытами, а третий с твankанием кружил вокруг коня эльфа, помогая матери. Волчица упала, пронзённая стрелой. Всё было кончено. Эльф соскочил с коня и вдруг, стремительно выбросив перед собой одеяло, снятое с седла, поймал волчонка.

— Хорошая собака будет, — сказал он, завязывая углы одеяла в тук. — Верная.

Марго, сидя на земле, незаметно отвернула в сторону лоскут бархатной ткани на порванных панталонах, чтобы в прореху было видно подвязку чулка на бедре, и выпустила из косы локон на лицо.

— Как тебя отблагодарить, спаситель? — в голосе её появились грудные модуляции, и она протянула руку, как для поцелуя.

Эльф закончил привязывать мешок с волчонком к седлу и развернулся. «Ну точно, индеец», — подумала я. Тёмные волосы были заплетены в длинные косы, скулы были острыми, лицо худое, с резкими чертами, и глаза опасные, чёрные. Он был красив, как все эльфы, но красотой дикой и необузданной, красотой хищника. Он прошагал мимо Марго к пони и потрепал того по мохнатой голове.

— Вот твой спаситель, женщина. Вернёшься в Верген, дай ему моркови.

Марго отфыркнула локон с лица и поднялась с земли.

— И всё же мне хотелось бы узнать твоё имя, — сказала она.

— Иолар с Синих Гор, из Свободных Эльфов, — ответил он.

— Я слышала про вас! — воскликнула Марго. — Вас называют Дикие Эльфы!

— Кто нас так называет? — Иолар усмехнулся. — Дикие dh'oine? Что они вообще могут про нас знать?

— Они, может, и не знают, а вот мне очень хочется узнать побольше, — сказала Марго, посылая ему выразительные взгляды. — Меня зовут Марго, а это Яна...

— Вы сёстры? — перебил эльф, оглядывая нас.

— Нет! Да! — воскликнули мы с романисткой одновременно.

— Единоутробные близнецы, разлученные в детстве, — промурлыкала Марго, — мне повезло в жизни больше, а вот мою сестру украли ведьмаки и сделали ведьмачкой.

— Почему ты кричал на меня? — спросила я Иолара.

— Утром волки выманили из лагеря и загрызли одну из наших собак. Мне нужна была наживка, чтобы найти засаду — в это время года волки обучают щенят охоте. зуб за зуб, теперь у меня будет новая собака, — он помолчал и кивнул на Марго. — Из твоей сестры наживка получилась лучше, чем из тебя.

Марго выпятила грудь и свысока посмотрела на меня, будто Иолар отвесил ей лучший в жизни комплимент.

— Я ищу ребёнка, — сказала я. — Утром он проходил в этих местах. Ты его не встречал?

Эльф задумался.

— Я видел его следы, — наконец, сказал он. — Я помогу тебе.

Вернувшись на тропу с мёртвой собакой, мы прошли назад до развилки, где я повернула не в ту сторону. Я вспомнила, что в Зеррикании в горах Иорвет упоминал имя Иолара, и решила, что он не стал бы звать в Верген того, кому нельзя доверять. Поэтому, поразмыслив, я рассказала Иолару о пропаже детей. Лицо эльфа посуровело, но он успокаивающе поднял ладонь.

— В этих местах охотилась всего одна стая, и утром они были заняты моей собакой, — сказал он.

Марго, подпрыгивая на спине пони, понукала его ударами пяток и пыталась втиснуться между Тучей и конём Иолара. Пони упрямо бежал так, как хотел.

— Мы пришли ночью, — сказал Иолар, — встали лагерем близ города...

— Вчера был сбор всех скоя'таэлей, — тихо сказала я, оглянувшись на отставшую романистку.

— Я знаю, — так же тихо ответил он. — Я встретил утром Иорвета с Исенгримом.

— О чём вы шепчетесь? — возмущённо спросила Марго, врываясь между нами. — Мы — одна команда, а в команде не должно быть секретов!

Тропа скоро растворилась в земле. Со стыдом мне пришлось признаться Иолару, что я потеряла чутьё. Он кивнул, соскочил с коня и повёл его под уздцы, внимательно глядясь под ноги.

— Слишком сухая и твёрдая земля, — недовольно сказал он. — Слишком маленькие ножки...

Внезапно остановившись, он перехватил из рук Марго повод пони. Позвякивание блях на сбруе прекратилось, и откуда-то послышался тоненький и тихий скулёж. Иолар похлопал по мешку с волчонком, тот в ответ тьякнул и забарахтался.

— Туда! — сказал эльф.

Мы шли на звук. Поскуливание не прекращалось. Хвойный лес поднялся на склон, и между деревьев забелело небо. Мы вышли на обрыв — снизу жёлтыми и бурыми пятнами уходил вдаль лес, перемежаемый торчащими островками скал. Звук был совсем рядом.

— Тим! — закричала я.

Мне ответил голос — захлёбывающийся от рыданий детский голос. В стороне на клином выступающем над обрывом уступе стояла мощная ель, высоко в ветвях которой виднелся настил из связанных верёвками палок.

— Я не могу-у-у! — слышалось оттуда сквозь всхлипы.

Приблизившись к дереву, Иолар посмотрел ввысь на корабельный прямой ствол, заметил верёвку, спускающуюся сверху. Подёргал за неё и вдруг подпрыгнул и помчался вверх. Ногами он будто бежал по стволу и быстро-быстро перебирал руками по верёвке. Через миг он уже исчез в верхних ветвях.

— Какой мужчина! — заворожённо прошептала Марго.

— Как насчёт истории любви успешной романистки и дикого эльфа с Синих Гор? — спросила её я.

— Почему бы и нет? — она вскинула на меня затуманившийся вдохновением взор.

— Только в конце все непременно должны умереть, — сказала я.

— Ничего подобного! В истории пикантных походов знаменитой романистки нигде не может быть поставлена точка. Ни один мужчина не заслуживает этого, — она хитро посмотрела на меня. — Но этот мужчина, несомненно, заслуживает отдельной главы, а то и двух.

Иолар показался над настилом из ветвей, осторожно переступил за край и не спеша спустился по верёвке на землю. На плечах у эльфа, обхватив обеими руками лоб и уткнувшись лицом в макушку, сидел малыш-краснолюд. Иолар занёс руки за голову и попытался снять его со спины, но мальчишка только крепче сжал руки.

— Открой глаза, — сказал Иолар и пояснил нам: — Он смог забраться наверх, но боялся спуститься вниз.

Мальчик послушался и, открыв заплаканные глаза на щекастеньком круглом лице, шмыгнул носом.

— Мы договорились не реветь, — строго сказал Иолар и поставил малыша на землю.

Тот кивнул, шмыгнул носом ещё раз и разрыдался.

— Тим, всё в порядке, ты на земле, — сказала я, присев перед ним на корточки.

— Не-е-ет, — рыдал он.

Эльф с видом мученика закатил глаза.

— Да что же вы стоите истуканами! — Марго, распихав нас, опустилась на колени и подхватила мальчонку на руки. — Поплачь, маленький, поплачь...

Она бормотала, а Тим обхватил руками её шею и рыдал в бархатную грудь.

— А теперь ты расскажешь добрым тётям и смелому дяде, что случилось, — ласково сказала Марго.

Маленький краснолюд всхлипнул, вытер нос о её куртку.

— Я хотел играть с Несой, Дином и другими, а они не пускали меня с собой, потому что я маленький и боюсь высоты! — с обидой в голосе воскликнул он. — А как я залез к ним в домик, чтобы доказать, что не боюсь, их нет!

Марго упреждающе зашептала, чтобы он не расплакался вновь.

— Друзья так не поступают, — сказала я. — Мне нужно найти Несу и Дина и сказать, чтобы они брали тебя в игру.

Тим радостно закивал.

— Где они? — вкрадчиво спросила я.

— Прячутся где-то. Дин знает, что мамка его выпорет, что он два дня дом не убирал, дрова не колот, воду не носил, кур не кормил... — он начал загибать маленькие пальцы.

— Бедный ребёнок, — вздохнула Марго.

Я распрямилась.

— Возвращаемся, — сказала я.

Мы нашли Тима, но ниточка, ведущая к Несе, оборвалась. Маленький краснолюд безапелляционно заявил, что хочет ехать с эльфом и никак иначе, и Иолар не стал спорить, одной рукой подхватил мальчика и усадил в седло.

На дороге, ведущей от Вергена к кургану, мы встретили телегу с бомбами, которую сопровождал Ярпен с отрядом краснолюдов.

— Янка, где ты шляешься?! — воскликнул он, потом его удивлённый взгляд остановился на Тиме, который ехал в седле перед эльфом.

— Дяденька Ярпен, смотри, как я высоко! — крикнул тот с восторгом.

— Высок репей, да ноги жиденькие, — проворчал Ярпен, с неприязнью рассматривая лицо Иолара.

Потом скользнул взглядом по одежде из шкуры с длинным тёмным мехом, перетянутой ремнями перевязей, по клинкам, притороченным к седлу.

— Проверим? — Иолар спрыгнул с коня и разогнулся пружиной.

— А то и проверим!

Ярпен бросил на телегу топор и вразвалку направился к эльфу, засучивая рукава. Краснолюды заулыбались и загудели в предвкушении драки.

— Дяденька Ярпен, а ещё у него волк в мешке! — объявил Тим.

Иолар потянулся и ссадил мальчика на землю. Тим подбежал к Ярпену и вцепился тому в штанину:

— Я тоже хочу волка, дяденька Ярпен, можно мне завести волка?

— Мать тебе такого волка заведёт — вой будет стоять по всему Вергену, — проворчал тот и поднял лицо на Иолара. — Некогда мне с тобой разбираться, у меня таких бездельников на очереди — полный курган. А ну, трогай!

Возница хлопнул вожжами, и телега покатила по дороге. Краснолюды разочарованно завздохали и зашагали следом. Иолар насмешливо смотрел на Ярпена. Тот сплюнул.

— Вечером помахаемся, — сказал он, — коли не засышь.

— Договорились, — спокойно ответил эльф.

Ярпен ещё раз сплюнул, растёр сапогом и обернулся ко мне:

— Янка, пошли!

— Я догоню, — сказала я.

Марго наблюдала за уходящими краснолюдами с таким видом, будто тоже была разочарована несостоявшимся зрелищем.

— Отвези Тима в Верген и отведи его к матери, — обратилась я к романистке, решив позже высказать ей всё, что я думаю про слезку за мной, и скрепя сердце добавила: — Пожалуйста.

— Но как же курган? — заволновалась она. — Мне непременно нужно запечатлеть схватку с трупоедами!

— Я тоже хочу к трупоедам! — воскликнул маленький Тим.

Иолар заинтересованно прислушивался.

— В следующий раз, — со всей твёрдостью в голосе объявила я. — И это не обсуждается.

Романистка с мольбой глянула на Иолара, но не нашла поддержки в его бесстрастном лице. Вздохнув, раскрыла руки в объятьях и усадила Тима на пони.

— Поедем, дружок, нас здесь не любят, — сказала она. — И они за это ещё поплатятся!

Позвякивая сбруей, пони направился в сторону Вергена.

Спешить, скорее! Внутренний зуд вынуждал подстёгивать лошадь. Иолар распрощался — эльфы с Синих Гор разбили лагерь близ поворота на катакомбы. Телегу с бомбами, сопровождаемую Ярпеном, я оставила далеко позади и мчала к патрулю скоя'таэлей, по дороге лихорадочно соображая, что делать дальше. Меня разрывало между заданием на кургане и поиском детей. Второе было несравненно более срочным и важным — я знала это, я помнила каждой клеткой тела кошмар в медитации. Однако чем я могла помочь? Чутьё возвращалось еле-еле, как начинают шевелиться пальцы парализованной руки, а без чутья я была не полезнее лопаты без черенка.

Разговор с эльфийкой, командиром патруля, остудил мой пыл, и я решила идти с Ярпеном на курган, как и было запланировано. Несмотря на кажущуюся беспечность, Киаран успел поднять всех вергенских скоя'таэлей на поиски детей. Белки обшаривали леса,

пещеры и старые шахты, протаскивали бредни по дну омутов вдоль берега Понтара.

Спешить больше не имело смысла, и, поджидая телегу Ярпена, я направила лошадь по дороге шагом. В умении находить следы в лесу соперничать со скоя'таэлями я не могла. Но у меня было нечто, чего не было у них — память о видении. В этом кошмаре был спрятан ключ, зашифрованное послание о том, где находятся дети. В нём были удушье, темнота, невозможность пошевелиться... Мысли возвращались к воде — похожий опыт я испытала, чуть было не утонув в бассейне в Ард Доле. Однако что-то не сходилось. В видении ещё был страх, и был он вязким и бесконечным, как потеря надежды, как ожидание неизбежного. Там пахло смертью. Кроме того, я была уверена, что дети живы, и они не смогли бы просидеть под водой три дня.

Из задумчивости меня вывел топот копыт, и верхом на своём гнедом жеребце из пролеска вылетел и догнал меня Иолар.

— В лагере скучно, — пояснил он в ответ на мой вопрошающий взгляд. — А в горах нет трупоедов.

— Вам повезло, — улыбнулась я.

— У нас есть эринии, грифоны... Есть ещё скальные тролли, — добавил он. — Тролли нас охраняют, с ними несложно договориться.

Мы помолчали, лошади шли бок о бок по тропе.

— Я слышал о тебе... — наконец, сказал Иолар.

— Откуда? — удивилась я.

— Мой названный брат, Рагнар, охотник из Ард Дола. Он рассказал, что Иорвет с ведьмачкой и отрядом побывал там летом. Я понял, что ты — это она, когда увидел твою ведьмачью магию, — ответил Иолар. — Ещё Рагнар рассказал, что вы вылечили воду...

— Было такое, — подтвердила я. — Расстались мы не слишком дружелюбно.

Эльф кивнул.

— Пару десятков лет ни тебе, ни Иорвету лучше не показываться в Ард Доле, — серьёзно сказал он.

— Про себя я могу это гарантировать, — рассмеялась я, а потом осеклась, вспомнив опрометчивое обещание, данное Наине, которому суждено было остаться неисполненным.

Мельком взглянула на Иолара, на его обветренное и загорелое от обжигающего горного солнца лицо.

— Почему вы не ушли в Ард Дол, раз знаете о его существовании? — спросила я. — Почему живёте в горах?

— Не все могут жить на одном месте, в тесных дворцах, среди толпы, — ответил он. — Нам нужен простор, нужна свобода. Края наши суровы, но за снежными пиками на высокогорных плато растут цветы. Там близко небо.

— Поэтому вы называете себя Свободными Эльфами?

— Не только, — сказал он. — Мы никогда не жили в плодородных долинах, никогда не сражались ни с dh'oine, ни с другими расами за землю. Мы всегда были и останемся свободными.

— Тогда я не понимаю, — сказала я, поразмыслив. — Зачем ты приехал со своими эльфами сюда, сражаться за Дол Блатанна?

— Зачем пойдёшь сражаться за Дол Блатанна ты, человек? — ответил Иолар вопросом на вопрос.

— Всё-то ты знаешь, — усмехнулась я. — У меня есть свои причины. И свой долг.

— Рука — часть тела, и разве рука не поможет телу, если ему грозит опасность? Мы — часть Aen Seidhe, и наш долг — помочь братьям и сёстрам, — высокопарно, как индейский вождь, произнёс он. Потом, подумав, приложил руку к груди, и на его хищном лице появилась вдруг мягкая и немного застенчивая улыбка: — Кроме того, у меня тоже есть свои причины.

Я посмотрела на него и, сама того не ожидая, расхохоталась. Загорелое лицо эльфа стало цвета красного дерева.

— Прости, — сказала я, успокоившись, — я слишком мало спала в последние дни, нервы ни к чёрту.

— Я думал, что ведьмачьим даром ты прочитала эти причины в моём сердце, — сказал он, и я могла поклясться, что он смутился.

— Они настолько смешны? — не удержалась я от вопроса.

— Были те, кто смеялся надо мной, — просто ответил Иолар. — Томление духа непозволительно для командира и лучшего охотника Синих Гор. Они говорили — неужели я не могу найти её среди своих?

Некоторое время я обмозговывала его загадочное заявление.

— Кого найти — невесту? — озарило меня, когда я вспомнила, как эльф прикладывал руку к сердцу и краснел.

— Её, — серьёзно поправил он. — Единственную.

Я ничего не ответила, и каждый погрузился в свои мысли. Остаток пути до кургана мы провели в молчании.

На пустыре горели смрадным дымом сложенные горками трупы чудовищ. Ярпен был в ярости. Свалившийся на голову Иолар встал ему костью поперёк горла, и только моё вмешательство и ропот в отряде, что лишний лук (особенно пришлый, который не жалко) не помешает, остановили новую свару. Ещё сердясь, Ярпен отцепился от незваного эльфа — ему аж зудело, как хотелось самолично заняться взрывами.

В провал полетело сразу три бомбы новой модели. На счастье я последовала совету кузнеца и отошла подальше — от взрыва из дыры выплеснулись чёрные брызги, и борода одного из краснолюдов превратилась в обожжённый огрызок пакли. Когда жидкость внизу прогорела, нам с эльфом выпала честь первыми лезть в провал. Краснолюды опустили шатающийся дощатый помост, с которого мы на пару расстреляли оставшихся в живых трупоедов в зале внизу. Иолар не пустословил, когда назвал себя лучшим охотником Синих Гор — каждый его выстрел достигал цели, и пока я перезаряжала арбалет, два или три чудовища падали со стрелой в глазу. Снова пришел черед бомб. Смесь, придуманная Титом Сорокой, работала безотказно, и вскоре все кладки трупоедов, налипшие по стенам и на полу в зале, были уничтожены.

Мы с Иоларом спустились в подземелье вновь, чтобы зачистить от чудовищ прилегающий коридор. Подоспевшие бойцы Ярпена помогали в ближнем бою, а потом мы бросали бомбы и уничтожали гнёзда. От грохота содрогались древние стены, и местами каменная крошка сыпалась со сводов.

Весь запас бомб израсходовали ещё до наступления вечера.

— Как раз к званому обеду поспеем, — благодушно сказал Ярпен. — Завтра продолжим.

— Хорошо, — сказал Иолар, приторачивая к седлу лук.

Ярпен снова взъярился.

— Тебя будто звали! Думал, если рядом поошиваешься, так я и про махач забуду? Ты завтра на койке лежать будешь, а не трупоедов бить.

— Или ты, — невозмутимо ответил Иолар.

Среди краснолюдов послышались смешки, а Ярпена от такой наглости чуть не хватил удар. Но, видимо, мысль об обеде и о том, что солнце уже давно перевалило за полдень и до сведения счетов осталось всего ничего, умиротворила его, потому что он разулыбался, сплюнул под ноги Иолару с весьма благостным выражением на лице и скомандовал краснолюдям сворачиваться. На сегодня работа на кургане была закончена.

Перед торжественным обедом я заглянула домой, чтобы смыть копоть и переодеться. На кровати Марго в беспорядке были разбросаны цветастые платья, самой её уже не было. Дома было тихо и хорошо, и не хотелось никуда идти. Я медлила, долго выбирая между двумя парами штанов и копаясь в невеликом числе рубашек, потом долго раскладывала одежду. В заднем кармане шорт что-то мешалось, и я достала восьмиугольную зерриканскую монету с раскинутым крыльями драконом и скомканное прощальное письмо Эскеля. Расправила бумагу. Чернила расплылись на пятне в центре то ли от каэдвенской водки, то ли от моих слёз. Я понюхала письмо — определённо это была водка. Усмехнувшись, бросила его в камин. Щелчок Игни, и оно вспыхнуло. Монету я оставила в кармане — из всего нашего с Иорветом зерриканского богатства она была последней. Остальные ещё в день приезда Сесиль Бурдон обменял мне по грабительскому курсу на новиградские кроны, и тогда я пожалела, что не оставила пару золотых профилей Виллентретенмерта на память.

Я смотрела в камин, на ярко-красные извилистые нити, которые пожирали бумагу и оставляли после себя чёрный хрупкий измятый комок. Я не думала про Эскеля, я думала про Иорвета. Про то, что у меня нет ни единой вещи на память о нём. Выпустила слабенький Аард, и сгоревшее письмо разлетелось серым пеплом. «Мне не нужны вещи, мне нужен он сам», — сердито решила я и тут же вспомнила, что на руке у меня есть то, что гораздо важнее любой вещи — наш знак, наша тайная связь. Раскрыв ладонь, я сосредоточилась и подумала, что никогда не пыталась концентрировать внимание на метке. Вдруг я смогу почувствовать Иорвета и узнать, что у него всё в порядке? Головой я понимала, что за неполный день пути с ним и отрядом ничего не могло случиться, однако сегодняшний день был таким длинным, что казалось, будто расстались мы на пороге моей квартиры с месяц назад. Закрыла глаза. Отзывчивая темнота вернулась, и хотя про Иорвета я не сумела узнать ничего, ярко вспыхнули во мне воспоминания об утреннем опыте. Чутьё восстановилось! Вскочила и заметалась по квартире, сердясь на себя — пока я теряю время, размазывая соплю, Киаран, возможно, разузнал что-нибудь, нашёл место, откуда следовало начать поиски, и теперь я могла помочь!

В Замке Трёх Отцов слуга проводил в украшенный тяжеловесным махакамским декором зал, в котором раньше мне не доводилось бывать. Горящая вереница рогатых канделябров на длинном столе разрежала приземистый зал на половины, и стены его терялись во мраке между толстых резных колонн. Мимо, чуть не задев меня плечом и не удостоив взглядом, прошагал на выход Яевинн, ведущий под руку Торувьель.

О том, что званый обед давно начался, недвусмысленно сообщал разудалый гул голосов. Вокруг стола сновали слуги с кувшинами и блюдами в руках. Меня провели к месту в начале стола между Ярпеном, который, судя по разводам копоты на бритой голове, явился на пир

сразу с кургана, и Иоларом, который вошёл в зал следом за мной.

Во главе стола сидела Саския с таким величественным видом, будто была она не на пиру, а полководцем на военном совете. На ней была боевая стёганая куртка, и казалось, что не хватало только стальных наплечников и нагрудника, чтобы она ударила железным кулаком по столу и повела собравшихся в бой. По правую руку от неё сидел Александр, который в своём чёрном бархатном дублете походил на благородного печального рыцаря, по левую — Киаран и Сесиль Бурдон. Далее в соответствии со статусом рассадили гостей — на одной стороне стола бородатых дядьёв, на другой — Брунимору в окружении мамушек. Невеста хохотала, слушая, как разглагольствует Ярпен, отклонялась с лавки назад и переглядывалась с женихом за широкой спиной одной из мамушек.

Справа от меня, сразу за Иоларом, приземлилась расфуфыренной столичной птицей Марго в пурпурном платье с бантами, а дальше вперемешку рассадили гостей из приезжих командиров скоя'таэлей, рыцарей Александра и краснолюдов. Из вергенских скоя'таэлей я не заметила никого — вероятно, все они были заняты поиском детей.

— И тогда эта золотая гадина как хлопнет крылами, как извернётся да как рванёт когтями пузо лошади! Тут уж мы оценили диспозицию здраво и, теряя портки, ринулись в горы, — Ярпен указал в потолок гусиной ножкой, которую сжимал в кулаке. Брунимора прыснула со смеху. — Мудрый командир...

— Ты, что ли, мудрый командир?! Был бы мудрым, вернулся бы в Махакам, не позорил бы клан Зигринов, — пробурчала одна из мамушек. — Лучше золото в земле, чем золотая гадина в небе.

Промычав что-то невнятное, Ярпен припал к кубку с вином.

Киаран был занят. Вместе с Сесилем, Саскией и Александром он изучал бумаги, переданные одним из дядьёв. Я приступила к еде, рассеянно прислушиваясь к разговорам, доносящимся с разных сторон, и выжидала момент, когда могла бы узнать у Киарана новости. Стол между тем ломился от яств: была тут и дичь, и жареные поросята со сливами, и фаршированная грибами щука, и судак, копчёный на осиновой щепе. Похоже, что ради пира Сесиль опустошил запасы посуды в казне: на стол вперемешку выставили медные, серебряные, золотые тарелки, блюда и кубки из разнокалиберных сервизов.

Справа от Иолара журчал воркующий голос Марго, и, судя по донёсшемуся до меня слову «трупоеды», она выспрашивала о подвигах эльфа на кургане. На меня романистка демонстративно не обращала внимания. Видимо, у неё появился более перспективный кандидат в герои романа, за каждым шагом которого стоило следить, что меня полностью устраивало. Чуть дальше Верноссиэль с азартом спорила с абсолютно пьяным молоденьким рыцарем, убеждая его, что кметы должны ненавидеть дворян, а не скоя'таэлей. Рыцарь вяло отбивался, не отводя глаз от её хорошенького личика, и утверждал, что они защищают народ, а эльфийка кричала, что не защищают, а пьют народную кровь.

— Как вампиры? — икнув, переспросил рыцарь.

— Хуже! — с революционным напором ответила Верноссиэль.

— Вы, значит, из нас стрелами кровь пускаете, а вампиры — мы... — обиделся рыцарь.

— Знавал я одного вампира... — начал Иолар и вдруг замолк на полуслове — за пустующее место напротив него вернулась за стол Торувьель.

На бледном лице эльфийки горел румянец. Присев, она склонилась к уху уже знакомого мне краснолюда в бандане из её отряда и покрутила в руке пустой бокал.

— Как интересно! Говорят, в Новиграде полным-полно вампиров, но по вполне

понятным причинам они скрывают свою сущность, — воскликнула Марго. — Расскажи же про твоего вампира!

Она прильнула к плечу Иолара, а тот будто окаменел и неподвижно смотрел на Торувьель. Черноволосая эльфийка, заметив его взгляд, усмехнулась и протянула ему бокал. Заторможенно, как голем, Иолар поднял руку и взял бокал. Торувьель расхохоталась.

— Вина ей налей, дурень! — воскликнул краснолюд в бандане.

Лицо Иолара покраснело, как тогда, утром, и, спохватившись, он налил вино. Марго, почуввав опасность, вновь попыталась перевести его внимание на себя. Слева послышались крики и взрыв смеха.

— Вот из-за таких вот, как ты, у молодёжи мозги и набекрень! — ругалась мамушка на осмелевшего от вина Ярпена.

— А мы как-то в недостроенной шахте играли! — Брунимора задорно покосилась на поджавших губы краснолюдок. — Хотели первыми жилу золота найти. Долбили-долбили, а там ничего...

— Да что вы только следы нашли, — снисходительно сказал Ярпен. — Золотишко мы детьми по склепам собирали, так надёжнее. Страшно было до тошноты...

— Да что же ты такое, шкодник этакий, говоришь! — мамушка всплеснула руками, а у меня перед глазами поплыли лица, освещённые пламенем свечей, и разговоры слились в белый шум. «Страшно до тошноты», «склепы» — слова Ярпена ярко высветили простое решение загадки, которое всё это время было под носом — мимо катакомб за сегодняшний день я проехала раза три. Едва удержавшись, чтобы не обнять краснолюда, я наклонилась над столом, пытаюсь поймать взгляд Киарана. Он, однако, всё так же был занят. Мельком огляделась по сторонам — мои соседи были заняты друг другом тоже. Момент, чтобы незаметно сбежать, был подходящим. Я выскользнула из-за стола — наконец-то нашлось дело и для ведьмака.

Весь путь от Замка Трёх Отцов до дома и от дома до катакомб я бежала — времени забирать Тучу из конюшни не было. У входа остановилась отдышаться, клятвенно пообещав себе возобновить пробежки. После битвы с нильфгаардцами тропа к захоронению не зарастала, вергенцы не забывали погибших родных и близких, однако сейчас, к вечеру, тут было пустынно и тихо, резные плиты над входом в катакомбы накрыла тень, и последние лучи солнца пронизывали жёлтым поредевшие кроны.

Войдя внутрь, я пересекла небольшой зал, оранжевый в свете подвесных жаровен. Гробница у стены скрылась под восковыми наплывами сгоревших свечей, единственный выход из зала вёл через каменный мост над пропастью. Когда-то здесь были первые вергенские рудники, город рос, и выработанные шахты приспособили под кладбище. Перешла мост. Черета горящих жаровен уводила в расчищенные после битвы штольни, где похоронили павших. «Возможно, дети решили найти могилу отца Дина», — подумала я, но тут же отвергла эту мысль — за три дня кто-нибудь из горожан обязательно бы их встретил. Оставался погружённый во тьму коридор, ведущий через ещё один полуразвалившийся мост к старым захоронениям. Мне стало не по себе. Выбрав место у стены, чтобы хоть со спины чувствовать себя защищённой, и не снимая перчаток, я достала поясok и волчонка. Положила их в метре перед собой и прикрыла глаза.

От знакомых ощущений прошиб пот, горло свело спазмом. Усилием воли я разлепила чугунные веки и носком сапога отбросила поясok и волчонка подальше. Сосредоточилась вновь. За ватной пеленой удушья и страха послышался тихий звук, будто круглая галька прокатилась по каменному полу. Я напрягла слух — звук повторился со стороны моста, ведущего к тёмному коридору.

— Что же, хоть какая-то определённости, — вслух сказала я для бодрости духа и тут же пожалела об этом: слова эхом отразились от пещерных сводов и вернулись ко мне чужими мёртвыми голосами. Выпив Кошку и озираясь по сторонам, я перешла мост.

Лестница спускалась в проход с низким потолком, ветхие деревянные опоры местами обвалились. Коридор вывел в круглый зал, где в нишах между вычурно украшенными резьбой саркофагами подбоченились коренастые статуи краснолюдских мадонн. На стенах через копоть проглядывали остатки древних фресок.

Медальон дрогнул — обострённым Кошкой зрением я заметила движение в склепе, отгороженном решёткой из стальных прутьев. По стеночке подкралась к проёму и заглянула внутрь. Возле саркофага в центре темнела в воздухе зыбкая фигура. С кольчужного капюшона по плечам и панцирю доспеха стекал и клубился чёрный дым. Я знала, кто это был — год назад в путешествии по катакомбам Геральт убил всех призраков, но пощадил дух знаменосца Бурой Хоругви.

— Кто здесь? — заревел трубный голос, дух повернулся, и из-под капюшона показался белый череп. — Чего тебе надо?

Отпрянув и прижавшись спиной к стене, я замерла.

— Взял ли Единорог Верген, ответь? — дух подлетел к решётке, через которую проникали завитки дыма, и от его низкого голоса мелко закололо холодом вдоль позвоночника.

Шаг за шагом я попятилась к проходу в соседний зал. Бесплотная рука в бронированной

перчатке появилась из проёма, прошла сквозь стальные прутья, будто пытаюсь ухватить меня, и я поняла, что решётку поставили для живых, а сам призрак не мог отойти от саркофага.

— Ответь! — донеслось до меня, но я уже сбежала.

Продышалась, унимая зашкаливающий пульс, и зажгла факелы на колоннах. В глазах появилась резь, но живые блики пламени разогнали кладбищенскую жуть подземелья. Из зала в противоположные стороны расходились два коридора.

Касаниями, на выдохах, я стала концентрироваться на лежащем в кармане пояске Несы, не допуская глубокого провала в медитацию — потерять чутьё в лабиринтах катакомб было бы катастрофой. Опять послышался странный звук, будто кто-то прокатил игральные кости по полу. Звук повёл в коридор, в котором по обе стороны в нишах стен лежали закутанные в саваны фигуры. Местами полуистлевшая ткань разъехалась, открывая то почерневшую бедренную кость, то грудину с осыпавшимися внутрь рёбрами. Я следовала за тихим постукиванием камешков, таким неуместным здесь и оттого жутким звуком, и прогоняла мысль о том, что этой дорогой до меня прошли маленькие дети. Что они забыли в древних катакомбах?

Коридоры выходили в залы и продолжались в толще скал. Саркофаги встречались всё реже, и только бесконечные ниши, как полки плацкартных вагонов, тянулись вдоль стен. Серые космы паутины свисали с потолка. Липкой от пота рукой я достала из ножен серебряный меч. Пошла, держа его перед собой и раздвигая лезвием пологи паутины в проходах. Всё больше мною овладевала уверенность, что я сильно сплупила, сбежав в катакомбы в одиночку и никого не предупредив. Там, в оживлённом Вергене, прогулка в заброшенные склепы казалась пустяшным делом, а сейчас единственным моим желанием было, чтобы рядом оказался хоть кто-то живой. Однако мысль о том, как страшно должно было быть детям, и о том, что здесь и сейчас только я могла помочь им, заставила проглотить страх. Я была взрослой, я должна была идти вперёд.

Поворот, ещё поворот. В одной из ниш приглушённо светился саван. Приготовив пальцы для Ирдена, я обошла неуспокоенного духа по большой дуге — Весемир утверждал, что если не тревожить тело, то велик шанс, что дух не обратит на живого никакого внимания. Слова старого ведьмака оказались правдой.

Коридор вывел в небольшой зал с тремя стоящими рядом пустыми гробницами и обрушенной лестницей, уходящей вниз. Судя по всему, когда-то она вела в нижние галереи катакомб. Прибегать к помощи чутья не понадобилось: выход из зала был сплошняком затянут паутиной, а с обломка балки над дырой в лестничном пролёте свисала верёвка. Я рассердилась — маленькие сорванцы знали, куда идут, и подготовились к вылазке в катакомбы. Подёргала за конец и, соскользнув по верёвке, спрыгнула на нижний этаж. Под ногами едва заметно качнулся в полу камень.

Низкий коридор, сложенный из блоков, своды которого я задевала шляпой, с одной стороны перегораживал завал. Тянуло сырым запахом, будто из запущенного и заросшего тиной аквариума. Я присела на корточки, почувствовав под сапогом что-то гладкое и чуть липкое, зажгла на ладони Игни. Пол был заляпан застывшими восковыми кляксами от свечей. Краем глаза заметив блеск, подсветила Игни ещё раз — в желобок у стены закатился белый стеклянный шарик. Когда я доставала его перчаткой из щели, он выскользнул из пальцев и несколько раз подпрыгнул с тихим каменным постукиванием.

Не рискнув концентрироваться на шарике, я положила его в карман и направилась прочь от завала. Скоро ход расширился, и по обе стороны, как в коридоре гостиницы,

появились каменные двери. У каждой двери из стены торчал деревянный рычаг.

Осторожно прислушалась — меня тянуло дальше по коридору, но любопытство пересилило, и я заглянула в щель не полностью задвинутой двери. Внутри крипты с полукруглым сводом стоял маленький, словно детский, саркофаг. «Захоронения боболаков», — догадалась я. Потянула за рычаг, и палка с хрустом отломилась. Перешла на другую сторону, где рычаг был потолще, нажала на него. Медальон зажужжал, как вибровознок телефона, дверь, содрогаясь и скрежеща, поехала в сторону, а под ногами неприятно зашатались камни. В открывшемся проёме я увидела, что противоположной стены и части пола у крипты не было — когда-то они обвалились, и в дыре бесконечным космосом чернела пустота. Саркофаг стоял в центре усыпальницы, наполовину нависнув над бездной. Выругавшись и проверив сапогом шатающиеся под ногами камни, я железобетонно пообещала самой себе, что ничего больше трогать не буду, и двинулась дальше. По всему выходило, что боболаки не использовали выдолбленные в толще камня шахты, как это делали гномы и краснолюды, а построили свой некрополь внутри гигантской подземной пещеры, которая была ниже шахт, и со временем галереи потихоньку обваливались на дно.

Во всех склепах по левую сторону коридора, в которые мне удалось заглянуть, не трогая рычаги, был обрушен пол и дальние стены — не выдержали опоры, которые держали сооружение со стороны пещеры. Я внимательно выбирала камни, куда ступать. Импульс от детских вещей в карманах стал настолько мощным, что мне не нужно было даже концентрироваться, чтобы чувствовать его, достаточно было только подумать, а думала я о детях постоянно.

Коридор с криптами боболаков вывел в зал, на другой стороне которого виднелась последняя, чуть приоткрытая, изукрашенная резьбой каменная дверь. Пола и левой стены у зала не было, и только выступающие деревянные балки с остатками перекрытий шли по правой стене к монолитному каменному порогу у двери.

В провале чернела стоячая вода. Вот, что подточило опоры... Поразмыслив, я сделала ещё один глоток эликсира Кошки — действие предыдущей дозы отпускало. Легла на живот на обрушенном краю у входа в зал и посмотрела вниз. Вода побелела, и на дне нижнего этажа под покровами бурой тины стали видны затопленные саркофаги. Некоторые были открыты. Я выпустила Игни, чтобы лучше рассмотреть нижний зал, раздался плеск, и по воде пошла рябь.

Осторожно, ползком, я двинулась по оставшимся камням вдоль правой стены, стараясь держать вес тела на балках. Цель была ясна: этот зал был тупиковым, и приоткрытая дверь вела в усыпальницу, где и должны были быть дети. Им больше некуда было пойти. Слева от двери я заметила рычаг, наподобие тех, что были в коридоре.

Тихонько, ощупывая руками камни, я продвигалась вперёд. Камни казались устойчивыми. Я встала и, прижимаясь ладонями к стене, преодолела последние метры до двери. Заглянула в щель — так и есть, по ту сторону был склеп, в центре которого стоял массивный, совсем не для боболака саркофаг, и виднелся только край крышки с лежащей на ней каменной головой в капюшоне. Попыталась пролезть в щель — слишком узко! Скинула куртку и мечи — никак!

— Неса! — крикнула я.

Молчание. Сконцентрировалась — они были там, вне всяких сомнений!

— Дин! Отзовитесь!

Потеряв надежду пролезть в щель, я, стоя на краю порога в усыпальницу, протянула

руку к рычагу — не достаю! Рычаг был каменным и резным, в виде жирной гусеницы с львиной мордой, и торчал перпендикулярно к стене. Похоже, что в этом склепе лежала важная шишка — богатым каменным убранством рычаг и дверь отличались от тех, что были в коридоре. Взяв в руки меч, я потянулась и плашмя придавила лезвие к рычагу. Силы нажать его не хватало. Продвинулась вперёд, одной ногой переступив с порога на торчащий из стены камень, приложила руки к лезвию и нажала ещё раз. Мне показалось, что рычаг шевельнулся. Навалилась руками на лезвие, и тут рычаг неожиданно легко подался вниз, загрохотало и завибрировало. Меч соскользнул, а камень под ногой дрогнул и вывалился из стены. Охнув, я попыталась в полёте зацепиться за рычаг, потом за стены, уже понимая, что попала, и, распластавшись медузой, плюхнулась в чёрную воду.

То, что я упала плашмя, спасло меня — бедром я больно ударилась об угол саркофага под водой, и было страшно подумать, что было бы, нырни я вниз рыбкой. Отплёвываясь и сдирая с лица склизкие плёнки водорослей, я поднялась на ноги и выловила шляпу. Вода доходила до груди. В руке не было меча. Затоленный зал был точно таким, как и наверху, одной стены у него не было, и за провалом расстилалось чёрное неподвижное озеро. Каменные плиты дна заканчивались в шаге от меня и обрывались в глубоководную бездну. Вода была ледяной.

Ногой я раздвигала оплетающую ноги тину, пытаюсь углядеть на дне меч. Тина распадалась на волокна, и вода стала мутной. В темноте у стены булькнуло, и мне показалось, что нечто дотронулось до бедра. Чуть не заорав, я задрогала ногами и вскарабкалась на крышку саркофага. Вода вновь стала гладкой.

Слева никого, справа никого — стоя по щиколотку в воде, одной ногой на лице, другой на сложенных на груди ладонях лежащей скульптуры почившего, я ждала. Вода струйками стекала с волос, и под кожаными штанами хлюпало. Никого.

Муть постепенно осела, и с высоты я заметила в воде металлический блеск лезвия, недалеко от соседнего саркофага. Долго выжидала, не двигаясь и не решаясь прыгнуть вниз. Вода была мёртвой и неподвижной. «Интересно, что сказал бы Йорвет, если бы увидел меня здесь», — подумала я, мысленно воспроизведя матерную тираду, которая, несомненно, последовала бы, и осторожно, стараясь не мутить воду, спустилась на дно. Шаг, другой, и в тот же момент белое голое тело, незаметно подплывшее по дну к ногам, выбросило вперёд руки и вцепилось мне в голень. Я ударила ногой, выпустила с кучей брызг Аард и судорожно топталась, пытаюсь нащупать подошвами на дне меч и рассмотреть что-либо во взбаламученной воде. Передо мной вынырнул худой и жилистый с молочной тонкой кожей утопец либо утопленник, и кулаком, с оттяжкой, я врезала в безгубую челюсть. Кожа на лице его лопнула, как шкурка гнилого яблока, голова мотнулась на тонкой шее, а я почувствовала под ногой круглое навершие меча. Сзади в плечи вцепились, в шею впились твёрдое и острое, и, локтем отпихнув ещё одного утопца, я, наконец, подбросила носком сапога со дна меч. Выпад — и из пропоротого белого тела полилась чёрная кровь.

Вода вокруг саркофагов вскипела, и, как стая голлумов за кольцом, пещерные существа ринулись ко мне. Одни безмолвно бежали по шейку в воде, загребая худыми руками воду, другие крались под водой по дну. Взлетев на саркофаг, я отбивалась отчаянно, отпинавая, рубя и отбрасывая знаками.

Счёт времени потерялся. Действие Кошки заканчивалось, и в темноте, как рыбы кверху брюхом, белели плавающие вокруг саркофага трупы. Я выиграла схватку и была жива, но

понятия не имела, как выбраться из затопленного зала. К тому же напомнил о себе холод, отступивший от притока адреналина, и начали стучать зубы.

Спрыгнув на дно и мечом расталкивая в стороны по воде трупы, я побрела к стене. Приспособила меч за пояс и попыталась зацепиться пальцами за щели в кладке стен. Сняла перчатки. Сейчас мне невероятно помогло бы мастерство скалолаза, но я им не владела. Раз за разом я начинала путь наверх, но как только тело оказывалось над водой, гравитация брала своё и, сдирая пальцы, я падала вниз.

Зал погрузился во тьму. Я забралась на саркофаг и дрожащими руками достала из мокрого пояса Кошку. Выпила, живот скрутило от яда, и, согнувшись пополам и пытаясь вытянуть сведённые судорогами мышцы рук и ног, ждала, пока приступ тошноты пройдёт. Посветлело.

«Ещё одна порция, и я сдохну прямо тут, — с отчаянием подумала я, оглядывая чёрное пещерное море. — Думай!» Лягушка взбила молоко в масло и выпрыгнула из горшка, а что могла взбить я? Построить из саркофагов и обрушенных фрагментов пола башню? Связать из жил утопцев верёвку и закинуть её на один из обломков балок, торчащих в вышине? Меня передёрнуло — не то от холода, не то от отвращения. Спрыгнув в воду, я догребла до стены, под которой на дне валялись камни с потолка. Поднырнула, попыталась ухватить один и едва сдвинула его с места. Складывать лапки, как неудачливая лягушка из байки, я не собиралась, но идею строительства отмела. В грудь плеснула волна.

Поверхность подземного озера колыхалась, будто что-то огромное и невидимое передвигалось в глубине. Я бросилась к спасительному саркофагу, и вдруг один из белых трупов утопцев, покачивающихся на поверхности, исчез, и только расходящиеся круги на воде доказывали, что мне не привиделось.

— Хотела от меня сбежать, да не удалось?! — раздался сверху звонкий с повизгиванием голос, и в вышине над провалом показалась голова с оранжевым нимбом от свечного огонька. — Я тут такого натерпелась!

— Марго, — выдохнула я, чуть не заскулив от радости. — Марго!

— Как ты туда спустилась?! — крикнула романистка и перегнулась декольтированной грудью через обрыв. — Я немедленно иду к тебе! Меня чуть не сожрали призраки, я испортила платье и... и...

Как всплывающая подводная лодка, из воды показалась глянцева мертвенно бледная спина кого-то колоссального, ушла вниз, и следующий утопек, хлюпнув, исчез под водой.

— И я сломала ноготь! — в голосе романистки звучала ярость.

Я поняла, что в темноте она не видела того, что видела я.

— Марго, слушай меня! — топчась по лицу скульптуры на саркофаге и старательно сдерживая истерику, закричала я.

— Как ты спустилась?!

— Около двери лежат мои вещи, там есть верёвка!

Декольте исчезло.

— Я не могу туда пройти! — завопила романистка. — Тут обрушен пол!

— Марго, прошу тебя, это очень важно! — я смотрела, как из-под воды всплыла оторванная кисть с куском предплечья, а чуть погодя поплавком вынырнула голова утопца, отделённая от тела.

Снова тишина, в которой вдруг раздался плеск упавшего сверху камня.

— Я не циркачка, чтобы скакать по стенам, я пишу романы! — донеслось оттуда.

— Если ты не доберёшься до верёвки, у тебя никогда не будет достоверного романа о ведьмаках! — я держала перед собой меч, понимая, что если та тварь, что пожирала утопцев, заинтересуется мной, никакие мечи и знаки мне не помогут.

— Я добралась! — немного погодя зазвучал музыкой голос Марго. — И нашла верёвку!

— Теперь привяжи её к прочной балке!

— Мне что, идти обратно?! Ни за что!

— Марго, прошу тебя! — груда утопцев заколыхалась, из воды вынырнула безглазая змеиная морда размером с холодильник, тараном бросилась на труп, подняв волны, и исчезла, и только над водой перетекало дугой бесконечное толстое тело. — Марго!

Мой крик отразился от стен. Сверху не доносилось ни звука. Ступня соскользнула со лба надгробной фигуры, и я чуть не упала в воду. Белое раздувшееся змеиное тело огибало по дну саркофага.

— Я спускаюсь! — услышала я, и на другой стороне зала около стены повис над водой конец верёвки.

— Нет! — заорала я что есть сил. — Я иду к тебе!

— Если обманешь и сбежишь, то пожалеешь!

Я ударила Аардом в сторону, надеясь отвлечь чудовище, и нырнула в мутную воду. Проскребла животом по дну, оттолкнулась ногами. Задыхаясь, вынырнула и, отталкивая и отгребая от себя воду, рванула к верёвке. Сосредоточилась на ходу и поняла, что не успеваю. Аард, ещё один в воду под ноги. Подпрыгнула, втыкая наугад меч в тело под ногами — и это было всё равно, что пытаться убить поезд. Чудовище вскинуло со дна дугой спину, я отлетела и плюхнулась в воду как раз под спасительной верёвкой.

— Ты там купаешься? — из какой-то параллельной вселенной раздался голос романистки, а в моей из-под воды выстрелило длинное толстое тело глубоководной змеи. Голова отклонилась назад перед ударом. Игни, и пещеру залило светом. Голова скрылась под водой, а я подпрыгнула, зацепилась за верёвку и, совершая спортивные чудеса, словно гусеница на стимуляторах, рванула наверх.

— Фу, ты мокрая! — Марго, которая взялась помогать мне вылезти, отпихнула меня, и я чуть было не свалилась обратно в бездну. — И это что, кровь?

Я отползла от романистки подальше и дышала, распластавшись на каменном полу.

— Знаешь, что писатели делают с теми, кто пытается их обмануть и сбежать?

Я повернула голову к Марго. Она старательно счищала паутину с мятых бантов на юбке, потом достала из глубокого кармана новую свечу.

— Я тебя не обманывала, — сказала я.

— Ты сбежала, — безапелляционно, как судья, приговорила она.

Я встала, покачиваясь. Посмотрела вниз, где плавали оставшиеся нерасчленёнными тела утопцев. Так или иначе, но несносная романистка спасла мне жизнь.

— Как ты меня нашла? — спросила я и в тот же момент с ужасом увидела, что все мои старания были напрасными — я нажала на рычаг, но вместо того, чтобы открыться, дверь на той стороне зала захлопнулась. От щели не осталось и следа.

— Небольшое заклинание для поиска пропавших вещей, весьма удобное в быту — я вечно не помню, что и куда бросила, — глядя на меня ясными глазами, ответила Марго. — Я наложила его на твою шляпу.

— Ясно, — проворчала я. — Пойдём, мне нужна помощь.

Осторожно и медленно с балки на балку мы перебирались обратно к плите у двери. Радио «Марго», не затыкаясь, транслировало передачу о тяготах жизни писателя.

— У тебя вся спина в крови, — добавила она, перепрыгнув за мной на порог, и прилепила горящую свечу на пол.

— Потом разберусь, — отмахнулась я и надела куртку и перевязь с мечами, чтобы они не мешались под ногами. — Нам нужно поднять рычаг.

С порога я смогла достать до рычага лишь кончиком меча, и силы не хватало, чтобы сдвинуть его с места.

— И как мы это будем делать? — с энтузиазмом спросила романистка, наблюдая за мной.

— Ты же чародейка, — сказала я. — Умеешь выслеживать шляпы. Наколдуй что-нибудь.

— Моя магия в том, что я создаю миры, а не занимаюсь базарными фокусами! — возмутилась она.

— Так создай такой мир, где этот рычаг будет поднят! — воскликнула я.

— Я обязательно создам его на страницах романа, но, к сожалению, на данный конкретный рычаг это никак не повлияет.

Внезапно я почувствовала, что силы покинули меня, и разозлилась.

— Ты совершенно бесполезна, — с досадой сказала я. — Правильно сделали, что выгнали тебя из Аретузы.

Романистка поджала губы.

— Я смотрю, что шпионы в Вергене знают своё дело, — ядовито отпарировала она.

— На каждого шпиона найдётся свой шпион, — не менее ядовито ответила я и осела на полу, привалившись спиной к двери.

Повисла тишина, Марго отвернулась и оскорблённо молчала. Потом достала свиток и перо, подкинула их в воздух.

— Как летает твоё перо? — тихо спросила я.

— Простейшее левитационное заклинание для мелких предметов, его преподают на первом курсе, — сквозь зубы ответила она.

Я достала из-под себя верёвку, снятую с балки.

— Сделай так, чтобы конец этой верёвки взлетел, — сказала я.

— Я не могу, что тут непонятного?! — крикнула Марго. — Я адаптировала это заклинание только для пера и свитка и не умею поднимать другие предметы!

Я вскочила на ноги, не собираясь отступать.

— Представь, что тебе нужно написать кончиком этого шнура букву О вокруг рычага. Какая разница, чем писать?

Она хмуро приняла моток из моих рук и сосредоточилась. Как юркая змейка, приподнял голову кончик верёвки и полетел к рычагу.

— Теперь рисуй загогулину вокруг самого шнура!

Кончик описал дугу, и верёвка затянулась петлёй вокруг рычага.

— А что дальше писать? — спросила Марго.

— Теперь нужен мощный росчерк вверх!

Марго вскинула руки, и верёвка слабо рванулась. Я плашмя приложила снизу рычага кончик меча, чтобы хоть немного помочь.

— На счёт два! — крикнула я. — Раз, два!

Верёвка рванулась второй раз, а я, рискуя снова упасть в пропасть, нажала снизу изо всех сил. Рычаг поддался и, сдвинувшись с места, легко ушёл вверх. Дверь загрохотала и отъехала в сторону. Снова стало тихо. Я смотрела, как Марго молча убирала в карман свиток и перо и на скорбно опущенные уголки её губ.

— Прости, — сказала я, чувствуя себя неблагодарной свиньёй. — Я была неправа. Они совершили большую ошибку, когда выгнали тебя из Аретузы.

— Твоя смерть в романе будет мучительной и долгой, — буркнула она в ответ, подняла на меня глаза и лучезарно улыбнулась.

Усыпальница была просторной и, за исключением саркофага в центре, казалась совершенно пустой. Чутьё, однако, кричало и вопило о том, что дети были рядом.

— Эмблема Риссберга, как интересно! — воскликнула Марго, показывая на выдолбленное на стене за гробницей панно в виде солярного знака, из центра которого вбок и вверх указывала стрела.

— Что это? — спросила я и пошла по периметру зала, осматривая невидимые от входа закутки за толстыми колоннами и бородами паутины.

— Ты должна это знать, — сказала Марго. — Именно в Риссберге чародеи провели первые эксперименты по выделению ведьмачьих мутаций...

За саркофагом я обнаружила запас свечей и сложенный из камней очаг. Над масляной лампадой на подпорках из плит был установлен глиняный горшок. Присев, я достала из горшка разорванные серебристо-белые кожистые оболочки от чего-то размером с апельсин.

— Яйца каких-то чудовищ, — пробормотала я.

— Дай-ка поглядеть, — Марго со свечой в руке направилась ко мне, а до меня вдруг дошло.

— Саркофаг! — воскликнула я.

Массивная крышка со скульптурой мужчины в чародейской мантии с капюшоном была чуть сдвинута. Я навалилась на неё, подскочившая романистка помогла, и с каменным скрежетом крышка отъехала. В нос ударил беспомощный и кислый запах мочи, а внутри друг на друге, вперемешку с дряхлыми мощами лежали, вытянувшись, дети. Они не шевелились.

Я перегнулась и подхватила на руки худенькое тельце Несы. Девочка была без сознания. Под ней был мальчик-краснолюд, должно быть Дин. В другую сторону головой, уперевшись лицами в ноги покойника, лежали в обнимку мальчик и девочка лет восьми-девяти из людей.

Мы уложили детей на каменный пол, и, выхватив фляжку, я смочила их сухие, в корках губы. Они были ещё живы, я нашла пульс под восковой тонкой кожей на шее у каждого, но никто из них не пришёл в сознание.

— Вспоминай всю целительную магию, что тебя учили, — потребовала я от Марго.

Она покачала головой, села на колени, расправив юбку, и приложила руку ко лбу Несы.

— Они обезвожены, их нужно выпаивать солевым раствором. Им нужен уход матерей, а не магия.

Я вскочила.

— Ты останешься здесь, — скомандовала я. — Я побегу за помощью.

Марго хотела было что-то сказать, но, глянув на неподвижные фигурки детей, кивнула. Я бросилась вон из склепа.

Я бежала так, будто за мной гнались все призраки подземелья. Вскочила на тропу,

ведущую к Вергену, подумала и рванула через лес к лагерю Иолара. Отблески костра на верхушках деревьев указывали путь в темноте. Залаяли собаки.

В центре поляны между расставленными кругом шатрами горел костёр. Над костром висел котелок, а около него на бревне сидели рядышком, привалившись друг к другу, и смотрели на огонь краснолюд Ярпен Зигрин и Иолар из Свободных Эльфов с Синих Гор. У их ног возвышался бочонок эля.

Ярпен увидел меня и разлепил заплывший, как слива, глаз.

— Янка, куда ты делась? Я хотел с тобой вы... вышить за трп... трпо... едов. Ну, раз ты здесь, давай кржку, налью! — проревел он, едва ворочая языком, потом повернулся к Иолару, вцепился в длинный мех его накидки и потряс. — Я те скажу, Янка, что этот парень — свой! Наш он, краснолюд... хотя врёт, что эльф.

Он отцепился от меха и поднял за запястье кисть Иолара. Ладони эльфа были забинтованы, а сам он, слегка покачиваясь, с глуповатой улыбкой смотрел вдаль.

— Во какие кулачищи! — гордо сказал Ярпен. — Мантикору этими самыми руками по сопатке, шкуру снял и наплчо...

— Кто-то ещё есть в лагере? — почти закричала я, высматривая в пустынной темноте между палатками хоть кого-нибудь в трезвом уме. — Мне нужна помощь!

— Никого! — Ярпен широко махнул рукой и чуть не упал с бревна. — Мы помахались и всех в город отправили. Псть гуляют! В замке гуляют, так и наши псть гуляют! Мы на часах. Бдим!

«Надо было сразу бежать в Верген к Киарану», — с отчаянием подумала я. Ноги подкашивались. На неподвижном и умиротворённом, как у Будды, лице эльфа промелькнул проблеск сознания, и его взгляд сфокусировался на мне.

— Я тебя знаю, — сказал он. — Я помогу тебе.

В голову пришла спасительная мысль, и я полезла в пояс.

— Вот и чудесно, — подхватив стоящие у их ног кружки, я выплеснула в костёр содержимое. Лошадиная доза отрезвляющего эликсира для краснолюда, чуть поменьше для эльфа. Развела водой. — Пейте!

— За Вргн! — провозгласил Ярпен.

Через пару минут новоиспечённые друзья блевали за палатками, и вскоре умытые, хмурые и с наполненными водой флягами были готовы. Иолар пригнал четырех коней, Ярпен забрался на спину своего с бревна, и мы поскакали к катакомбам.

ВЕРГЕН. Куда ты, туда и я!

Марго распространяла волны заботливости. В её представлении мы теперь были командой, а я — ключом в прежде закрытый для обеспеченной горожанки мир таинственных приключений и героических мужчин. В общем, она впиалась в меня клещом и, похоже, решила стать родной матерью. С утра квартиру успели посетить посыльные от зеленщика, пекаря, молочника и мясника, краснолюды приволокли кувшины с кипятком, а служанки из замка Трёх Отцов забрали нашу одежду, чтобы привести в порядок после вылазки в катакомбы.

Марго помогла мне промыть воспалившуюся и горящую рану от укуса на шее и бережно промакнула её тампоном с заживляющей мазью, а потом ловко наложила повязку. Её переполняли впечатления, и она говорила, не останавливаясь, и скоро в моей голове по кругу звенело «Иолар... Иолар... Иолар». Эльф, который на руках вынес двоих детей из катакомб, завладел её воображением, и ни Ярпен, который нёс крепыша Дина, ни я с Несой на руках не могли и близко сравняться с сияющим образом Иолара с Синих Гор.

Меня потряхивало и мутило от дозы Иволги, нужной, чтобы вывести из крови яд от укуса утопца, и я совершенно не находила в себе сил бороться с буйной энергией романистки, малодушно решив расслабиться и получать удовольствие.

После хозяйственных хлопот Марго нарядилась в похожее на торт розовое платье с воланами и улеглась на кровать. Я захватила из комнаты серебряный меч и шляпу и подошла к ней.

— Время работать, — сказала она, и над её грудью зависли свиток и перо. — Как тебе моё платье?

— Жуткое, — честно ответила я.

Марго расхохоталась.

— Ты всегда говоришь только правду? — спросила она.

— Да, — соврала я.

— Однако именно в этом платье у меня получаются самые романтические и м-м... проникновенные любовные сцены, — сказала она. — Зачем ты даёшь мне свою шляпу?

— Сними с неё заклинание поиска, — сказала я сурово, присела на край кровати и положила шляпу на усыпанный мелкими шёлковыми розочками живот романистки.

— Хорошо, — мило улыбаясь, легко согласилась она и тихонько зашептала.

— И меч не забудь, — я подняла его с пола.

— И меч?! Но как же я буду выслеживать тебя? — с обезоруживающей простотой воскликнула она.

— Ты не будешь выслеживать меня, — сказала я и вскинула ладонь, предупреждая новый поток слов. — Ты помогла мне вчера, я ценю это. Мы... команда, а значит...

— Куда ты, туда и я! — бодро перебила она.

— Нет. Это значит, что мы друг другу доверяем, — сказала я со всей убедительностью в голосе. — Я обещаю, что буду брать тебя с собой, когда смогу. А ты обещаешь, что не будешь лезть в мою жизнь...

— Я не лезу в твою жизнь, я собираю материал!

— Ты меня душишь! — воскликнула я.

Марго замолчала, рассматривая потолок.

— Тогда ты должна обещать, что будешь говорить со мной, — сказала она, — а то похоже, что ведьмачьи мутации напрочь отбивают способность к диалогу. Я уже утомилась выводить тебя на разговор.

Я в изумлении смотрела на Марго.

— Ты болтаешь, как заведённая, только ради того, чтобы я с тобой говорила?

— А ты как думала? К каждому нужен индивидуальный подход.

— Твой подход не работает, но я обещаю, — ответила я и многозначительно показала глазами на меч.

— Договорились, — вздохнув, она зашевелила губами.

Виго Бамберг взмахнул цепочкой с жестяным окуривателем на конце, и за тем, как за кадилом, прочертился в воздухе дымный, с горьким древесным запахом след.

— Гармала или, по-нашему, могильник, — пробормотал травник, поглядев на меня, будто я требовала от него пояснений. — Дитя слишком долго пробыло рядом со смертью... Во всех смыслах.

Согнувшись над высоковатым для него стулом и сверяясь с этикетками выставленных бутылок, низушек написал для Эйлин инструкцию. Кротко, но с достоинством поклонился и ушёл.

Эльфийка бросилась ко мне, молча сжала в руках мои ладони.

— Как она? — шёпотом спросила я.

— Опасность миновала, слава богам, — на бледном лице Эйлин расцвела улыбка. — Доктор сказал, что если бы они провели в усыпальнице ещё хотя бы ночь, то он был бы бессилён. Ты так вовремя их нашла!

Я присела на краешек постели Несы. Девочка казалась мирно спящей фарфоровой куклой с полупрозрачной бледной кожей.

— Она приходила в сознание? Говорила что-нибудь? — спросила я и легонько прикоснулась к белым холодным ладошкам Несы, сложенным поверх одеяла.

— Д-да... — ответила Эйлин неуверенно и откупорила одну из бутылок, оставленных травником. — Она кричала во сне.

— Я не понимаю, как они очутились в саркофаге, — сказала я и поднялась. — Но ничего, узнаем, когда Неса придёт в себя.

— Она бормотала, что Дин спас их от серебряной змеи, и ругалась на какого-то дракона, который их предал. Сорвала с шеи свой любимый амулет... — эльфийка достала из-под подушки девочки зерриканскую монету на шнурке, а потом смутилась и покачала головой. — Ох уж эти постоянные игры Несы в драконов и в эту змею, они не довели до добра.

Склонившись над постелью дочери, она поднесла к её губам крохотную ложечку с раствором и ласково отвела со лба белокурую мягкую прядку волос.

— Я могу что-то сделать для тебя? — спросила я, чувствуя себя неловко и лишней. — Принести чего-нибудь — еду, воду?

— Ну что ты, Яна, — Эйлин обернулась. — Мне помогают. Это я должна тебе! Даже не знаю, что было бы, если бы...

— Всё хорошо, Эйлин, — успокаивающе сказала я. — Ты мне ничего не должна.

— Должна и ещё как! — произнесла она решительно, и в её голосе появились знакомые мне стальные учительские нотки. — Приходи вечером, и, клянусь, если ты не заговоришь к

Саовине на Старшей Речи, ты поселишься у меня и будешь жить тут до тех пор, пока не заговоришь!

— Но как же Неса? — спросила я, ужаснувшись перспективам непрерывных разговоров и теперь не только с Марго.

— Ей пойдёт на пользу, если рядом будут звучать живые голоса, — ответила Эйлин непреклонно.

Потом, узнав, что я собираюсь навестить Дина, эльфийка вручила мне три вышитые шёлковые подушки, набитые лекарственными травами и мягким пухом.

— Я не решилась сама подарить их Юзефе, — сказала она, и в её голос вернулись робость и неуверенность, так свойственные самой Эйлин, но так несвойственные Эйлин-учительнице. — Мне хочется что-то сделать для неё, её мальчик так любит Несу...

Я пробиралась сквозь толпу с зажатыми под мышками подушками и хотела, всей душой хотела, чтобы побыстрее пришла Саовина — праздник нового года и начало тёмного времени у эльфов, ночь страха и упырей у кметов и день поминовения мёртвых у краснолюдов. Для меня же это был день, когда обещал вернуться Иорвет. «Саовина будет в ближайшее новолуние, — думала я, не замечая прохожих, пинающих меня в растопыренные локти, потом вспомнила полную Луну позапрошлой ночью, когда мы прощались, — а значит, до неё осталось чуть меньше двух недель». Две недели, заполненные непрерывным вниманием Марго и интенсив-курсом по Старшей Речи! «Я точно не соскучусь, — мрачно подумала я и постучала в низкую деревянную дверь квартиры Юзефы. — Я просто рехнусь».

— Не заперто! — крикнули с той стороны, и, неожиданно оробев и пригнув голову, чтобы не удариться о притолоку, я вошла.

Глазам потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к мраку квартиры, освещённой единственной лампадой да переливающимися углями в камине. Длинная комната была разделена перегородкой, и в глубине в свете лампы виднелись ниши кроватей, одна над другой, с матрасами из соломы. Согнувшись над нижней кроватью, сидела Юзефа.

— Сапоги сними, — пробурчала она неприветливо, налила в ложечку отвар из бутылки и поднесла к изголовью.

Я повиновалась и с подушками в руках пошла по полосатым домотканым половикам к кровати. На столе рядом стояли корзины с едой и пирог под полотенцем — вероятно, Юзефе тоже помогали. Чисто вымытый каменный пол блестел. За стенкой тихонько напевал детский голос, и слышалось квохтание кур.

Подойдя ближе, я, наконец, рассмотрела Дина. Он не спал и, старательно вытянув губы,пил с ложечки. Лоб его был покрыт испариной.

— Тётяшка ведьмачка, вы видели Несу? — севшим, как от простуды, голосом спросил юный краснолюд, увидев меня.

— Какая тебе ещё Неса, — проворчала Юзефа, протянула руку и убрала с его лба прилипшие вихры волос. — Пей.

— Доктор сказал, что с ней всё будет в порядке, Дин, — ответила я и опустилась на корточки около кровати. — Её мама передала вам подарки.

Юзефа долго, неподвижным взглядом смотрела на шёлковые подушки, и я уж решила, что за этим последует взрыв. Однако с тяжёлым вздохом она поднялась, приняла подушки из моих рук и, встав на цыпочки, закинула пару на верхнюю койку, а одну взбила и подложила

под голову Дина, рядом с лохматой игрушкой волка, которую я вернула вчера. На круглых щеках мальчика появились ямочки.

— Прохладная, — заулыбался он.

— Можно я задам Дину несколько вопросов? — обратилась я к Юзефе. — Мне не совсем понятно, что произошло в подземельях.

— А вы не будете ругаться, тётенька ведьмачка? — жалобно спросил Дин.

— Вот ещё, — буркнула Юзефа. — Я ей поругаюсь! Для того, чтобы ругаться, у тебя есть мать.

— Я не буду ругаться, — сказала я, рядом с краснолюдкой чувствуя себя провинившейся неизвестно в чём маленькой девочкой. — Я хочу понять.

Дин кивнул.

— Начнём с самого начала. Зачем вы ходили в катакомбы?

— Так вы не первый раз там были?! — воскликнула Юзефа.

Дин умоляюще посмотрел на мать.

— Ладно, ладно... — сказала она. — Я потом с тобой поговорю, по-своему, когда выздоровеешь. А сейчас отвечай ведьмачке и ничего не таи.

Она поднялась, стянула сверху одну из подушек и ушла в глубину комнаты за перегородку. Я выдохнула с облегчением, перебралась поближе к кровати. Дин снизил голос до шёпота.

— Главное, чтобы Тим не услышал, он ещё маленький для таких дел.

Я серьёзно кивнула, и Дин продолжил:

— Мы ходили в катакомбы, потому что Неса хотела найти для всех Воинов Дракона такие же красивые мечи, как у неё, — сказал Дин.

Жар бросился мне в лицо — похоже, что подаренный мною наградной стилет сыграл не последнюю роль в происшествии с детьми.

— Кто такие Воины Дракона? — тоже шёпотом спросила я.

— Это мы вчетвером. Неса — она главная, у неё есть амулет, я, Янчик и Маришка, — ещё тише, чем я, ответил Дин. — Ух, и страшно под землёй было, когда мы там выслеживали. Нашли мечи, но все огромные и ржавые... И призрак на нас бесился, но мы его не дразнили, только Янчик чуть-чуть...

Дин хитровато поглядел на меня, пытаясь вычислить реакцию на его слова.

— И что было дальше? — спокойно спросила я.

— А потом мы пролезли в тот склеп с дядькой в капюшоне. Думали тут-то нам и повезет. Сдвинули крышку, а там... — он замолчал.

Юзефа вернулась из своей половины комнаты и захлопотала у стола.

— И что там?

Дин привстал и жарко зашептал мне в ухо:

— А там — яйца Серебряной Змеи!

— Так это вы вытащили их из саркофага?! — я вспомнила очаг и горшок с серебристыми оболочками, и кожу продрал мороз. — Они были целыми?

— Целёхонькие, — ответил Дин. — Мы их высиживали в горшке целую неделю — проводывали каждый день и доливали масло в горелку. Неса хотела, чтобы у каждого из нас была своя серебряная змея. Чтобы мы их приручили.

Я молчала, а Дин откинулся обратно на эльфийскую подушку.

— А потом мы пришли и нашли скорлупки яиц, и... — его голос задрожал.

— Всё позади, — тихо сказала я и взяла его за руку. — Я ведьмачка, мне можно рассказать.

— Из углов выползли серебряные змеи! У них были ноги! И зубы! И глаза горели, как угли! Они были такие страшные! — Дина начала бить дрожь, а я испугалась, что Юзефа вернётся и прогонит меня. — Мы прыгнули в гроб к мертвяку, я упёрся спиной и задвинул крышку. Она была тяжёлая, но я был очень сильный...

Дин замолчал, и молчала Юзефа, которая подошла к кровати с полотенцем в руках и смотрела на сына.

— Ты поступил, как герой, — ободрила я.

— Нет, — он горько помотал вихрастой головой. — Мы были там долго-долго и боялись выходить, Неса звала Дракона на помощь, но он не пришёл. А потом она перестала звать... Было темно, очень долго было темно. А потом затряслось, и я проснулся. Гроб дрожал, и было очень страшно.

«Это мы вчера взрывали бомбы на кургане!» — подумала я.

— Я хотел открыть крышку, но не смог сдвинуть её обратно. Я стал очень слабый... Никто больше не шевелился, а я не смог. Я всех подвёл. Я не дракон.

Последние слова он прошептал.

— Ты не дракон, но ты всех спас. Неса тоже так считает, — сказала я и поднялась. — И мне ты очень помог.

Мальчик устало прикрыл глаза, а краснолюдка промокнула его потный лоб влажным полотенцем.

— Шпана, — пробасила она ласково и запустила руку в карман передника. — На, отнеси его подружке гостинец.

Я взяла лохматого зайца с глазами крестиками, очень похожего на игрушечного волка Дина.

— Из мужнина тулупа сделала, — сказала краснолюдка и молча смотрела мне вслед, пока я надевала сапоги и прощалась. Я тихо прикрыла за собой дверь.

Трупоеды исчезли, и только пузыри кладок яиц в слизких плёнках напоминали о том, что ещё вчера в древних шахтах царило оживление, словно в метро в час пик. Мы с Иоларом проверили каждый из расходящихся в стороны коридоров до самого конца, куда можно было пройти: до тупика, нагромождения камней или провала, но ни гнильцов, ни накеров, ни гулей с альгулями не было видно и в помине.

— Но как же так? — вопрошала Марго, которую я взяла с собой, и которая на этот раз оделась в соответствующий поводу и последним модам дамский охотничий костюм. — Ты мне обещала, что я увижу альгуля!

— Поройся в куче, — Ярпен кивнул на дотлевающий костёр с останками трупоедов. — Там и увидишь.

Марго скривилась и зажала уши ладонями — краснолюды в пустынном подземелье выжигали взрывами гнёзда чудовищ.

— Ещё полтелеги бомб осталось, а мы уж управились, — сказал Ярпен, когда работа была закончена. — И что нам теперь их, туда-сюда таскать?

— Давай оставим здесь с охраной, — предложила я и кивнула в сторону шатров, которые разбили дежурящие на кургане краснолюды. — Трупоеды могут вернуться в любой момент.

— И то правда, — Ярпен почесал бороду, — да и нам хлопот меньше.

Обратно я ехала, глубоко задумавшись.

— Ты обещала говорить со мной, — напомнила романистка.

— Что? — переспросила я, очнувшись, и продолжила думать вслух: — Дин сказал, что у змей, напавших на них, были ноги и глаза, но та гигантская водяная змея не имела ни того, ни другого.

— О чём ты говоришь, ты бредишь от яда? — удивилась Марго.

Мы подъезжали к повороту на катакомбы.

— Нам надо вернуться к саркофагу чародея, — решительно заявила я.

— Опять лезть в подземелье? Ни за что! — воскликнула романистка.

— Как знаешь, — пожав плечами, я махнула на прощание рукой Ярпену с Иоларом и направила Тучу на боковую тропу.

Марго беспомощно завертела головой между мною и удаляющейся широкой спиной эльфа, будто щенок между двумя кусочками колбасы, а потом решительно подтолкнула пятками пони в мою сторону.

— Куда ты, туда и я! — провозгласила она. — Ни один мужчина не стоит того, чтобы ради него подавить в себе зов приключений!

Приключений, к счастью, удалось избежать, и уже знакомой дорогой, незаметно проскользнув мимо духа знаменосца Бурой Хоругви, мы пробрались к обрушенным галереям боболаков. Марго притихла.

В усыпальнице ничего не изменилось со вчерашней ночи. Мы зажгли свечи и расставили их на полу.

— Ты узнала эмблему Риссберга, — обратилась я к Марго. — Попробуй найти указания на то, кто лежит в гробнице.

Она принялась счищать паутину с передней стенки саркофага, а я ещё раз обыскала усыпальницу, но больше никаких секретов та не скрывала. Если серебряные змеи и существовали, то они покинули это место через приоткрытую дверь. «И теперь гуляют где-то в катакомбах», — мрачно подумала я.

— Тут надпись, — сказала Марго и кружевным платочком протёрла узоры на саркофаге. — Ид... Идарр... Не может быть!

Она отпрянула, усевшись задом прямо на пол.

— Говори же! — потребовала я.

— Идарран из Уливо, ученик легендарного Альзура! — воскликнула она.

— Кто это?

— Чтобы знать, кто это, даже не нужно учиться в Аретузе, — надменно бросила Марго. — Из какого захолустья ты вывалилась?

— В подвале у ведьмаков, где меня держали с рождения, не было книг, — ответила я.

— А что же там было? — ахнула она.

— Мёртвые романистки, — едко сказала я.

Она прожгла меня взглядом, вскочила и перегнулась внутрь саркофага. Я опустила свечу, а Марго, как вандал, сдирала с мощей истлевший саван. Хрустнуло. Марго распрямилась, держа в руке череп покойника.

— Красивый мужчина, — удивлённо сказала она, — череп брахицефальный. Очень милый череп, совсем не похож на череп чудовища.

— Или ты начнёшь разговаривать со мной, или я беру назад все свои обещания! —

рассердилась я. — Что значит «брахицефальный»?

— Я не знаю, — Марго невинно посмотрела на меня. — В Оксенфурте зануды с медицинской кафедры постоянно повторяли это слово, когда рассматривали черепа, и оно мне понравилось. Я собирала там материал к роману о великой любви профессора медицины к бедной студентке. Тираж раскупили в три дня.

Она достала из саркофага нижнюю челюсть и приложила к черепу.

— И зубы обычные, как у человека, и даже все целые, — добавила она. — Что не удивительно — он же был чародеем.

— А что там про чудовище?

— Идарран из Уливо занимался гибридизацией, мутациями и генетическими модификациями. Он продолжил дело своего гениального учителя, за которое того и выгнали из Риссберга — когда мутанты, сотворённые Альзуром, вышли из-под контроля. Альзур обосновался в замке Моргрейг, где и вывел первых ведьмаков...

— А Идарран?

— Он находил особую прелесть в выведении чудовищ. В конце концов он обезумел и сам превратился в чудовище. Так нам рассказывали... — она уложила череп обратно в саркофаг и снова завозилась внутри. — Ноги-руки на месте... Похоже, что слухи о превращении Идаррана в чудовище несколько преувеличены. Ой!

Она почти целиком перевалилась в гробницу, и я со свечой в руке нагнулась следом. Марго ощупывала что-то под ветхой тканью, потом запустила туда руку и достала из-под спины скелета серебристый шар размером с апельсин.

— Яйцо Серебряной Змеи, — сказала я сквозь зубы, принесла горшок с оболочками и Марго опустила яйцо внутрь.

— Ты точно бредишь, — сказала она.

Стол был расчищен от книг и вороха исписанных свитков. На столе стоял горшок. За столом сидели я с ножом в руках и романистка с остро отточенным пером, подрагивающим в воздухе.

— Мне так жаль не видевшее света невинное крохотное дитя внутри этого яйца. Оно так надеется на жизнь! — патетично заявила Марго.

— Если хочешь, можем держать его в камине. Через несколько дней дитя вылупится и сожрёт тебя, — предложила я.

— Ты так жестока! — с укоризной покачала она головой. — Но и мир жесток. Режь!

Поверхность яйца была твёрдой, как металл. Я нашла углубление и старательно ковыряла его остриём ножа. Скоро под внешним засохшим слоем открылся краешек мягкой белёсой оболочки, и на поверхность выдавилась капля густой, как майонез, бежевой субстанции.

— Фу! — сказала Марго. Перо между тем строчило.

Я перевернула яйцо и расширила разрез. Под мягкой оболочкой оно было заполнено той же вязкой массой, и я осторожно пошевелила внутри ножом. Марго с готовностью протянула мне вилку. Подцепив зубцами свёрнутого колечком зародыша, еле видного под облепившей его слизью, я перенесла его в миску с водой. Слизь растворилась. В миске развернулось нечто с ладонь длиной, очень похожее на сколопендру, с мягкими членистыми ногами по всему телу, белыми острыми жвалами на мордочке и круглыми, как у креветки, глазами.

— Оно... живое? — с опаской спросила романистка.

— Похоже, что да, — тихо ответила я, вилкой перевернув сколопендру на другой бок.

— Немедленно уничтожь эту тварь! — воскликнула она. — В камин её!

— Какая жестокость! — я огляделась по сторонам в поисках подходящей тары. — Мне нужна пустая бутылка.

Марго вскочила, достала из корзины вино, а в одном из своих саквояжей выудила штопор и с достойной уважения ловкостью извлекла пробку. Я перелила вино в кувшин из-под воды, сходила ополоснуть бутылку и вилкой осторожно пропихнула детёныша в горлышко.

— Завтра на собрании я покажу его Саскии, — сказала я. — Через три дня свадьба, а братья этого товарища гуляют на воле.

Марго неотрывно смотрела, как я аккуратно выдавливала слизь из оболочки яйца в бутылку. Потом порывисто поднялась, схватила бокал и плеснула себе вина из кувшина.

— Делай, что хочешь, но эта гадость не должна жить в моей комнате, — сказала она.

Я заткнула бутылку пробкой и, подумав, накрыла сверху сложенным льняным полотенцем и накрепко перевязала горлышко верёвкой.

— Так надёжнее, — сказала я. — Найду для него самое холодное место в квартире.

Марго залпом опрокинула в себя полбокала и приосанилась:

— Хватит с меня на сегодня ведьмачьих приключений! Эдак я совсем иссохну. Время приключений пикантных!

Она прогарцевала к зеркалу, критически осмотрела себя, распустила косу и встряхнула волосами, которые волнистой гривой упали на плечи.

— Гораздо лучше, — заявила она. — Охота на охотника с Синих Гор объявляется открытой!

Эйлин взялась за меня всерьёз и прерывалась только на то, чтобы поить Несу. Прекрасную Эттариэль я отмучила и теперь приступила к балладе «Яблоневый цвет» с трагической любви молодого эльфа к древесной нимфе. Потом мы вместе разобрали корзины с едой, принесённые подругами Эйлин, и я должна была проговаривать каждое своё действие. После корзины мы принесли воду, приготовили еду, и, как малолетний ребёнок, с помощью эльфийки я комментировала всё, что видела.

— Завтра утром я не смогу прийти, — сказала я, когда занятие подошло к концу, и под строгим взглядом Эйлин смугилась, словно ученик, сочиняющий байку о том, что застрял в лифте, а домашнее задание съела собака. — Мне нужно быть у Саскии.

— Я не понимаю на всеобщем, — безжалостно сказала эльфийка. — Скажи это на Старшей Речи.

С трудом, но я справилась, а когда вышла на улицу, стояла уже ночь.

К моему удивлению, Марго была дома. Выпрямив спину и чинно уложив руки на колени, она сидела у камина. На ней было чёрное без украшений платье с высоким воротником под горло. Волосы романистка скрутила в тугий узел на макушке. Стол был накрыт на двоих, горели свечи.

— Как прошла охота? — осторожно спросила я.

— Истории любви успешной романистки и дикого эльфа не будет, Яна, — печально сказала она и приглашающим жестом указала за стол. — Он умрёт мучительной смертью в первом же акте.

— Даже так? — усмехнулась я и присела. — Что же, не только мне придется умирать в

твоих романах. Я буду в хорошей компании.

— Или нет... — романистка задумалась. — Пусть у него будет любовь всей жизни, которая умрёт от смертельной болезни, а он будет рыдать на её могильном камне, прямо, как я...

— Ты не рыдаешь, — сказала я.

— Я немножко порыдаю перед сном, — отрезала она. — Этого достаточно.

Она разлила по бокалам вино из кувшина и подвинула ко мне сыр.

— Или нет, это слишком гуманно! Всё-таки он умрёт в самом начале, а она будет рыдать над его могилой. Но недолго!

Губы романистки мстительно сжались.

— Нельзя отвергать писателей безнаказанно. Он ещё пожалеет о своём ужасном поступке!

— Да что такого он сделал? — спросила я.

— Он сделал отвратительную вещь! — с возмущением ответила она. — Он взял меня за руку!

От удивления я даже перестала жевать.

— И что в этом плохого? Это же, наоборот, хорошо.

— Видно, что ты ничего не понимаешь в отношениях с мужчинами, — с жалостью глядя на меня, произнесла Марго и повела руками. — Представь — романтическая прогулка по лесу, тихий вечер, назойливо звенят комары, ноги запинаются о палки... Ты падаешь, он подхватывает тебя на руки, всё по плану, ты целуешь его...

Брови её сурово сошлись к переносице.

— Вернее, пытаешься поцеловать, это же так естественно! Невинный поцелуй! — почти крикнула она. — А он ставит тебя на землю, будто лопату втыкает, и берёт за руку!

— Какой ужас! — саркастически заметила я.

— И это ещё не всё! — Марго гневалась всё сильнее. — Потом он поцеловал меня в лоб! И бормотал какую-то ересь про какую-то «её».

Я задумчиво смотрела на разъярённую романистку во вдовьем наряде.

— Возможно, ему не хочется быть героем одной главы, — сказала я. — Возможно, он хочет быть единственным на весь роман.

— Фу! Какая скука! — фыркнула она. — Я же не собиралась предлагать ему руку и сердце и не помешала бы ему быть единственным в чьём-то чужом романе...

Мы помолчали, а я принялась за еду, потому что меня разбирал смех.

— Поэтому сегодня я скорблю, — меланхолично подвела она итог. — Достала вот своё траурное платье. К счастью, его ещё не успела сожрать моль. Сегодняшний вечер будет поминками по любви к недоступному эльфу с гор, завтрашний же день я начну с новой главы.

Скорбь волшебным образом исчезла из её голоса.

— Этот город набит прекрасными и не столь целомудренными эльфами, да и среди рыцарей у меня уже есть два кандидата, — сказала она. — И пусть сегодня мне не сопутствовала удача, но победитель не тот, кто не проигрывает, а тот, кто вовремя отказывается от заведомо проигрышных сражений.

— Да ты, похоже, эксперт, — уважительно сказала я и, всё-таки не сдержавшись, рассмеялась.

— Несомненно! В искусстве любви много правил, и даже неотёсанная ведьмачка

способна усвоить их, ведь это так похоже на войну, — снисходительно сказала Марго. — Главное — не нарушать единственное непреложное правило.

— И какое же? — с любопытством спросила я.

— Как я сказала, любовь — это война, в которой двое соревнуются в том, кто первый сделает другого несчастным. Как только ты полюбил — ты проиграл, — веско сказала она. — Никогда не позволяй мужчине пробудить в тебе любовь, и ты никогда не станешь его бывшей любовью.

Она отхлебнула вина, потёрла руки и с аппетитом накинулась на еду.

ВЕРГЕН. Прекрасная Дама

В самый сладкий момент сна, расплывчатого и томительного, где в прозрачной воде колыхались на дне зелёные ленты водорослей, негромко шлёпали вёсла, и над водой скользила мелодия нежной флейты, раздался визг. Озеро пошло рябью, разбилось на осколки и улетело в темноту, а я, подскочив на кровати, ударила локтем о стенку.

— Яна-а-а! — истошно орала романистка из глубин квартиры.

Я ринулась в уборную. Марго стояла на пороге со свечой в руке и указывала на валяющуюся у её ног бутылку, которую в ночи я спрятала далеко в углу за отхожим ведром. Пробка, которую вчера я загнала внутрь, целиком вывалилась под привязанное полотенце, а из ткани торчал загнутый шип. В самой же бутылке больше не осталось пустого пространства — туго свёрнутое змеиное тело с прижатыми к стеклу жёсткими отростками ног распирало её изнутри.

— Ты обещала взять его к себе! — возмущённо закричала на меня Марго.

— Я обещала найти самое холодное место, — ответила я, понимая, однако, свою вину — вчера я допоздна засиделась за домашним заданием по Старшей Речи и когда бродила по квартире в поисках подходящего места для бутылки, Марго уже спала. — Прости, я должна была предупредить тебя.

Подняв злополучную бутылку, я нащупала сквозь ткань пробку и с усилием вдавила её вместе с шипом в горлышко.

— Тебе надо было положить её в свою кровать, холоднее не придумаешь! — Марго всё ещё пыхла от гнева и будто искала к чему прицепиться. — Хотя бы оделась сначала!

— Я бежала тебя спасать, — сказала я и понесла бутылку в свою комнату.

Романистка с размахом захлопнула за собой дверь уборной, но через мгновение отворила её снова.

— Правда? — спросила она, выглядывая из-за двери. — Ты спасала меня?

— Да, — ответила я, переступая босыми ногами по холодному полу.

Марго вдруг расплылась в улыбке, послала мне воздушный поцелуй и, наконец, исчезла за дверью окончательно.

Сесиль Бурдон, Саския, Киаран и даже Ярпен молчали. Александр протянул руку к бутылке с выросшим за ночь детёнышем и повернул её другой стороной.

— Что это? — спросил он.

— Это ughern, — сказал Киаран.

— Да, сколопендроморф, — подтвердила я. — Судя по окраске и по тому факту, что яйцо этого чудовища мы нашли в могиле Идаррана из Уливы, это бледная вдова — искусственно выведенный подвид гигантского сколопендроморфа.

Я уже рассказала о наших с Марго изысканиях в катакомбах, а кто такой легендарный Идарран из Уливо и чем он занимался, все присутствовавшие знали и без меня.

— Сколько их на воле? — спросила Саския.

— Четверо, — кивнув на горшок со шкурками яиц, который тоже захватила с собой, ответила я.

— И где они сейчас могут быть?

— Мы встречались с этими чудовищами много лет назад в Бругге, на границе с

Брокилоном, — сказал Киаран. — Их привлекает дрожание земли, по колебаниям почвы они выслеживают добычу...

Я кивнула:

— Думаю, что они почуяли вибрацию, когда мы работали на кургане, покинули усыпальницу, и теперь могут быть где угодно.

— Вот куда трупоеды подевались! — хлопнул по столу Ярпен. — Сдриснули со страха! И я не могу их в том винить!

— Если эта тварь увеличилась впятеро за ночь, — задумчиво сказал Александр, так и рассматривавший детеныша сколопендроморфа сквозь стекло, — то какого размера они стали теперь, через четыре дня?

Ответом ему было тягостное молчание. Сесиль Бурдон застонал и схватился за голову.

— Я говорил, что это будет катастрофа! Всё подготовлено, охотники придут сегодня к ночи, шатры в лагере вычищены, столы сколочены! — запричитал он, а потом вскочил и возопил: — Мы не можем передвинуть свадьбу!

Борода Сесия мелко тряслась, кулаки яростно сжимались, и теперь все в изумлении уставились на него, позабыв про сколопендроморфа, настолько непривычным было видеть старосту Вергена вне себя.

— Я скажу так! — стукнул он по столу кулаком. — Я для этого города делаю всё! Что надо для войны, что надо для мира — всё делаю, слова поперёк не вставлю. А теперь вы сделайте для меня. Что хотите делайте, но свадьба должна быть, как назначено!

Саския долго глядела на него исподлобья.

— Согласна! — наконец, произнесла она. — Мы справлялись с чудовищами пострашнее, справимся и с этими!

— Я в твоём распоряжении, Дева-Драконоубийца, — сказал Александр, и Саския замерла, не повернув к нему головы, а потом кивнула.

— Нам нужен план, — сказала она.

Киаран переглянулся с Ярпеном.

— А что тут думать-то? Как они вылезут, так мы их и порубим, — сказал краснолюд.

— Вы так топаете, что не удивлюсь, если твой план сработает, — сказал Киаран.

Ярпен засопел, явно обмозговывая, следует ли ему возмутиться, либо обрадоваться.

— Если трупоеды и правда ушли из-за сколопендроморфов, значит те ползают где-то в подземельях под курганом... — сказала я.

— А значит, они могут вылезти в любом месте вокруг Вергена, — угрюмо сказал Сесиль. — Сколько старые шахты ни заваливай, где-то да найдётся проход в другие.

— Но мы можем приманивать их к кургану, если будем взрывать там бомбы, — продолжила я.

— И если всё получится, мы убьём их сегодня, — согласился Киаран. — Или завтра...

— Вы уж постарайтесь сегодня, голубчики, — проворчал Сесиль, успокаиваясь, взял лист бумаги и заговорил протокольным голосом: — А раз так, предлагаю вернуться к изначальной повестке собрания. Вот что я думаю по поводу обеспечения безопасности отдыхающих на мероприятии...

Опасность для отдыхающих, по мнению Сесия, представляли не сколопендроморфы, а сами отдыхающие. На свадьбе, которую решили справлять в бывшем лагере Хенсельта на берегу Понтара, ожидался весь интернациональный Верген, в том числе новые скоя'таэли и краснолюды.

— Будут драки, — прокомментировал Ярпен. — Что за свадьба без хорошего замеса?

Однако его воодушевление никто не поддержал. Сесилью важно было сохранить лицо Вергена перед махакамцами, а Саския беспокоилась, что если в драке кто-нибудь погибнет, то это может нарушить установившийся хрупкий мир между расами.

— Мы устроим драки в специально отведённых местах, — успокоил загрузившего Ярпена Сесиль Бурдон.

Следить за порядком решили поручить двум десяткам патрулей по трое, в состав каждого должен был войти краснолюд, эльф и рыцарь.

— А если кто залупаться будет, так пусть ведьмачка его по лбу заклинанием шарахнет, — подвёл итог Ярпен. — Тем, от которого дураками делаются...

Под конец совещания он схватил бутылку, подмигнул мне и сообщил, что сам разберётся со сколопендроморфом.

— Есть у меня одна идея, а у Тита есть подходящая чугунная бочка, — сказал он. — Там эту тварь и взорвём. Придётся поглядеть, как её размажет?

Донельзя обрадованная тем, что Ярпен взял на себя неприятное дело, я отказалась. Вслед за мной отказался и Киаран. Все распрощались, и, мельком глянув на Саскию, которая, сдвинув брови, смотрела в спину выходящему за дверь Александру, я попыталась незаметно улизнуть.

— Яна, останься, — пригвоздила она меня к месту уже на пороге. — Надо поговорить.

Я вернулась за стол, прекрасно понимая, о чём пойдёт речь. Губы Саскии были решительно сжаты. Мы помолчали, глядя друг на друга.

— Ты подумала? — наконец, спросила она.

— Честно говоря, у меня не было времени... — попыталась отвертеться я.

— Я знаю, — она встала. — Но и у меня нет времени.

— Почему? — удивилась я.

— Послезавтра свадьба, удачнее момента для того, чтобы показать... эм-м... — лицо Аэдирнской Девы залилось краской, — чтобы показать ему женщину, не придумаешь.

Теперь пришла моя очередь вспыхнуть. Правда, со стыда. Чёрт бы побрал некстати вывалившиеся из меня слова про женщину, за которые так уцепилась Саския!

— Я хочу, чтобы хотя бы на миг он перестал видеть во мне командира, — продолжила она. — Я хочу, чтобы хотя бы раз он назвал меня по имени!

Она снова села и обречённо добавила:

— Я умею воевать, но ничего не понимаю в любви...

В голове шевельнулась гениальная идея, и Саския, уловив перемену в моём лице, пытливо заглянула в глаза.

— Что ты скажешь, если я попрошу о помощи одного эксперта... в любви? — с осторожностью спросила я. — Одной моей квалификации не хватит в таком деле.

— Проси хоть дьявола! — воскликнула она. — При условии, что кроме этого эксперта, моя проблема не станет известна ни одной живой душе!

«С этим могут быть трудности», — подумала я, но вслух сказала:

— Я поговорю с ней... с ним сегодня.

— Вечером будь у меня, — перебила Саския тоном, не допускающим возражений. — С экспертом или без.

Трупоеды так и не вернулись, а на пустыре у кургана вновь зазвучали взрывы. Одну за

другой, через равные промежутки времени, краснолюды сбрасывали в провал бомбы. Для приманивания сколопендроморфов решили использовать неизрасходованный запас обычных ведьмачьих бомб, без горючей смеси.

Ясное с утра небо затянуло белёсой облачной дымкой, тени исчезли, время шло. Киаран уехал, оставив десяток лучников, Ярпен заскучал. В конце концов и мы с ним покинули курган, условившись с остающимися бойцами о том, что делать, если чудовища всё-таки появятся.

— Нажрались гулей и спят в подземельях, — ворчал Ярпен. — А во сне небось растут...

— Не исключено, — согласилась я и направилась домой разговаривать с экспертом.

Перо порхало по строчкам — лёжа на кровати, Марго сосредоточенно работала и даже не заметила, когда я прошла в свою комнату, чтобы переодеться и снять оружие. Времени до вечера было ещё полно, и, решив не мешать ей и захватив домашнее задание по Старшей Речи, я отправилась в квартал скоя'таэлей.

— Неса, смотри, кто к тебе пришёл! — деланно бодрым голосом воскликнула Эйлин и зашептала мне в ухо: — Поговори с ней, я не могу добиться от неё ни слова!

Девочка не спала, но лежала, не шевелясь, и ещё сильнее, чем вчера, походила на хрупкую фарфоровую куклу — только огромные голубые глаза её были открыты и неподвижно смотрели в потолок ниши. Я достала из кармана накидки мехового зайца, присела у кровати.

— Дин спрашивал о тебе, — сказала я. — Сам он идёт на поправку. Его мама передала тебе подарок.

Взгляд Несы перёшел с потолка на лохматую игрушку в моей руке и опять вернулся к потолку. Я уложила зайца у неё в изголовье.

— Янчик и Маришка тоже набираются сил, — продолжила я. — Так что совсем скоро все Воины Дракона будут готовы к новым приключениям.

Широко раскрытые глаза девочки заблестели, и из уголка глаза к виску скатилась слеза. Я помолчала, но Неса так и не шевельнулась.

— А я несколько дней назад вернулась из путешествия и очень хотела рассказать тебе про Зерриканию и про то, как мы познакомились там с самым настоящим драконом...

— Айни... — остановила меня Неса, и был её голос слабеньким и тонким. — Я всё знаю, не обманывай меня.

— Что ты знаешь? — удивилась я.

— Драконов не существует, — прошептала она.

— Я видела его своими собственными глазами, клянусь...

— Нет, — голос девочки был слаб, но непреклонен.

С другой стороны комнаты Эйлин подбадривающе махала мне руками, чтобы я продолжала разговор.

— У меня есть доказательство, — я вытащила из-за пазухи амулет, подаренный Саскией, показала Несе. — Смотри — это чешуйка настоящего дракона.

— Я не верю тебе, — сказала она безразличным потухшим голосом. — Серебряные Змеи оказались злыми, а Дракон не пришёл нам на помощь...

— Драконы очень могущественные, но и они не всегда могут успеть помочь, — тихо сказала я. — Для этого у нас есть друзья.

— Потому что драконов не существует, — сказала Неса, закрыла глаза и больше не проронила ни слова.

Эйлин, несмотря ни на что, обрадовалась, что дочка заговорила, и настояла на уроке.

— Вечером отец Несы вернётся, и всё наладится, — мечтала она. — Читай вслух следующий абзац, а я пока напою её.

Когда я уходила, эльфийка сидела у постели девочки, а та беззвучно плакала, глядя в потолок, и руками прижимала к груди лохматого мехового зайца.

Неудачный разговор с Несой расстроил меня. Казалось, что не столько потрясение от заточения в гробнице травмировало маленькую эльфийку, сколько утрата веры в её волшебного защитника. «Дети огорчаются, когда узнают, что Деда Мороза не существует. Однако потом эта грусть проходит, и дети взрослеют, — думала я, пока шла домой, и эта мысль дала надежду. — Когда-нибудь и Неса повзрослеет и встретит настоящего дракона». В этом мире возможно всё! Я приободрилась, и моими мыслями завладел предстоящий разговор с романисткой. С одной стороны, её помощь, а главное искренняя и, можно сказать, профессиональная заинтересованность в сердечных делах каждого могли быть полезными. Перевалить на Марго задачу обустройства любовной жизни Саскии казалось чрезвычайно заманчивым. С другой стороны, я не была уверена, что завтра весь Верген не будет шептаться о великой любви предводительницы к аэдирнскому рыцарю.

Марго закончила работать и наводила в доме уют. Беспорядок исчез, в центре стола на белой кружевной салфетке появился букет синих осенних цветов. Я ходила вокруг романистки кругами и собиралась с мыслями, пока она доставала из сундука и аккуратно расставляла на полке книги. На корешках выделялся одинаковый прихотливый вензель из букв М, Д и А.

— Хочу, чтобы все мои детища были на виду, — прокомментировала она. — Порадуй свою душу, почитай.

Она достала одну из книг.

— Про любовь бандита к настоятельнице храма Мелитэле. С моралью! Или лучше вот эту — о юноше, который стал пиратом, чтобы принести к ногам капризной девушки все сокровища мира. Или о чародее, отправившемся в Царство Мёртвых, чтобы вернуть давно умершую жену... — её пальцы любовно оглаживали корешки. — Про скоя'таэля и ведьмачку, как ты понимаешь, я ещё не успела написать, мне надо сперва разделаться с краснолюдами.

— А про прекрасного рыцаря на белом коне есть? — спросила я, решив подбираться к теме разговора издалека.

— Есть, только конь вороной. благородный рыцарь, герой, который совершил много подвигов — убил великана и усмирил сирен, возвращается домой и узнаёт, что его король женился на возлюбленной рыцаря, — сказала она. — Но запретная любовь к юной королеве не знает преград... погоди-ка, зачем тебе про рыцаря?

Её взгляд наполнился подозрением, она сощурилась и пристально посмотрела мне в глаза.

— Я чего-то не знаю, ведьмачка? — проникновенным голосом спросила она.

— По правде сказать, я думала над нашим вчерашним разговором и мне нужна помощь... экспертная помощь.

Марго побросала книги, взяла мои ладони в свои и усадила на красное покрывало на кровать.

— Ты меня волнуешь и должна всё-всё рассказать, — медоточивым голосом произнесла

она, не выпуская моих рук, — а я тебя внимательно выслушаю. Помни, я — лучший специалист в вопросах любви. Мы же команда и доверяем друг другу...

— Ну хорошо, — сказала я, радуясь, что разговор повернул в нужную сторону. — Есть один рыцарь...

— Что, правда рыцарь?! — вскричала Марго с ужасом в голосе и всплеснула руками.

— Ты меня выслушаешь или нет? — холодно спросила я.

— Продолжай!

— Так вот, я не знаю, что мне делать, — набрав воздуха в лёгкие, я задержала дыхание, будто, чтобы отважиться на признание, мне требовалась концентрация всех душевных сил: — Допустим, я полюбила рыцаря, очень благородного и красивого рыцаря, но моя любовь безответна...

— Только не это! Нет, нет и нет! — перебила меня Марго. — Какую чушь ты несёшь!

— Да почему я не могу полюбить рыцаря?! — воскликнула я.

— Потому что вода и масло всегда расслаиваются! Хоть взболтай их, но они никогда не растворятся, не проникнут друг в друга! — романистка кричала на меня, словно я оскорбила её до глубины души. — Я понимаю ведьмак, а ещё лучше скоя'таэль, я же тебе всё уже придумала — бери готовое! Но нет, рыцарь — это же так банально, если не сказать, что пошло!

— Вот и проси тебя после этого о помощи, раскрывай душу, — с досадой, что мой хитрый план развалился на корню, пробурчала я.

— Ты всё правильно сделала, — Марго снова схватила меня за руки. — Слушай совет специалиста: выкинь эту блажь из головы. Я одолжу тебе своё траурное платье — сядь у камина и выпей вина. Забудь. Точка. Конец романа.

Тяжко вздохнув, я откинулась на спину на её кровать, размышляя, что делать дальше. Марго прилегла рядом, оперлась головой на руку.

— Поверь, лучшего совета тебе не даст никто.

— Я верю, — сказала я и решила: — Попробуем по-другому. Умеешь ли ты хранить тайны?

Тяжёлые золотые пряди струились между ловкими пальцами романистки, которая переплетала их в косы, снова распускала, укладывала на голове так и эдак, и с видом художника оценивала результат трудов в зеркале. Саския сидела, блаженно прикрыв веки и совершенно отдавшись во власть Марго. Я примостилась за столом в углу и наблюдала за священнодействием.

Квартира Аэдирнской Девы была просторной и полупустой — ничего лишнего. Кровать была по-солдатски без единой складочки заправлена, в открытом шкафу аккуратной стопкой лежали одинаковые рубашки, под ними кожаные доспехи. В сундуке у двери, который романистка также распахнула в бесплодных поисках подходящей одежды, поблёскивал металл наручей, нагрудников и перчаток. Каминную полку украшал рыцарский шлем. Богатством и разнообразием, как пещера чудес, отличался лишь чулан с оружием: мечей, кинжалов и арбалетов, расставленных на стойках, хватило бы на маленькую армию.

В длинной белой сорочке, босая и простоволосая, Саския была удивительно красива той естественной красотой, которая не требовала украшательства — как капля росы свежим утром не требует огранки, чтобы сиять, словно бриллиант. На щеках девушки играл румянец смущения, она сжимала и мяла ладони, чтобы спрятать мозоли от оружия и коротко

стриженные ногти. Марго скрутила её волосы, подняв волной на затылке, остановила шпильками и выпустила по обе стороны лица по локону.

— Образ понятен, — резюмировала она и ринулась к принесённому нами вороху платьев и туфель из собственного гардероба романистки.

— Что за образ? — робко спросила Саския.

— Дорогая, не стоит волноваться, доверься профессионалу, — Марго одно за другим приподнимала платья, прищуривалась на Саскию и брала следующее. — Красное — не годится, зелень — нет, банты... всё-таки нет.

— И всё же... я хочу понимать.

Марго вытянула кремово-белое, с золотой вышивкой платье.

— Яна, подбери к нему туфли, — скомандовала она, а сама остановилась перед Саскией, оправив своё броское, но элегантное закрытое тёмно-серое платье, которое надела «для авторитета», — как сказала она, когда мы собирались.

Должный эффект, без сомнений, был достигнут — Саския внимала каждому её слову и из рук Марго приняла бы любые скрижали, как руководство к действию, какая бы белиберда там ни была начертана.

— Итак, образ, — начала Марго. — Образ — это ключ к сердцу. Прежде, чем твой избранник узнает тебя поближе и полюбит твой богатый внутренний мир, он должен отпереть двери своей любви и пригласить тебя войти. Понимаешь?

— Нет, — прошептала Саския и поставила ступню босой ноги на подьём другой. Каменный пол был холодным.

— Какой образ он видит сейчас? — Марго прошагала к камину и с жестяным звуком постучала костяшками пальцев по забралу шлема. — Предводителя. Девы, которая взяла в руки меч и повела за собой народ. Для преданности — самое то, но не для любви. А какой образ он должен увидеть?

— Женщины? — запинаясь, ответила Саския.

Романистка фыркнула.

— Женщину он уже видел, когда ты расстёгивала на груди доспех, только это была не та женщина, которой он готов открыть дверь. Он — Благородный Рыцарь, — Марго вернулась от камина и нависла над Саскией: — Он должен увидеть Прекрасную Даму. Яна, неси платье!

Саския хмурилась, пока романистка затягивала на её спине шнуры корсета и помогала справиться с двойными юбками и длинными рукавами. Выбранное Марго платье невероятно шло ей, подчеркивая стройный стан и светлую кожу. Саския глядела на себя в зеркало, словно впервые увидела, потом повела обнажёнными плечами.

— Однако седло не сделает из коровы скакуна, а одно лишь платье не сделает из тебя даму, — продолжила Марго, одобрительно рассматривая подопечную. — Дама — не только прекрасна, но и благородна и, главное, беззащитна.

— Я команду армией, как я могу быть беззащитной? — воскликнула Саския.

— Только рядом со своим рыцарем. Ты должна позволить ему защитить тебя, проявить заботу, — строго сказала Марго, и голос её смягчился: — Не беспокойся, у меня уже готов план. Всё, что тебе нужно — лишь следовать ему. Яна, туфли!

Она выхватила у меня из рук золотые лодочки, единственные, которые подходили под цвет к платью. Саския с ужасом смотрела на высокий тонкий каблук.

— А можно без этого? — спросила она.

— Нет, — отрезала романистка. — Золотая туфелька — важнейший элемент плана. Надевай!

Марго завозилась у ног Саскии, та морщилась.

— Малы!

— Тебе нужен этот рыцарь или нет?! — прикрикнула Марго.

— Да!

— Тогда терпи!

Шурша шелками и слегка покачиваясь, Саския, наконец, разогнулась перед зеркалом. Приподняла подол, выставила вперёд носок туфельки, и губы её тронула нерешительная улыбка.

— Примерка закончена, — с чувством выполненного долга заявила Марго и стала прибираться у зеркала. — Завтра репетиция и финальные штрихи. А послезавтра рыцарь будет повержен окончательно и бесповоротно.

Рука Саскии хотела было привычно лечь на рукоять меча, но нащупала лишь складки юбки. Дева-Драконоубийца расправила по-военному плечи, распрямилась, стоя на широко расставленных ногах.

— Рыцарь. Образ. Дверь, — повторила она урок и тряхнула головой. — Прекрасная Дама идёт на штурм!

Из рук Марго выскользнула коробочка со шпильками, и они со звоном рассыпались по полу.

Верген гудел, как разворошённый улей. Настал последний день перед свадьбой, и казалось, что для каждого жителя Сесиль Бурдон, словно дирижёр оркестра, назначил свою партию в подготовке к завтрашней симфонии. Из всех труб валил дым, и улицы пахли пирогами и выпечкой, луковой зажаркой и томящимся в специях мясом. В лагерь двинулись телеги с дровами, бочками с вином, посудой и расшитыми эльфийскими вышивальщицами скатертями. Девушки собирали цветы. Дети носились по улицам со свёртками и корзинами в руках и поднимали пыль, орудуя метлами перед Замок Трёх Отцов. Сам Замок гости из Махакама готовили для церемонии сочетания браком, которая должна была открыть торжество. К этому таинству, кроме самих махакамцев, был допущен лишь узкий круг высокопоставленных вергенских краснолюдов.

Самолічно Сесиль провёл инструктаж патрулей, сформированных из эльфов, людей и краснолюдов. Порученная мне задача была простой — быть во всех местах сразу, держать ухо востро и при необходимости использовать Аксию.

Со сколопендроморфами же разделаться так просто не получилось. Взрывы на кургане звучали всю ночь и всё утро, а чудовища так и не дали о себе знать. Я попробовала использовать чутьё на оболочках от яиц — след увёл нас с Киараном и его отрядом в глубь леса и оборвался у свежерытых земляных куч. Эльфы установили вокруг зубастые капканы и развесили на деревьях яркие предупреждающие флажки.

— Бессмысленно, но больше мы ничего не можем сделать, — недовольно сказал Киаран.

До вечера мы прочёсывали окрестности, возвращались к кургану и снова уходили в лес.

— Сесиль будет в ярости, — подвёл итоги дня Ярпен.

В сумерках мы сгрудились вокруг потрескивающего сухими ветками костра у шатров краснолюдов, сторожащих курган. Выпала роса, и было зябко и холодно, если выйти за

жаркое пятно света. Эльфы молча тянули руки к огню, за шатром фыркали и позвякивали удилами лошади. В котелке с водой со дна заструились пузырьки, один из скоя'таэлей снял его с огня и с размахом сыпанул горсть сушёных трав. Потом разливал горячий чай по кружкам, а кое-кто из краснолюдов украдкой добавлял в свою спирт из фляжки.

— Паршивые дела, — согласился Киаран и, держа кружку обеими руками, поднёс её к губам.

В вечерней тишине грохнул очередной взрыв.

По дороге домой, продрогшая в седле и усталая, я завернула к Эйлин справиться о здоровье Несы. На урок я не успела и даже была рада этому — мне не хотелось болтаться у эльфийки дома и мешаться ей в момент воссоединения семьи.

Дверь открыл муж Эйлин, в высоком мрачном охотнике я едва узнала того эльфа, которого видела когда-то на барже и на празднике. Он кивнул мне и придержал дверь.

Эйлин сидела на кровати и держала Несу на руках полулёжа, как младенца, и длинные худенькие ноги и руки-палочки свешивались из её объятий по сторонам. В глазах эльфийки стояли слёзы.

— Не плачь, мамочка, пожалуйста, не плачь, — сказала тонким голосом Неса, протянула слабую руку и ласково стёрла с щеки Эйлин сорвавшуюся слезу. — Я обещаю, что выздоровлю.

Эйлин судорожно вздохнула раз, другой и, не сдержавшись, разрыдалась.

— Держи себя в руках! — прикрикнул отец, подхватил на руки дочку и, укачивая, понёс по квартире.

— Я не знаю, что делать, Яна, я не знаю, что делать! — сидя на кровати, Эйлин согнулась, как от боли в животе, спина её содрогалась. — Искра уходит, я чувствую это!

— Не говори ерунды! — муж Эйлин показался из другой комнаты. Глаза Несы были закрыты, а лицо казалось восковой маской. Он осторожно уложил дочку на кровать, прикрыл одеялом и прошептал: — Ну не при ней же, ты ещё больше её расстраиваешь...

Он поднялся, обнял жену, и она плакала, спрятавшись у него на груди, а он гладил её по волосам, прижавшись губами к макушке.

— Что я могу сделать? — шёпотом воскликнула я.

Сердце разрывалось, когда я глядела на эту пару, как будто произошло что-то непоправимое, что-то, чего я не понимала. Эльф поднял на меня глаза и покачал головой.

— Эйлин устала, а с Несой всё будет в порядке, — сказал он мягко. — Она уже начала есть, она перестала плакать.

— Да-да, ты прав, — эльфийка утёрла слёзы. — Не обращай внимания, Яна, ночь всегда приносит тягостные мысли. Я не должна расклеиваться.

— Вот именно, — сказал эльф. — Дай нашей дочери возможность выполнить своё обещание и выздороветь.

Закрывая дверь, я видела огонёк свечи, озаряющий спокойное и неподвижное лицо девочки, и тени обнявшихся родителей, которые, как стражи, охраняли её сон.

— Что с твоим лицом?! — воскликнула романистка, когда я вернулась домой.

— Дурной день, — отмахнулась я и прошла мимо в свою комнату.

Меня душили бессилие и бесплодная злость на себя за то, что когда-то я подарила Несе стилет, и за то, что я ничем не могла помочь — вместо того, чтобы набираться сил, девочка

таяла на глазах и никто не мог или не хотел объяснить мне почему.

— И не говори! — Марго со свойственной ей бесцеремонностью хвостом прошагала за мной вслед. — Меня терзают ужасные предчувствия!

— У тебя-то что случилось? На Саскию не лёг макияж? — воскликнула я.

— Если бы! Весь день я пыталась отучить её от солдафонских манер, без которых она робеет, словно кухарка на балу. Пыталась внушить ей уверенность в себе. И знаешь, что она придумала?

— Что? — устало спросила я, снимая оружие и куртку. Направила Игни в камин и дрова вспыхнули.

— Что для уверенности в себе поверх платья ей необходима перевязь с мечами! Пришлось читать лекцию о разнице между неуверенностью, которая совершенно Даме ни к чему, и беззащитностью, совершенно ей необходимой. Я заперла её комнату с оружием и забрала ключ, чтобы хотя бы ночь эта девушка провела без алебарды под подушкой.

Я молчала. Мне не хотелось обижать Марго, но и на операцию «Золушка», как я окрестила про себя авантюру по преобразению Саскии в Прекрасную Даму, мне было сейчас глубоко наплевать. Марго между тем, задумавшись, смотрела в пол.

— Кстати о макияже... — пробормотала она и выбежала из комнаты. Послышался звук упавшей крышки сундука, и романистка вернулась, сжимая в руках баночку зелёного стекла. — Никто и не заметит некоторые шероховатости, если всё внимание будет приковано к лицу Саскии.

— Что это? — спросила я.

— Мазь из гламариин. Мой последний запас... Ну да ладно, не жалко, я и так бесподобно хороша, — пропела она и воссияла. — Безвыходных ситуаций не бывает! Спокойной ночи, ведьмачка, утро вечера мудренее.

Она задёрнула полог и ушла. Огонёк на поленьях зачах, и стало темно.

— Паршивые дела, — сказала я себе под нос и поворошила в камине кочергой. Голова была словно налита чугуном. Уснуть я смогла лишь к рассвету.

ВЕРГЕН. Фея-крёстная начинает и...

Марго оказалась права — утро было мудренее. Утром гнетущие ночные страхи побледнели, дурные предчувствия виделись нелепыми и надуманными. Если родители Несы были уверены, что девочка выздоровеет, то и мне не следовало ни беспокоить их тревогой и назойливым присутствием, ни мучить себя вопросами «если бы да кабы». Того, что уже сделано, не вернуть.

Романистка ушла к Саскии ещё затемно. Я наскоро позавтракала в первых лучах солнца, бьющего в окна над дверью, облачилась во все доспехи. По замыслу Сесия на празднике я должна была внушать своим видом почтение, а ещё лучше страх. Со страхом была загвоздка — вергенцы ничуть не боялись меня и, скорее, считали местной диковинкой, странной, но симпатичной, и я всерьёз подумывала не нарисовать ли на лице полосы, как у Хранительниц, или агрессивные завитки по подбородку и чёрные губы, как у Дочерей, чтобы придать виду грозности и солидности в глазах местных жителей.

Улица поразила тишиной и пустотой. Не было слышно ни звона кузниц, ни голосов — город будто вымер, и только ближе к Махакамским воротам по нарастающему рокоту стало понятно, что весь Верген собрался вокруг площади у Замка Трёх Отцов. Утро было прохладным, ясным и торжественно праздничным от цветастых, с тесьмой по подолу юбок, расшитых жилетов и напомаженных бород. Красные штрихи и линии — ленты в косах, кушаки мужчин, полотна на стенах, стрела ковровой дорожки на лестнице — складывались в присущий лишь Вергену алый узор на солнечном, ещё непрогретом утреннем камне. На плечах у отцов сидели дети, в воздухе витало предвкушение — дня без забот, редкого выходного, которого так долго ждали.

По краю лестницы за спинами нарядных скоя'таэлей Киарана, краснолюдов из отряда Ярпена и рыцарей в парадных камзолах я пробралась наверх к Марго. Она была чудо как хороша: с лентами в распущенных волосах и в сарафане, словно у деревенской барышни, в котором, однако, угадывалась искусная рука столичной портнихи. Романистка нетерпеливо постукивала каблуком красного сапожка и не отрывала взгляда от двери в Замок Трёх Отцов. Оттуда ожидали процессию.

Лицо Киарана было безмятежным, а значит, хороших новостей ждать не приходилось. Насколько я успела изучить правую руку Йорвета (и вчерашнее шатание по лесам это только подтвердило), именно такое выражение лица эльфа свидетельствовало, что он желал что-то скрыть — тревогу или внутреннее напряжение.

— Есть новости с кургана? — шёпотом спросила я.

Киаран покачал головой.

— Как бы нам не прибавилось незваных гостей, — негромко ответил он.

— Если свадьба пройдет тихо, то всё обойдётся, — сказала я.

— Краснолюдская свадьба и тихо? — он усмехнулся.

Около Киарана, вытянувшись в своём чёрном с золотом бархатном дублете, ждал Александр. Его лицо было сумрачным и отстранённым, как и все те разы, что мы встречались после моего возвращения из Зеррикании. Что-то изменилось в нём — куда-то исчезли великосветская манерность и самоуверенность, которые он всю демонстрировал нам с Геральтом на барже, исчезли эмоции той поры, когда он краснел, бледнел и ухаживал за Шани. Возможно, Геральт был прав, и предательство короля Стенниса разрушило веру

Александра в справедливого суверена, а надежда на величие Аэдирна умерла, раздавленная сапогом Нильфгаарда — от его страны остались лишь выжженная земля да разорённые города.

Марго тоже поглядывала на рыцаря. Близился ключевой этап операции «Золушка» — после краснолюдского бракосочетания ожидался выход правительницы Долины Понтара к народу, чтобы благословить новоиспечённых мужа и жену и провозгласить начало гуляний.

— Должна была волноваться Саския, а волнуюсь я, — шепнула романистка мне на ухо. — Я уже вся извелась.

— Она перестала смущаться платьем и больше не волнуется? — спросила я.

— Да, и это меня беспокоит! Вчера она тряслась, как осиновый лист, а сегодня заявила, что нашла скрытые источники уверенности в себе!

За приветственными возгласами шёпот Марго стал неслышен. Дверь в Замок Трёх Отцов распахнулась. Первым вышел сияющий, будто счастливым женихом был именно он, Ярпен Зигрин, за ним шли махакамцы, подметая мостовую шубами, а следом, обнявшись и рыдая, шли мамушки. Сесиль Бурдон украдкой утирал глаза рукавом. Скален Бурдон, в блестящем голубом шёлковом берете и такого же цвета камзоле, вёл под руку Брунимору, похожую на белоснежное безе — в пышных кружевах и пелерине из белого меха на плечах. Её рыжие волосы скрывались под облаком фаты.

Процессия распределилась по ступеням лестницы, Ярпен остановился рядом со мной, а между Киараном и Александром встали жених и невеста.

— Я сейчас умру, — пробормотала Марго.

В глубине коридора Замка Трёх Отцов показалась светлая фигура, и от входа по толпе расходящейся волной прокатился вздох. Солнце померкло, потому что сияние исходило от лица смутно знакомой золотоволосой красавицы, от её алебастровой кожи. В уложенных в высокую причёску локонах мерцали блики света. Придерживая руками юбку белого с золотом платья, Саския начала восхождение по красной ковровой дорожке, и из-под подола сверкали носки золотых туфелек. В бедро мне ткнулся локоть, и я увидела вытаращенные глаза Ярпена.

— Кто это такая, и куда она дела Саскию?! — прохрипел он до неприличия громко.

На него зашипела Марго, растроганно прижимавшая руки к груди. Лицо Киарана стало ещё безмятежней. Я украдкой бросила взгляд на Александра — Благородный Рыцарь стоял совершенно ошарашенный и не сводил глаз с поднимающейся по ступеням Прекрасной Дамы. Рот его приоткрылся, и какими бы разными ни были Александр и Ярпен Зигрин выражение лица рыцаря в точности повторяло эмоцию краснолюда, и казалось, что он готов задать тот же самый вопрос. «На Шани он так не смотрел!» — меня охватили внезапные подозрения, что Марго допустила в расчётах роковую ошибку. Наверняка в Венгерберге при дворе Александр видел толпы прекрасных дам, однако отдал сердце милой и искренней медичке, которая всегда оставалась собой и не пыталась строить из себя Даму.

Саския вошла к вершине и приняла из рук Сесилия лакированную шкатулку. Затрубили рожки, толпа взревела. В воздух полетели шапки.

— Враг поражён! — с триумфом закричала романистка мне на ухо. — Осталось его добить!

Звуки стихли. Шелестя платьем, Саския развернулась к толпе.

— У меня есть мечта... — громко начала она речь, и стало тихо, как во время спектакля: — Однажды суровые испытания, потери и лишения останутся позади. Однажды

жители Долины Понтара будут собираться вместе только для того, чтобы разделить друг с другом радость, как собрались мы сегодня...

Красота Саскии завораживала, притягивала взгляд, но пока она говорила, за чарующим мороком гламарики проступали её прежние черты — лидера, Девы, которая повела за собой народ. Я мельком глянула на Марго, не уверенная, что такое преобразование Саскии входило в её планы. И действительно, романистка стояла с видом, словно скульпы ей свело от лимона. Она перехватила мой взгляд и прошептала:

— Поскорей бы уж она свернулась со своей королевской речью...

Саския будто услышала слова Марго и шагнула вперёд, протягивая невесте шкатулку:

— ...соединить руки истинного сына Вергена Скалена Бурдона и Бруниморы Гоог — сокровища, дарованного нам Махакамом, и вручить свадебный подарок.

Юная краснотка присела в книксене, а Скален открыл крышку. На алой бархатной подушечке лежал ключ — для племянника и его жены Сесиль Бурдон выхлопотал в качестве свадебного подарка квартиру по соседству со своей. Благодарности молодожёнов, как и слова Саскии о том, что праздник начался, потонули в народных овациях.

Толпа зашевелилась, и, как в воронку, стала утягиваться под арку Махакамских врат на дорогу к берегу Понтара. К подножью лестницы подогнали повозки и коней. Марго вцепилась мне в ладонь всеми ногтями.

— Грядёт кульминационный момент! — взволнованно затараторила она. — Классический сюжет. Трогательная сцена заботы Рыцаря о своей Даме.

Саския, грациозно склонив голову и поддерживая юбки, начала спускаться к поданной лошади. За ней потянулись все собравшиеся. Прекрасная Дама добралась до середины лестницы и вдруг оступилась, потеряв равновесие, и взмахнула в воздухе руками.

— Ну давай же, давай! — вытянув шею, подбодрила Марго.

Саския выровнялась и одновременно с этим, не сходя с места, начала стучать и вертеть правой ногой.

— Что она делает? — с удивлением спросила я у Марго.

Романистка, закрыв лицо обеими ладонями, огромными глазами смотрела на происходящее сквозь растопыренные пальцы.

— Теряет туфельку, — выдавила она в ответ, — а так же гробит мой план...

Сзади было видно, как Саския раздражённо вскинула голову и задргала ногой, с которой никак не хотела теряться туфелька, и в тот же момент согнулась, хлопая руками по юбке, будто пыталась поймать что-то, но тщетно — раздалось металлическое позвякивание, и с куском оторванной чулочной подвязки из-под подола Саскии выпал кистень на короткой деревянной ручке с устрашающего вида пупырчатой гирей на цепи.

— Узнаю нашу Саскию! — благодушно прорычал Ярпен и устремился на помощь.

Подобрал кистень и бросился в погоню за Девой-Драконоубийцей, которая уже бежала вниз по лестнице. С пунцовыми щеками и гордо вскинутой головой она взлетела в седло. Ярпен благоговейно протянул ей кистень, Саския с каменным выражением на лице приняла оружие и ударила бока коня золотыми пятками.

— Скрытые источники, значит, — потрясённо промолвила Марго, глядя ей вслед. — Это катастрофа...

В тёмных водах Понтара отражались облака. Осеннее солнце только-только начало свой нисходящий путь к горизонту, а кривая градуса праздничного веселья в пёстром,

украшенном разноцветными гирляндами лагере, разгоняясь, уже устремилась вверх. Отзвучали длинные тосты, тарелки и кубки опустели (и не по одному разу), и гости стали выбираться из-за столов. Грянула музыка, каблуки застучали по дощатому настилу танцплощадки. В шатрах подняли пологи, как на ярмарке зазывая испробовать свою силу, ловкость и удачу в шуточных состязаниях. На лавках, сколоченных вокруг арены для боя, скапливались зрители.

Я пообедала с патрульными за отдельным столом.

— Как же ты согласился пропустить пьянку? — спросил знакомый мне по кургану скоя'таэль по имени Симон у Дагга Бороса, впившегося зубами в свиную рульку.

— Я что, пьянок что ли не видывал? — невнятно промычал жующий Дагг внутрь кубка с водой, которая струйками полилась по красной бороде. — А вот увольнительной не видывал давненько. Полмесяца за пропущенную пьянку — не шутка! Думаю съездить до Махакаму, как-никак родина, хоть я там и не был никогда. А ты чего?

Симон пожал плечами.

— Я б на родину тоже съездил, — мечтательно заговорил темноволосый рыцарь из дружины Александра, — да только нет её больше, и не знаю, живы ли мать с отцом, остался ли хоть камень от имения...

— Земля есть, где предки ходили, значит и родина где-то там есть. Не может не быть, — авторитетно заявил краснолюд. — А твоя родина где, Симон, в Долине Цветов поди?

Эльф нахмурился.

— Моя родина всегда со мной, и ехать никуда не надо, — он приложил руку к сердцу. — Здесь.

Дагг Борос скептически цокнул языком и повернулся ко мне:

— А твоя где, ведьмачка? — с любопытством спросил он. — Поговаривают, вам память в детстве отшибают, чтобы вы, окромя ведьмаков, других мамок с папками не вспоминали, другой земли не знали.

Вопрос застал меня врасплох, и я так и замерла с поднятым стаканом воды. В чём-то Дагг был прав — хотя память мне и не отшибали, но можно ли считать родиной воспоминания о мире, которому я никогда не принадлежала и в котором была лишь во сне, я не знала.

— Отстань от неё, чего в душу лезешь, — буркнул Симон и поднялся. — Твою увольнительную ещё отработать надо.

Вслед за эльфом поднялся темноволосый рыцарь. Дагг напоследок куснул рульку, вытер пальцы о скатерть, и троица направилась к центру лагеря, где уже слышались крики и смех. Остальные патрули один за другим покидали стол и исчезали между шатрами.

Я надела и затянула перевязь с мечами. Использовать их было строжайшим образом запрещено, но наличие оружия было единственным признаком, позволяющим отличить отдыхающих от охраны. Перед началом пира гости обязаны были сдать дубинки, мечи, тесаки и прочие неизменные принадлежности каждого вергенца, и весь этот арсенал разместили в гигантском шатре у входа в лагерь под надзором одного из патрулей.

В нашей части лагеря за столами остались лишь старики, которые сбились в кучки, пыхтели трубками и, судя по донёсшимся до меня обрывкам фраз, важно обсуждали политическую обстановку. Пожилые матроны судачили о семейных делах, кивая друг другу. Я вырулила из полей столов и направилась по маршруту, который проложила от шатра к

шатру, чтобы зигзагом обойти весь лагерь. Хотя погулять на свадьбе мне и не удалось, но всё равно было ужасно любопытно поглазеть, как будут развлекаться другие.

На стрельбище у забора нарядный эльф в зелёном кафтане возился с ребятишками. С серьёзными лицами те старательно целились из игрушечных луков в мешки с сеном, на которых краской намалевали страшные рожи. На песчаном берегу играла молодёжь. Гуси-девушки бежали, а волки-юноши хватали, и гуси визжали и хохотали. За столами по соседству мужики с налившимися на лбах жилами боролись на руках. Около шатра с пивом было не протолкнуться, краны не закрывались, и краснолюды у бочек впихивали в подставленные руки истекающие пеной кружки.

Медальон дрогнул. Сплетённое из ивовых прутьев кольцо, за которым полоскалась по воздуху алая лента, взвилось над головами, потом странно дёрнулось в сторону, изменив траекторию, и мягко спланировало на шест. «Мошенница! — возмущённо закричал женский голос. — Ведьма!» Я протиснулась сквозь круг зрителей — так и есть, без Марго не обошлось. Царственно не замечая обвинений со стороны дородной особы в чепце с оборками, романистка нанизывала на нитку призовые деревянные кругляшки. Увидев меня, её соперница поперхнулась и обрушила ярость на парнишку, собирающего кольца с шестов. Марго подхватила меня под локоть и потащила в сторону. Мы прошагали мимо одиноко сгорбившейся над мутным хрустальным шаром гадалки, отрешённо тасующей колоду карт для гвинта, потом мимо бревна, на котором толкались эльф и краснолюд, вцепившись в рукава друг другу.

— Грубиянка! Никакого воспитания! — воскликнула романистка, когда убедилась, что нас не преследуют и опасность миновала. — Мне осталось собрать всего ничего фишек до главного приза, и ты обязана мне помочь — мне нужна защита от народных масс!

Марго по-птичьи склонила голову набок, чтобы заглянуть мне в глаза, и была похожа на боевитого, взъерошенного и отчего-то жалкого воробья. Пальцы её прыгали, пока она скрепляла концы нити в ожерелье с нанизанными, как баранки, деревянными дисками с дырками в центре. На каждом диске стояло выжженное клеймо с остроконечным орнаментом.

— Хорошо, — я ободряюще улыбнулась ей, подумав, что не стоит отпускать романистку жульничать в одиночестве. В конце концов, моя задача — пресекать беспорядки, а Марго с её фокусами, несомненно, была ходячим эпицентром любого беспорядка. — Только скажи, зачем тебе главный приз?

Романистка воспряла и, снова взяв меня под руку, потянула в обход толпы у арены для боёв, откуда слышались хрусткие удары. Мы обогнули зрителей, и Марго за плечи развернула меня в сторону стола, где на возвышении сидела Саския в центре монолитного кольца махакамцев.

— Мне нужно смыть с себя позор и довести до победного конца войну за эту девушку. Даже если она сдалась, я — не сдамся! — романистка кивнула в сторону Аэдирнской Девы, которая хоть и оставалась в платье, но уже ничуть не походила на Прекрасную Даму.

Решительно постукивая по столу кулаком, она что-то доказывала краснолюдам, и те уважительно смотрели на неё снизу вверх. Александра нигде не было видно.

— Саския сказала мне, что больше не нуждается в моих услугах! — голос Марго звенел от обиды.

— И как тебе в войне за неё помогут призовые фишки? — спросила я.

— В этом каменном городе меня преследуют сплошные неудачи. Мне нужно срочно

преодолеть чёрную полосу и достичь полосы везения. Я хочу вновь ощутить вкус победы! — романистка побренчала своими бусами. — Если я получу главный приз, значит удача вернулась, и я снова смогу приняться за серьёзные дела.

Она многозначительно стрельнула взглядом в сторону Саскии.

— По-моему, пора оставить её в покое, — сказала я. — Ты сама говорила, что в безнадежной битве самое важное — вовремя остановиться.

— Я не могла такого сказать! — с праведным негодованием воскликнула Марго. — Мы проиграли битву, но не войну! И даже если весь мир против меня, сдаваться — не в моих правилах.

— Делай, что хочешь, но я больше не участвую в твоих хитроумных комбинациях, — твёрдо сказала я. — Саския и Александр разберутся между собой без нашей помощи.

Романистка презрительно фыркнула.

— Северный ветер создал скеллигцев, а тебя, похоже, создал сквозняк!

— Твой план провалился, признай это. Саския уже признала.

— Как только я получу главный приз, то придумаю новый план, а ты не можешь отвернуться от меня в тот исключительный момент, когда я унижена и раздавлена!

— Ладно, — махнула я рукой, как обычно сдаваясь под её напором. — Начнём с приза, а там видно будет.

— Я знала, что ты меня не бросишь, — защебетала она, — мы же команда!

Мы подошли к наполненным водой бочкам, из которых ребятишки, заложив руки за спины, пытались выловить ртами плавающие яблоки. Марго встала в очередь на следующий раунд, и под дрожание медальона яблоки услужливо подплывали и поворачивались к губам романистки хвостиками. Зрители ворчали, Марго обменивала яблоки на фишки.

— А каков главный приз? — любопытно спросила я, когда мы направились к жуликоватого вида напёрсточнику.

— Это тайна. Я видела только огромный сундук... Наверняка милые Бурдоны спрятали там что-то значительное — золотой самородок или набитый изумрудами ларец. А может быть, Саския отписала победителю полцарства, и там лежит дарственная? — размечталась романистка.

Я рассмеялась. Марго безошибочно пять раз подряд угадала под какой чашкой спрятан шарик и под одобрительный гул не столь удачливых зрителей поймала мужика за руку, когда тот, отчаявшись обмануть её ловкостью рук, спрятал шарик в рукаве.

— Возмутительно! — ругалась она, забирая банк. — До чего же люди склонны к обману!

Триумфальное шествие Марго к главному призу, сопровождаемое непрерывной пульсацией медальона, продолжилось. С завязанными глазами она расколошматила палкой соломенное солнце, набитое фишками, потом выкинула шесть шестёрок в кости, набрав наивысший балл. Стрелы из игрушечного лука, который она натягивала кое-как, летели точно в цель. Призовые деревяшки эльф, присматривающий за аттракционом, разделил пополам между нею и молоденьким скоя'таэлем, которого я видела несколько дней назад в таверне за столом Торувьель, и которому не требовалась магия, чтобы даже из детского лука попадать в яблочко. Похожий на итальянца, с вьющимися чёрными волосами скоя'таэль задорно подмигнул Марго, и она зарделась и растаяла, а он слегка поклонился и исчез в толпе.

Единственным состязанием, где романистка выиграла безоговорочно и честно, было

соревнование в искусстве скоростного портрета. Кусочком угля размашистыми и свободными движениями Марго изобразила юную девушку, вызвавшуюся быть моделью, так одухотворённо и живо, что та без тени сомнения выбрала портрет авторства романистки и побежала хвалиться подружкам.

К сумеркам похолодало, а на свадьбе становилось всё жарче. В оранжевом свете факелов, привязанных к высоким шестам, блестели потом разгорячённые лица. Патрули работали в полную силу — выволакивали вусмерть пьяных к телегам, разнимали тут и там вспыхивающие драки. Пару раз мне пришлось покинуть Марго — сначала, чтобы прекратить склоку между торговками, которые вспомнили былые обиды и вцепились друг другу в волосы, а потом утихомирить Аксием мужика, который решил взять штурмом палатку с оружием, потому что ему почудилось, что в лагерь ворвались нильфгаардцы.

В темноту по направлению к Вергену уезжали повозки со стариками и детьми. Я нашла Марго в очереди к шатру с призами. На её деревянные бусы невозможно было добавить ни единой фишки. Призовой фонд уже порядком поубавился — дети расхватили сладости, исчезли ленты и отрезки тканей, в рядах бутылок с вином и настойками зияли прорехи. Женщина перед нами долго стучала по кастрюлям и сковородам, выбирая лучшую, а распорядитель, в котором я узнала краснолюда-трактирщика, пересчитывал фишки. В центре шатра на песке громоздился сундук с главным призом, увенчанный огромным белым бантом, которому позавидовала бы любая первоклассница. Марго толкнула меня в бок — сзади подошла её давешняя соперница в чепце, и на груди её покоилось и спускалось до пояса столь же наполненное, как и у романистки, ожерелье из деревянных дисков.

— Следующий! — гаркнул краснолюд, когда дама с кастрюлей удалилась. — Что пожелаете?

— Главный, пожалуйста, — торжественно произнесла Марго, снимая бусы с шеи.

— Главный! — крикнула особа с оборками и вывалила своё ожерелье с фишками на стол.

Краснолюд-трактирщик озадаченно почесал под бородой. Зрители заинтересованно заволновались и подались вперёд, заглядывая друг другу через плечи. В спину мне упёрлись чьи-то руки.

— Я была первой! — запротестовала Марго, повернувшись к трактирщику.

— А у меня больше! — её противница принялась развязывать концы верёвки.

— Феклуша, возьми таз, — с некоторой робостью в голосе обратился к ней краснолюд. — Хороший, медный!

— Зубы мне не заговаривай! — широкие румяные щеки Фёклы смялись от угрожающей улыбки, и она надвинулась на побледневшую романистку. — Считаться давай!

В толпе послышалось глумливое улюлюкание и подзадоривающие смешки. Краем глаза я заметила среди зрителей того самого скоя'таэля-итальянца, что разделил с Марго выигрыш за стрельбу. Он обнимал тоненькую эльфийку с коротко стриженными волосами. Кто-то засвистел. Шагнув вперёд, я нарочито медленно и демонстративно вытянула из-за спины стальной меч и положила его поперёк стола, отделив территории соперниц. Фёкла засучила рукава, и я с тайным уважением посмотрела на её мощные предплечья, про себя удивляясь, каким образом этой женщине удалось собрать столь впечатляющую коллекцию фишек. Неужели она боролась на руках с мужиками и стреляла из лука не хуже скоя'таэля?

Трактирщик вздохнул и начал выкладывать фишки соперниц в столбики по десять штук в каждом. Марго перевела затравленный взгляд с сундука на меня, а потом бросилась

скрупулёзно подсчитывать фишки в столбиках, будто от исхода спора решалась её жизнь. Оборки на чепце Фёклы победоносно топорщились.

— Ровно... — потерянно сказал краснолюд.

— Но я была первой... — пролепетала Марго.

Фёкла запустила руку в широкий вырез рубахи и, как из щели между мирами, достала из стиснутых глубин ещё одну, последнюю фишку. Стукнула ею по столу. Мне показалось, что романистка сейчас упадёт в обморок, но из ряда зрителей вдруг выступил тот самый молодой скоя'таэль, бросил на Марго знойный взгляд из-под длинных ресниц и высыпал на её половину стола горсть призовых дисков. Толпа ахнула, романистка с обожанием смотрела на эльфа. Краснолюд аккуратно выстроил из фишек башенку.

— Ваша победа, мадам!

Поклонившись Марго, он подошёл к сундуку и открыл крышку. Разогнулся с исполненной важности улыбкой, и на руках его сидел розовый, с таким же огромным и белоснежным бантом за ушами, как и на сундуке, поросёнок. Трактирщик подошёл к Марго и, словно драгоценность, вручил поросёнка ей в руки. Вся боль человечества отразилась на лице романистки, неловко обнявшей извивающийся главный приз и провожавшей взглядом эльфийского спасителя, который удалялся от шатра, ведя за руку свою спутницу.

— Как же это так, люди хорошие! — заголосила Фёкла. — Это нечестно!

Марго шагнула вперёд и перевалила поросёнка ей в руки.

— Теперь честно, — буркнула она и зашагала прочь.

С тяжким всхлипом волну засасывало в полости скалы, нависшей над кромкой воды, а потом с бормочущим бульканьем выплёскивало обратно. Марго сидела на вершине в позе, достойной кисти художника-романтика — весь её вид выражал возвышенное одиночество и страдание непонятой души. Я постояла на берегу, глядя снизу на её силуэт, потом взобралась по скользкому склону скалы и присела рядом. Романистка обнимала колени руками. Волосы струились со скорбно опущенной головы по плечам, а атласные складки юбки по холодному камню.

— Ты выиграла, — сказала я.

— Да, поросё, — она вздохнула. — Ах, какие были у него глаза...

— У поросё? — удивилась я.

— Если бы, — меланхолично ответила она. — Я бы тогда никому его не отдала...

В темноте на воде тут и там виднелись огоньки лодок, на которых уединились сбежавшие с пира парочки. К свежему запаху речной сырости примешивался запах дыма.

— Все против меня, — с ещё одним тяжким вздохом продолжила Марго. — Я — отверженный странник в этом мире каменных сердец и гнусных оборок. Я не принадлежу ему.

— Ты создаёшь свои миры.

— Населяю их, вдыхаю жизнь, и дальше они прекрасно обходятся без меня. Быть демиургом, Яна, крайне одинокое занятие.

Она водила пальцем по камню, положив голову щекой на колено, и голос её был серьёзен и тих, и я подумала, что, возможно, впервые она говорила искренне — то, что было у неё на душе, а не то, что пришло в голову под влиянием момента.

— Может, мои глаза не настолько хороши, но я с тобой, — сказала я, и палец Марго остановился. — Мы же команда.

— У всех моих главных героинь серые глаза, — произнесла она и подняла голову. — Наверное, это я тебя выдумала.

— Уверяю, в этом мире я появилась без твоей помощи, — засмеялась я.

Марго придвинулась под бок, обхватила мою руку и положила голову на плечо. Поёрзала, укладывая её поудобнее на жёстком щитке.

— Надо было выдумать сероглазого высокого ведьмака, — глядя на лодки, мечтательно сказала она. — Сейчас бы мы с ним сидели вот так, обнявшись, потом целовались до утра, а потом он бы подал мне руку и свёл с этого склизкого камня, на который я еле-еле взобралась.

— Я подам тебе руку, — сказала я. — А с остальным придётся разбираться самой.

— Как и всегда, — проворчала Марго добродушно и слегка пихнула меня в бок. — Каков наш дальнейший план?

Краткое, как миг между вспышкой молнии и ударом грома, затишье задумчивости и меланхолии покинуло её, и в глазах появился прежний деятельный огонь.

— Ты будешь веселиться на празднике, я буду разнимать драки, — быстро сказала я, чтобы успеть прежде, чем забьёт фонтан новых идей.

— Но как же...

— Нет.

Романистка опять открыла было рот.

— Нет, — повторила я и встала. — Вашу руку, мадам.

ВЕРГЕН. Из искры возгорится пламя

Отправив Марго в свободное плавание, я двинулась к столам для гостей из эльфийских кварталов — за сегодняшний день в этой части лагеря я так и не успела побывать. По обе стороны тянулись бесконечные ряды, и я шла, стараясь не привлекать к себе внимания. Лишь сейчас мне наглядно открылось, насколько много эльфов прибыло в Верген — я не узнавала почти никого. Невольно мысли вернулись к тому, кого я ждала, по кому смертельно скучала. Сколько времени прошло с тех пор, как он уехал? Пять дней? Шесть? Казалось, что целая жизнь.

Обогнув колонну из винных бочек, я услышала знакомый баритон. Киаран, окружённый изящным обществом, едва заметно кивнул, когда я проходила мимо. На отшибе, у тонкого белого полога, отделяющего столы от опустевшей площадки для игр, я заметила Торувьель, которая разговаривала с Яевинном. Эльфийка не изменила себе и сидела над бокалом вина, опершись локтями о стол. С противоположной стороны, пританцовывая, к ним направлялась Верноссиэль. Движимая любопытством и ещё каким-то чувством, в котором мне не хотелось признаваться самой себе, я отступила назад и по широкой дуге подобралась к эльфам со стороны погружённой в темноту игровой площадки, надеясь, что полог скроет меня от их взглядов.

Однако, завершив манёвр, я обнаружила, что была не единственным охотником до чужих разговоров. Из тени на полшага выступил Иолар и прижал палец к губам. Ярко освещённый стол, Торувьель и её опустевшая бутылка виднелись между неплотно сомкнутыми занавесями.

— Пойдёмте танцевать! — послышался звонкий голос Верноссиэль, и я увидела её со спины, как она подошла к столу. — Там выбирают лучших танцоров и танцовщиц. Не ты ли, Торувьель, славилась тем, что могла свести с ума любого своей пляской?

Торувьель и Яевинн молча смотрели на неё. Эльф с пренебрежением чуть задрал подбородок.

— Ах да, я забыла, — продолжила, явно не смутившись его видом, Верноссиэль, — ты теперь не танцуешь, теперь ты пьёшь...

Она склонилась над столом, и послышался звук падающих деревяшек.

— Вот, возьми, в призах ещё осталось достаточно вина. Хватит даже для тебя.

— Что тебе нужно? — резко спросила Торувьель, и в чёрных глазах её было бешенство, и была боль.

— Я хочу танцевать, и мне нужна пара.

— За чем же дело стало? — холодно спросил Яевинн.

— Мне нужна самая лучшая пара, — промурлыкала Верноссиэль, и в её голосе зазвучала насмешка: — Ты же лучший? Разумеется, только в отсутствие Иорвета. Так бы я пошла к нему.

— Я скажу «нет», и то же самое сказал бы тебе Иорвет, — голос Яевинна был спокоен, но по скривившимся губам было заметно, что слова Верноссиэль задели его за живое.

— Ты ошибаешься, старая любовь не ржавеет, и Иорвет не из тех, кто может забыть, — засмеялась она и протянула Яевинну руку. — А я настойчива.

Я обмерла, кляня себя за унижительный импульс, что привёл за чёртову занавеску, и дорого бы дала, чтобы никогда не слышать этого диалога. В темноте я чувствовала тепло от

стоящего рядом моего неподвижного сообщника. Казалось, он не дышал.

Торувьель вдруг хлопнула ладонями по столу.

— Идите, — глухо сказала она.

— Что? — Яевинн повернулся к ней, будто не веря своим ушам.

— Идите! — крикнула она.

Эльф рывком встал и зашагал прочь. Верноссиэль опустила так и висевшую в воздухе руку, с лёгкостью выпрыгнула из-за лавки и устремилась за ним следом. Торувьель осталась за столом в одиночестве.

— Я помогу ей, — шепнул Иолар и проскользнул за полог.

Я бросилась в темноту, подальше от огней лагеря. Щёки горели, и пришлось признать, что горели они от стыда — всегда терпеть не могла тех, кто суёт нос в ящик с чужим грязным бельём, а теперь и сама выступила не лучше. Я не хотела знать ничего о любовных отношениях Иорвета в прошлом, и не хотела ни единой секунды переживать об этом в настоящем. «Что, довольна?» — зло приговаривала я себе. «Довольна», — отзывалось рептильное существо внутри моей головы. Уже у забора, оглядевшись, я прислушалась чутьём — никого, только тишина и ночной шорох в пожухлой траве. Опустилась на колени и погрузилась в медитацию.

Музыка стихла — лучшие из лучших были выбраны. На освободившийся центр дощатого настила вышла эльфийка. Надрывно вступила скрипка. По телу танцовщицы прошла волна, взметнулись косички — оборот, ещё один. Оркестр подхватил, ускоряя темп, и зрители отбивали ритм ладонями. Эльфийка запрокинула голову и, изгибаясь, кружила на месте, полы туники парили. Всё быстрее и быстрее мелькали тонкие лодыжки, и руки складывались в виртуозном узоре. Вдруг мелодия зависла на высоком неустойчивом аккорде, остался лишь ритм, и публика взорвалась аплодисментами. С другого конца танцплощадки выступил молодой краснотел. Борода едва-едва начала пробиваться на его лице, и взгляд опущенных ресницами бархатных глаз был прикован к партнёрше. Он сделал круг, вышагивая вытянувшись и уперев руки в бока, дробно застучал по доскам каблуками. Музыка обрушилась яростно, и краснотел прошёлся колесом и, подпрыгивая на одной руке, ударил в воздухе сапогами, пока эльфийка будто обтекала его. И вот уже они двигались так, будто всю жизнь танцевали вместе — согласованно, но отдельно, связанные лишь взглядами. Ритм становился жёстче, танцоры сближались, но не касались друг друга, и пространство между ними наполнилось желанием и словно потрескивало от напряжения. Я поймала себя на том, что кричу и хлопаю вместе со всеми зрителями. Воздух сгустился. Было жарко. В центр выбежал эльф и схватил танцовщицу за руку. Она вырвалась, партнёр одним движением под талию направил её кружащимся вихрем в сторону. Эльф попытался её догнать, но из толпы наперерез бросились краснотелы. Началась давка. Завизжали. Скрипки неистовствовали. Задние ряды повалились с помоста, и в миг вокруг разверзлась возбуждённая драка. На фоне взлетающих кулаков, не замечая никого, пара продолжала танцевать.

Подроспела троица Дагга Бороса, ринулась в гущу. Наложив защитный знак, я едва выбралась из месива многопудовых тел. Со всех сторон, будто всю свадьбу только этого и ждали, бежали гости и присоединялись к мордобою. Уже не целясь, я пуляла Аксием, а патрули по одному выволакивали самых задир. В толпе я заметила Ярпена, который, казалось, только делал вид, что помогал разнимать драку, и перекошенное лицо его было счастливым и диким.

Побоище закончилось так же неожиданно, как и началось. Оставшиеся без лидеров драчуны, потирая ушибы, разбрелись к пиву. На опустевшей танцплощадке как ни в чём не бывало заиграла умиротворяющая мелодия. Я повалилась на лавку, вытянула ноги и, улыбаясь, смотрела на идущего ко мне Ярпена. Краснолюд, заметив, что я наблюдаю за ним, паясничая вскинул в стороны руки и под музыку затряс грудью, как цыганочка. Я расхохоталась. Весь этот животный замес получше, чем медитация, смысл гадкое послевкусие от подслушанного разговора.

— Хороша свадьба, скажи, Янка?! — прорычал Ярпен.

— Хороша! — смеялась я. — И с дракой!

— Теперь ни один из Гоогов и ихней шайки кузенов не посмеет сказать, что в Вергене краснолюды измелъчали! А то сидят кислые, словно мы тут одними полонезами балуемся.

— А кстати, где молодые? Я их давно не видела.

— Да кому они нужны, молодые-то? — удивился Ярпен. — До дому небось слиняли, у них сегодня дела поважнее есть. А нам спать ещё рано...

Он сладко потянулся, зевнул и присел рядом. Я раздумывала, как бы так поаккуратнее выпросить у Ярпена, куда подевался Александр, как вдруг неподалеку загорланили:

— Чудовища! — орал пьяный голос. — Помогите!

Мы с Ярпеном подскочили, как ужаленные. Расталкивая народ, в нашу сторону шатающейся походкой направлялся расхлюстанный мужик. На груди его расплылось бурое пятно, меховой жилет висел на одной руке, другой он сжимал горло бутылки. На очередном зигзаге мужика подхватили под руки Симон и темноволосый рыцарь, на щеке которого была размазана кровь из разбитого носа.

— Чего орёшь? — грозно рявкнул Ярпен.

— Так чудовища же! — мужик запрокинул руку с бутылкой, хлебнул, и пятно на рубашке увеличилось. — Жену мою украли, Анку мою!

— Как выглядели чудовища? — спросила я громко и внятно.

— Ты ведьмачка — ты и знай, как они выглядят! — заявил мужик.

— Ты их видел?

— Жена пропала, Анка моя! — снова заголосил он.

Ярпен зарычал:

— Так откуда ты знаешь, что её чудовища украли?

— А кто? — мужик смотрел круглыми бестолковыми глазами. — Была и нету. Сказала душегрейку подержать — и нету!

Он протянул меховую жилетку, которая болталась у него на руке. Мы переглянулись и выдохнули с облегчением.

— Давай сюда душегрейку, — сказала я. — Как тебя потом найти-то?

— Да никуда он отсюда не денется, — брезгливо отозвался Симон. — Я пригляжу, если что.

Мужик развалился на лавке и, театрально всхлипнув, приложился к бутылке.

— Так бы и прибил его на месте, — проворчал Ярпен.

Праздник растёкся по закоулкам и укромным местам, и лишь на тёмном стрельбище, на самом краю лагеря, я нашла безлюдный уголок. Надела на растерзанную соломенную мишень жилетку и сосредоточилась. «Как же, чудовища, — подумала я, вставая с колен. — Врите больше». Если какое-то чудовище и сжирало Анку, так это неутолённое, ненасытное,

раззадоренное алкоголем желание. Импульс однозначно указывал на берег, где днём играла молодёжь. Этот пляж был в стороне от широкого пляжа с лодками и был пустынен и тих. Длинные тени торчащих тут и там камней падали на белый песок, подсвеченный восходящим над рекой месяцем.

У меня не было ни малейшего желания возвращать блудную жену в лоно семьи, но для очистки совести я всё-таки спустилась к воде и сосредоточилась снова. Без сомнений, Анка была неподалёку, шагах в тридцати, не больше, и помощь ей не требовалась. Однако на сей раз в медитации я почувяла, что кто-то приближается по берегу со стороны лагеря и одновременно с этим кто-то другой бежал наперерез от стрельбища. Откинула сбивающую с толку жилетку, сконцентрировалась снова. «Как же вы все надоели!» — чертыхнулась про себя и выглянула из-за скалы. Вдоль кромки воды шли рука об руку Иолар с Торувьель, а прыжками с берега к ним спускался Яевинн. Он гневно крикнул что-то, и я неслышно обогнула скалу, соображая, как поступить дальше. Момент для того, чтобы уйти, был упущен — эльфы уже всю возбуждённо переругивались, а путь к лагерю лежал через ярко освещённый месяцем участок пляжа. Несомненно, покажись я, они решили бы, что я подслушивала. Отступление дальше по берегу было заблокировано любвеобильной Анкой. Поэтому я осталась на месте в густой тени скалы, радуясь, что не могу распознать слов — на сегодня я услышала достаточно. Однако идиллия продолжалась недолго — эльфы приближались.

— Отстань от меня! — вдруг хрипло закричала Торувьель. — Лучше бы ты не помогал мне под Вызимой, если взамен хочешь привязать меня к ноге!

Пауза, мягкий голос Иолара. И снова Торувьель:

— И ты отстань от меня, спаситель хренов! Отстаньте от меня оба!

Она показалась на свету и побежала в сторону лагеря. За скалой слышались звуки резких выдохов и глухих ударов, и, поймав себя на мысли, что болею за Иолара, я лихорадочно соображала, следует ли мне вступать в драку. Эльфы — это не подвыпившие кметы, и моё вмешательство, к гадалке не ходи, будет оскорблением для них, а результат непредсказуем. Я ждала, прижавшись к камню спиной. С другой стороны из-за скал тоненько завывала женщина, и голос её ритмичными толчками забирался всё выше и выше, и на пике небо расцветилось метеорами. Голос вывел финальную ноту, до берега докатился гром. Над скалами вновь выросли огненные цветы, и земля под ногами содрогнулась. Позабыв обо всех, я рванула к лагерю.

— Сесиль! — сквозь грохот я пыталась докричаться до старосты, который в компании Саскии и махакамцев с возвышения наблюдал за фейерверками. — Сесиль!

— Что случилось? — недовольно спросил он, когда спустился ко мне.

— Нужно немедленно прекратить салют!

— Ни в коем случае! — категорично ответил он. — Погляди — они радуются, словно дети.

Сесиль повёл рукой в сторону меховых краснолюдов, которые восхищённо задрали бороды в чёрное небо. Грохнул залп и за ним восторженный стон толпы. С неба осыпались искры.

— Ну, вот и всё, — сказал Сесиль. — Не стоило и...

Он осёкся. Издалека, от ворот лагеря, кричали. Одинокий вопль обрастал телом, ширился, и было совершенно очевидно, что на этот раз дело не в танцах и фейерверках и не в гуляющих жёнах.

На свадьбу прибыли незваные гости.

Лошади бесновались у сколоченной из брёвен привязи и дико ржали, вставая на дыбы и молотя копытами по спинам друг друга. У входа в лагерь на земляном холме боком валялся переломленный пополам деревянный мост. Я взбежала на холм, и в этот момент пустая повозка неподалёку от лошадей взлетела в воздух. Из земли с фонтаном грунта взметнулось бледное членистое тело гигантской многоножки — увеличенной многократно копии той, что выросла в бутылке. Сколопендроморф изогнулся, воткнулся в бок ближайшей лошади острыми, как лезвие косы, жвалами. Подтянул к себе, навернулся на круп верхней частью тела. Колючие ноги обхватили жертву, и отчаянно сучащая копытами лошадь, из которой хлестала кровь, взвилась над землёй. В верхней точке ноги лошади судорожно выпрямились — яд подействовал — и так и остались торчать, как воткнутые в тело палки. Сколопендроморф задержался, перехватывая жертву, и нырнул под землю. На вершине сопки остался располосованный лошадиный труп. Остальные лошади в панике рванулись, столбы привязи вырвало из земли, и, волоча за собой бревно, табун, в котором была и моя Туча, помчался в сторону речушки, пересекающей поле перед лагерем.

Не замечая криков и мечущихся в свете факелов гостей, широким шагом приближалась Саския, сопровождаемая Ярпенем и невесть откуда появившимся Александром. Киаран отдавал команды, и скоя'таэли разбирали из шатра арсенала оружие. Со стороны стрельбища показался Иолар, который приложил пальцы к губам и залихватски свистнул.

— Сейчас бы бомбыгодились! — закричал Ярпен.

— Бомб нет, — отрезала Саския. — Нужно увести народ!

— На скалы! — перекрикивая гвалт, я махнула рукой к берегу Понтара. — Там будет безопасно!

— Уведёшь их... — проворчал Ярпен.

Со всего лагеря к воротам сбегались раззадоренные новым аттракционом и женскими визгами мужики. Краснолюды Ярпена выстроились цепочкой, но с истошным рёвом пьяная толпа разорвала оцепление и ринулась в палатку арсенала. Патрульных разметало в стороны. Мужики задирали стенки шатра, подныривали под них и хватали оружие. Шатёр ходил ходуном. Киаран крикнул, и несколько скоя'таэлей подрубили растяжки и завалили опоры набок. Плотная ткань упала, под ней забарахтались.

— Я разберусь с ними! — гаркнул Ярпен, выхватил рожок и оглушительно загудел.

Его отряд собрался вокруг упавшего шатра.

— Действуем по плану? — Саския с вершины насыпи невозмутимо всматривалась в даль.

— Нам нужны лошади, — с досадой сказал Киаран, наблюдая за табуном, беснующимся на ярко освещённом месяцем поле.

У реки из земли снова вынырнуло и исчезло белое членистое тело.

— Я приведу наших лошадей, — из-за его спины негромко сказал Иолар. — И поймаю ваших.

За ним уже стояло несколько таких же загорелых, как и он, длинноволосых эльфов в меховых накидках. Вслед за Иоларом они трусцой побежали вдоль забора к берегу Понтара.

Краснолюды затрубили в рожки все вместе, и оглушённые горе-помощники, выпутавшиеся из-под шатра, стояли, виновато свесив головы. Ярпен орал. Потом краснолюды задудели вновь и, растянувшись цепью, стали загонять гостей, как стадо овец, в

сторону скал на другом конце лагеря.

Скоя'таэли оттащили тяжёлую ткань упавшего шатра в сторону.

— Нашли! — закричал один из них, и рыцари Александра, из патрульных, стали разбирать оставленные ими копыя и щиты.

Холм под мёртвой лошадью зашевелился, труп приподнялся и ушёл под рыхлую землю. Стало тихо.

— Они охотятся на лошадей, — сказал Киаран, показывая на поле, где из-под земли блеснуло сразу два изогнутых червяками сколопендроморфа.

Послышалось гикание и топот копыт, и со стороны берега прискакали Дикие Эльфы с парой десятков лошадей. Схватив узду коня, Саския похлопала его по шее, проверила подпругу седла.

— Всё готово! — она вцепилась в туфельку и, прыгая на одной ноге, скинула её, потом и вторую, оставшись босиком. — Ещё раз, быстро! Ведьмачка!

— Вместо бомб приманкой будут лошади. Надо освободить их от привязи и успокоить, — отрапортовала я. Иолар кивнул. — Дальше по плану: я обездвиживаю ловушками, остальные пытаются попасть между хитиновых щитков.

— Я встану с лучниками на том камне, — показал Киаран и запрыгнул в седло. — Старайтесь подманить чудовищ к нам.

Саския оседлала лошадь, расправила платье и приняла из рук Александра копьё. Шестёрка Свободных Эльфов подстегнула коней и помчалась в сторону табуна. Рыцари и скоя'таэли расхватили оставшихся лошадей. Иолар протянул мне руку.

— Я помогу тебе, — сказал он.

Эльфы рубили поводья, высвобождая лошадей от привязи. Я сидела позади Иолара и, держась за него одной рукой, другой успокаивала испуганных животных Аксием. Его гнедой конь не реагировал на вспучивающуюся землю и хаос и слушал всадника беспрекословно. Освобождённых лошадей погнали вдоль блестящего в ночи ручья.

— Приготовься! — крикнул Иолар и направил коня наперерез табуну.

Ирден. Бледное тело сколопендроморфа задрожало над лопнувшим нарывом в земле. Конь промчался с ним рядом, и Иолар всадил меч в сочленение хитиновых щитков. Брызнуло, я сложила усиленный Квен, и стенки оранжевого пузыря вокруг нас с эльфом тут же разъело, словно кислотой.

Вычислив нас по вибрации, в следующий момент сколопендроморф показался из-под земли ровно перед копытами коня. Конь перепрыгнул насыпь, и я успела наложить Ирден, чтобы чудовище не поймало нас в полёте. Иолар по рукоятку загнал меч в круглый чёрный глаз, пробив морду с изогнутыми жвалами насквозь. Первый был готов.

На другой стороне поля скоя'таэли Киарана осыпали стрелами второго сколопендроморфа, который высовывался около их камня, как чёрт из табакерки, и прятались за щитами от ядовитых плевков. Иолар же поскакал к табуну, за которым парой резвящихся дельфинов выныривали последние двое. Туда же вместе с рыцарями скакала Саския, прижимающая к боку копьё, и за ней развевались белые юбки.

Иолар обогнал храпящих лошадей, которые неслись галопом, вытягивая морды. Я поставила ловушку, и Саския, проскакав мимо замершего на миг сколопендроморфа, пронзила его копьём. Сколопендроморф дёрнулся, нырнул. Копьё плашмя ударилось о землю и переломилось. Рыцари пытались добить ускользящее в дыру чудовище, а перед

конём обезоруженной Саскии вынырнул второй сколопендроморф. Мой Ирден не достал, Иолар метнул меч, который пробил хитиновый панцирь и застрял в нём. Александр с копьём в руке на всём скаку тараном врезался в белое извивающееся туловище. Сколопендроморф обхватил острыми ногами коня за шею, а Александр ударил копьём вверх под нависшую над ним шипастую челюсть и выпрыгнул из седла. Конь забился в судорогах на земле, а потом затих.

Саския подъехала к Александру, склонилась с лошади и протянула ему руку.

— Благодарю, Дева-Драконоубийца, — сказал Александр с низким поклоном. — Не смею беспокоить.

Один из рыцарей подвёл ему коня из табуна и Александр, оседлав его, шагом направил к лагерю. Саския смотрела вслед.

Киаран и скоя'таэли спустились с камня и рассматривали растянувшееся и утыканное стрелами, как подушка для иглоков, тело последнего убитого сколопендроморфа. На землю из щелей между хитиновых частей панциря сочилась тягучая, как гной, жидкость. От поломанного моста у входа в лагерь к нам спешили Ярпен с Сесилем Бурдоном, окружённые махакамцами.

Ярпен добрался до нас первым. Он странно подмигивал на оба глаза сразу и то прикладывал руки к шее, то складывал их крестом.

— Ты потерял дар речи от того, что мы разобрались со сколопендроморфами без твоей помощи? — удивлённо спросил Киаран.

Ярпен заgrimасничал ещё активнее.

— А вот наши эльфы и люди в действии! — широко улыбаясь и тоже яростно подмигивая, громко сказал Сесиль Бурдон и повёл вокруг руками, как экскурсовод в музее. — Потрясающая демонстрация боя, друзья мои!

— В чём дело, Сесиль? — резко оборвала Саския и спешила.

К ней прошагал один из махакамцев, крепко схватился обеими руками за её руку и потряс.

— Virtuозная постановка! Впечатляющий спектакль! Такого зрелища мы от здешней свадьбы не ожидали, — он с уважением поклонился, вернулся к Сесилю и хлопнул того по спине тяжёлой рукой. — Праздник удался на славу!

Махакамцы согласно кивали бородами головами. Один из них с опаской приблизился к трупу сколопендроморфа и ткнул его носком сапога.

— Много ли жрёт такое чудовище и сложно ли дрессируется? — спросил он у Киарана.

— Очень много и очень сложно, — ответил тот и улыбнулся: — Но зрелище ведь того стоило, правда?

Туча, и так никогда не отличавшаяся избытком смелости, обиженно фыркала, взбрыкивала, упиралась и прядала ушами. К счастью, Акий, как обычно, подействовал на неё безотказно, и скоро моя лошадь осоловела и послушно позволила отвести себя под уздцы обратно в лагерь.

Махакамцы отбыли в Верген, гости спустились со скал, а краснолюды вновь раскочегарили жаровни и подогревали мясо. Всем, кто участвовал в схватке со сколопендроморфами, включая патрульных, налили по чарке водки. Сесиль славил победителей. Ярпен увел Иолара к краснолюдскому столу. Завершающая часть вечеринки сыто, сонно и мирно катилась к рассвету. Потихоньку разъезжались гости. Я выпила бокал

вина и, отчаянно зевая, бродила по лагерю в поисках Марго. Романистка нашлась в палатке гадалки. Обняв ладонями хрустальный шар, она раскачивалась из стороны в сторону и что-то вещала, а старуха-гадалка слушала её, размеренно кивая, как китайский болванчик.

— Яна, присоединяйся к нам! — язык Марго слегка заплетался. — Я тебе погадаю на любовь и удачу.

Старуха цепко глянула на меня, проворно подскочила и скинула руки Марго с шара.

— Никогда не гадай ведьмакам, девушка, если не хочешь навлечь беду.

Гадалка завернула шар в подол. Марго рассмеялась.

— Ну и ладно, — она поднялась, и её повело в сторону. — Приятно было познакомиться, хорошего вечера, счастливо оставаться, доброй ночи...

Под руку я увлекла её к выходу из лагеря.

— Мы так мило болтали с этой чудесной женщиной, у неё такая богатая фантазия! — восторгалась Марго. — Тех небылиц, что она мне нагадала, хватит на роман, а может быть и на два. Знаешь, я тоже могла бы стать великолепной гадалкой!

Увидев кучи земли и сломанный мост, Марго захлопала глазами:

— Я пропустила состязание в рытье ям?

— Ты почти ничего не пропустила, — я помогла Марго водрузиться на Тучу и забралась в седло следом. — Расскажу по дороге.

Узнав, что произошло, Марго заставила меня вернуться и объехать все трупы сколопендроморфов. Рядом с лошадьёю летел свиток, а перо выводило на нём нетвёрдые пьяные загогулины. Поле стало серым, и небо стало серым — светало.

По дороге в Верген Марго укачало, и уже недалеко от конюшни она рванула к пустым палаткам торговцев и упала грудью на прилавок, перегнувшись и повиснув на нём, как тряпичная кукла. Я отвела Тучу в стойло, а потом уселась на ступенях лестницы в эльфийский квартал ждать романистку. Глаза закрывались. В тишине слышался мерный, гулкий стук каблуков. Я обернулась — сверху показалась тёмная фигура, в которой, присмотревшись, я распознала Виго Бамберга. В чёрном узком сюртуке травник напоминал ссутуленного грача. Он не спеша спускался по лестнице и держал в руке чёрную же шляпу, похожую на сплюснутый цилиндр.

Я вскочила, сердце упало. Виго Бамберг отрицательно покачал головой, поравнявшись со мной.

— Как она? — воскликнула я, ни секунды не сомневаясь, кого навещал травник.

— Боюсь, я сделал всё, что мог, — печально ответил он. — Дитя слабеет с каждой минутой.

— Да что с ней такое?! — мне показалось, что воздух кончился, и в глазах потемнело так, что рассвет вдруг стал чёрным.

— Эльфы... — он поднял на меня лицо и пожал плечами. — А девочка, хоть и маленький, но настоящий эльф. Иногда такое случается, когда они теряют смысл. Они просто уходят.

— Искра, — прошептала я.

— Они называют это искрой, — согласился травник.

— Но подождите, — я вцепилась ему в рукав, — но что будет, если вернуть ей этот смысл?

— Смирись, — ответил он, аккуратно высвободил руку и сочувственно похлопал меня

по плечу. — Прими то, что не можешь изменить.

От прилавка возвращалась Марго. Виго Бамберг поклонился и траурной тенью зашагал прочь.

— Мне так неудобно перед зеленщиком, — слабым голосом заговорила романистка. — Единственное, что я могу сказать в своё оправдание, так это то, что я не была первой.

— Марго, у меня появилось дело, — сказала я и зашагала к повороту в каменные переулки.

— Ты опять пытаешься от меня избавиться! — романистка бросилась вслед и, как якорь, повисла на моей руке. — Без меня ничего не выйдет! А что случилось?

— С Несой случилась беда, — ответила я.

Мы бежали мимо домов с тёмными прямоугольниками окон над дверьми, и каблучки Марго стучали по мостовой.

— С маленькой эльфийкой? Какой ужас! Постой, тут же живёт Саския!

Романистка резко затормозила и выдернула руку.

— Я к ней не пойду!

— Только она может помочь, — сказала я, отступая в сторону двери в квартиру Аэдирнской Девы, около которой дежурили два краснолюда. — Прошу, иди домой, я всё расскажу тебе потом.

— Да, так будет лучше, — Марго обессиленно привалилась к стене. Её лицо было серым, как и камни за спиной. — Только малость передохну.

Саския тотчас откликнулась на стук и отворила дверь. Она была в белой сорочке до пят, как и в тот раз, когда Марго превращала её в Прекрасную Даму. Белое с золотом платье валялось на полу, а светлые волосы Саскии, освобождённые от шпилек, свободно ниспадали на грудь и спускались до пояса. Я не стала ходить вокруг да около и тут же выпалила ей всю историю Несы.

— Я уверена, что спасти девочку возможно. Она должна встретиться с настоящим драконом, — подытожила я. — Пока не поздно...

Саския отвернулась и сделала круг по комнате, сжимая ладони в кулаки.

— Для этого нам надо забрать её из города, — наконец, задумчиво сказала она. — Но родители не захотят расстаться с ней в такой момент.

— Да, не захотят, — согласилась я и замолчала.

Лишние аргументы были не нужны — Саския прекрасно всё понимала и сама. Жизни умирающего ребёнка на одной чаше весов и тайна, которую в Вергене знали лишь трое — на другой.

— Я верю им, — тихо сказала я. — Я верю, что они не расскажут.

Саския крепко зажмурилась, потом с тихим свистом выдохнула и разжала кулаки.

— Пойдём! — скомандовала она. — Нельзя терять ни минуты!

Не переодеваясь, она натянула сапоги, накинула поверх сорочки кожаную куртку и распахнула дверь.

— Четырёх лошадей к Северным воротам! — приказала она краснолюдам.

Те бросились исполнять команду. Марго у стены уже не было — вероятно, она всё-таки отправилась домой.

— Поедем с девочкой к старому столбу гномов, — решила Саския. — Лучше места не придумаешь. И будь, что будет.

— Добрались, — сказала Саския, и все спешили.

Серый рассвет перешёл в такое же серое беспросветное и промозглое утро. По поляне ключьями полз туман и облизывал подножье наклонившегося каменного столба. Эйлин нерешительно переглянулась с мужем, тот приподнял хрупкое тельце дочери, завёрнутое в одеяло, повязанное на шее на манер люльки. Я протянула руки, и он осторожно передал мне Несу.

— Вы останетесь здесь, — сказала Саския.

— Но почему мы не можем... — Эйлин не смогла говорить дальше.

— Вы будете видеть всё, — попыталась успокоить я, поудобнее перехватывая одеяло с девочкой. — Дайте Саскии и Несе шанс, не вмешивайтесь.

— Не сходите с места, что бы ни произошло, — сказала Саския, и голос её звучал жёстко и уверенно, и по всей видимости это был нужный тон. Эльфы вцепились друг другу в руки, и отец кивнул. — Помните о том, в чём вы поклялись.

Мы направились к столбу. Неса шевельнулась в одеяле, приложила невесомую ладошку к моей груди.

— Айни, ты заберёшь меня в страну, где живут драконы? — тихонько спросила она.

— Нет, дружок, я приведу к тебе дракона, — ответила я.

Глаза девочки закрылись. Дойдя до столба, Саския осмотрелась и сбросила на землю куртку. Подошла ко мне, коснулась ладонью бескровной щеки Несы. Та даже не шевельнулась. Саския, отдёргнув руку, согнулась пополам и закашлялась. По спине прошла волна, и сквозь белую сорочку, которая вращалась в тело, проступили бугры, выстрелили сложенными зонтами и расправились крылья. Лицо её деформировалось, а тело невероятно быстро росло и покрывалось чешуей. Я потормошила Несу за плечо.

— Неса, пожалуйста, проснись! — повторяла я. — Проснись!

Дракон поднёс к Несе огромную голову, и из ноздрей дыхнуло теплом.

— Дракону нужны его Воины, — сказала Саэсентессис, и змеиные зрачки остановились на лице девочки. — Ты не должна уходить.

Неса распахнула глаза, мгновение неподвижно смотрела на висящую над ней голову на изогнутой шее и забарахталась в одеяле, пытаясь сесть. Я помогла ей, и маленькая эльфийка протянула ладони к дракону. Саэсентессис склонилась, Неса прильнула к шипастой морде.

— Иди ко мне, — сказал дракон.

Я оглянулась на эльфов — они стояли, слившись друг с другом, и не двигались с места. Сделала шаг и осторожно переложила Несу в подставленное перепончатое крыло. Саэсентессис завела его за спину, и маленькая эльфийка, у которой вдруг взялись откуда-то силы, ухватила за костяную пластину и перебралась на хребет. Дракон расправил крылья и в следующий миг, оттолкнувшись лапами, приподнялся над землей. Завис в воздухе, и крылья опускались, поднимая ветер и разгоняя туман, а потом перелетел через столб, и когда он приземлялся, зазвенел восторженный детский смех.

Девочка соскользнула со спины Саэсентессис, и та, как в гамаке, несла её в крыле. Неса ощупывала чешую вокруг ноздрей, пыталась обнять необъятную для её рук драконью морду.

— Ты больше не уйдёшь? — спросила она.

— Я уйду, но всегда буду рядом, — ответила Саэсентессис. — А ты обещай, что когда вырастешь, то будешь защищать меня.

Девочка тихонько рассмеялась.

— Конечно буду, мы ведь Воины Дракона, — сказала она.

Она положила ладони под голову и свернулась калачиком. Веки её сомкнулись, а на губах осталась тихая мечтательная улыбка. Она была худенькой и слабой, как и прежде, но с лица ушла тусклая неживая восковость, и под тонкой кожей на щеках засветился румянец. Саэсентессис укачивала её, как младенца. Я подошла, чтобы взять девочку, и в этот момент услышала резкий скрежещущий звон стали и предупреждающий крик Эйлин. Развернулась — отец Несы с мечом в руках пытался задержать человека в чёрном, который рвался на поляну в бой с драконом. Александр!

Саэсентессис сдавленно рыкнула, глядя на рыцаря, я выхватила Несу из опадающих крыльев, и тело дракона начало сдуваться и таять. Обратившаяся Саския приложила руки к груди и обречённо всхлипнула, хватая ртом воздух. Лицо её стало безжизненно белым, ноги подкосились, и она без чувств рухнула на землю.

Из руки Александра выскользнул меч, и через миг Благородный Рыцарь, лицо которого было ещё белее, чем у Саскии, очутился рядом и упал на колени у тела девушки.

— Саския! — воскликнул он и схватил её ладонь. — Что с тобой?

— Что ты здесь делаешь?! — шёпотом воскликнула я, неловко переминаясь с ноги на ногу со спящей в одеяле Несой на руках и посматривая на остановившихся неподалёку эльфов.

— Она позвала меня, — пробормотал он и, словно извиняясь, протянул клочок бумаги.

Потом прислушался, сжав пальцами запястье Саскии. Она будто спала, и золотистые волосы разметались по земле.

— Саския... — позвал Александр.

Та судорожно вздохнула и открыла глаза. Я отступила и пошла к эльфам. Эйлин бросилась ко мне, приникла к дочери и осыпала её поцелуями.

— Она вернулась! — воскликнула она. — Посмотри, Яна, посмотри на её лицо!

Отец подхватил девочку на руки.

— Едва остановил... — проворчал он, показав в сторону Александра.

— Мы еле успели, — кивнула я. — Но главное, чтобы с Несой всё наладилось. Поезжайте домой.

Эйлин, потянувшись ко мне, прижалась губами к щеке, вскочила в седло. Муж её набросил узел одеяла за шею, ударил бока лошади пятками, и эльфы исчезли в лесу.

Я развернула записку. «Немедленно приезжай к старому столбу гномов. Будь один. Дело жизни и смерти. С.» — значилось в ней, и я могла поклясться, что видела уже сегодня подобные шаткие буквы. Оглянулась на поляну — коленопреклонённый Александр держал лежащую на земле Саскию за руку и что-то говорил ей. «Классический сюжет, трогательная сцена заботы рыцаря о своей даме», — прошептала я себе под нос, развернула лошадь и забралась в седло. Воскликнула: «Пошла!» и подняла лошадь в галоп. Копыта застучали по тропе, поляна скрылась за поворотом, и я, наконец, дала волю переполнявшему меня облегчению и расхохоталась.

Голова Марго покоилась на столе, но как только я закрыла за собой и заперла на ключ дверь, романистка встрепенулась.

— Я тебя ждала! — пробормотала она, пытаясь разлепить веки. — Как всё прошло?

— Прошло хорошо, но были и неожиданности, — сказала я и положила записку на стол. — Как ты сумела это повернуть?

— Меня снова замутило, и пока я изучала ближайшие кусты, то слышала от Саскии,

куда вы направляетесь, — чистосердечно призналась она. — А потом брела домой, наткнулась на рыцарей и не смогла упустить такой шанс. Только не говори, что у меня опять ничего не получилось!

— Этого я не скажу, — я уселась за стол напротив неё. — Неса будет жить, но не благодаря тебе.

— И что сделала Саския?

— Э-э... ритуал, — уклончиво ответила я, подозревая однако, что жадная до необычной матчасти романистка не удовлетворится таким ответом. Так и произошло.

— Какой же? — спросила она с энтузиазмом. — Я хочу знать все подробности!

— Очень древний ритуал, который проводили в глухой деревне, откуда Саския родом. Мы вымазали руки и ноги Несы в тесте, а Саския ходила на руках с ней вокруг костра и заговаривала. Как бы выпекала заново, я поняла это так, — завиралась я. — Но то, что ты сделала, чуть было всё не испортило...

— Александр пришёл? — перебила она. — Он видел, как наша Прекрасная Дамка заботилась о малышке?

— Видел. Он всё видел, — сказала я и вздохнула. Спорить с Марго не имело смысла. — Он назвал Саскию по имени.

— Как это чудесно! — обрадовалась она. — И что же, что было дальше?

— А потом он взял её за руку, — сказала я. — Это отвратительно?

— Это замечательно!

Марго вскочила, сделала, танцуя, оборот, застонала и свалилась на кровать.

— Всё-таки, самые гениальные решения приходят либо от отчаяния, либо спьяну, — сказала она и отшвырнула в сторону сапоги.

— Либо от того и другого вместе, — рассмеялась я, поднялась и пошла в свою комнату.

— Не буди меня пару суток! — донеслось из-за полога.

Через три дня после стихийного бедствия под названием «краснолюдская свадьба» жизнь вергенцев вернулась в привычное русло. Изрядно потрёпанный гулянкой лагерь на берегу Понтара расчистили, шатры сняли и отправили на зимнее хранение в сухие склады в шахтах, и сожгли трупы сколопендроморфов. Неса шла на поправку. Она так и не узнала, кто был тем драконом, решив, что ради неё я призвала дракона из самой Зеррикании. Эйлин с мужем хранили тайну и всячески поддерживали зерриканскую версию. Они, похоже, считали, что повторное спасение Несы раздуло их долг до небес, и буквально взяли меня в заложники, пытаясь отдать этот долг Старшей Речью. Эйлин не шутила, когда обещала поселить меня у неё в квартире, если я не заговорю к Саовине — ночевала я, конечно, у себя, но всё остальное время проводила у эльфийки.

Выздоровливающая Неса активно включилась в процесс. Мы разыгрывали на Старшей Речи сценки с лохматым зайцем, подаренным Юзефой, рисовали и обсуждали драконов и разных чудищ, до которых у девочки был невероятный интерес. Когда все встреченные мною монстры этого мира от гулей и виверн до призраков и сколопендроморфов исчерпались, я нарисовала ей динозавров и тут же была уличена в фантазёрстве. По мнению Несы таких чудовищ в природе существовать не могло, а мои оправдания, что динозавры вымерли миллионы лет назад, она сочла жалкими отговорками.

Марго целыми днями работала — махакамцы напомнили ей о сроках сдачи романа, а вечерами воплощала план по налаживанию личной жизни, который озвучила на следующий день после свадьбы. «Пришло время позаботиться о себе», — объявила она и рьяно принялась за дело. Когда темнело, она исчезала из дома, но исправно возвращалась к ночи. Я же, в порядке прокрастинации домашних заданий по Старшей Речи, принялась читать её романы и начала с приключений амбициозной служанки, которая оказалась дочерью разорившегося дворянина и придумала хитроумный план, как отомстить врагу семьи и вернуть титул. Неожиданно я втянулась и не смогла оторваться от книги до рассвета. Марго была счастлива и тут же всучила мне историю того самого рыцаря на чёрном коне.

Через пару дней, когда и рыцарь, и его возлюбленная уже трагически умерли в финале, а я чахла над переводом очередной баллады, романистка вернулась домой позже обычного раскрасневшаяся, с блуждающей улыбкой.

— Свидание прошло успешно? — спросила я, обрадовавшись поводу отвлечься.

— О чём ты говоришь? — с видом непорочной девы ответила Марго, одновременно с этим приглаживая перед зеркалом растрёпанные волосы. — Я лишь собирала для романа материал.

— Генетический? — не удержалась я.

Марго бросила попытки скрыть следы преступления и повернулась ко мне с томной улыбкой превосходства на губах.

— И заметь, отборный! — объявила она и прошуршала мимо к алькову с бадьёй, наполненной горячей водой. — На твоём месте я бы тоже не сидела сиднем — вокруг кипит жизнь!

Жизнь вокруг кипела, но только не моя. Дни до Саовины, до которой ещё оставалась неделя, тянулись бесконечно медленно. С утра после пробежки я уходила к Эйлин, чтобы отвлечься и оттаять в её радушной семье, и пыталась по полной занять мозг Старшей Речью

(от которой уже подташнивало), чтобы перестать ждать.

За пять дней до праздника у эльфийки, торгующей на крохотном рынке в квартале скоя'таэлей, я справилась купить горшочек засахаренной вишни в меду, используя исключительно Старшую Речь. Чрезвычайно гордая собой, я пошла к Эйлин и вдруг осознала, что вокруг говорят о ценах на молоко и мясо, об ужине, о новых сапогах и о том, что скоро придут дожди. Я сделала по рынку три круга ошеломлённая с одной стороны тем, что понимала смысл фраз, а с другой тем, что таинственные и загадочные эльфийские шифры оказались точно такими же бытовыми разговорами, какие можно было услышать в любом другом районе Вергена.

В гостях у Несы был Дин. Дети ожесточённо спорили — маленький краснолюд не верил, что Неса видела дракона.

— Тётенька ведьмачка, скажите ей, что это неправда! — воззвал он ко мне.

— Друзьям надо доверять, Дин, — обтекаемо ответила я, и Неса, на шею которой вернулся амулет с зерриканской монетой, закричала: «Понял теперь?!» Эйлин разложила в фарфоровые вазочки медовую вишню, и дети тут же забыли о споре.

— Сегодня я познакомлю тебя с подругами, — объявила мне эльфийка на Старшей Речи. — Мы будем вышивать, а ты слушать и записывать.

— Они согласные, я слушать и записывать? — наконец, выговорила я, повторив часть фразы за Эйлин.

— Они знают, — засмеялась она, — и даже делают ставки на то, сможешь ли ты их понять.

В первый вечер клуб вышивальщиц одержал безоговорочную победу. Эльфийки говорили очень быстро, ещё быстрее, чем их иголки управлялись с тончайшими золотыми нитями, и говорили одновременно, и к концу посиделок я перестала понимать не только Старшую Речь, но и всеобщий. Эйлин, которая вышивала узор по ярко-синему шёлку, утверждала, что всё в порядке. Домой я шла со звенящей пустотой в голове и не сразу сообразила, почему эльфийский квартал стал выглядеть непривычно и странно — шатров прибывших в Верген скоя'таэлей на площади не было.

Марго знала не больше моего. Её новый поклонник был из рыцарей Александра, которым, по всей видимости, не раскрывали планов насчёт Дол Блатанна.

— Гильем сказал, что дела скоя'таэлей их не касаются, — сообщила она и вздохнула: — Но я точно знаю, что лагеря Иолара под Вергеном больше нет. Но это и к лучшему.

Наутро я проложила маршрут к дому Эйлин обходными путями так, чтобы встретить Киарана на выезде из Северных ворот. Эльфа я встретила, но Киаран, похоже, свято соблюдал первую заповедь Исенгрима о контроле информации — он только загадочно улыбался и советовал ждать. Спросить у него когда вернётся Йорвет, я так и не решилась.

Подруги Эйлин, как я втайне и надеялась, оказались чуть более осведомлены. Я сумела распознать по их разговорам, что был гонец, было письмо и было собрание скоя'таэльских командиров. Потом разговор свернул на действительно важные вещи: семейные дела, здоровье и детей, и больше мне выведать не удалось ничего.

Ночью я лежала в своей каменной нише и не могла заснуть. Марго дома не было, и мне не хватало её жизнелюбия и непрошибаемого оптимизма, чтобы выпутаться из овладевшего мною после собрания рукодельниц внезапного раздрая чувств. Дело было даже не в Йорвете и не в бесконечном ожидании, хотя и в них тоже, а в том, что было давно подавлено и вытеснено, отложено на потом и забыто. Как приблудившийся бродяга, я грелась у чужого

семейного очага и рисовала динозавров маленькой эльфийской девочке, а ведь когда-то я рисовала динозавров совсем не ей. Или то была не я? В руках я крутила кольцо, пропуская между пальцев цепочку и не решаясь его надеть, — сколько времени я не была в мире по ту сторону сна, избегала его? Чужое прошлое, которое забывалось днём, как давний сон, не отпускало, а никакого другого прошлого у меня не было.

Послышался звук ключа в замке, поскрипывание двери — Марго вернулась домой. Она тихонько напевала и привычно хлопала крышками сундуков. Я надела цепочку с кольцом обратно на шею и моментально заснула.

До Саовины остался один день. Приморозило, камни мостовой звучали звонко, и ломкие ободки изморози стягивали лужи. На площадях сложили костры. Завтра от прошлогодней лучины зажгут самый большой — тот, что на площади у таверны, потом от него те, что помельче и разбросаны по городу, а от них вергенцы разнесут свежерождённый огонь по домам. По итогам сегодняшнего матча с вышивальщицами у меня была ничья. Я поняла если не всё, то почти всё, и даже сумела пересказать строгой Эйлин парочку сплетен.

Дома было жарко натоплено. Дрова трещали, пламя вырывалось и чёрными дымными языками облизывало каминную полку. Марго сидела у самого жара и смотрела на полыхающую книгу. В руках у неё была следующая.

— Что ты делаешь?! — воскликнула я.

— Иду в светлое будущее, — сквозь зубы процедила она и швырнула том с золотым вензелем в огонь.

Подскочив, я хлопнула Аардом, из камина взметнулось облако золы. Выхватила ещё не успевшую заняться пламенем книгу. Присыпанная пеплом Марго в ярости вскочила:

— Почему я не могу исполнить волю Иерарха Хеммельфарта в своём собственном доме?! — закричала она, но подбородок её предательски дрожал.

— Потому что это и мой дом тоже, — ответила я и шагнула к ней. — Что случилось?

Она упала мне в руки, уткнулась носом в плечо и расплакалась.

— Они жгут мои книги, Яна! — восклицала она. — По всему Новиграду горят костры из моих книг!

Марго достала из кармана смятое письмо.

— Мой издатель пишет, что бежал из города. Он разорён! Эти чудовища приравняли любовь к магии и уничтожают её!

— Ну же, ну... — успокаивала я, прижимая содрогающуюся романистку к груди. — Любовь невозможно уничтожить.

— Зато возможно уничтожить их! — с надеждой она заглянула мне в глаза. — Ты поможешь мне?

— Ведьмаки не охотятся на иерархов, — ответила я, и Марго, поникнув, горько покачала головой и показала на дотлевающую в камине кожаную обложку.

— Поделом мне... В этой книге я убила падшую женщину по имени Лукреция. Я списала её с сокурсницы в Аретузе, которая насмеялась надо мной весь год, что я была там. Её звали так же, — Марго опять показала мне письмо. — Маркус написал, что Лукреция сожгли в Новиграде незадолго до его отъезда.

Романистка опустила на стул и отрешённо смотрела в камин, в котором опять заплясало пламя.

— Какой бы она ни была — она не заслужила такой смерти. Я чувствую себя так, будто

самолично убила её.

— Её смерть никак не связана с твоим романом, — возразила я.

— А что, если связана? Учиться в Аретузе было всё равно, что жить в змеином гнезде. Поэтому в каждой книге я расправлялась с кем-то из них — они были первыми безымянными жертвами преступлений, были забитыми до смерти проститутками в дешёвых портовых борделях. И только сейчас я осознала, что половина из них уже сторела на кострах, а теперь вот Лукреция...

— Тогда ты знаешь, что нужно сделать с иерархом, — сказала я.

Марго слабо улыбнулась.

— Может быть, он прав, и мои книги стоят того, чтобы их сжечь. Я убиваю в них тех, кого ненавижу. Я убиваю в них тех, кого люблю. Скоро я останусь совсем одна...

Я отдёрнула в стороны полог в свою комнату, чтобы туда ушёл жар из натопленной гостиной, и принялась убирать рассыпанный пепел. Похоже, что утешить романистку, пытаюсь переубедить, было невозможно.

— Твоё право, делай, что хочешь. Только оставь для меня несколько книг прежде, чем сжигать, — пошла я другим путём. — Я ещё не прочла про чародея в Царстве Мёртвых.

Марго помолчала.

— И про пирата, — добавила она.

— И про бандита и настоятельницу, — сказала я, невозмутимо продолжая уборку, и краем глаза заметила, что романистка улыбнулась.

— Я бы ещё рекомендовала вот эту, — она вскочила и уже водила ладонью по книжным корешкам на полке. — Моя любимая. Про вельможу, который всю жизнь искал любовь и нашёл только тогда, когда стал седым, как лунь, и жить ему оставалось ровно год. Самая трогательная.

Она раскрыла книгу, пролистнула в конец и замерла над страницей.

— Он так любил меня, Яна... — сказала она, подняв лицо, и я увидела, что в глазах её опять стоят слёзы.

— Я обязательно прочитаю. Прямо сегодня и начну, — я взяла из слабых рук Марго книгу и отнесла в свою комнату.

Когда я вернулась, романистка уже откупорила и разливала вино.

— Мне стало легче, ведьмачка, будто камень с души упал. С иерархом ты подала мне блестящую идею, и я жестоко отомщу ему в следующей книге, может быть даже твоими руками, — она подняла бокал. — За любовь, которую невозможно уничтожить!

Я улыбалась, глядя на неё, и думала о том, как причудливо порой складывается жизнь. О том, что свалившаяся на голову романистка, которую я возненавидела с первого взгляда, ворвалась ко мне в душу стремительно и, похоже, обосновалась там крепко.

— Я хочу говорить о любви! — заявила она. — Та книга, которую ты взяла — она про моего второго мужа, графа Д'Альбера...

— Ты любила его? — спросила я.

— Я была молода и глупа, но я сделала его счастливым. Жестоко, что мужчина полностью расцветает и становится потрясающим в любви в ту пору, когда ему перевалит за семь десятков, и тело его сдаёт. Это несправедливо... — Марго задумалась.

— Чародеи не стареют, — сказала я.

Романистка презрительно фыркнула.

— И эльфы.

— Хватит с меня эльфов! — отрезала она и хитро прищурилась. — А кстати, тот эльф, что был здесь, которого ты ждёшь...

— Я никого не жду!

Марго досадливо поморщилась и воскликнула:

— Могла бы хоть разок мне подыграть!

— Но зачем?

— Для романа! Мне нужно почувствовать страсть, нужно, чтобы огонь полыхал в груди. Мне нужно безумство! Как я соберу материал о великой любви ведьмачки и скоя'таэля, если ты холодна и расчётлива?! — возмущалась она. — А мне ведь надо знать из первых уст — какова бы была твоя любовь, если бы это был Он. Расскажи же, соври что-нибудь!

Я знала, какова она была, и вдруг мне и самой захотелось рассказать Марго об этом. Оправдаться, разделить с ней тайну. Она бы поняла...

— Если бы... — начала я.

— Гипотетически, — подбодрила она.

— Если бы гипотетически это был он... — я ощутила, как к щекам прилила кровь. — Я бы отыскала его и стала ему нужна. Я бы прошла за ним пешком по всей Зеррикании, я бы умерла ради него, убивала бы, воровала, обманывала, притворялась — всё ради него!

— Я так тебе завидую, — Марго промокнула кружевным платочком глаза.

— Гипотетически ведь завидуешь? — испугалась я своего порыва, испугалась того, что открылась.

— Завидовала бы, если бы это было правдой, — ответила она. — Но ты была весьма убедительна! А ведь я уже подумывала вернуться к первоначальной версии — о ведьмаке и ведьмачке. Эта история была не так уж и плоха. Даже хороша! Я скучаю по тому ведьмаку, что придумала...

— Ведьмаки тоже живут долго, — сказала я, всеми силами поддерживая новый поворот разговора.

— Ты жила среди них, расскажи, какие они.

Перед глазами встали сожжённое письмо в камине, дождь, который хлестал по ночной крыше, огонёк лампы, освещающий записку в секретной шкатулке и золотисто-карие смеющиеся глаза с вертикальным зрачком.

— Я расскажу тебе историю про одного ведьмака...

— Утешь моё сердце, — романистка положила подбородок на переплетённые пальцы и приготовилась слушать. — И пусть это будет лучший в мире ведьмак.

— Ты полюбишь его больше, чем того, которого придумала, — убеждённо сказала я и начала: — Эта история случилась не со мной, она случилась с моей сестрой. Настоящей сестрой.

— У тебя есть сестра? — воскликнула Марго.

— Нет. Она умерла на следующий день после битвы с Дикой Охотой, — сказала я. — Она умерла, а я осталась.

— Трагическая история... — романистка опять приложила к глазам платок. — Всё, как я люблю.

Дрова в камине прогорели, мы сидели в полутьме. Марго слушала, позабыв про перо и свиток, а я рассказывала о крепости в горах, снежной зиме, старом ведьмачьем учителе и его учениках, и о несчастливой любви неопытной ведьмачки и самого лучшего в мире ведьмака.

Утром, пока Марго ещё спала, я побежала на рынок за сладостями — скоро по домам пойдут дети, и горе тому, кто не сможет откупиться от них сладкой данью или не откроет дверь. По слухам в Саовину маленькие разбойники совершенно безнаказанно подбрасывали жадинам на порог дохлых крыс и вымазывали дверные ручки экскрементами. С неба сыпала мелкая белая крупа и таяла на камнях. Торговцы уже сворачивались, и я едва успела запастись мешочками с медовыми семечками, кедровыми и лесными орехами, вялеными ломтиками яблок и высушенными до состояния гальки сливами.

Сегодняшний день я решила провести дома. У меня была книга, были корзины с едой, горящий камин, и был саднящий зуд в груди, потому что обещанный день настал, а Йорвет так и не появился. Кроме того, Саовину праздновали по домам, в кругу семьи, и хотя бы на сутки мне хотелось оставить Эйлин с домочадцами в покое.

Расстелив у камина медвежью шкуру, я поставила рядом свечи и тарелку с сыром и улеглась в обнимку с книгой. В соседней комнате работала Марго, которая не отступила от заведённого распорядка даже в праздник. К полудню снег с дождём усилился, и в дверь постучали. Я бросилась открывать.

— Подавай сладость упырям на радость! — пропищал тонкий голосок.

На меня надвинулся Тим, на голове которого громоздилась, как гнездо, мокрая шапка из соломы, и оттого круглолицый малыш-краснолюд здорово смахивал на домовёнка Кузю. За его спиной стояли Воины Дракона в полном составе. Неса оглушительно звенела колокольчиком, и из под верхней губы у неё торчали вампирские клыки из щечок. Янчик и Маришка, которых я впервые видела после той ночи в катакомбах, прятались вдвоём под волчьей шкурой. Лица детей были размалёваны углем, а за ушами Дина были привязаны рога из веток.

— Кто не даст пышку, тому в лоб шишку! — угрожающе завопил Тим, и дети загудели, а Дин бил палкой по миске.

Я сделала вид, что не узнала их и что испугалась. Вынесла дары. Дети набили карманы, а потом довольные, с оглушающим звоном и дребезгом направились к кузнице Тита Сороки.

До сумерек в дверь непрестанно стучали, мои запасы иссякли, и от компании юношей и девушек в вывернутых мехом наружу тулупах пришлось откупаться медяками.

— Какая суета, — вздыхала Марго, прихорашиваясь перед зеркалом.

Декольте её чёрного с алыми вставками платья почти не оставляло простора для воображения.

— Уходишь? — спросила я.

— Пойдёшь со мной? — подмигнула она.

— Ни в коем случае!

— Если бы я не была уверена, что ты откажешься, я бы и не позвала. Гильем пригласил меня на тихий романтический ужин у него дома. Горячее вино, камин, крепкая мужская грудь, что ещё надо? — мечтательно сказала она и добавила: — Так что не жди меня до утра.

За романисткой закрылась дверь, и тут же в неё снова постучали. Неужели?

На пороге стояла Эйлин. Эльфийка вошла, сбила с капюшона воду.

— Мы ждали тебя, — сказала она на Старшей Речи. — Почему ты не пришла?

Я замычала в ответ что-то невразумительное, делая вид, что не могу подобрать слова на эльфийском. Рассмеявшись, Эйлин достала из-под полы плаща свёрток.

— Это тебе, — сказала она.

Я развернула знакомую ярко-синюю шёлковую ткань. Это оказалось длинное до пола

платье лаконичного эльфийского кроя с запахом и с золотым узором из лоз по вороту, рукавам и подолу. Именно его вышивала Эйлин на встречах с подругами.

— Я буду рада, если ты будешь носить его и вспоминать нас, — сказала она.

— Конечно буду, — только и смогла ответить я, потому что очень хотелось зареветь. Я бросилась Эйлин на шею.

— Не забудь принести в дом новый огонь! — сказала она на прощание.

Я примерила подарок Эйлин и повертелась перед зеркалом. Плотная, но невероятно гладкая ткань нежила кожу. В платье было не холодно и не жарко, в нём было ровно так, как нужно, и лучше быть не могло. И красивее быть не могло. «Эльфы знают толк в удовольствиях», — подумала я и повязала широкий вышитый пояс, решив, что не хочу переодеваться обратно. Вернулась к книге, но когда осознала, что в пятый раз перечитываю одну и ту же страницу, захлопнула её.

Без Марго в доме было пусто. Уединение всегда нравилось мне, но сейчас я особенно остро понимала, что нравилось оно мне, только если его можно было прервать в любой момент. Остаться же в одиночестве на праздник, когда шумные семьи собирались у огня, а любовники грелись в объятиях друг друга, оказалось оголяющим до нутра откровением, насколько я обманывалась насчёт себя, и насколько сейчас мне не доставало того, что всем остальным будто бы полагалось.

До ужаса захотелось движения, да хоть тренировки на мечах, чтобы выбить из груди это всепроникающее чувство, но тренировка тоже требовала партнёра. Разозлившись, я вытянула серебряный меч из ножен и взмахнула им пару раз. Не та ли это искомая пустота, о которой твердил Весемир? Может быть, одиночество — это и есть Путь ведьмака? «В жопу такой Путь, — пробубнила я под нос, чувствуя однако, как от веса оружия в руке возвращается холодное и приятное ощущение устойчивости. — Хватит ныть». Вложила меч в ножны, надела тёплую накидку прямо поверх платья и отправилась добывать новый огонь.

Дверь квартиры гулко грохнула в тишине. Дождь закончился, и в блестящих мокрых камнях на площади отражалось оранжевое пятно масляного фонаря. Около кузницы полыхал костёр. Было новолуние, небо было ясным и чёрным. Я зашла за угол, скрывшись в глубине стиснутого домами тупика, и на небе, как на фотобумаге, проявились подрагивающие свежeweымытые звёзды. Казалось, что вот-вот одна из них сорвётся, и можно будет загадать заветное желание. Но звёзды не падали, и я вернулась на площадь к костру. Вокруг него камни были сухими, и из охваченных пламенем брёвен, пропиленных вдоль, вырывались искры.

Из арки на выходе с площади слышались торопливые шаги, к костру подбежали юноша и девушка из краснолюдов. Юноша поднёс к огню длинную лучину, и она немного погодя вспыхнула. Парочка поцеловалась и вновь исчезла в арке. Шаги заглохли. Я осталась наедине с костром.

— Я пришёл за новым огнём, — на ухо со спины тихо сказал с хрипотцой голос, талию оплели руки, и Йорвет притянул меня к себе.

От ног до лопаток, всей поверхностью тела я прикасалась к нему и не поворачивалась. Запрокинула голову к небу. Оно было чёрным — всё-таки все звёзды упали с него. Для меня.

— Возьми, — махнула рукой на пламя костра.

— Я хочу твой, — он вырос передо мной и дотронулся лучиной до моей руки.

Шевельнув пальцами, я зажгла на ладони Игни и смотрела ему в лицо, улыбаясь глупо и

счастливого, и была той лучиной в костре, что полыхала от жара нового огня.

— Возьми, — прошептала я.

В узкой каменной нише кровати было тесно, мы переплелись руками и ногами, чтобы поместиться. Но в тот момент, даже очутись мы на гигантской кровати в соседней комнате, мы не заняли бы больше места. Так и не рассмотренное эльфийское платье осталось погребённым под доспехами около бадьи, у камина на столе были расставлены корзины с едой, которые дождались своего часа. Я удобно пристроила голову Иорвету на руку, а он кончиками пальцев поглаживал свежий рубец шрама от утопца на плече.

— Откуда это? — спросил он.

— Ты засыпаешь, потом, — я прикоснулась губами к его веку.

Весь день он был в седле и обогнал на полдня остальную часть отряда, чтобы успеть вернуться в срок.

— Я хочу знать, — тихо сказал он и прикрыл глаз.

Уснул он прямо посреди схватки со сколопендроморфами, а вслед заснула и я. Утром хлопнула дверь, из-за его плеча мне было видно, как колыхнулась ткань полога, а погода дверь хлопнула снова. Иорвет шевельнулся.

— И что было дальше?

— Потом расскажу, — засмеялась я.

Потом я рассказала ему, что было дальше. Про Саскию и про то, что Александр знал теперь её тайну. Иорвет задумался.

— Нам это на руку. Я сегодня поговорю с ним, — он помолчал. — Завтра уходим.

Но сейчас не ушёл. Растянулся на кровати, занял её целиком.

— А что у тебя? Всё прошло по плану? — спросила я.

— Погоди, — он перетащил меня к себе на грудь, — погоди о планах, пока есть немного времени. Неизвестно, когда...

Он снова замолчал, и мы лежали в тишине. Иорвет задумчиво крутил между пальцами прядь моих волос, а я слушала, как в груди у него мерно бухает сердце. Раз-два, раз-два. Время. Оно утекало. Прошло то долгое время, когда я ждала, прошло и то краткое, которого дождалась.

— Эдвар ждёт нас. Все командиры, их отряды и пешая часть моих идут к лагерю в дне броска от Дол Блатанна, где их встретит Исенгрим. В Вергене ждёт последняя сотня тех, кто пойдёт во дворец. Они должны быть готовы, я предупредил Киарана письмом, — Иорвет говорил отрывисто. — Пора.

Он успел исчезнуть до того, как отяжелевшие после праздника вергенцы начали день. Марго вернулась к завтраку и против обыкновения молчала, будто дулась на меня. Я прекрасно поняла причину её обид, но ничуть не желала обсуждать их, и потому молчала тоже. Судя по виду романистки, любое слово могло стать спичкой, брошенной в лужу бензина.

Посыльный принёс записку от Саскии, пожелавшей попрощаться. Когда я пришла в Замок Трёх Отцов, она была одна и сидела за столом среди пухлых пакетов с донесениями.

— Иорвет заперся с Александром тьму времени назад, — сообщила Саския и отхлебнула из глиняной кружки, из которой поднимался пар. — И отказался сообщить мне о предмете разговора.

Она крикнула, и мне принесли такую же, как у неё кружку, в которой оказалось горячее

вино с мёдом.

— Узнаешь потом у Александра, — пожала я плечами.

— Да. Но это и к лучшему, что Йорвета пока нет. Я хотела сказать тебе кое-что наедине, — она пристально посмотрела на меня.

«Кажется, сейчас будет головомойка, — подумала я. — За Даму, за эксперта, за дракона. За всё». Вздохнула, отпила горячего вина, и в грудь пролилось тепло.

— Я хотела тебя поблагодарить, — сказала Саския.

— Что? — от удивления я едва не выронила кружку.

— Давным-давно ты сказала, что мне надо открыться ему. Я это сделала, — она приложила руку к сердцу. — Теперь здесь легко.

В мозгу всплыло воспоминание летней ночи, зарёванной Саскии у меня дома, которая сморкалась в гигантский клетчатый платок.

— Драконы ничего не забывают? — спросила я и улыбнулась. — Что же... Я рада.

— Драконы ничего не забывают, — подтвердила она. — Не знаю, что будет с нами дальше, но теперь я не боюсь.

Дверь в зал открылась, и вошёл Йорвет. Не говоря ни слова, Саския поднялась и, как и всегда, обняла каждого из нас на прощание, прижалась ко лбу лбом.

— Я буду ждать, — услышали мы, уходя.

Романистка начала перетаскивать сундуки в мою комнату ещё до того, как я успела собраться.

— Здесь будет кабинет, — заявила она.

— Ты остаёшься в Вергене? — спросила я.

— Надо пользоваться моментом, раз уж мне выпал шанс пожить одной, — ответила она и едко добавила: — И я смогу возвращаться домой тогда, когда захочу, а не наворачивать вместо этого круги по морозу!

Я промолчала, складывая в седельную сумку свёрток с синим эльфийским платьем, горелку, на которую Тит Сорока уже махнул рукой, зимние вещи — забирала всё. На этот раз я была уверена, что покидаю Верген навсегда.

— А ведь мы были командой! — с упрёком вскричала Марго, не дождавшись ответа.

— Были, — сказала я, оттащив сумки к двери и вернувшись к ней. — Но я должна уйти.

— Но как же я? — беспомощно спросила она, стоя передо мной в окружении сундуков, и развела руками.

— У тебя всё будет хорошо, — сказала я, шагнула навстречу и обняла её. — Ты же лучше всех.

— Это правда, — вздохнула она и обняла в ответ.

Потом затихла у меня на груди, помолчала. Подняла лицо, губы её задрожали и искривились.

— Я так тебе завидую, — сказала она и разрыдалась.

ДОЛ БЛАТАННА. А ПОТОМ ПОШЁЛ ДОЖДЬ

А потом пошёл дождь. Утро начиналось с мелкого колючего дождя — под ним я натягивала задубевшие от ночного заморозка мокрые насквозь сапоги. Потом был дождь в лицо, когда лошади, чавкая копытами и разбрызгивая грязь, неслись по раскисшей дороге. Был ещё дождь стеной, снежный дождь и дождь, висящий в воздухе мелкой взвесью. Последний приходил под вечер, и в промозглом тумане мы развешивали на деревьях гамаки. Свой я прокладывала медвежьей шкурой, заворачивалась в неё, как в кокон, однако сырость пробиралась и туда. От холода я долго не могла заснуть, и искренне не понимала, как всего лишь три дня назад мне могло быть жарко. А ведь жарко точно было и было даже горячо там дома, в нише, а сейчас я просыпалась от того, что вода затекала за шиворот.

— Весь день в Вергене я провела в бане, веришь? — сказала мне Мона, когда мы получили у общего костра по порции кипятка, вяленого мяса и размокшего хлеба.

Накрапывало, небо было обложено беспросветными тучами.

— Что такое баня? — мрачно спросила я.

— Я и сама уже не помню, — эльфийка рассмеялась, натянула рукава кафтана на ладони и, дуя на обжигающее горлышко фляжки, отхлебнула кипятка.

Свою флягу я засунула под куртку, и через грудину в тело просачивалось тепло. Иорвет, получивший точно такой же паёк, как и все остальные, беседовал с Анару, потом подошёл к группе эльфов у костра, сказал что-то, они засмеялись. Видно было, что в походе среди своих Иорвет чувствовал себя как рыба в воде. Внешне он никак не подчёркивал статус командира, однако этого и не требовалось. Скоя'таэли доверяли ему, и если Иорвет был уверен в себе и спокоен, то и они вели себя так, будто ехали на пикник, а не в рейд на запретную территорию, ради которой пару веков непрерывно лилась эльфийская кровь.

С той ночи в Саовину, если не считать сорванного второпях поцелуя за дверью Саскии, мы не виделись с ним наедине. Время, когда можно было допустить разногласия среди эльфов, прошло, и ни малейшего повода усомниться в себе, как в командире, Иорвет не собирался давать никому. Отныне все его действия были направлены на цель. На Дол Блатанна.

За три дня конный отряд в сотню белок достиг Рудных Кряжей — языком протянутому между истоками Понтара и Дыфни отрогу Синих Гор. По хребту проходила граница Долины Понтара и Дол Блатанна. Лагерь устроили в ущелье, и невидимые малые отряды скоя'таэлей патрулировали границу, чтобы шпионы с той стороны не обнаружили лагерь и стекающиеся к нему войска. Горы прикрывали от шпионов магических — ни одна птица не преодолет каменистые кряжи, облюбованные эриниями.

Последнюю часть пути прошли по дну мелкого ручья. Поверхность воды пузырилась под ливнем, к берегам спускался заросший реликтовый лес. За живые дубы и ели цеплялись ветвями вывернутые с корнями замшелые деревья, которые не смогли упасть в этой тесноте. Под ними в непроходимом подлеске из лещины и жимолости кое-где просвечивали алые грозди дикого шиповника.

Выше по течению ручей разлился по камням, лес поредел, и между деревьями под отвесным склоном горы показались болотного цвета шатры скоя'таэлей. Распряжённых лошадей увели в глубь ущелья — до конца операции они нам не понадобятся. Иорвет ушёл в сторону тента, растянутого между шатрами, мы ждали у сваленных на мокрой траве

седельных сумок. Вернулся он в сопровождении Торувьель, которая пряталась под плащом.

— Женщины за ней, мужчины за мной! — перекрикивая шум дождя, скомандовал Иорвет на Старшей Речи и показал в сторону дубравы за шатрами у скальных склонов.

— Нам надо идти за Торувьель, — перевела Мона, я кивнула и промолчала о том, что поняла всё.

Ответить на Старшей Речи я толком не могла, а делиться информацией о том, что я понимала если не всё, то многое, мне не хотелось даже с подругой. Будь мы одни — да. Но остальным эльфам об этом было необязательно знать.

С Моной и десятком эльфиек из нашего отряда мы двинулись в глубь лагеря. Под тентом между шатрами разместили походную кухню, и вокруг костра, обложенного камнями, клубился дым и тянул по поляне. Четверо полуобнажённых эльфов рубили дрова недалеко от костра. Кожа их блестела от дождя. Под навесом на поваленных стволах сидели скоя'таэли, кто-то держал на коленях миску с кашей, кто-то пил чай.

— У нас в шатре найдётся место! — весело крикнул один из них, обращаясь к эльфийкам, идущим рядом со мной.

— А есть ли у вас там воздух? — бросила в ответ одна, и остальные рассмеялись.

— Для тебя я украду весь воздух с этих гор!

Торувьель откинула вход шатра. Глаза тут же защипало от дыма. Пахло отсыревшими мехами и кожей, чем-то кислым, и в душном полумраке, как в бане, не было видно ничего.

— Полог! — крикнули из глубины шатра.

Эльфийки плотно задёрнули ткань и привалили снизу парой бульжников. По всему полу, как сваи, были вбиты в землю жерди, на которых в два яруса висели гамаки. Пол был завален вещами. В центре шатра в выемке между камней дымил костёр.

— Найдите себе место позади очага, — сказала Торувьель.

Мона выбрала пару гамаков один над другим поближе к костру. Потом мы затащили в шатёр седельные сумки, и эльфийка, которая пыталась раздуть огонь на мокрых дровах, ворчливо кричала: «Полог!», потому что пространство тут же заполнялось дымом. Вдоль стенок изнутри был выстроен вал из седельных сумок, поверх разложено оружие в перевязях, и мы пристроили свои сумки и оружие туда же. Я подошла к эльфийке у очага. Она ругалась под нос и махала полой кафтана, ещё более напуская в шатёр дым.

— Давай помогу, — сказала я на всеобщем.

Она нехотя подвинулась. Я выпустила Игни долгой узкой струёй. Передохнула и выпустила опять. Дрова на глазах подсыхали и воспламенялись.

— Твоей руке не горячо? — с интересом спросила она, тоже перейдя на всеобщий.

— Нет, — засмеялась я и повернулась к ней.

Нетипичная для эльфов тяжёлая челюсть и необычайно крупный рот выдавали в ней полукровку, хотя лицо её было по-эльфийскому красивым.

— Лина, — представилась она. — Ты из дворцовых или тех, кто с нами в Серебряные Башни?

Любопытство у неё тоже было непомерно большим.

— Все получают инструкции в своё время, — резко оборвала Торувьель, неслышно подошедшая сзади.

— Да во дворец она, это и так ясно, — беспечно махнула рукой Лина. — Ведьмаки — они же по чудовищам, а единственное чудовище в Дол Блатанна сидит во дворце.

Огонь разгорелся, и постепенно дым вытянуло в круглое отверстие в потолке. Дышать

стало легче. Лина сообщила, что своё задание она выполнила и что зверски проголодалась, и ушла, позвав остальных ская'таэлек. Мона на выходе приглашающе замахала мне. Торувьель придвинулась ближе к огню, протянула руки. Я исподтишка разглядывала её — было в ней что-то притягательное, возбуждающее интерес. Однако я не могла придумать ни малейшего повода для разговора, а сама эльфийка явно была не из тех, кто любит пустопорожние беседы ни о чём. Торувьель заговорила первой.

— Когда-то... — начала она задумчиво. — Когда-то мне было отвратительно даже смотреть на вас, людей. Вы казались человекообразными, карикатурным и жалким подобием нас. От того, как на ваших круглых лицах шевелились губы, как сменялись гримасы, меня тошнило.

— Зачем ты рассказываешь мне это? — спросила я.

— Ты не дослушала, — усмехнулась она. — Я же сижу рядом с тобой, а не блюю в костёр.

Она замолчала и подбросила в огонь пару поленьев. Я выпустила Игни, чтобы помочь огню.

— Мы думали, что стоит вывести dh'oíne, как блох с собаки, и всё наладится. Но Dana Meadbh выбрала вас, и в тот день я думала, что умерла. Я не могла понять её, очень долго не могла понять...

— Ты поняла? — прервала я затянувшееся молчание.

Торувьель продолжила, будто не услышала вопроса:

— Была Девушка из леса — она стала нам сестрой. Она была красивой, хотя была человеком. Не знаю, что стало с ней.

Я промолчала, думая о Мильве и о том, что ни за что не скажу Торувьель, что с нею стало, и о том, что простить этого до сих пор не могла.

— Были другие люди — изувеченные калеки, но они тоже были красивыми. Когда мы подышали, они протянули нам руку помощи, — продолжила эльфийка вполголоса. — И я поняла, что причина моего отвращения была не в dh'oíne, она была во мне. Dana отвернулась от нас, потому что мы ненавидели. У нас были и есть причины для ненависти, но Дева Полей не может прийти к тому, кто ненавидит. Даже если он прав.

— Ненависть даёт силы, — сказала я.

Торувьель, помедлив, кивнула.

— А когда ненависть покидает тебя, ты опустошён. Ты больше не знаешь, где правда. Кто друг и кто враг. Кому верить. Мы идём с войной в Дол Блатанна, против своих. И я иду. Знаешь почему?

— Расскажи.

— Я иду за Йорветом, потому что верю, что он перестал ненавидеть, но почему-то у него есть силы... Он смог ужиться с вами. Мы считали его предателем, но предателем всё это время был не он.

— Ты сказала, почему идёшь в Дол Блатанна, — подумав, сказала я. — Но зачем ты туда идёшь?

Торувьель неотрывно смотрела на огонь, и даже в отблесках оранжевого пламени её лицо было бледным.

— За детством, когда всё было понятно, — наконец, ответила она.

Мы помолчали. Торувьель огляделась по сторонам — рядом никого не было — и понизила голос:

— На закате Исенгрим позовёт на встречу, будь неподалёку.

Ткань входа в шатёр откинулась, и костёр опять задымил.

— Полог! — крикнула Торувьель.

У входа рассмеялся звонкий голос, и я узнала голос Верноссиэль. Она прикрыла полог и прошла к своему гамаку недалеко от нас.

— Здесь стало слишком душно! — посмотрев на меня, объявила она на Старшей Речи и принялась отвязывать от стойки гамак.

— Куда ты собралась? — спросила Торувьель, тоже перейдя на Старшую Речь. — Не забывай, что ты под моим началом.

— Я была под твоим началом, пока не прибыл Йорвет, — ответила та, и принялась накидывать в снятый гамак вещи. — Я иду поближе к нему.

— Какая глупость, — проворчала Торувьель. — Под крышей хватило места для всех женщин. Нет смысла ночевать в лесу.

— Я же сказала — здесь воняет, — одновременно с этими словами Верноссиэль очаровательно улыбнулась мне. — А потом, сегодня последняя ночь. Через день мы все можем быть мертвы. В последнюю ночь я хочу согреться любовью.

Торувьель мельком бросила на меня взгляд. Я же смотрела в костёр, делая вид, что я каменный истукан с острова Пасхи. К сожалению или к счастью, Эйлин была великолепным преподавателем Старшей Речи — несмотря на то, что значение некоторых слов я не знала, но прекрасно смогла достроить их смысл.

— Насколько надо не уважать себя, чтобы бегать за мужчиной! — презрительно бросила Торувьель. — Он не пошёл за тобой, когда ты ушла из Флотзама, на что ты надеешься теперь?

Верноссиэль забросила свёрнутый гамак с вещами за плечо и подошла к нам.

— А ты любишь, чтобы мужчины бегали за тобой, пока ты строишь из себя недотрогу? Тебе нравится сталкивать их лбами и наблюдать, не так ли, Торувьель? Это потому, что любви в тебе нет ни капли, одна ненависть, — едко отпарировала она. — Йорвет не таков и не пойдёт даже за тем, кого любит. Дело для него важнее всего. А я не горячка вроде тебя, я сама приду к нему.

Она фыркнула, вздёрнула нос и, откинув сапогом в сторону чью-то сумку, направилась к выходу.

— Если бы он тебя любил, он бы пошёл, — тихо произнесла вслед Торувьель.

Мона заняла мне место на бревне около костра и всучила в руки миску с остывшей присыпанной пеплом ячневой кашей. Было шумно, эльфы смеялись, перебрасываясь задорными колкостями, и отчаянно флиртывали. Кто-то брэнчал на лютне. Первый порыв ярости на Верноссиэль прошёл, второй порыв — срочно найти Йорвета — я переждала, ковыряя ложкой кашу. Не то разговор с Торувьель настроил на философский лад, не то настроение эльфов, радующихся последнему вечеру отдыха, передалось мне, но я приняла то, что не могла изменить, и не собиралась бегать за Йорветом, чтобы оборонять его от бывших возлюбленных. Он справится сам, если захочет, и в этом случае моё вмешательство лишь оскорбит его. А если не захочет, то я унижу себя глупой сценой ревности, но не изменю ничего.

Мы отскребали миски, зачерпывая ложками крупный песок со дна ручья. Вода была ледяной, и по сравнению с ней невесомый дождь казался тёплым. Темнело, я оставила Мону

с другими эльфийками на берегу и вернулась под тент.

— Toruviel, vatt'ghern! — у костра из темноты показался Иорвет и, не останавливаясь, прошагал мимо.

Вскочив, Торувьель мотнула мне головой и поспешила вслед. Лагерь растянулся далеко вдоль ручья, мы проходили мимо шатров, из которых слышались голоса, мимо общих костров — таких же, как около нашего с Торувьель шатра. Вокруг одного из костров танцевали.

Огни и музыка остались за спиной, потом и последний шатёр затерялся в темноте. Впереди между деревьями показался свет. Под нависшей скалой горел костёр из сложенных пирамидой дров. Тент, растянутый в ветвях притулившегося к скале дуба, защищал от дождя грубо сколоченные лавки и стол с разложенными бумагами. Свеча горела, и тени двух склонившихся над ней эльфов ложились на каменную стенку за их спинами. Лицо Исенгрима было полускрыто капюшоном плаща, и видно было только нижнюю часть лица и жёсткий абрис губ.

— Bloede arse, Иорвет опять приволок свою dh'oine, — протянул Яевинн. В его светлых глазах плясало свечное пламя.

— Её позвал я, — сказал Исенгрим на всеобщем и в ответ на вопросительный взгляд Яевинна не стал ничего объяснять.

Он приглашающе повёл рукой к лавкам, стянул капюшон. В контрастном свете свечи рельефное лицо эльфа будто выступило из темноты, и только шрам, как каньон, залегал глубокой тенью.

— Я ждал ещё Иолара, — продолжил Исенгрим, обращаясь к Иорвету. — Где он?

Мне показалось, что Иорвет медлил с ответом. Постояв молча, он не спеша сел по левую руку от меня.

— Он ушёл, — сказала Торувьель. — Покинул наш отряд ещё по дороге сюда. Я уже доложила об этом Иорвету.

— Вот как? — Исенгрим приподнял бровь. — Для него было отдельное задание.

— Он оставил четыре десятка лучников и ушёл с одним, — упавшим голосом ответила Торувьель.

— И не сказал куда?

— Нет.

По лицу Яевинна скользнула презрительная усмешка.

— А ведь ты поручался за него, Иорвет, — процедил он, мельком глянув будто бы за одобрением на Исенгрима. — Вот чего стоят твои поручительства.

— Если он ушёл, значит, у него была причина, — глухо ответил Иорвет.

— Предательство — достаточно веская причина?

Торувьель вскинула голову:

— Свободные Эльфы не подчиняются никому и сами решают, как лучше выполнить свой долг!

— Ты защищаешь предателя, Торувьель? Может быть, ты тоже хочешь присоединиться к Свободным Эльфам? — губы Яевинна кривились.

— Может быть! — отрезала она.

— Перейдём к делу, — невозмутимо оборвал Исенгрим и аккуратно расправил между свечой и чернильницей карту.

Это была карта северо-восточной части Дол Блатанна, граничащая с Синими Горами. К

горам примыкало плато, которое рогаткой охватывали два рукава реки. Там, где рукава соединялись, виднелась надпись *Dyphne*. На плато и слева от него на берегу разлившегося притока раскинулся город, который пересекала надпись *Airgead Tor* — Город Серебряных Башен, столица.

— Завтра к полудню мы перейдём границу, — Исенгрим прикоснулся сухим пером к точке на краю карты по другую сторону Рудных Кряжей. — Оттуда пойдём напрямик.

— Через Чашу Гамадриад? — спросила Торувьель. — Не советую. Как-то мы ходили в чашу на охоту, так эти истерички подняли такой вой, что слышно было в городе, а деревья чуть не забили нас ветвями. Францеска тут же засечёт нас.

— Видать, ты давно не получала сведений из Дол Блатанна, — усмехнулся Иорвет. — Чаша сгорела полсотни лет назад, когда выжигали окрестные леса под поля. Все гамадриады погибли, но ни огонь, ни топор не смогли уничтожить их деревья.

— И что там теперь? — спросила Торувьель и нахмурилась.

— Я бы назвал это Паучьей Чащей, — сказал Исенгрим. — Мы дошли до опушки с Эдваром. По его словам, мёртвый лес заселили арахноморфы, а под руководством небезызвестного вам, — Исенгрим слегка поклонился в сторону Иорвета, — Фиахтны аэл Финварра по тропам разложили рунные камни, которые активируются, если рядом пройдет эльф, человек или красноклюв. Эдвар сказал, что во дворце хранятся камни с точно такими же рунами, которые реагируют на близнеца — так что незваные гости тотчас же будут обнаружены. Поэтому этот лес никто не охраняет.

— Лес охраняет сам себя, — сказал Яевинн, задумчиво глядя в карту. — Разумнее будет его обойти.

— Во-первых, мы потеряем день, — покачал головой Исенгрим. — Во-вторых, вокруг поля, нам негде будет скрыться. И в-третьих — у нас есть ведьмак.

Он поднял лицо, и меня, как глыбой, придавило его взглядом.

— За сколько шагов надо почуять камни? — спросила я, стараясь говорить деловито, однако не то от вечернего мокрого холода, не то от осознания грядущей ответственности за весь отряд меня пробил озноб. Под столом к ноге, будто невзначай, прикоснулось колено Иорвета.

Исенгрим пожал плечами.

— Не меньше десятка.

— Отряду в тысячу стрелков придётся идти шаг в шаг за *dh'oine*, — Яевинн не сдавался. — Слишком медленно!

— Мы пройдем лес к закату, — оборвал Исенгрим. — Ровно, как нам и надо. На берегу Дыфни разделимся. Иорвет, тебе слово.

Из кипы бумаг Исенгрим достал и развернул поверх карты план города. В центре — на плато, которое полностью занимал лабиринт дворцовых стен и строений, стояла подпись *Feainne ar Aevon* — «Звезда, отраженная в реке», дворец Францески Финдабаир Параллельными штрихами с завитками на концах были нарисованы водопады, низвергающиеся с гор на плато и с плато в рукава реки.

— После выхода из Чаши Гамадриад на берегу разделимся, — повторил Иорвет и наклонился с пером в руке к плану. — Яевинн с основными силами отрезает казармы...

Город Серебряных Башен делился на три части. Дворец с садом занимал плато и соединялся единственным мостом с той частью города, где жили эльфы. Ниже по течению, со стороны дороги из долины, тянулся вдоль берега район, где расквартировали

нильфгаардскую дивизию.

— Нам на руку, что эльфы не пожелали жить рядом с dh'oine, — сказал Иорвет. — Основные силы мы пустим на то, чтобы отрезать чёрных и как можно дольше не выпускать из квартала.

Он нарисовал крестики на улицах со стороны эльфийской части города.

— Это будет твоей задачей, Яевинн, — продолжил Иорвет. — Ты возьмёшь пятьсот моих скоя'таэлей и свой отряд. Командиры всех полусотен предупреждены.

— Это ключевой момент, — сказал Исенгрим. — К рассвету вы должны занять позиции.

— Знаю, — ответил Яевинн, разглядывая карту. — Не в первый раз. Подождём казармы с тыла и будем простреливать улицы.

— По сведениям Эдвара в городе около полутора тысяч нильфов, — Исенгрим внимательно посмотрел на него.

Яевинн пожал плечами.

— Будет меньше.

— Торувьель ведёт остальных — всех тех, кто пойдёт на дворцовую площадь. Не доставая оружия, вы проходите через город и берёте под контроль мост как раз к тому моменту, когда забьёт Serbin.

«Ворон», — перевела я и удивлённо посмотрела на Иорвета.

— Это колокол в башне на площади перед дворцом, — пояснил он. — Последний раз в Serbin била Аэлирэнн.

— То есть, мы созываем жителей и охраняем мост, — кивнула Торувьель. — Кто откроет нам ворота изнутри и что с дворцовой стражей?

— Эдвар сказал, что у него есть доверенное лицо в охране, — ответил Иорвет. — Если это так, то часть стражи перейдёт на нашу сторону ещё до начала переворота. Тайно пробраться на плато из-под водопада, открыть для вас ворота на мост и бить в колокол должен был Иолар. Эльфы с гор незаменимы в делах, требующих скрытности, и непревзойдённые скалолазы.

— Я подумаю, кто заменит его. Будет даже лучше, если Serbin проснётся в руках того, кто сам из Дол Блатанна, а не чужак, как Иолар, — сказал Исенгрим. — Вам же, Торувьель, надо будет смешаться с толпой — оставшаяся лояльной стража не посмеет напасть на жителей. Самое главное — время. Вскоре после того, как зазвонит колокол, долблатанцы должны быть на площади, а наша операция во дворце завершена. Мы выведем Францеску на парадную лестницу.

Он наклонился к сумке, которая лежала рядом на лавке, достал оттуда звякнувшую пару наручников и выложил на стол. Металл поблескивал синевой.

— И пусть эльфы сделают свой выбор, — он встал. — Иорвет, по дороге в лагерь расскажи ведьмачке задачу во дворце. Яевинн, Торувьель — останьтесь.

Мы шли в темноте вдоль скал.

— Есть ли кто рядом? — спросил Иорвет. — Проверь.

Я сосредоточилась.

— Нет.

Шагнула, растворилась в его руках.

— Cáelm, cáelm, — шептал он.

— Почему тебе не страшно?

— Кто сказал? — тихо рассмеялся. — А потом, до сих пор у нас всё получалось.

В полной темноте, под дождём, который мягко ложился на щёки, скатывался по волосам и набухал каплями на кончиках, мы целовались.

— Пойдём, — Иорвет отстранился. — Надо ещё рассказать тебе задачу во дворце.

— Дело важнее всего? — усмехнулась я.

— Да, — ответил он и, помедлив, сказал: — Ты справишься.

«С рунными камнями или с тем, что дело для тебя важнее всего?» — чуть было не спросила я, но вовремя прикусила язык. Худшего момента для такого рода вопросов нельзя было придумать. Это я затесалась в компанию эльфов, большинство из которых едва терпело присутствие дхойне, исключительно ради Иорвета, для него же завтрашняя операция была игрой ва-банк со ставкой величиной в будущее всех скоя'таэлей.

— Рассказывай, — вместо этого произнесла я.

Мона внизу тихонько сопела во сне, я выглянула из гамака. Бесшумно выпрыгнула и прокралась к очагу. Костёр еле теплился и шипел от капель, падающих из дыры в потолке. Подбросила поленьев. Злилась, что не спится. Что в дальнем краю шатра кто-то из эльфиек храпит. Что смотрю на пустое место, где раньше висел гамак Верноссиэль.

Игни. Гори всё огнём! Дрова запылали. Так-то лучше.

— Иди спи! — громко зашептала Торувьель, приподняв голову над лежанкой.

— Иду, — проворчала я.

Потянуло сквозняком, и костёр задымил. «Полог», — подумала я, залезая в гамак.

— Полог! — прошипела Торувьель.

Дым снова потянулся к потолку, храп в дальнем краю шатра стих, а по ту сторону очага зашебуршились. Заскрипели натянутые верёвки, и на время наступила тишина, не сразу в которой я распознала приглушённые одеялом всхлипы. По стене шатра проползла тень, послышался тихий голос Торувьель:

— Sáelm, sáelm, — ласково и нараспев успокаивала она, — я же тебе говорила, что не надо было уходить.

Всхлипы перешли в сдавленные рыдания.

— Не плачь, sor'sa, никто не стоит наших слёз, — шептала Торувьель. — Всё пройдёт.

Она сидела у гамака Верноссиэль, пока та не затихла. Тогда уснула и я.

ДОЛ БЛАТАННА. Звезда, отражённая в реке

— УХОДИ, — громко произнёс, растягивая гласные, внутри головы голос. Руна V, Va vort.

Щёлкнула тетива и, прорывая паутину, с чёрной ветки шмякнулось на тропу раздувшееся паучье тело и засучило покрытыми жёсткой щетиной лапами. Мона заложила новую стрелу. Роэль взмахнул мечом — из взрезанной брюшины в стороны брызнули мириады мелких, как горох, пауков. Эльфы давили их сапогами, но в миг волна утекла во мшистую подстилку.

— Не отвлекайся, — голос Йорвета спокоен.

Он поднял ладонь, и шедший следом скоя'таэль занял пост там, где надо было сойти с тропы, чтобы обогнуть рунный камень на безопасном расстоянии.

— ДХОЙНЕ, — руна D, голос произнёс это слово с отвращением.

Глаза закрыты. Несколько часов, с того момента, как мы вошли в мёртвый лес, я шла в темноте. Магические импульсы от заколдованных камней были настолько сильны, что перед внутренним взором светились чётким геометрическим рисунком точки — рунные камни — и потрескивающие, как провода под напряжением, линии, соединяющие точки в граф. На разные лады камни сплетали из Старших Рун мантры ненависти. «Ты чужая, уходи в свой мир», — повторял в голове голос мёртвого эльфийского чародея. Я злилась, рисунок смазывался, рунные камни гасли. «Не тебе решать! — мысленно огрызалась я. — Это и мой мир!», и, как только я справлялась с эмоциями, вершины и рёбра графа вспыхивали перед закрытыми веками снова. Когда чародей молчал, тишину заполнял оглушающий белый шум, словно у пустого канала телевизора на полной громкости, который отвлекал, не давал подключиться к чистому сознанию медитации.

— ТЫ, — Taedh. Следующий эльф остановился.

Лишайники, как кожная болезнь, покрывали засохшие стволы деревьев. Нижний ярус леса затягивала липкая паутина. Чётверка Йорвета охраняла меня, обступив со всех сторон. Когда стрелы заканчивались, скоя'таэли передавали по цепочке колчаны.

— ПРОКЛЯТА, — Geas, руна G.

«Что на твоей ладони? Проклятие? — чародей не спрашивал, он знал ответ. — Потомок Велунда ловко сумел приручить доверчивую дхойне. Надеть намордник, посадить на поводок».

— Берегись! — Айвор толкнул в сторону, грудь ему залепила паутина и рванула вбок.

Йорвет перерубил нить, стаскивающую Айвора с тропы. Засвистели стрелы. Вокруг прыгали пауки, а я ударила Аардом арахноморфа, свалившегося с ветки. Его размозжило о ствол, который треснул, лопнул вдоль, и в открывшейся щели показался вросший в древесную ткань скелет. Удлиненный череп, сложенные у груди, будто в молитве, руки.

— Не останавливайся, — тихо приказал Йорвет.

Скелет гамадриады остался позади, мы вернулись на тропу.

— Каждое из этих деревьев... — начала я.

— Это не деревья, — мрачно поправил Анару. — Это тела древесных нимф.

Внутри кольца телохранителей я ступала вперёд по этому погосту, и паутина была саваном, окутывающим омертвевшие суковатые стволы — то, что осталось от гамадриад.

— КРОВЬ, — руна B, Bloed, завопила. Я вскрикнула. «Что за жидкость течёт в твои»

жилах? У тебя — обрывка сновидения?»

— Vatt'ghern?!

Повернулась к Иорвету:

— Всё хорошо.

Он успокоенно кивнул, и эльф, идущий следом, замер на месте. Мимо него проходили один за другим скоя'таэли.

— ДЕРЬМО, — руна Y. Ysgarthiad. «Ты посмела считать, что достойна эльфа?!» Мозг чуть не лопнул от громкости голоса. «Прекрати!» — хотелось кричать. Голова кружилась.

— Яна, что с тобой? — Мона подхватила под руки, и я поняла, что стою согнувшись, будто меня рвёт.

— Всё в порядке, спасибо.

Взмах мечом, паутина разошлась, и между чёрными колючими ветками забрезжил далёкий просвет.

— ВПЕРЕДИ, — Adhart, руна A.

— Осталось чуть-чуть, сосредоточься! — голос Иорвета подхлестнул, как вожжа.

«Какого чёрта?!» — взъярилась я.

— Cáelm, — Мона обняла за плечи и повела вперёд. — Не спеши.

— СМЕРТЬ, — Mor.

Голос стал тихим, шептал в голове: «Смерть, смерть, смерть», и издалека из темноты смеялся Фиахтна аэп Финварр.

Мёртвый лес расступился. За пригорком, поросшим кустами, вскрытой артерией блеснула река, подсвеченная прорвавшимся из-под сизых туч заходящим красным солнцем. Мона переглянулась с Иорветом и, крепко сжав мой локоть, повела к воде.

Казалось, что осень только-только пришла в Дол Блатанна, и даже снег с дождём остались по ту сторону гор. Пышные кучерявые деревья у реки ещё не потеряли листву, трава под ногами была зелёной и сочной. Золотые косы плакучей ивы тянулись к воде и шатром укрыли нас. Присев на песке, я зачерпнула прозрачную воду в пригоршни, омыла лицо.

— Мы разделимся здесь, — сказала Мона. — Я со своим отрядом иду с Яевинном.

Она встала, развела в стороны свисающие ивовые плети.

— Смотри, — тихо позвала она.

В обрамлении осенних крон вдалеке под тёмными тучами виднелась пронизанная радугой дымка водяной взвеси от горных водопадов, на фоне которой краснели в закате шпиди.

— Я никогда не была там, — Мона зачарованно смотрела на сияющее в вышине плато, — и не знаю, имею ли право...

— Ты эльф, значит имеешь, — хрипло сказала я, ещё не привыкнув к тишине в голове и продолжая мысленно спорить с эльфийским чародеем. — Я вообще ни разу не эльф.

— Да, но... — Мона тряхнула головой, повернулась, и ветви сомкнулись, скрыв дворец. — Это не имеет значения. Ты права.

Опушка леса гамадриад была пустынной, будто и не было тысячи скоя'таэлей, которые шли за мной по пятам. Закутанный в плащ Исенгрим привалился к дереву и, прищурившись, провожал глазами солнце. Я опустила на траву. Мона тихо засвистела и исчезла в кустах у кромки леса. Вдоль опушки замелькали устремившиеся за ней тени.

— Ждём заката, — сказал Исенгрим.

Среди деревьев я заметила смуглые лица эльфов из отряда Иолара. Не задавая вопросов,

они невозмутимо ждали. Иорвет ходил кругами.

— Верноссиэль, подойди, — скомандовал Исенгрим.

Мягко ступая стройными ногами в сапожках с перевязанными голубыми лентами гетрами, эльфийка оказалась откуда-то из-за спины Исенгрима.

— Моё задание изменилось? — нетерпеливо спросила она. — Торувьель ушла без меня, сказала остаться.

— Да, изменилось. Ты будешь бить в колокол и займёшь место Иолара, — сказал Исенгрим. — Его команда поможет тебе забраться на башню.

— О, моё имя будет стоять в легендах рядом с именем Аэлирэнн, — протянула Верноссиэль. — Что скажешь, Иорвет? Так у меня будет шанс?

— Я верю, что ты справишься, — Иорвет остановился, глядя эльфийке в глаза.

— Расцениваю это как «да», — заливисто рассмеялась она.

«Мы с ней, конечно, справимся, Иорвет. Из шкуры выпрыгнем, но справимся ради тебя», — думала я, пытаясь сосредоточиться и перестать раздражаться. И раздражалась я почему-то не на приставучую Верноссиэль, а на самого Иорвета. Чего я хотела? Чтобы он забыл долг и перечеркнул дело жизни ради того, чтобы какая-то дхойне чувствовала себя исключительной и нужной, а не рядовым винтиком в механизме его замысла? Иорвет дал мне всё, что мог предложить, и держал слово. Он принадлежал эльфам. «Ты чужая, уходи», — вновь зазвучали в голове слова чародея.

Солнце погасло. Исенгрим отлепился от ствола, и вслед за ним выступили из лесной тени Свободные Эльфы. Из четвёрки Иорвета с нами не осталось никого — Айвор ушёл с Торувьель, остальные — те, кого с городом Серебряных Башен не связывали ни кровь, ни происхождение, пошли за Яевинном.

— До темноты нужно найти лодки, — сказал Исенгрим.

Лодки нашлись выше по течению — два длинных узких челна были вытащены на песок и прятались под низко опущенными ветвями согнутого над водой вяза. Резная передняя балка на носу, плавной дугой продолжающая киль, поднималась высоко над бортом и заканчивалась изящным, как шея лебедя, изгибом. Эльфы навалились, днища заскрежетали по песку, и тяжёлые челны закачались на воде.

— Vatt' gherн со мной, — приказал Исенгрим.

Забраться в лодку, не замочив ног, не получилось. Эльфы Иолара разместились по два десятка в оба челна и разобрали короткие, как у каноэ, вёсла. Один из них развязал мешок и бросил на дно лодки стопку жестяных мисок. С соседней кормы склонился Иорвет и подал руку Верноссиэль, которая грациозно впрыгнула внутрь. Вёсла с тихими всплесками погрузились в воду, и мы плавно скользнули в темноту.

По указанию Исенгрима гребцы держались левого берега. Река петляла, в быстром течении мы еле-еле продвигались вперёд. Борты перегруженных лодок едва выступали над водой, и эльфы гребли осторожно, не поднимая волны. Я сидела на носу, зажав ножны мечей между коленей, в бок упирался каменный локоть Исенгрима. Мы плыли так медленно и так долго, что, должно быть, давно наступила глубокая ночь. Тело задеревенело, неудержимо клонило в сон. Ещё через некоторое время на противоположном берегу показали огни — факелы вдоль белокаменной с полуобрушенным парапетом набережной. Кое-где тускло мерцали оранжевым свечным светом стрельчатые окна первых этажей домов, увитых тёмным кружевом плюща и ничуть не напоминающих казармы. Группа факелов двигалась

по берегу, и я рассмотрела патруль из четырёх человек в чёрных нильфгаардских доспехах. Вёсла неслышно касались воды, и лодки невидимо, как индейские пироги, скользили мимо района, который должен был захватить Яевинн.

Исенгрим шёпотом командовал, и гребцы продолжали держать курс в тени деревьев берега справа, по максимуму удаляясь от городской набережной. На стянутые гнутыми мостиками каналы, впадающие в реку, смотрели порченые сыростью некогда белые фасады. Мы проплыли пирс, по обе стороны которого были пришвартованы такие же лодки, как и у нас. Патрулей тут уже не было. Огней стало меньше, а дома выше, и появились украшенные скульптурами балконы, портики с колоннами и широкими лестницами, спускающимися на набережную. Между белых колонн чернели неживые окна — большинство этих изъеденных временем дворцов, похоже, пустовало.

Течение успокоилось — лодки достигли слияния рукавов, огибающих плато. Река здесь разливалась так широко, что казалось, будто перед нами безбрежное озеро. Издалека приглушённо зазвучали водопады.

Лодка Йорвета подошла вплотную.

— Надо смениться, — тихо сказал он.

Эльфы, которые сидели скрючившись на дне, стараясь не раскачивать лодку, поменялись с гребцами. Нас сносило по течению. Несколько взмахов вёслами, и челны вышли из-под прибрежной растительности на большую воду. Подуло влажным и холодным. Огнями дворца, который парил в вышине далеко-далеко впереди, подсвечивалось брюхо низких туч. Блики света на чёрной воде вели к цели — к отражённой в реке Звезде.

Грохот водопадов приближался. Исенгрим встал на носу.

— Правее... Теперь ровно, — указывал он.

Свет от дворца сместился, лодки подплывали к плато справа, а высоко слева можно было рассмотреть тонкую дугу освещённого фонарями моста, перекинутого с плато в город. Течение вновь ускорилося, а грохот стал таким, что Исенгриму приходилось кричать, чтобы гребцы его слышали.

Вскоре в ночной темноте забелели водопады. Волны ходили бурунами, закручивались в водовороты, заплёскивались внутрь. Гребцы работали в полную силу, чтобы мы успели добраться до цели прежде, чем лодки наполнятся водой. Эльфы в центре, встав на колени, вычерпывали мисками воду, и один из них сунул миску мне в руки. Мы проходили невдалеке низвергающихся потоков, и Исенгрим пытался найти брешь, чтобы прорваться за эту водную стену. Вокруг бурлила пена, и мутное облако взвеси отделяло нас от гремящих струй. Сидя на карачках, сталкиваясь лбами и мисками, мы черпали, как безумные, и пытались поспеть за водой, уже по щиколотки закрывающей ноги. Вода лилась не только через борта, но и со всех сторон — брызги от водопада хлестали не хуже ливня.

— Приготовиться! — заорал Исенгрим.

Нос лодки подпрыгнул от ускорения, вода со дна отхлынула на корму, и миску из рук вышибло ударившими сверху тоннами воды. Ещё рывок, и полузатопленная лодка по инерции вкатилась в спокойную воду и пошла на дно. Под сводом пещеры, огороженной водопадом, у самой кромки воды пылал костёр.

Лодка Йорвета добралась до пещеры, не затонув. Эльфы вытащили её на каменную полку и достали с кормы массивную бухту верёвки и позвякивающий металлом мешок. Нужного часа ждали у костров, которые разложили вдоль скальной стены. Я оперлась

спиной о камень и задремала у огня. Дров неизвестный доброжелатель оставил с запасом.

— Скоро полночь, пора, — сказал Исенгрим. От его плаща шёл пар.

Эльфы поднимались от костров, я пошла вдоль воды. Невдалеке в глубь скального массива уходил проход.

— Раньше это было русло, — сказал подошедший Иорвет. — Плато было пронизано подземными реками, но их перегородили и пустили поверху, чтобы как драгоценный камень заключить дворец в оправу водопадов, падающих через аркады.

— Когда-то, когда дворец уже забросили, мы приходили сюда. Тянуло. Бродили по дворцовому саду и, как в детстве, ныряли сверху, — к нам присоединилась Верноссиэль и заговорила на Старшей Речи. — А потом подныривали под водопады, выбирались к скалам и прятали в трещинах признания в любви. Как раньше. Ты прятал, Иорвет?

— Нет, — ответил он. — В те времена меня здесь не было.

— Я оставлю для тебя одно, когда мы будем забираться наверх, — засмеялась она.

Иорвет мельком взглянул на меня, кивнул Верноссиэль и ушёл к Исенгриму. Один из эльфов Иолара направился вдоль скального выступа. Он задирает голову, постукивал по каменной стенке и искал место для подъёма. Его товарищи достали из мешка и разложили по полу скальные крючья — разнокалиберные металлические пластины с проушинами на концах. Отобрали нужные. Потом тот первый эльф с помощью товарищей ловко связал нижнюю обвязку, взгромоздил за плечи объёмную сумку со скальными крючьями и верёвками.

Восхождение началось. Аккуратно и не спеша эльф цеплялся пальцами за трещины в скале, босыми ногами упирался в неприметные выступы. Поднявшись на три-четыре роста человека, он задержался, и сквозь шум водопада донёсся металлический звон — эльф забивал крюк для страховки. Потом он исчез в темноте, а снизу два его товарища, обогнув страховочной верёвкой валун, постепенно вытравливали её.

Верноссиэль дотронулась до отвесной стены, попробовала забраться на пару шагов вверх. Спрыгнула.

— У меня много талантов, — сказала она. — Но лезть по скалам, как ящерица, я не смогу.

— Мы поможем тебе, sor'sa, — улыбнулся один из эльфов Иолара. — Главное, чтобы Аукар добрался. Он сможет, он — лучший.

Я устроилась неподалёку, чтобы не пропустить ничего из восхождения. Иорвет ходил туда-сюда, вскидывал голову и пытался рассмотреть Аукара в темноте. Звуки забиваемых клиньев слышать было уже невозможно, но, судя по уползающей верёвке, он продвигался вверх медленно, но верно. Один раз он сорвался, эльфов у валуна дёрнуло, и они моментально натянули страховку. Потом верёвка ослабла, эльфы вытравили её снова, и я выдохнула — Аукар продолжил подъём.

Через некоторое время страховочный конец отпустили.

— Готово! — крикнул один из эльфов Иорвету и, перебирая руками по верёвке и ногами по скале, побежал наверх.

Один за другим эльфы исчезали в вышине. Последний сплёл вокруг бёдер Верноссиэль обвязку, привязал конец сброшенной сверху верёвки.

— Жди. Когда я заберусь, мы поднимем тебя, — сказал он и был таков.

Когда верёвка задёргалась, Верноссиэль упёрлась ногами в камни и как по горизонтальной поверхности зашагала наверх.

— Торувьель умрёт от зависти, когда я расскажу, что сорок парней вытягивали меня из пропасти! — рассмеялась она и раскинула руки. — Serbin, я иду!

Иорвет улыбался, глядя ей вслед.

— Удачи, — тихо сказал он.

Втроём с Исенгримом мы остались одни. Иорвет раскурил трубку и уселся невдалеке от прохода. Водопад шумел, около костра было тепло.

— А ведь можно было никуда не ходить, — задумчиво сказал Исенгрим. — Можно было открыть бочонок пива, закоптить форель, посидеть с дружищем Вилли у печки... Кто бы мог подумать, что я здесь, а Драконовы Горы там.

— В Зеррикании мне понравилось летать, — мечтательно сказал Иорвет и выпустил пахнувший вишней и черносливом клуб дыма, который застелился по воде. Повернулся: — А тебе?

— Я бы хотела ещё поговорить с Зоуи, — ответила я. — И провести ночь в комнате для медитаций.

Исенгрим помолчал.

— Это лучшая комната в моём доме, — сказал, наконец, он. — А Зоуи — лучшее, что есть в Зеррикании, не в обиду будет сказано моему другу Виллентретенмерту. Ты хочешь лучшее, что есть у меня.

«Угу, — подумала я, — а ещё я хочу Иорвета, и он тоже лучшее, что у тебя есть».

— Из того, что у тебя есть по эту сторону гор, я бы не отказалась от чашки крепкого кахве, — вслух произнесла я. — Спорю, что ты взял его с собой.

— Только не кахве! — воскликнул Иорвет.

Исенгрим рассмеялся.

— Даю тебе слово, ведьмачка, что если всё закончится хорошо, я самолично заварю тебе лучший кахве, какого на Севере не видели.

«С этого эльфа хоть шерсти клок», — мрачно подумала я.

— Идут, — тихо сказал Иорвет.

Мы поднялись. За шумом водопада я не слышала шагов, но, сосредоточившись, почувствовала приближение двоих. Исенгрим и Иорвет достали мечи.

Первым из проёма показался эльф с факелом в руке и с белоснежными волнистыми волосами, которые живописным беспорядком падали на плечи. Я вытаращилась на него — до сих пор полностью седых эльфов мне встречать не приходилось. Он был костистым, сухопарым, с ясными светлыми глазами, которые между тем казались старческими, будто выцвели от времени. На шее его артистически был повязан шёлковый рыжий платок. За этим беловолосым эльфом, напоминающим молодящегося художника в летах, шёл эльф, являющийся полной его противоположностью — брюнет с по-военному коротко стриженными волосами, с чёрными прямыми бровями и примечательными зоркими карими глазами. Глубокие складки от носа к углам рта придавали лицу властное и жёсткое выражение. От него веяло силой. Вместо свободной рубахи, как у спутника, он был облачён в латную защиту поверх кольчуги. По центру кирасы блестело золотое солнышко цветка маргаритки. Единственное, что объединяло приближающихся эльфов — мечи в инкрустированных ножнах и кинжалы за поясами.

— Эдвар! — Исенгрим убрал оружие, пожал руку беловолосому эльфу и вопросительно посмотрел в сторону его спутника.

— Исенгрим, Иорвет, — представил Эдвар и широко улыбнулся. — Это Дэвин —

командир личной стражи Энид ан Глеанны. Он был с нами в Шоннохи — самый молодой среди Лисиц! Отец наверняка рассказывал о нём, Иорвет.

Исенгрим пожал руку похожему на эльфийского омовца Дэвину:

— О лучшем союзнике сложно было даже мечтать, — сказал он.

Эльфы говорили на Старшей Речи. Иорвет кивнул, однако мне показалось, что как-то неуверенно, и пожал Дэвину руку.

— Всё в порядке? — Эдвар махнул в сторону вытащенной на берег лодки, в которой приплыли Иорвет с Верноссиэль. — Я думал, вас будет гораздо больше.

— В порядке, — ответил Иорвет. — Для нас троих эта лодка была великовата, но мы справились.

Исенгрим мельком бросил на него взгляд и сказал:

— С нами девушка, мнэ-э, из дхойне, она обладает определёнными способностями проводника.

— Она ведьмак, — подал голос Дэвин.

Он говорил так, будто отдавал команду.

— Какова ситуация? — Исенгрим сделал вид, что не услышал этих слов.

— Дворцовая охрана на пути снята с постов, — отчеканил Дэвин. — Я проведу вас до спальни Маргаритки. Дальше всё будет в ваших руках — если вы провалите дело, я буду первым, кто вас арестует.

Этот Дэвин, даром, что был высокопоставленным эльфом, изъяснялся отборным матом, и «провалить дело» в его исполнении звучало весьма красочно и полностью для меня понятно.

— Это честно, — сказал Исенгрим. — Я ценю честность.

— Не беспокойся, Дэвин, договор есть договор, — примирительно сказал Эдвар. — Ты в любом случае не проиграешь.

— Тогда не будем терять время на расшаркивания.

Дэвин развернулся на каблуках, Эдвар приглашающе махнул в сторону тоннеля.

— Клянусь, если всё получится, я тоже выпью кахве, — прошептал Иорвет, и мы последовали за Исенгримом.

Дно бывшего русла подземной реки устилал белый песок. На каждом шаге факел в руке Эдвара подпрыгивал — передвигался эльф странно одеревенело, словно робот Вертер, и слегка подволакивал ногу. Мы с Иорветом шли позади.

— Долгие лишения подорвали здоровье, а потрясение от смерти Аэлирэнн сделало его голову белой в один день, — едва слышно сказал Иорвет, заметив, что я рассматриваю Эдвара, и добавил: — Он любил её.

— Он художник? — спросила я шёпотом.

— С чего ты взяла?

— Так показалось. Платок.

— Такие платки носили все Шоннохи. Думаю, он не снимает его, чтобы досадить Францеске — память об Аэлирэнн и о тех, кто шёл за ней, для нашей несравненной королевы как кость поперёк горла. Но ты почти угадала — Эдвар талантливый архитектор и скульптор, поэтому Францеска вынуждена терпеть его причуды, — Иорвет помолчал. — По её мнению величие Долине Цветов вёрнет восстановленный дворец, а не возрождённый народ.

Дэвин обернулся, и Иорвет прибавил шаг. Природное русло реки привело в небольшую полукруглую пещеру. Путь преградила рукотворная каменная стена, по центру которой была врезана дверь. Эдвар аккуратно вставил факел в единственный пустующий крепёж.

Из мешочка, пристёгнутого к поясу рядом с кинжалом, Дэвин достал связку ключей. Завозился с замком.

— Сколько лет вы не были здесь? — спросил Эдвар.

— Долго, — ответил Исенгрим.

Иорвет промолчал.

— Тогда приготовьтесь к открытиям, — посмеиваясь, сказал Эдвар.

Дэвин, наконец, справился с замком и, пригнувшись, первым вошёл в низкую дверь.

Всю синеву неба будто собрали и выплеснули бриллиантовыми брызгами внутри исполинской пещеры. В белых каменных чашах горел изумительной чистоты голубой огонь — не то природный газ, не то необычный масляный состав. Кристаллы соли, сплошняком покрывающие стены, искрились, как свежеснеженный снег в свете ночных фонарей. Голубые блики гуляли по глади стройных колонн, соединённых арками в вышине, по отполированным белым изваяниям. Как и тогда, в эльфийских подземельях в Синих Горах, я не сразу поняла, что и эта пещера — некрополь, скрытое в горе святилище эльфов Дол Блатанна.

Скульптуры застыли на гробницах как мимы, и чудилось, что стоит моргнуть, и они переменят позы, с молочных белых плеч соскользнут невесомые мраморные ткани, звякнут украшения. Пальцы девушки, присевшей у корзины цветов, казалось, вот-вот коснутся губ, и она пошлёт воздушный поцелуй. Эдвар остановился около неё и послал поцелуй в ответ.

— Маленькие театральные подмости, — он обвёл рукой ряды саркофагов, — на каждой из которых разыгрывается сценка, воспевающая жизнь. Любовь. Красоту.

— Не время болтать, — оборвал Дэвин.

Эдвар неохотно отвернулся от девушки.

— Мёртвые живы. Живы нашей любовью, — сказал он тихо в сторону Исенгрима с Иорветом и направился за Дэвином.

Я задержалась у статуи. Все ушли вперёд, и мне ужасно захотелось прикоснуться к девичьей руке. Выше локтя её стягивал браслет — сжимал нежную, будто восковую кожу, и казалось, что она должна быть мягкой. Но я не осмелилась тянуться и быстро дотронулась до мраморного колена, скрытого туникой. Колено было твёрдым и ледяным. Напротив замер с полуулыбкой на устах юноша — через миг он рассмеётся, разогнёт руку и бросит девушке розу. Через миг длиною в вечность.

Мимо голубых светильников и тонконогих колонн мы шли вдоль пещеры, как по главному нефу храма. Эльфы больше не останавливались, и я переходила на бег, чтобы поспевать за ними. Дэвин резко свернул в сторону, провёл мимо саркофагов, статуи на которых были серыми, с отколотыми руками — наверное Эдвар и другие реставраторы ещё не успели добраться до этой части некрополя. Мы прошли дверь и, поднявшись по узкой винтовой лестнице, очутились в дворцовых коридорах.

Голубое сияние сменилось мягким оранжевым полумраком — горело масло в металлических чашах с чеканным узором. Масла было налито доверху, будто к нашему приходу готовились. Пустые сводчатые галереи лабиринтом разбегались в стороны. Стражи не было ни у лестниц, ни на переходах в другие галереи. Никого — как и обещал Дэвин.

— Слишком просто, — пробормотал под нос Иорвет.

Мы поднялись на этаж выше, и Дэвин загремел ключами у очередной двери. Я сосредоточилась — на каменной скамье у входа совсем недавно сидели. «Наверное, часовой», — подумала я.

Идти стало мягко — под ногами стелилась зеленоватая ковровая дорожка. Коридор — уже изысканный, дворцовый, с утончённым резным орнаментом по стенам освещался свечами в вычурных канделябрах, развешанных между узкими арками окон. За окнами была темень.

Дэвин вывел в холл с гигантскими двустворчатыми дверями. Вероятно, это был парадный вход во дворец. От входа поднималась широкая лестница. Она сужалась кверху к площадке и раздваивалась влево и вправо на балконы второго этажа. Дэвин выругался. На площадке под сенью деревьев в кадках — узловатых и пышнолистных — сидели, вытянувшись, два оцелота. Изящные пятнистые кошки, каждая размером с некрупного леопарда, равнодушно смотрели сверху и не двигались с места.

— Разве они не должны были ночевать в саду... — начал Эдвар.

— Очевидно, они пробрались внутрь, — с досадой перебил Дэвин.

Иорвет потянулся за луком.

— Нет! — Эдвар наклонил заложенную стрелу. — Франческа почувствует боль любимцев и проснётся.

— И что прикажешь делать? — зло прошептал Иорвет. — Скормить им одного из нас?

— Есть ли другой путь? — спросил Исенгрим.

— Там стража, — ответил Дэвин. — Если вы подождёте здесь, я перенаправлю её на другие посты.

— Время! — мотнул головой Иорвет. — Скоро рассвет.

— Погодите, — я хлопала по карманам. — Мы пройдем, если...

— Оно у тебя с собой? — взгляд Иорвета, контакт.

Он знает и я знаю, и не нужно проговаривать вслух.

— Да, — прошептала я, нашла, наконец, в кармане платок и достала из пояса пузырёк с остатком мускуса из желёз хакланских кошек. — Не уверена, что сработает.

— Оно сработает, — тихо сказал Иорвет.

Едва я откупорила пузырёк, оцелоты, будто пятнистая жидкость, стекли по ступеням и, толкая боками в колени, закружили у ног. Волнуясь, я выплеснула остаток зерриканского мускуса на платок. Как огромные котята, оцелоты набросились на кусочек ткани, подкидывая его лапами, драли когтями и даже не заметили, когда мы пробежали по лестнице мимо. Дэвин торжествующе улыбался.

Наверху мы прошли через тёмный зал, от пола до потолка увешанный портретами. Слабый свет фонарей проникал сквозь окна и ложился на паркет бледно-жёлтыми прямоугольниками. Полувидимые, как привидения, провожали нас взглядами белеющие в тяжёлых рамах лица. Иорвет держал меч наготове. Шагов эльфов не было слышно, и только в моём правом сапоге на каждый шаг тихо-тихо хлюпала под пяткой вода. Руки навязчиво пахли мускусом.

У высоких дверей на выходе из зала Дэвин задержался и долго вслушивался. Потом приложил палец к губам и потянул за изогнутую дверную ручку в форме цветочного стебля с нераспустившимся бутоном в наверху.

Медальон задрожал, и при попытке сосредоточиться в голову ворвался монотонный гул

голосов и ощущение, будто тысяча зрителей ожидала нашего выхода, как танца маленьких лебедей. Я приоткрыла веки — мы вошли в библиотеку. На мгновение дыхание перехватило, потому что более красивого помещения я не видела в жизни. На золотых цепочках свисали пустотелые шары из тонкого прозрачного стекла, по поверхности которых расплывались оранжевые электрические кольца. В приглушённом свете янтарным и тёплым отливал природный рисунок полированного дерева массивных стеллажей. Поверху зал опоясывал плавно изгибающийся балкон, и книги заполняли все полки от пола до расписанного фресками сводчатого потолка.

Ещё раз сосредоточившись, я вновь услышала голоса — то были голоса книг. На повышенных тонах каждая декламировала свою историю, словно хотела, чтобы внимали только ей, но за общим гулом ни одну невозможно было расслышать. Библиотека была пропитана магией: она шла от светящихся шаров, от книг, от портретов на стенах в тёмных глубинах между стеллажами. Магия закручивалась в вихри, стелилась по полу. Раз за разом я пыталась сосредоточиться и с силой сжимала веки.

— Что-то чувствуешь? — шёпотом спросил Йорвет.

— Слишком много магии, ощущается, как толпа, и я не могу понять — это книги или тут есть кто-то ещё, — ответила я.

Он кивнул, успокаивающе прикоснулся к моей руке. Я пошла следом, выравнивая дыхание и пытаясь не злиться на себя. Даже сейчас, в момент крайней опасности, когда решалась его судьба, Йорвет поддерживал меня, а днём я раздражалась на него из-за ерунды. Дура. Медальон раскалился и жёг грудь.

У массивной деревянной тумбы Эдвар на секунду задержался. Под стеклом на зелёном бархате лежал свиток, который завывал громче остальных. Ветхие края искрошились, и рваные заломы бумаги заходили на текст. *Aen Ithlinnespeath*, знаменитое пророчество Итлины — грядёт Белый Хлад, *Tedd Deireadh*, и выживут лишь эльфы, что пойдут за Ласточкой, Дитя Старшей Крови. Мы разбирали его с Эйлин. Я злорадно усмехнулась — столетиями Франческа изучала потомков Лары Доррен, тайно занималась селекцией, влияя на выбор коронованных супругов для обладателей гена Старшей Крови, а теперь продукт её трудов, Ласточка-Цирилла, без ведома и разрешения Франчески вместе с Геральдом готовилась к тому, чтобы где-то на Скеллиге уничтожить Дикую Охоту и победить Белый Хлад.

Из библиотеки мы прошли в нечто среднее между будуаром и кабинетом. Тяжёлые бордовые портьеры скрывали альков с креслами и чайным столиком с букетом цветов. Я смогла почуять, что за портьерами никого нет. Горки у стен полнились сервизами и фарфоровыми безделушками. Под открытой крышкой бюро у окна аккуратными стопками были разложены бумаги, на каминной полке так же аккуратно расставлены статуэтки. Всё было замершим и неподвижным в неверном ночном свете, однако не проходило тревожное ощущение внимательного, прикованного к нам взгляда. Фоново магией, и, пройдя на цыпочках мимо неостывшего камина, я увидела источник — ростовой портрет в богатой раме. На увитом цветами балконе на фоне водопадов стояла юная красавица в молочного цвета платье с ниспадающими с рукавов кружевами. Ладони её покойно были сложены на животе, а в золотых волосах сверкала королевская тиара.

Дэвин остановился у расшитого полога, слегка поклонился и отошёл в сторону. Исенгрим достал наручники.

— *Ádh mór*, — прошептал Эдвар.

С мечом в руке Иорвет первым скользнул за полог в спальню Францески Финдабаир.

Шторы были задёрнуты, и мы стояли у входа, пока глаза не привыкли к темноте. Перекатываясь с пятки на носок, я сделала шаг к кровати, другой. Приготовила Ирден — знак-ловушку. По обе стороны бесшумно ступали эльфы. Под балдахином из полупрозрачной ткани спала женщина. Длинные светлые локоны рассыпались по горам подушек, и ещё одну она обнимала белой рукой, высунувшейся из кружевного пеньюара. Ноги стали ватными — магии в женщине не было.

— Это не Францеска! — отчаянно зашептала я.

Исенгрим прыгнул в кровать и зажал рот блондинки, которая дёрнулась и тут же обмякла в его руках, даже не пытаясь сопротивляться, и захлопала глазами, как кукла.

— Что делать?! Изнанка? — я протянула ладонь Иорвету.

— Нет! Исенгрим должен добраться до площади, — Иорвет бросился к окну и отдёрнул штору. Светало.

— Через окно? — спросила я.

— Слишком высоко. И там остался Эдвар, — Иорвет коротко выдохнул и с занесённым мечом прокрался обратно к пологу.

Не отпуская фальшивую Францеску, Исенгрим передвинулся к краю кровати, спустил на пол ноги.

— Возвращаемся к главному входу тем же путём, — скомандовал он.

Я приблизилась, сложив пальцы для Аксия. Исенгрим покачал головой.

— Это ничего не изменит, ведьмачка. Они знают, что мы здесь. Приготовься.

Он отпустил руку, и в тот же миг блондинка распахнула рот и завизжала.

Иорвет бросился к пологу, я выскочила вслед — из библиотеки толпой валили стражники в таких же, как у Дэвина, доспехах.

— Дэвин, что случилось?! — вскричал Эдвар.

Визг не прекращался.

— То, что должно, — невозмутимо сказал Дэвин и рукоятью кинжала ударил Эдвара в висок.

Беловолосый эльф рухнул на пол. Мечи звенели и лязгали — Исенгрим пробивался к библиотеке, Иорвет сражался с Дэвином. Я ударила Аардом в сторону охраны, и один из эльфов впечатался в камин. С полки с грохотом разлетелись статуэтки, с оглушительным звоном осыпалось разбившееся окно. Краем глаза я только и успела заметить движение Иорвета, метнувшего в стражника нож, как руки и ноги стали свинцовыми и невыносимо потянули к полу, а нож Иорвета, как примагниченный, тяжело стукнул о паркет. Не в силах сопротивляться весу, я повалилась на пол, а из портрета вышагнула в своём молочном платье и с тиарой в золотых волосах королева Дол Блатанна — чародейка Францеска Финдабаир.

— Где прошла свинья, там и почесалась, — мелодичным и нежным голосом, будто ветерок подул по траве, сказала она и шевельнула рукой. Статуэтки, как в обратной съёмке, взлетели на каминную полку, и вслед за ними один за другим собрались с пола осколки стекла и впитались в окно. — Взять их!

Движением отяжелевших пальцев я сложила Квен ровно в тот момент, когда кованый сапог эльфа-охранника прилетел в живот. Придавив коленом поясницу и намотав косу на кулак, эльф ударил меня лбом об пол. Сорвал перевязь с оружием, защёлкнул наручники. Дэвин с оттяжкой бил по почкам лежащего Иорвета. Руки Исенгрима стянули за спиной и

заставили его встать на колени. Под щекой было мокро — из разбитого носа текла кровь.

— Какие гости у меня в спальне! — промурлыкала Франческа и обошла Исенгрима. — Вероятно, ты желал преподнести мне эту милую безделушку?

Она присела за его спиной, потом распрямилась и с явным удовольствием надела на палец кольцо с эльфийским бериллом.

— Оно не принадлежит тебе, Энид, — хрипло сказал Исенгрим.

— Скоро будет принадлежать, — обворожительно улыбнулась она.

Полог в спальню шевельнулся, и оттуда показалась золотоволосая эльфийка в белом пеньюаре. Как бы ни была красива и похожа на Францеску подложенная в кровать копия, лицо казалось грубее, брови ниже, губы тоньше — ей было далеко до оригинала. В руках она держала снятые с подушек наволочки и мило улыбалась. Ладони вспотели — эта картина пугала сильнее, чем мрачные стражники, заполонившие кабинет. «Всё предусмотрели, сволочи», — подумала я. За скованные за спиной руки меня встряхнули, пинком поставили на колени. Рядом стоял на коленях Иорвет. Тяжесть исчезла из тела, и я пыталась сложить липкими пальцами хотя бы Квен.

Эдвар со стоном приподнялся с пола.

— Во всех королевствах Севера и Юга самым тяжким преступлением считается государственная измена, — обратилась к нему Франческа. — Я слишком долго закрывала глаза на твои выходки.

Отшвырнув Иорвета, Дэвин схватил Эдвара за волосы и поднял.

— Я сожалею... — прохрипел тот.

— Да что ты говоришь? — притворно удивилась Франческа.

— Сожалею, что подвёл Короля, — сказал Эдвар, хотел добавить что-то, но Дэвин оттянул его голову, вскинул руку и полоснул кинжалом по шее чуть повыше оранжевого платка.

Брызнула кровь.

— Эдвар! — крикнул Иорвет, рванулся, плечом саданув эльфа охраны.

Эльф выхватил меч. В глазах потемнело, я резко подалась вперёд, чуть не оторвав скальп, потому что охранник сзади так и держал меня за косу, задрала скованные за спиной руки и хлопнула его Аардом. Перекатилась на бок и ударила вторым Аардом в замахнувшегося на Иорвета эльфа. Из разбитой его телом горки посыпались блюда, грохнулся фарфоровый чайник.

— Похвальная преданность, но совершенно бессмысленная, — усмехнулась Франческа. Повела рукой, наводя порядок, а конечности вновь отяжелели, и не хватало сил шевельнуть даже пальцем. — Двимерит на девуку!

Иорвета прижали щекой к полу, и по блестящему паркету к его лицу подбиралась растекающаяся от Эдвара лужа крови. По знаку Дэвина один из стражников кивнул и скрылся из кабинета. Меня охватила дикая, пронзительная ненависть к этой женщине — она одна, одна была виновата в том, что Исенгрим стоял на коленях, а не играл в шахматы в Драконовых горах, она была виновата в том, что Иорвет пришёл сюда умирать. Только она одна.

Из библиотеки донеслись возбужденные голоса и, расталкивая охранников, в кабинет влетел высокий эльф, явно только что выпрыгнувший из постели — в мятой шёлковой пижаме, без украшений и босиком. Грудь жгло не то ненавистью, не то медальоном, болели переносица и выкрученные суставы рук, и несмотря на это, мутно и отстранённо, я

удивилась снова — собранные в длинную косу волосы этого эльфа тоже были белоснежными.

— Что происходит? — крикнул он. — Я услышал звон, дворец кишит стражей!

Он замолк при виде Исенгрима, подошёл ближе и отпрянул, заметив лежащее в луже крови тело Эдвара.

— Что происходит, Энид? — почти шёпотом переспросил он.

— Попытка убийства королевы, Филавандрель. Их взяли с поличным, — холодно ответила Франческа и царственно махнула рукой на труп Эдвара. — И государственная измена, которая, как ты знаешь, карается немедленной смертью.

В полумраке рассвета я увидела, как из-за спины Филавандреля выглядывает одетая в платье цвета лимона женщина с длинными, огненно-красными волосами.

— Здравствуй, Ида, — сказал ей Исенгрим и получил тычок ногой в бок.

Чародейка Ида Эмеан — Знающая, советница королевы Дол Блатанна — едва заметно улыбнулась в ответ.

— Исенгрим, это правда? — Филавандрель шагнул к нему.

— Конечно же нет, — усмехнулся Исенгрим, и на его покорёженном лице усмешка выглядела страшной. — Мы не хотим убийства, мы хотим суда.

Он смотрел в глаза Францеске, и мне показалось, что по её нежному лицу пробежала тень страха, но тотчас она совладала с собой.

— Ты получишь суд. Я буду судить вас лично, — сказала она.

Иорвет стоял на коленях в шаге от меня, мы переглянулись и придвинулись друг к другу. Наши знаки — последний шанс, будто бы мысленно сказал он мне. Пока не поздно. Дэвин заметил движение и, склонившись, ударил Иорвета в челюсть. Вернувшийся стражник закопошился за моей спиной, меняя наручники на димерит. Ида неслышно скользнула к окну.

— Рассвет пришёл, — прошелестел её голос. С отрешённой улыбкой она обернулась и, как дирижёр, взмахнула рукой: — Сейчас.

Ударил колокол.

Чистый мощный звук заполнил пространство дворца, завибрировали оконные стекла, задрожали статуэтки на камине.

— Serbin, — сказала Ида так же безучастно, глядя на двор. — На мосту толпа. Ворота открыты.

— Что?! — с Францески в миг слетела вся царственность, и она бросилась к окну. — Дэвин!

Исенгрим хрипло рассмеялся.

— Тебе не уйти от суда, Энид, — сказал он.

Франческа развернулась к подошедшему Дэвину и с размаха вlepила ему пощёчину. На щеке остались алые полосы от ногтей.

— Твои бездельники должны были защищать ворота и колокольню, а не болтаться у спальни дамы, которая может защитить себя сама! — взвизгнула она.

— Основные силы охраняли дворец, — отчеканил он. — Мы предполагали...

Франческа повела рукой у его лица, и царапины затянулись. Дэвин прижался щекой к её ладони, словно ласкающийся кот.

— Иди и исправь, — сказала она нежно, но её огромные небесные глаза были холодны, как льдины.

Звон колокола раздался вновь, он пробирал до костей, гудел в мозгу. Дэвин развернулся на каблуках, отдал команды и с частью охраны исчез за дверями в библиотеку.

— Они уже на площади, Энид, — проговорила рыжеволосая Ида. — Твой народ на площади.

Франческа выглянула в окно и выругалась.

— Почему ты боишься собрания эльфов, Маргаритка? — мягко спросил Филавандрель. — Ты же уверена, что права. Они любят тебя.

Поморщившись, она повела плечами.

— Этих двоих выволочь на крыльцо, — приказала она, показав на меня и Иорвета. — Они обвиняются в покушении на убийство королевы. Сделайте так, чтобы они не причинили хлопот, но были в сознании. А этого, — взмах руки на Исенгрима, — в камеру для допросов, и чтобы по пути его никто не узнал!

Колокол ударил в третий раз. Франческа приложила тонкие пальцы к вискам:

— И займитесь звонарём!

На голову мне набросили наволочку. Стало темно. Ветивер и лаванда — для спокойного сна. На затылок обрушился удар.

Шумело море. Колыхалось. Далёкое, освобождающее. Если ты — сама боль, то тебе не больно. Смешной факт. Знание о долгом пути на дворцовое крыльцо осталось, но где-то глубоко, под толщей песка на дне. Знание о том, что сначала вывернутые скованные руки удобно уложили на подставку за спиной. Удобно для них, разумеется. Дробили пальцы один за другим. Ломом? Откуда взялся лом в эльфийском дворце? Неважно. Потом, не снимая кровавой наволочки, били в голову. Так мясо отбивают через пакет, чтобы не брызгало. Под наволочкой не лицо, а каша. Галантно свели с лестницы, чтобы ненароком не сломала себе шею, приказ есть приказ. Поддерживали — со сломанными рёбрами не распрямишься. Когда боль заполняет до краёв, ты не можешь остаться собой, ты отдаёшься ей целиком. Ты — это она, она — это ты. И море баюкает и зовёт. Я иду.

Колокольный звон. Бом-м-м! Ропот толпы заглушает море, но оно не уходит, лижет босые ноги. Назойливый слепень кусает щёки, откуда он тут? А, это пощёчины. Неинтересно, я хочу нырнуть.

Ослепило, плеск, и смоченную наволочку грубо завозили по лицу. На горящую грудь текла вода.

— Очнулась, наконец, — сказал Дэвин. — Выводите их.

Двери главного входа медленно поползли в стороны, яркий свет раздвигал гигантские створки. В этом сиянии нас ждали трое. Тёмная расплывчатая фигура склонилась к блистательно голубой и что-то шептала. Голубая кивнула. Я закрыла глаза, чтобы не видеть их, чтобы вернуться к морю.

— Вам же сказали, чтобы они были в сознании, болваны!

— Нам сказали, чтобы без хлопот, — голос Дэвина.

Поволокло из глубины, я забилась, как рыба в сетях: «Нет! Оставьте меня! Отстаньте!»

— Смотри мне в глаза.

Обкатанные волнами кусочки зелёного бутылочного стекла в обрамлении огня. Я вдохнула глубоко, от живота до ключиц — ничего не болело. Магический морфий сработал, и казалось, что анестезия подействовала не только на тело, но и на разум — он так и остался сторонним наблюдателем, равнодушным зрителем, не допущенным к таинству переживаний. Беспристрастный репортёр. Закутанная в тёмный плащ Ида ещё мгновение оценивающе смотрела в глаза, потом повернулась к Иорвету. Он висел на руках стражников. В спину толкнули.

Высокое крыльцо ступенями спускалось на площадь, и с него, как со сцены, было видно всё. У подножия волновалась, растекалась толпа, которая, словно через горловину песочных часов, вливалась в распахнутые на мост ворота. По периметру площади зелёным частоколом стояли свечи кипарисов. Совсем рядом с крыльцом, по левую руку, уходила в небо колокольня, а справа — за площадью, за деревьями и крышами — возвышались горы.

Шум моря не исчез, и даже ропот толпы не заглушил его. Я огляделась — навязчивая морская идея не отпускала, и в просветах за кипарисами увидела воду. Стиснутый в каменном русле канал огибал площадь. Прямо из воды торчали колонны, на которые опирались бесконечные арки, сходящиеся с двух сторон к воротам на мосту. Сразу за аркадой вода срывалась в пропасть, и в арках виднелся далёкий берег с белыми домами. В городе валил чёрный дым.

— Тишина! — Франческа вскинула руки.

Поверх платья она облачилась в королевскую небесно-голубую, как и её глаза, мантию с горностаевой оторочкой и с прорезями для рук. Рядом стоял Филавандрель, уже не в пижаме, а при параде, как подобает советнику королевы. Он стоял ко мне спиной, лицом к народу, и не оборачивался.

Гул голосов затих, остался только фоновый шум. Не моря — водопадов. Мелькнула тень, и Ида вместе с Дэвином присоединилась к королеве. Иорвета вытолкнули ко мне, и мы встали рядом, запачкав кровавыми подошвами девственно чистую мраморную плитку крыльца.

— Я собрала всех вас в связи с чрезвычайными обстоятельствами, — чародейка говорила негромко, но голос эхом, как на вокзале, разносился по площади. — Трагическими обстоятельствами!

Колокол ударил вновь. Франческа, прикрыв глаза, выжидала. В затухающем звоне из-за спины послышалось мерное жестяное раз-два. С крыльца стройной колонной спускались стражники. Я смотрела на Иорвета. Он чуть касался меня локтем и стоял, сторбившись и глядя в пол. Повязка была пропитана кровью, глаза было не видно за кровоподтёками.

Синхронные удары по голениям, и мы с ним повалились на колени. Это привычно для меня — стоять на коленях перед эльфами. Фиона была бы рада.

— Мы живём в бурное, противоречивое время, — Франческа заговорила опять. — Каждый из нас жаждет стабильности, мира, спокойствия...

С глухим стуком стражники раскачивали и ударяли в дверь колокольни бревно. Остальные цепочкой растягивались вокруг площади.

— Наша жизнь неразрывно связана с Дол Блатанна. Пока жива она — живы мы! Нам передали её наши предки — героические, несгибаемые, которые пролили кровь за то, чтобы у нас, Aen Seidhe, был свой клочок земли...

Я смотрела на Иорвета. Он поднял взгляд, и нет, в нём не было больше азартного огня, не было надежды. Было другое, чего я никогда не видела, и отчего страх пополз по жилам. Было спокойствие. И была смерть. «Иорвет, — шепнула я, разбитые заскорузлые губы не слушались, — Иорвет!»

— В это трудное время, когда только единство может помочь нам, враги не дремлют. Сегодня на нашу землю пришли с войной. На вашу Королеву было совершено покушение, и только чудо...

Бом-м-м! С кипарисов вспорхнули птицы. В верхнем ярусе окон, которые, как Пизанскую башню, опоясывали колокольню, мелькнуло смуглое лицо одного из эльфов Иолара. Он перегнулся через подоконник и всматривался в сторону гор. От стены у окна отскочила стрела стражника, эльф исчез внутри.

— Чудо хранило вашу Королеву! — Франческа молитвенно возвела очи небу.

Расфокусированным взглядом я скользила по беспокойной толпе и видела скоя'таэлей, которые, словно волки среди овец, затесались среди жителей города. Они отличались: луками за спинами, поношенными кафтанами, разномастной, надёрганной тут и там бронёй, тогда как долблатанцы по большей части лишь накинули верхнюю одежду поверх ночного платья. По краю возникло движение и стражники выхватили одного из наших. Толпа отпрянула, сжалась. Под руки скоя'таэля волокли в сторону.

— Они покусились на то, что мы отстояли дорогой ценой! Перед вами зачинщики, — Франческа повела рукой в сторону меня и Иорвета. — Я уверена, что покушение

спланировано злой волей — волей той, кто ненавидит эльфов. Волей вот этой дхойне!

Колокол зазвонил вновь — яростно, истошно. За одним ударом следовал другой, голос Францески потонул в чистом серебряном звуке. Когда колокол затих, наступила гробовая тишина, и сверху, с балкона под самой крышей, высунулась тоненькая фигурка.

— Довольно слушать лживую патоку! — Верноссиэль кричала, и крик её отражался от стен. — Посмотрите на себя! Вы предали своих детей, вы предали нас! Мы вернулись, чтобы спросить — как поживает ваша совесть?!

Под колокольной эльфы-стражники бросили бревно, встали рядом и вскинули луки. Посыпались стрелы, они отскакивали от стен, улетали в небо и осыпались на каменные плиты.

— Доченька! — раздался голос из толпы. Сорвался. — Доченька!

К колокольне протолкалась высокая простоволосая эльфийка в наброшенном поверх длинной рубахи зелёном плаще. Стражники опустили луки и кинулись к ней. Толпа нахлынула, обступила эльфийку со всех сторон.

— Маргаритка, всё не так просто, — Филавандрель нагнулся к Францеске. — Я же предупреждал...

— Оставь нытьё для частных разговоров, — перебила она. — Не ты взял на себя ответственность ради спасения Дол Блатанна.

С вершины колокольни упала и развернулась верёвка, и Верноссиэль соскользнула вниз. Верёвка тотчас втянулась обратно. Эльфийка в зелёном плаще, вырываясь из рук охраны, рванула к колокольне. Завязалась потасовка, стражники не посмели доставать оружие, и, оттесняя их, жители выстроились коридором. Мать и дочь бросились навстречу друг другу. Обнялись. Эльфийка, будто не веря, приглаживала волосы Верноссиэль, по её лицу текли слёзы. «Хитрый Исенгрим. Знал кого назначить на колокол», — подумала я, и внутренности нехорошо заныли. Исенгрим. Что сейчас делали с ним в комнате для допросов? Стражники, расшвыривая жителей, добрались до Верноссиэль, один из них ухватил её за шиворот, другой оттолкнул мать.

— Свободу Иорвету! — завопила Верноссиэль. — Дайте слово Иорвету!

Сверху было видно, как взметнулись её косички, а потом она исчезла. Стражники бросились в погоню. Мелькая голубыми лентами на гетрах, эльфийка выскочила из толпы у самых кипарисов, с кучей брызг прыгнула в канал. Задержалась в арке на обрыве, обернулась, замахала руками: «Я вернусь, мама!» — донёсся крик, и в следующий момент она оттолкнулась обеими ногами и рыбкой нырнула в пропасть.

Толпа зашевелилась, стала напирать, дворцовая охрана щитами оттесняла её от ступеней. Францеска тихо выругалась, каблук раздражённо цокнул по крыльцу. Из гомогенной, перемешанной, масса эльфов расслоилась на два кольца. Внешнее — долблатаннцы, живым щитом обступили ядро из молодёжи, пришлых скоя'таэлей.

— Иорвет, смотри, всё было не зря! — зашептала я, но из горла выдавилось бессвязное шипение.

Иорвет смотрел поверх толпы туда, где с берега с той стороны реки валил дым.

— Они знали, что мы придём, — едва слышно сказал он, — а значит и Яевинна ждали...

Он поморщился и снова вперил взгляд в пол. Пальцы начали оттаивать, будто после обморожения, и вновь наливались болью. Чары Иды отпускали. В глазах поплыли розовые пятна. Стражники полным кольцом охватили площадь и, прижав к груди щиты, наступали на

толпу. Что у нас осталось? Ничего. Яевинн попал в засаду, как и мы, и была только горстка скоя'таэлей на площади среди жителей да эльфы Иолара на колокольне, у которых очевидно давным-давно закончились стрелы. Я запрокинула голову к небу. В нём чёрными точками в бледно-красной пелене облаков кружили птицы. Или то были не птицы, а помехи зрения в измученных болью воспалённых глазах?

— Довольно! — вновь зазвучал голос Францески. — Наше сердце болит, но мы не можем нарушить данное слово! Понимая все причины, обращаюсь к вам, ко всем тем, кто пришёл в Дол Блатанна сегодня. Отступитесь! Сдайтесь, пока не стало слишком поздно, пока не пролилась кровь! Кровь эльфов! Мы не хотим этого! Сдайтесь, и Королева будет милостива!

Ропот. Недовольный, недоверчивый. Чёрные движущиеся точки вернулись, и теперь они скользили поверху аркады со стороны гор.

— Вы надеетесь на тех из вас, кто остался в городе. Не надейтесь! Всё кончено! Сложите оружие! В противном случае вы вынудите меня немедленно применить к вашим лидерам высшую меру наказания!

Иорвет отрицательно замотал головой, посылая знак Торувьель и скоя'таэлям на площади. Его тут же повалили на пол. Толпа не дрогнула.

— Что же, да будет так! — Францеска обернулась, палец нацелился в мою грудь.

Двое стражников выволокли меня под руки вперёд.

— Исполняя долг Королевы — долг служения Дол Блатанна, я обвиняю эту человеческую женщину в попытке убийства и в подготовке мятежа! — начала Францеска. — На рассвете вместе с сообщниками она была схвачена в спальне Королевы. Злоумышленница, смутьянка, возмущающая и нарушающая мир, подстрекательница к войне. Как и её покровители, она алчет крови эльфов и понуждает к её пролитию!

— Скоро встретимся, — шёпот за спиной. Иорвет или очередные глюки от вернувшейся боли?

Чёрные точки, как блохи, перепрыгивали с аркады на кипарисы.

— Собранные доказательства указывают, что, втёршись в доверие к бригадам скоя'таэлей и подкупленная врагами Дол Блатанна — разведками Темерии и Редании, она спланировала покушение на Королеву Дол Блатанна, обманными речами убедила скоя'таэлей следовать за собой. Разжигала ненависть между эльфами, разлучёнными непреодолимыми обстоятельствами. Учитывая ранее изложенное и рассмотрев улики...

Всё это время подспудно, где-то в глубине души я считала, что бессмертна. Что можно перезапустить игру и не умирать никогда. Не только в этом мире, но и в том, в прошлом. Пока ты жив, смерть — она про кого-то другого. Я стояла на коленях и осознание смертности — лично моей... оно не ударило, не нахлынуло, оно просто появилось изнутри, будто было там всегда — до отвращения осязаемое: «Ты такая, как все, и надо лишь подождать. Уже недолго. Только не обмочись». «Если ты настоящий воин, то и живёшь так, будто бы уже мёртв», — зазвучал другой голос. Иорвета. Я не была настоящим. Рэя была. Он был. Ждать — нет ничего хуже, и я вновь малодушно отдалась спасительной боли, уже знакомой, выключающей разум. Там не надо ждать, там будет море. Оно будет шуметь, и будет не страшно. Но моря не было, а боль, в которой смерть была желанной, уходила. Ида вспомнила обо мне. Так не вовремя! В глазах стало резко и чётко. Вернулся страх, заполнил до темечка. Ида, зачем? Одно лишь поддерживало — я буду первой и не увижу... С вершины колокольни раздался свист, я задрала голову и заметила одного из эльфов Иолара, который

приветственно махал руками в окне. Это увидела и Франческа.

— Отрубите ей голову! — крикнула она.

В живот ударили, я согнулась и сплюнула вязкую кровавую слюну. Позади охнули, руки палача отпустили плечи, громыхнуло, и стражник повалился на пол. Из глаза у него торчала стрела.

Площадь была окружена. Плечом к плечу, обнажив мечи и закрывшись щитами, стояли в отливающих чёрным серебром доспехах эльфы Ард Дола. Рагнар, на лбу которого поблёскивал серебряный обод, а через плечо на грудь спускалась толстая коса, отдал команду, эльфы одновременно подняли мечи. Дворцовые стражники, зажатые между жителями и арддолцами, парами упёрлись друг другу в спины, нацелив оружие на чужаков и на своих. Рука об руку с Рагнаром, в накидке из меха мантикоры, перетянутой ремнями перевязей, стоял Иолар. Он опустил лук.

— Прикажи страже убрать оружие, Франческа, — звучно гаркнул через площадь Рагнар. — Мы не хотим крови.

— Маргаритка, у нас нет выхода, — зашептал Филавандрель. — Мы не можем...

— Посмотрим, — ответила она тихо. — А теперь замолчи.

Я обернулась через плечо — Франческа приосанилась. Она была поразительно хороша — настоящая Королева. Ида спряталась за Дэвином. Иорвет, прищурившись и будто не веря, что это взаправду, смотрел, как окружённые воинами, к крыльцу приближались Рагнар из Ард Дола и Иолар из Свободных Эльфов. Глаза заволокло слезами — он опять помог мне, моя любимая фея-крёстная с Синих Гор. Всё это время его эльфы знали, что будет так, что он пойдёт за подмогой, но молчали и не сказали даже Иорвету, который всё равно верил.

— Я приветствую уважаемых гостей из Ард Дола! — Франческа широко развела руками. — Однако не вижу причин, по которым вы уполномочены вмешиваться во внутренние дела нашего государства!

Огромный Рагнар со свитой подошёл. Смотрел прямо.

— Причина есть, — сказал он. — Я, Рагнар, сын Фенлана сына Элдрина, волею владык Аланнэна и Юланнэн прибыл сюда, чтобы сообщить, что ты, Энид ан Глеанна, обвиняешься в преступлении против Ард Дола — в колдовстве и умышленной порче воды с целью мести, и сопроводить тебя в Ард Дол для суда.

— Не самое вежливое заявление, которое можно сделать на моей земле, — усмехнулась Франческа. — Передай, что я буду счастлива обсудить с владыками все недоразумения лично. Очевидно, кто-то оболгал меня.

— Доказательства неопровержимы, — отрезал Рагнар.

— Какими бы ни были доказательства, это не повод встречать в процесс приведения приговора в исполнение! Это не оправдывает убийства!

— Эта дхойне сняла проклятие с воды. Она под защитой Ард Дола. Я не позволю казнить её, как и Иорвета аэп Гленнмаэра — подданного Ард Дола. Его ждёт экстрадиция на родину, — сказал Рагнар, и теперь я любила и его, этого хмурого охотника. Любила Ард Дол со всеми потрохами, с Наиной и владыками, и даже с Фионой. Я готова тысячу раз встать перед ней на колени, лишь бы пронесло, лишь бы всё закончилось хорошо.

— Вот как? — Франческа глянула на меня, и в мозгу вспыхнуло: «Ты ответишь за это!»

— Bloede arse, — хриплый шёпот Иорвета, — чёрные.

— Повторяю последний раз. Слушай меня, Рагнар, сын Фенлана, — заговорила

Францеска, и голос её звучал торжественно. — Даю тебе право уйти немедленно и передать владыкам, что они могут оставить обвинения при себе. Я закрываю глаза на твою наглость, неподобающий тон и убийство одного из моих эльфов. И заberi с собой этого варвара с гор! Это моё последнее слово!

Улыбаясь, она смотрела на мост. По нему чёрной, слитной массой шли нильфгаарцы, обступив степенно шагающих конников. Эльфы Рагнара мгновенно ощерились мечами, разорвали оцепление и сплотились вокруг командира у колокольни.

— Вы не самоубийцы, — обратилась к нему Францеска. — Убирайтесь и помните о милосердии Королевы Дол Блатанна!

На площадь чёрным потоком, рассекающим пополам толпу, входила нильфгаардская дивизия. Пронёсся вздох, стон эльфов — за каждым конником волочилось по камням на верёвке тело.

Нет чувства хуже и ненавистнее, чем надежда. Обман и надежда — брат и сестра. Она озаряет, а потом бросает тебя изломанного и разрушенного, глумится над тобой. Над тем, что ты поверил.

Толпа расступилась, открыв нам вид на конных нильфгаардцев, которые важно сидели в сёдлах, держа под боками пики. Я смотрела на запылённые, но до сих пор сияющие доспехи эльфа, которого тащили за первой лошадыю. Руки были откинута и длинные тёмные волосы волочились по камням за телом, привязанным за ноги. Лошади остановились.

— Яевинн! — из толпы выскочила и склонилась над эльфом Торувьель. Содрогаясь, припала к груди.

— Так будет с каждым, кто пойдёт против Дол Блатанна, — усиленный, будто рупором, голос Францески прокатился над молчащей площадью.

«Только не это! — за второй лошадыю лежало на боку худенькое тело в зелёном кафтане с копной светлых волос. — Нет!» Не сдержавшись, я зарыдала. Слезы размачивали засохшие раны, из носа потекло: кровь и сопли. «Мона!» — звала я, голоса не было. Иолар неотрывно смотрел на Торувьель, обнимающую Яевинна. Нильфы, как чернила спрута, заполняли площадь.

— Всё кончено! — жёстко произнесла Францеска. — Сложите оружие!

— Мы сложим, если прикажет Исенгрим! — Иорвет поднял голову и с колен свысока смотрел на неё.

— Давайте решим дело миром! — выкрикнул Филавандрель.

Арддолцы ждали. Дверь в колокольню, около которой не осталось стражи, распахнулась, и к Иолару присоединилась его команда. Скоя'таэли Торувьель вышли из толпы и с обнажёнными мечами застыли напротив нильфгаардцев.

— Ты позволишь банде дхойне с юга пролить кровь эльфов? — презрительно бросил Рагнар.

— Я позволю что угодно, лишь бы сохранить статус-кво! — Францеска развернулась к жителям. — Возлюбленные мои, не поддавайтесь! Я приму на себя всю тяжесть выбора. Ради вас! Но сначала приговор относительно этой дхойне будет приведён в исполнение — ибо никто не смеет перечить королевскому слову! Клянусь, любое вмешательство будет расценено, как сигнал к нападению!

Она обернулась к Дэвину, стоящему позади.

— В этот раз доведите дело до конца.

Всё. Финал. Грудь жжёт. Жизнь дхойне на одной чаше весов и всех эльфов на другой. Даже Иолар, арддолцы и все скоя'таэли вместе взятые не пойдут на такую сделку. Я бы сама не пошла. Дхойне преткновения. Ритуальная кровь. Маленькое жертвоприношение, устраивающее обе стороны. Франческа не посмеет обезглавить Иорвета прилюдно, потому что иначе начнётся кровавая баня, однако моей казни достаточно, чтобы показать, кто здесь хозяин.

Я опять впереди, на коленях перед всем народом. Невозможно ни обернуться, ни сказать Иорвету последние слова — те, что я готовила, учила. Распрямившись, задрала нос — будь, как настоящий воин, будто уже мертва. Куртку содрали, и она повисла на запястьях. Рванули рубашку, разорвав ворот. На плечи нажали, пригнули, отведя косу вбок. Из-за пазухи вывалились цепочки. Амулет Саскии, кольцо (прости, Яна!), ведьмачий медальон, роза Аэлирэнн. Роза светилась раскалённым алым. Я задёргалась, замычала. Всё это время на груди жглась она, а не медальон!

— Приговорённая желает сказать последнее слово, — голос Иды. Мягкий, обволакивающий.

Молчание. Я вновь попыталась заговорить.

— Пусть говорит, но недолго, — голос Филавандреля.

— Я гонец, — справившись с едва слушающимися губами и языком, сказала я на всеобщем. — Ида, возьми с моей шеи послание для королевы.

Прохладные пальцы коснулись голых плеч, крохотная раскалённая роза обожгла щёку и исчезла за спиной.

— Возьми, Энид, это тебе, — сказала Ида.

Франческа взяла цепочку, зачарованно глядя на розу. В её руках амулет вспыхнул голубым огнём — таким же, как в подземельях под плато.

— Как красиво... — прошептала она и повернулась к толпе: — Посмотрите, сама Аэлирэнн благословила меня!

Подняв руки, утопающие в кружевах, она осторожно надела цепочку на шею. Роза коснулась груди, вспыхнула и впиталась в белую кожу, как и не было. Франческа вскинула руки, из них разлился голубой свет и затопил площадь.

На вершине колокольни, уцепившись лапами за шпиль, сидел исполинский белый ворон. Перья на горле встопорщились, ворон раскрыл клюв и испустил истошный вибрирующий звук. Пелена туч над шпилем, разгоняясь, раскручивалась воронкой и расплзалась по небу хвостами тёмных спиралей. Новый гортанный крик. «Вороны каркают и перемещают нас между слоями реальности», — вспомнила я Зоуи на плече у Исенгрима, и тут же под грудь боднули. Иорвет воспользовался заминкой, пока все эльфы смотрели в густеющее над колокольной небо. Я навалилась грудью на подставленное плечо, и Иорвет приподнял меня на ноги.

— Бежим! — прохрипел он.

С каждым криком стремительно темнело, в воздухе появился белёсый туман. Стражники у подножья лестницы и эльфы Рагнара за их спинами казались размытыми. Шаг, другой, ещё один — нужно лишь пересечь крыльцо, преодолеть ступени, там помогут... Ноги подогнулись, я плашмя упала на живот, ударившись подбородком о мраморный пол.

— Яна, вставай! — Иорвет опустился рядом, рана на его рассечённой брови открылась, вдоль носа текла струйка крови.

Щекой прижавшись к плитке, с руками за спиной, на которых болталась куртка, я силялась подтянуть ноги под грудь. Кое-как встала на колени.

— Обопрись! — Иорвет подполз спиной.

Я упала на скованный замок рук, и Иорвет попытался встать. Мои ноги не слушались, будто парализованные, я мешком сползла по его спине и повалилась на камни крыльца.

— Беги! Пожалуйста! — засипела я, с пола увидев, как спохватившиеся стражники идут к нам. — Я не могу.

Эльфы Дэвина даже не спешили, равнодушно наблюдая наше вялое копошение. Пошатываясь, Иорвет встал и загородил меня.

Ворон крикнул ещё раз. В сумеречной темноте туман между стражниками и Иорветом загустился, оформился в фигуры.

— Ида, помогай! — Францеска водила руками, раздвигая темноту.

Ида встала рядом в пятне света, на выставленных вперёд ладонях вспыхнули руны. Темнота наваливалась, не поддавалась. Последние пассы, и сумерки поглотили площадь целиком. Среди нас стояли призрачные воины Аэлирэнн.

Ворон каркнул на прощание, оттолкнулся от шпиля, лязгнув когтями, и взмыл в небо.

Стражники попятились от призраков, отступили к Дэвину, который защищал Францеску. Перед остриём его меча стояла девушка в короткой тунике, с луком за плечами — белая и величественная, как ожившая статуя Артемиды.

Аэлирэнн.

Дэвин сделал выпад, меч прошёл сквозь белую грудь. Аэлирэнн рассмеялась серебряным смехом, который я помнила по Шаэрраведду, ладонью взялась за лезвие, вырвала меч из руки Дэвина и отшвырнула в сторону. Тот выхватил кинжал и отступил к Францеске.

— Сегодня у меня не дворец, а заезжий двор на тракте, который кишмя кишит незваными гостями! — Францеска надменно смотрела в лицо Аэлирэнн и совершенно не была рада её видеть. — Возвращайся к мёртвым и не лезь в дела живых!

Перед чародейкой слабо поблескивала плёнка защитного купола, укрывшего её вместе со свитой. Я, наконец, смогла подняться с колен на ноги, мотнула Иорвету головой в сторону Аэлирэнн. Он, помедлив, кивнул. Я привалилась к нему плечом, и мы шаг за шагом направились к дворцовому входу. С другой стороны под локоть меня поддерживал призрак эльфа с волосами, собранными в высокий хвост, с луком за спиной и парой сабель на бёдрах, и его хватка была не по-призрачному крепкой.

— Я — гость званый, — мелодично сказала Аэлирэнн. — Меня позвала ты, Францеска. Позвало проклятие, заточённое в розе, которое ты наложила на себя, чтобы ничего не чувствовать, чтобы заглушить совесть.

— Я помню слёзы на твоих глазах, Маргаритка, — вдруг задумчиво произнёс Филавандрель. — Они были после того... После того, как... Теперь их нет.

— Детский лепет, — насмешливо ответила Францеска. — Среди нас троих единственная чародейка — это я, и мне доподлинно известно, что никаких проклятий я на себя налагала.

— Значит, его наложили другие, — мягко сказала Аэлирэнн и обвела рукой толпу, в которой среди жителей и скоя'таэлей виднелись белые силуэты эльфов-призраков. — Неприкаянные и изгнанные. Те, кто умирал на болотах и в лесах, проклиная тебя. Те, кто до

самого конца бился за нашу свободу.

Мы подошли совсем близко к магическому пузырю, и, если бы не скованные руки, я могла бы дотронуться до Аэлирэнн. Мы больше не убегали, в том не было нужды — театральная постановка с казнями закончилась. Про нас забыли. Прошое и настоящее в лице двух эльфиек — живой и мёртвой, столкнулись здесь и сейчас за будущее.

— Свободу? — Франческа рассмеялась. — За двести лет в лимбе ты так и не сподобилась повзрослеть, Аэлирэнн. Так и осталась подростком, верящим в идеалы. Свобода — это красивое словцо, которое швыряют направо и налево те, кому нечего терять. Те, кто думает только о себе. А вы подумайте, как взрослые. Подумайте в масштабах государства — о политике, о переговорах с королями и императорами. Никогда и ничего не даётся даром! Подумайте и поблагодарите за ту землю, что появилась у эльфов благодаря мне. Вот это реальность, а не мечты. Если хочешь увидеть радугу — терпи дождь!

— Слова, слова... — Аэлирэнн покачала головой. — За ними прячутся, чтобы скрыть правду. Может быть Aen Seidhe терпели дождь лишь для того, чтобы ты могла носить королевскую тиару, Энид? Сколько жизней ты продала ради короны?

— Ради Дол Блатанна, ради того, чтобы эльфы смогли начать жизнь сначала, я пожертвовала всем! — в глазах Франчески разгорался гнев. — И что я получаю взамен? Сопли и слёзы! Я вернула нам Долину Цветов, отнятую у эльфов благодаря тебе, Аэлирэнн. Вот она — правда, и я скажу её в лицо. Ты повела Aen Seidhe на бойню! Из-за тебя погибли тысячи. С твоим именем на губах умирали и умирают два века спустя. Оглянись — мёртвые вокруг тебя. Целое войско! Зачем ты вернулась? Чтобы перевалить свою вину на меня?

— Я вернулась, чтобы искупить вину, — сказала Аэлирэнн. — Я вернулась, чтобы объединить Aen Seidhe. Чтобы эльфы вернулись домой.

Со стороны площади раздался нестройный звон металла о камень. Призрачные воины окружили нильфгаардцев, и те, повинувшись сигналу командира, бросали перед собой мечи и пики. Скоя'таэли отвязывали пленников от лошадей.

— Франческа, уходи! — донёлся крик из толпы, его подхватили.

— Наивные глупцы, и кто будет вместо меня? Кто из вас способен править государством? Вы не смогли управиться даже с собственной жизнью!

Аэлирэнн смотрела в глубь дворца, за открытые двери, и улыбалась так, будто увидела старого знакомого. Приложила руки к груди. Из темноты холла показались двое — тёмная и светлая фигуры. Они медленно приближались. «Жив, Исенгрим жив!» — я легонько толкнула Йорвета плечом, а он смотрел, как призрак Эдвара вёл Исенгрима, который всем весом навалился на белые плечи и едва переставлял ноги.

Бросившись навстречу, Аэлирэнн поцеловала Эдвара в щёку, отчего тот на миг встал столбом, подхватила Исенгрима с другой стороны. Вместе они вышли на крыльцо.

— Править будет законный Король! — торжественно произнёс Эдвар.

Толпа живых волновалась, захлёстывала ступени. Дэвин кричал команды, но среди стражи уже не было единства — часть вернулась, но остальные, срывая шлемы, затерялись среди жителей.

— Уходи! — ревела толпа. — Мы хотим перемен! Уходи!

Ярость, уже неприкрытая, перекосила лицо Франчески. Между бровей залегла морщина, верхняя губа хищно приподнялась:

— Трусые и предатели! — закричала она долблатанцам. — Я пожертвовала для вас

добрым именем. Пожертвовала всем! Посмотрите на сады, которые зацветут весной, оглянитесь на землю, которой у вас не было два столетия!

Защитный пузырь переливался холодным синим пламенем, дрожал.

— Франческа, уходи! — шумели скоя'таэли, им вторили жители.

На лестницу взбежала мать Верноссиэль и закричала:

— Верни нам наших детей!

Из ладоней Франчески забили струи голубого огня. Подняв руки, она запрокинула голову:

— Я отдала вам всё, а вы — вы неблагодарные! — её голос разбился на громогласный хор, который звучал одновременно отовсюду.

— Ты не посмеешь применить запрещённую магию против своего народа! — отшатнулся Филавандрель.

— Он отрёкся от меня, я отрекаюсь от него!

Над площадью сгушалось облако — потрескивающее лазурными молниями, зловещее. В толпе завизжали. Белые эльфы Аэлирэнн, арддолцы и скоя'таэли натянули луки, призрачные и настоящие стрелы сгорали при соприкосновении с защитным куполом.

— Горите в аду! — многократно усиленный голос Франчески бил в уши.

Облако почернело, из него посыпались молнии, которые у самой земли изогнулись и слепились в одну. Как копьё, электрический разряд пронизал воздух над головами и грохнул в крыльцо. Вспышка, ударная волна опрокинула на спину.

Тишина.

Перекатившись на бок, я увидела, как Ида опустила вздетые руки, шагнула вперёд и склонилась над обожжённым пятном на плитках крыльца в том месте, где миг назад стояла Франческа. Присев на корточки, провела пальцами по золе. Подобрала что-то.

— Твоё кольцо, — она протянула руку Исенгриму и добавила тихо: — Я сделала так, как велело мне сердце.

Дэвин взревел, упал на колени. По его лицу текли слёзы. Слюнув в сторону Исенгрима, он прижал лезвие кинжала под подбородок и недрогнувшей рукой перерезал себе горло. Оставшиеся на крыльце стражники со звоном побросали мечи.

— Да здравствует Король! — закричал Эдвар.

Наручники сняли. Я спрятала перебитые ладони под мышками. Колотило. Аэлирэнн обернулась к эльфам на площади.

— Что бы ни произошло, помните — мы единый народ. Мы — Aen Seidhe!

— Aen Seidhe! Народ! Король! — ревела толпа.

Аэлирэнн обернулась к эльфам-призракам на крыльце, обвела рукой своё мёртвое воинство на площади.

— Прощайтесь. Мы уходим, — сказала она. — На этот раз навсегда.

Плотно прижав к себе скрещенные руки и пошатываясь, я бродила по крыльцу. Знобило. У подножия лестницы Айвор целовал девушку из отряда Рагнара. Она сняла шлем, и светлые волосы рассыпались по серебру доспеха. Призраки обнимали живых. Долблатанцы искали родных среди скоя'таэлей. Иорвет сошёл по лестнице и тоже искал — вглядывался в белые лица призраков, в одно за другим. Я опустилась у его ног на ступени, скрючилась. Меня трясло, плечи непроизвольно подёргивались, ноги не держали.

— Будучи мёртвым, я принёс гораздо больше пользы, — задумчиво сказал подошедший

Эдвар.

Призраком он почти не отличался от живого себя, лишь платок на шее стал белым.

— Его здесь нет... — произнёс Иорвет.

— Нет, — кивнул Эдвар. — Он там.

Эльф махнул рукой туда, где над тёмными горами светлело, словно начинался рассвет.

— Передай моему отцу... — Иорвет замолчал. — Нет, ничего не передавай.

Эдвар положил руку Иорвету на плечо. Помолчал.

— Я передам, сынок, — сказал он, — я передам.

Лестницу заполонили призраки. День возвращался, и их тела размывались, теряли очертания. Эльфы на площади в молчании склонили головы. Аэлирэнн обняла Исенгрима, повертела головой и, найдя нас, сбегала по ступенькам. Приложив ладонь к щеке Иорвета, заставила посмотреть в глаза. Она ничего не сказала, но избитое, нахмуренное лицо Иорвета будто посветлело. Обернулась ко мне:

— Я знала, что ты выполнишь мою просьбу, Айни, — произнесла она ласково, перейдя на всеобщий. — У меня нет для тебя награды, кроме той, что ты уже нашла...

— Мне не надо, — выговорила я, титаническим усилием заставив зубы не стучать.

— Ты нашла мой меч, береги его, — продолжила Аэлирэнн. — У него есть Предназначение — его следующий хозяин пойдёт с ним в великую битву.

— У меня больше нет времени никого искать, — сказала я, прямо глядя ей в глаза.

Аэлирэнн рассмеялась:

— Мой клинок был тебе верным другом, и будет всё то время, что осталось.

Она взяла Эдвара за руку. Старый эльф с обожанием смотрел на неё.

— Нам пора, — сказала Аэлирэнн.

Призраки уходили. Они отрывались от земли и таяли в воздухе. Сидя на ступеньке, я привалилась к ноге Иорвета, и его пальцы невесомо гладили по волосам. Потом он помог мне встать.

— Я хочу посмотреть на них, — шепнул он и поднял мою левую руку. Выругался сквозь зубы, увидев разможжённые, болтающиеся красными ошмётками пальцы, и приложил к знаку ладонь.

Призраки, которые на площади выглядели совершенно обычными эльфами, разве что белыми, светились, как волшебные фонари в кузнице Айонантаниэла. Они наполнили изнанку мерцанием и возносились, будто ангелы, сквозь черноту к ослепительному свету — над нарисованными горами парил, распустив белые паруса, исполинский корабль. Из-под бушприта, прорезавшего полнеба, смотрела на землю носовая фигура эльфийки с развевающимися волосами. Корма с высоким ютом уходила за горы. Над палубами виднелись пышные кроны фруктовых деревьев. Мы с Иорветом крепко держались за руки и смотрели, как белые силуэты поднимались, становились всё меньше. Как, перегнувшись через борт корабля-сада, к ним приветственно тянули руки эльфы.

— Какое чудо... — прошептала я.

— Последний из Белых Кораблей, который везет души тех, кто ушёл, — произнёс белоснежный Иорвет, и в его голосе слышалось благоговение. — Остров Яблонь. Авалон.

ДОЛ БЛАТАННА. Не говори

— Розы памяти... — недовольно произнёс мужской голос. — Посмотри на куст, что они с ним сделали!

Я открыла глаза — каменный сводчатый потолок, чёрный деревянный балдахин. Стойки по углам кровати венчали резные шишки, больше похожие на ананасы. Ткань полога собрана. Подняла руки, поводила перед лицом — пальцы здоровы, кожа чистая, без следов ран. Знак на ладони светился белым. Сжала и разжала кулаки.

— Вот! Что я говорил? — снова забрюзжал голос, и я осторожно приподнялась на локтях, потом села на кровати, вытягивая шею в сторону приоткрытого окна. — Полкуста оборвали!

За окном в прохладном рассеянном свете, какой бывает только ранним утром, застыл сад, и из-за лёгкой дымки воздух стал видимым, обрёл объём и мягко светился будто бы сам по себе. На сочной траве тут и там красовались клёны с удивительной багровой, почти фиолетовой листвой, между которыми стелились тёмно-зелёные лапы можжевельника. Среди клёнов виднелись колонны беседки с полукруглой крышей.

— Не ворчи, — голос женщины. У колонн на миг показались двое — эльф и эльфийка, и я едва успела рассмотреть за листвой блеск золотых заколок в её косе, уложенной вокруг головы. — В долину вернулись молодые, вернулась любовь... А розы вырастут.

Эльфы скрылись в саду. Роза! Я схватилась за грудь — на мне ни единой цепочки. Одежды тоже не было — под тонким одеялом я лежала в чём мать родила, но одежда сейчас волновала меня в последнюю очередь. Цепочки нашлись на столике у окна, рядом с пузатым графином и синей чашкой, в которой болталась серебряная ложечка. Мысленно отметив, что на ногах тоже нет ни ссадин, ни кровоподтёков с синяками, я осторожно слезла с высокой кровати. Кольцо, амулет Саскии и медальон. «Чёрт!» — простонала я и упала обратно на подушки. Мне не приснилось — роза ушла.

— Будет дано ровно столько времени, сколько нужно, чтобы успеть проснуться, и ни мгновением больше, — сказала я бесчувственному потолку. — Ни мгновением больше...

В глубине комнаты, куда ещё не проник тусклый утренний свет из окна, что-то шевельнулось на краю зрения, и я подскочила на постели.

— Яна, ты проснулась? — донёсся хриловатый со сна голос, зашевелилась куча тряпок, оказавшаяся парой пледов, и из-под них появились взлохмаченные светлые волосы.

— Мона! — взвизгнула я, спрыгнула с кровати, тут же бросилась назад, содрала одеяло и, наматывая его на бегу, кинулась к эльфийке, которая приподнялась на оттоманке с резной гнутой спинкой и шурилась из-под пледа на свет.

— Ты меня задушишь! — сквозь смех вскрикнула она, когда я напрыгнула на неё и сжала в объятиях. — Голову сейчас оторвёшь!

— Я думала, ты умерла! Я видела тебя там, на площади!

— Я сама так думала, но Ида успела помочь. Я и дня не провалялась больная, — Мона уткнулась носом мне в шею, похлопала по спине. — Ей не всех удалось спасти...

Она сжала руки так, что где-то в шее у меня хрустнуло и, спохватившись и одновременно рассмеявшись, развернула за плечи и подтолкнула к кровати.

— И тебе не следует скакать, как газель, — строго произнесла она. — Ида сказала лежать.

— Меня тоже она вылечила? — я направилась к графину с чашкой — в горле пересохло.

— Нет! Это лекарство! — воскликнула Мона. — Вода там.

Она выпуталась из пледов, потом зажгла свечу на незамеченном мною столе в углу.

— Спросишь у неё, — ответила она уклончиво, наливая воду в стакан. — Я не совсем поняла, что произошло с тобой и Иорветом, я же не видела.

В её голосе появились новые нотки.

— С ним всё в порядке? — тут же запаниковала я.

— С ним да, он очнулся на третий день, — Мона принесла воду, присела на край кровати и пристально и сурово поглядела мне в глаза. — Сегодня седьмой.

— Что-то не так? — тихо спросила я.

Вздыхнув, она отвела взгляд.

— Ты должна была всё мне рассказать раньше, я же твой друг...

— Раньше? Что рассказать? — выдавила я.

— Про тебя и него. Я догадалась и сама, когда вы только вернулись в Верген. Вы изменились... Не отпирайся! — она категорично выставила вперёд ладонь и добавила: — Я говорила с Иорветом.

— Он сам тебе это рассказал? — я откинулась на спину и натянула одеяло, будто оно могло защитить. — Зачем?

— У него не было выхода. Ему нужен кто-то, кому он может доверять, кто будет на его стороне, даже зная правду, — Мона опять вздохнула. — Чёрт-те что тут происходит, вдобавок сам Иорвет бешеный — поцапался с Исенгримом из-за того, что тот хотел устроить госпиталь в городе, а не здесь. Потом с Идой, потому что она не пускала к тебе, а ты так долго лежала без сознания. Он почему-то решил, что ты умираешь. Вот я и вызвалась присматривать за тобой, а потом припёрла его к стенке. Сказала, что так нельзя, потому что тут такие дела творятся, а учитывая слухи...

— Боже, что тут происходит?! — застонала я. — Какие дела творятся, какие слухи?

— Сначала лекарство, — Мона налила из графина на столике в синюю чашку прозрачную, как вода, жидкость. — Пей! Глоток, не больше!

— Вот же командирша! — усмехнулась я.

Лекарство и на вкус было, как вода.

— Уже нет, — Мона улыбнулась, и её голос зазвучал по-обычному мягко. — Мы с Роэлем решили — когда всё закончится, вернёмся в Верген. С нас хватит.

Я удивлённо приподняла бровь, а Мона забрала чашку и снова раскомандовалась:

— Дай мне ту подушку, у меня спина разламывается после твоего кривого топчана. И подвинься!

Она долго взбивала подушку, потом устраивалась рядом, потом сбегала за пледом и опять взбивала подушку.

— Не нравится мне здесь, — наконец, начала она, когда улеглась. — Ни слова в простоте никто не скажет. Говорят так вежливо и улыбаются, а чувство, будто тебя в нужник макнули. Мы для них сброд.

Сев на кровати, я повернулась к Моне и смотрела на острые кончики ушей, выглядывающие из светлых волос, на утончённый профиль — более эльфийское лицо сложно было себе представить.

— К чёрту их!

— К чёрту, да не к чёрту... Эльфы раскололись на два лагеря и никак не могут

договориться, как жить дальше, а Исенгрим так и молчит с Вергена. Как Иорвет проснулся, начались дебаты. У них это называется так — «дебо-о-аты», — Мона повернулась и произнесла это слово, чопорно поджав губы и опустив подбородок, отчего лицо смешно и жеманно вытянулось. — По мне это больше похоже на брань краснолюдов в таверне, только краснолюды честно дерут глотки и говорят в лоб то, что думают, а не прячутся за ядовитыми любезностями.

«Очень по-эльфийски», — подумала я, но не стала перебивать Мону.

— Не все местные такие, конечно. Многие на стороне Иорвета, особенно те, кто помнит Аэлирэнн, и старики из Шоннохи. Остальные смотрят в рот Филавандрелю, и самое ужасное, что кое-кто из наших переметнулся к нему, заслушавшись его речами.

— Я думала, что раз теперь Исенгрим король, то и решать будет он, — сказала я.

— Будет, — важно кивнула Мона. — Это традиция — после дебатов праздник примирения, потом неделя тишины, потом коронация. На ней Исенгрим объявит своё решение, выслушав все стороны. Так заведено.

— Весьма мудро заведено... — подумав, прокомментировала я.

— Я сама узнала о том, что так заведено, лишь пару дней назад, — рассмеялась Мона и тут же посерьёзнула: — Было бы мудро, если бы все играли чисто...

Она замолчала, и я не выдержала и взмолилась:

— Ну говори же!

— Кто-то пустил слух про вас с Иорветом, чтобы перетянуть как можно больше эльфов на сторону Филавандреля и настроить их против Иорвета. Дескать то, как вас нашли на крыльце... Не удивлюсь, если это придумал сам Яевинн, его бойцы постоянно отираются в коридоре.

— Вот как...

Я вспомнила истерзанную фигуру Яевинна с раскинутыми руками и склонившуюся над ним Торувьель. Похоже, что спасение от смерти не пошло на пользу характеру эльфа.

— Вы должны быть очень осторожны, — сказала Мона, откинув плед, и села. Из-за пазухи она достала сложенный клочок бумаги и вложила в мою ладонь. — Настоящую правду не знает никто, но даже мой Роэль, которому ты нравишься, услышав слухи, был вне себя — раскричался, что это бред и что такого не может быть никогда. Они все будто забыли, что благодаря тебе мы живы...

Опустив голову, я развернула записку. «Беседка с розами памяти, закат». Почерк Иорвета.

— Я уже три дня её таскаю, — улыбнулась Мона. — Мог бы на словах передать, но ты бы ведь не поверила?

— Какая беседка? — спросила я.

Мона кивнула за окно.

— Эти розы только там, — она спрыгнула с кровати. — Пойду найду Иду. И ему скажу, что ты проснулась.

Она подобрала пледы, натянула сапоги, брошенные у порога, и вдруг вернулась, обняла меня и поцеловала в лоб.

— Я помогу, если что, — прошептала она. — Только прошу — будь осторожна.

Задержавшись, она выдала порцию ценных указаний про режим приёма лекарства и о том, как её найти, и дверь за моей верной подругой закрылась. Я же слушала вполуха и сидела неподвижно на постели, вертя записку в пальцах. «Не было печали»... — с досадой

прошептала я, прыгнула с кровати и опрокинула в себя остаток жидкости из синей кружки. В тело шибануло энергией и одновременно отчаянной злостью. Столько сил было вложено — не только в марш-бросок на Дол Блатанна, но и в притворство, и мы победили, и я, в конце концов, чудом не сдохла, а теперь, когда магическая прелесть Аэлирэнн нашла хозяина, и таймер начал обратный отсчёт, благородные эльфы пытаются забрать то единственное, что имело для меня смысл! На лбу выступила испарина, сердце судорожно бухало в груди, как в пустой цистерне. Кажется, надо было внимательнее слушать Мону, кажется, она сказала, что не больше глотка за раз...

Деревянный пол был прохладным, я уселась на него голой задницей, подтянув потурецки ноги, и закрыла глаза. Дышать. Думать. Столько времени, сколько нужно, чтобы успеть проснуться... Очередной дурацкий ребус! Чтобы проснуться, то есть вернуться, мне надо найти Филиппу. Чтобы найти Филиппу, нужно дождаться письма Геральта, если только он не забыл о своём обещании. Почему-то я была уверена, что даже если Геральт забудет, то кто-то другой даст мне знак, куда двигаться. «Путь ведёт», — говорили они, эти мудрые сверхъестественные существа. А что если Путь уже привёл? Что если Аэлирэнн, как кукловод, дёрнула с того света за ниточки судьбы, чтобы я выполнила задание, и теперь контракт расторгнут, и мне предстоит барахтаться самостоятельно? «Ну и супер, выгребу, не впервой», — сердито и с обидой думала я и снова дышала. Нет, не сходится. Наверняка Драйк Кину было глубоко плевать на разборки эльфов на другой стороне континента, а он тоже знал, знал про каждого из нас, будто подсмотрел в конец сценария и пророчил загадками, посмеиваясь над нашим неведением. Я мотнула головой. Хватит! Единственное, что я могу сделать сейчас — быть готовой. К знаку ли, к новой ли информации со Скеллиге. Подготовиться к пути и отжечь напоследок так, чтобы мне не пришлось сожалеть ни о чём, когда вернусь.

В комнате посветлело. По другую сторону от кровати стояли у шкафа мои мечи и арбалет. Дверца шкафа была приоткрыта, и в нём я отыскала сложенную вычищенную одежду. Рубашка была порвана и заляпана неотстиравшимися кровавыми пятнами. Тут же была и сумка, которую, видать, принесли из пещеры под водопадами. На полке повыше лежал пояс, и в нём не было ни единого пузырька с эликсирами. Я смутно вспомнила, что пояс сорвали с меня, прежде чем дробить пальцы. На миг подступил ужас, макнул в тот момент. Вернул шум в ушах, голоса, вывернутые руки, дикую боль, и снова пришлось дышать.

Отыскав запасную рубашку, я оделась. Запас эликсиров в ведьмачьей сумке тоже оставлял желать лучшего. Слезы жён по нулям — ну и чёрт с ними, напиваться я не собиралась. Ласточка в порядке, а вот Иволги на четверть пузырька да и Белый мёд на исходе, а он нужен для смеси с любым эликсиром.

— Ты можешь воспользоваться моей лабораторией, — раздался за спиной голос, каким сирены могли бы нащёптывать морякам сладкие обещания.

Застыв над сумкой, я справилась с тем, чтобы не дёрнуться от неожиданности, и чертыхнулась только мысленно.

— Спасибо, я с радостью приму предложение, — повернулась я к Иде с лёгким поклоном.

На чародейке было платье из многослойного полупрозрачного шифона нежных оттенков от жёлтого лютикового до мятно-зелёного. Гладкие огненные волосы шелковистой волной стекали до пояса. Когда она скользнула от двери лёгким облаком, будто лесная фея,

на миг почувствовалось, что по комнате побежали блики солнца, пробивающегося сквозь шелестящую на ветерке листву.

Она взяла кувшин, из которого Мона наливала воду, и наполнила доверху графин с лекарством. Приложила к графину ладони, и солнечные искры замерцали в воде. Я открыла было рот, чтобы спросить про лекарство, но Ида тихонько шикнула, чтобы я не мешала, и прикрыла глаза. Искры погасли.

— Так и есть, это просто вода и щепотка сырой необработанной магии, — улыбнувшись, Ида повернулась ко мне. — Таким раствором лечат чародеев, которые не рассчитали силу заклинания и получили магическое истощение.

Она отодвинула стул с гнутыми ножками от столика у окна, опустилась на него, выпрямив спину, и внимательно посмотрела мне в лицо. Я присела на кровать и так же внимательно вглядывалась в зелёные русалочьи глаза, которые помнила в мельчайших деталях. Они были непроницаемыми, без дна, и вместе с тем, как в лесные озёра с прозрачной тёмной водой, в них хотелось погрузиться с головой.

— И уж точно так не лечат ни эльфов, не являющихся чародеями, ни ведьмаков, ведь в них так мало магии, — продолжила она.

— Так почему ты выбрала такое лекарство? — спросила я, догадываясь, что именно этого вопроса Ида и ждала.

— Потому что кроме магического истощения у вас двоих не было ничего, что стоило лечить, — с готовностью ответила она. — Кости целы, внутренние органы целы. О пытках свидетельствовала разве что кровь, но не было ран, из которой она вытекла. Вы лежали белые, один подле другого, взявшись за руки...

Ида замолчала и многозначительно приподняла брови.

— Иорвет помогал мне встать! Подать руку тому, кто упал, это что-то удивительное? — я вложила в голос искреннее удивление.

— Меня не интересуют ни ваши руки, ни кто на ком лежал, — с серьёзным видом сказала Ида. — Меня интересует феномен мгновенного излечения. Говоря по правде, даже заряжённая магией вода была не нужна, без неё восстановление лишь тянулось бы гораздо дольше. Не могу сказать, что таких случаев не было в истории — нам известно искусственное погружение в подобную кому с помощью токсина, уложение в хрустальный гроб и пробуждение от поцелуя любви.

Ида задумалась, глядя в окно, и я не могла понять, есть ли в её словах второе дно или нет.

— Да... Поцелуй принца сработал бы даже лучше моего снадобья, — она вновь посмотрела на меня и на этот раз улыбнулась. — Но принцев под рукой не оказалось, и я использовала то, что было.

Я лихорадочно соображала — из слов Иды следовало, что за то время, что мы провели на изнанке, свежие раны на наших телах исцелились, а взамен мы получили магическое истощение. Было так же похоже, что Иорвет не дал чародейке ответа на её вопрос, а значит и от меня она его не добьётся.

— Аэлирэнн, — сказала я. — Уверена, что это была Аэлирэнн. Она подошла попрощаться, и последнее, что помню, как я падала. Возможно, так она отблагодарила за то, что я несла её розу.

Ида поднялась, отвернулась к окну, и снова я не смогла распознать, поверила ли она мне.

— Про розу я тоже хотела расспросить. Поговорим в лаборатории, у нас будет время... — она смотрела в замерший сад. Потом развернулась и, не глядя на меня, направилась к двери. — Я должна идти — теперь я единственная чародейка в Дол Блатанна. Не всем повезло быть излеченными самой Аэлирэнн.

— Ида! — остановила я, несмотря на то что в последней фразе чародейка пропустила в голос точно отмеренную дозу сарказма, и задала вопрос, который не давал покоя: — Ты ведь знала, с самого начала знала, что так будет? Знала о том, что забьет Cerbin, о том, что я несую розу Францеске.

— Я же Знающая, — Ида обернулась. — Знающие... Они знают.

Она таинственно и холодно улыбнулась своей шутке, и вновь меня накрыла уверенность, что знала она гораздо больше, чем пыталась показать.

— Ты видишь будущее? — спросила я.

Ида вернулась к окну и взяла в руки серебряную ложечку.

— Мы знаем «что», но не всегда видим «как». Например, я знаю, что ложка упадёт, — сказала она. — Может случиться, что некто подбросит ложку к потолку, и тогда все скажут, что Знающий ошибся.

Она подкинула ложечку, и та, описав дугу, звякнула об пол.

— Но рано или поздно ложка всё равно упадёт, — веско сказала Ида и обернулась в дверях: — Моя лаборатория у библиотеки.

Высунувшись в окно, я раскрыла ладонь с запиской и зажгла Игни. Сквозняком пылающий клочок бумаги тут же втянуло в комнату, и, хлопая руками по подоконнику, я погасила пламя, а потом отёрла пепельные следы рваной рубашкой.

За дверью уходил в бесконечность обитый дубовыми панелями коридор, моя комната была в самом торце. Следовало провести рекогносцировку в стане врага — именно так ощущала я себя в эльфийском дворце. Пустынный коридор вывел в галерею с мягкой ковровой дорожкой, по которой мы шли с Дэвином. Днём галерея была заполнена светом, зеленоватым от полупрозрачных пихт, росших снаружи, и этот тёплый свет оживлял каменную резьбу на стенах. Казалось, что дворец продолжает сад, настолько внутреннее убранство соответствовало природе за окном.

У парадной лестницы, куда вывела галерея, меня встретили часовые, и я могла только надеяться, что это были другие эльфы, а не те, что пытали нас — доспехи с цветком маргаритки на груди были теми же самыми. Однако никто из них даже не повернул головы в мою сторону в отличие от эльфов, которые поднимались и спускались по лестнице. На меня оборачивались, шептались, пока я шла на второй этаж. «Посмотри на неё, не может быть...» — склонилась к уху спутницы эльфийка, «... эта дхойне...» — донеслись в спину слова из разговора мужчин.

Поднявшись на площадку, где мы встретили оцелотов, я пошла не по правой лестнице, которая вела в зал с портретами, а налево, потому что оттуда слышались возбуждённые голоса. Огляделась — вроде никого — и метнулась к дверному проёму, завешенному портьерами. Шагнув в сторону от прохода, спряталась в плотных складках пыльной бархатной ткани.

По ту сторону был просторный зал, разбитый на половины длинным столом, по обе стороны которого, как в кинозале, поднимались ряды с креслами, заполненные зрителями: тут были и скоя'таэли, явно чувствовавшие себя неловко и скованно в солидной помпезности

зала, были и долблатанцы в расшитых кафтанах. В торце стола сидел, сложив руки на груди и прикрыв глаза, Исенгрим. Но я не видела ни его, ни зрителей, я видела только Иорвета, его знакомый взгляд исподлобья и при этом сверху вниз. Он стоял в небрежной, расслабленной позе, нужной, казалось, лишь для того, чтобы бесить оппонентов по другую сторону стола. Филавандрель — сама ледяная холодность, стоял напротив, по правую руку от него застыл Яевинн. Рядом с Иорветом сидела, сцепив руки на столе, Торувьель. «Ого, они с Яевинном по разные стороны баррикад, неожиданный поворот», — подумала я.

— ...первоочередная задача — восстановление экономики! — услышала я часть фразы Филавандреля. — У нас прибавилось ртов.

— Именно для этого я принёс взаимовыгодный союз с Долиной Понтара, — Иорвет говорил скучающим голосом, будто повторял это в сотый раз. — Дол Блатанна не нужно столько ювелирных украшений и уникальных мечей, сколько она производит, она отрезана от торговых путей. В союзе мы сможем...

— В союзе с дхойне! — воскликнул Яевинн.

— ... мы сможем выжить после того, как землепашцы из Нильфгаарда отправятся домой, — продолжил Иорвет, будто не услышав, что его перебили. — Вы хотите отгородиться стеной от мира в надежде, что вас не тронут...

— Наш опыт говорит, что любой союз с дхойне оборачивается предательством, — вступил Филавандрель.

— Ваш опыт давно непригоден, как истлевшая тетива. Мы должны научиться выгодно сосуществовать и с дхойне, и с краснолюдьми, сохраняя независимость и не отдавая ни пяди того, что отвоевали.

— Подумайте о женщинах! — со стула слева от Филавандреля вскочил эльф с волосами, как пух. — Если мы будем сотрудничать с дхойне, то мы не уберём наших женщин от кровосмешения, и что тогда останется от чистоты эльфийской расы? Сколько полукровок пришло с тобой, Иорвет? Мы это уже проходили — дай волю женщинам...

Торувьель издевательски расхохоталась, запрокинув голову, и вслед за ней по трибунам по обе стороны стола пронеслись смешки и свист, и только сейчас я рассмотрела, что среди слушателей дебатов было пополам эльфов и эльфиек.

— Наши женщины сами способны решить, с кем продолжить свой род, — сказал Иорвет, — забор вокруг Дол Блатанна не поможет.

— Твои взгляды сильно поменялись после того, как ты связался с человеческой женщиной, — протянул Яевинн, однако Иорвет не повёл даже бровью, будто не слышал его.

— Исенгрим с Иорветом привели домой молодёжь, — на нашей стороне стола поднял голову незнакомый мне эльф. — Привели тех, кого Франческа выкинула, оставила подыхать на чужбине. Полукровок среди них было бы гораздо меньше, если бы их родители могли жить в своей стране, среди своих. Что же касается союза — ты, Филавандрель, сидишь безвылазно в Дол Блатанна и не видишь, что опыт соседей показал, что мирное и, более того, эффективное сосуществование с дхойне возможно.

Филавандрель протестующие поднял руки и обратился к Иорвету:

— Я за тебя, брат, — сказал он. — Я всегда хотел, чтобы все Aen Seidhe вернулись в Долину Цветов. Но ты настаиваешь на заведомо проигрышном варианте — чтобы мы вступили в альянс с непризнанным государством, которое вот-вот разорвут на куски!

— А ты предпочитаешь, чтобы империи дхойне брали тебя силой, как это было до сих пор с Нильфгаардом, вместо любовного союза с Долиной Понтара? — после этих слов

Иорвета по трибуне позади пронёсся одобрительный гул.

— Следи за своим языком, Иорвет, — вспыхнул Филавандрель. — Союз союзом, но ты демонстрируешь отсутствие позиции по вопросам кровосмешения. Моя цель — сохранить эльфийскую расу в чистоте!

— А моя — сохранить эльфийскую расу, — отрезал Иорвет.

Наступила тишина, по трибунам побежал тихий гул разговоров.

— На совет допускаются эльфы и только они, — сказал на ухо вкрадчивый голос. — Вам помочь, юная леди, вы что-то потеряли? Колечко обронили? Иной причиной ваше нахождение здесь я объяснить никак не могу.

Около меня, собираясь раздвинуть портьеры, стоял высокий эльф, неслышно подошедший из коридора. Правую половину рта он растянул в нечто столь же похожее на улыбку, как надпись «Злая собака!» на приглашение войти.

— Потеряла, — ответила я тихо и выдержала его взгляд. — Уважение к эльфам куда-то закатилось. Найдёте, можете не отдавать.

Развернувшись, я зашагала прочь. Мона, которая принесла с кухни завернутые в тканую салфетку лепешки и гигантскую кружку травяного чая, застала меня в мрачном расположении духа.

— Во дворце почти нет наших, — успокаивающе сказала она, выслушав меня. — Скоя'таэли разместились в городе, и клянусь, что после того, что произошло, друзей у тебя прибавилось.

Из-за окна снова послышались голоса. Кажется, беседка с розами пользовалась бешеной популярностью.

— Поешь, только чуть-чуть, — продолжила Мона. — Завтра мы сходим в город — из лагеря пригонят лошадей. По ту сторону реки дышится легче. Отдыхай.

— До заката мне надо ещё успеть поработать над эликсирами, — пробурчала я. — Ида пустила в лабораторию.

— Успеешь, да и Ида сейчас занимается ранеными... Поспи.

Мона ушла, а я решила воспользоваться её советом — мне хотелось побыстрее промотать время до вечера. Одного взгляда на Иорвета было достаточно, чтобы в груди тянуло и крутило, и казалось безумным расточительством тратить часы на то, чтобы быть без него. Плотно закрыла окно, и воркование влюблённых, доносящееся из беседки, стихло. Забралась в постель и неожиданно для себя мгновенно уснула.

— Я представляла себе лабораторию чародейки иначе, — удивлённо сказала я Иде, когда она провела через библиотеку мимо бесконечных стеллажей в неприметную дверь.

Открывшаяся взгляду комната больше напоминала продолжение библиотеки — читальный зал с мягкими креслами вокруг пары столов, заваленных бумагами, со шкафами, до потолка набитыми книгами. Лишь у дальней стены виднелся длинный стол с горелками и колбами, по обе стороны которого рядком стояли комоды с мелкими ящичками, похожие на каталожные шкафы в наших библиотеках.

— Дай угадаю, — улыбнулась чародейка. — Там должен стоять котёл, а с потолочных балок должны свисать пучки крысиных хвостов, петушиных лапок и вязанки полыни и чертополоха.

— Ну нет, — засмеялась я, — это была бы лаборатория ведьмы, а не придворной чародейки.

Ида взмахнула рукой, зажглись оранжевые стеклянные шары, такие же, как в библиотеке, а в камине около стола заплясал огонь.

— Разница не так уж велика, как может показаться, вопрос формируемого для заказчика образа, — промолвила она. — Иногда и нам нужны... особые ингредиенты, да и котёл у меня есть, только не здесь. Но чем дольше ты занимаешься магией, тем дальше уходишь от земли и примитивных заклинаний, тем больше изучаешь теорию и глубинные законы, по которым живёт вселенная.

Она обвела взглядом ряды книг, и мы прошли к столу.

— Но вернемся на землю. Не думаю, что среди ингредиентов найдётся хоть что-то, чего у меня здесь нет. Само собой спирт... эфир, купорос... — она достала из ящичков и выставила на стол пузырьки и колбу с ярко-голубым порошком. — Аер, ребис и... что там ещё? Ах да, киноварь.

Щипчиками Ида извлекла из очередного ящика кусочек минерала красноватого цвета, будто испачканный в крови.

— Приступай, — она пододвинула золочёные весы с крохотными чашечками, набор мерных ложек, — а я займусь киноварью и буду слушать о том, как ты встретила с Аэлирэнн.

В ступке она ловко расколотила минерал, ссыпала кусочки в ручную мельницу. Я готовила Иволгу и без утайки рассказывала о встрече с Аэлирэнн в Шаэрраведде.

— Готово, — сказала, наконец, она, высыпала из мельницы ярко-красный с оранжевым оттенком порошок. — Говорят, что в Зеррикании этот цвет называется «кровь дракона».

Я пожалала плечами.

— Итак, тот Путь, который, по словам ведьмака Геральта из Ривии, «ведёт», увёл тебя с Иорветом на поиски Исенгрима, — продолжила она, тонкой стеклянной палочкой помешивая раствор в колбе.

— Это был ложный след, как ты знаешь. Роза изначально предназначалась Францеске, но Аэлирэнн так туманно напророчила...

— Ну как же ложный, — улыбнулась Ида. — Подбавь ещё ребиса, на кончике ножа... Отдать розу Энид ан Глеанне имело смысл лишь только после возвращения Короля. Путь вёл.

Задумчиво я смотрела на грязно-бурую пену, вползающую на стеклянные стенки, потом сняла колбу с огня и процедила прозрачный оранжево-красный раствор. Иволга была готова.

— А что думают чародеи, те из вас, кто изучает глубинные законы мироздания, существует ли Путь? Весемир, мой наставник, говорил, что Путь — это пустота, и чем больше я думаю над его словами, тем больше верю, что это означает, что никакого Пути нет, а есть наш мозг, который выстраивает случайные события в закономерность.

— Твой наставник мудр, — сказала Ида. — А тебе следует подумать о том, что пустота — это не отсутствие чего-то. Пустота — это то, что мы не видим. Неизведанное, в котором скрыты все ответы.

Она смотрела на меня с лёгкой полуулыбкой Моны Лизы своими непроницаемо зелёными глазами, и мне вспомнились другие глаза — инопланетные, слегка раскосые. «Все ответы кроются в пустоте». Знакомые слова.

— Ты встречалась с ним, с Айонантаниэлом, не так ли? — спросила я.

— Скоро закат, тебе пора, — ответила Ида. — Завтра закончим.

Поднявшись из-за стола, она хлопнула ладонями, и рассыпавшиеся крошки исчезли, а

колбы заблестели, будто только что вынутые из посудомойки.

— Я училась у него, — сказала она в дверях, взмахом руки погасив светильники. — Завтра я хочу узнать всё, что приключилось с вами в Зеррикании.

Между клёнами, казавшимися в сумерках чёрными, мелькнули тени. Я обогнула колонну, чтобы шепчущаяся парочка не заметила меня, и тут же почувствовала, как кто-то приближается с другой стороны. Опять не Иорвет! Скользнула из беседки за клумбу с розами и укрылась под кленовой кроной. В полумраке белели цветы. Пока я бродила вокруг беседки в ожидании заката, я успела рассмотреть их — крупные белоснежные розы с лиловыми, будто вены, прожилками. Эльф, пришедший один, остановился посреди беседки, потом резко шагнул в сторону в тень колонны напротив. Мимо прошелестели голоса. «Зачем он прячется? — я была заинтригована. — Во дворце, кроме меня, нет ни одного дхойне, свидание с которым следовало бы скрывать». Голоса удалились в сумрак, и силуэт эльфа показался из-за колонны. Он подошёл совсем близко и стоял по другую сторону розового куста. Листья зашуршали, когда он выбирал цветок, а потом дрогнули от ножа. Я раздосадовано выдохнула, потому что, срезав розу, он не ушёл, а опустился на каменную скамейку в беседке. Согнувшись, я осторожно выглянула в просвет между стеблями — вполоборота ко мне сидел эльф с длинными чёрными волосами, склонив красивое белое лицо с аристократическим разлётom бровей. Яевинн смотрел на розу у себя в руке.

Я разогнулась и отступила, и в тот же момент ладонь зажала рот, рука знакомо и дерзко обхватила за талию. Иорвет утянул меня назад, под густую сень клёна. Ладонь переместилась на подбородок, на ощупь в темноте его губы нашли мои. «Ты сумасшедший! — пронеслась мысль. — Целоваться в двух шагах от Яевинна!», но я прикинула к его губам ещё сильнее, запустив пальцы в волосы на затылке и притягивая его, мгновенно опьянев от риска пополам с восторгом. Целуя, глубоко и азартно, Иорвет нашёл мою ладонь, стиснул в своей. Перед веками посветлело — он стал белым. Оглянулась — розы фонариками мерцали вокруг беседки, ничуть не освещая нарисованный мелом силуэт сидящего Яевинна.

— К тебе ближе, — рука Иорвета отпустила талию, и мучительно хотелось вернуть её, чтобы она притянула, прижала крепко тело к телу, и, может быть, и Иорвет ощущал то же самое, потому что он стремительно потащил меня за руку через сад.

Метры до моего окна на первом этаже дворца мы преодолели в считанные секунды. Прыжок, подоконник. В комнате ярко светился графин с лекарством Иды. Молча, нетерпеливо и неистово мы нырнули в страстный морок одержимости, явственно приправленной горьким вкусом ещё не наступившей, но неминуемой потери. Грубо и с силой руки скользили по плечам, груди, сжимали бёдра, будто мы хотели притиснуться друг к другу ещё ближе, если бы это было возможно. Одновременно с этим бестолково и в спешке пытались содрать магические шмотки, которые неожиданно податливо спадали с плеч, словно на них не было ни застёжек, ни завязок.

В разваливающейся изнанке мы упали на кровать, и Иорвет вжал меня в белые простыни, придавил всем весом, и мне всё равно было мало. Я обхватила его узкие бёдра ногами, и мне хотелось впитать его целиком — с татуировкой, сводящими с ума губами, с руками, которые ласкали и не отпускали. Мы отдались этой ночи без остатка, тяжело и хрипло дыша, прижимаясь мокрой от пота кожей к коже. Без слов, которые бы всё испортили, без раздумий. Здесь и сейчас.

Потом лежали молча, опустошённые и наполненные одновременно. Кончиками пальцев касались, невесомо гладили по спине, уже привычно переплелись ногами.

— Я думал, что ты собралась уйти, не попрощавшись, — Иорвет приподнял мой подбородок, поцеловал, легонько захватив нижнюю губу.

— Готова так прощаться каждый день.

В темноте я видела, как он улыбнулся, но через миг стал серьёзен.

— Нам надо поговорить.

Нет фразы, обещающей больше неприятностей, чем эта. Я перекатилась на спину. Знаки, время, роза, эльфы — всё навалилось разом, завладело мыслями. Глубоко вздохнула.

— Не надо.

— Эти дни я думал. Что, когда ты проснёшься... Если проснёшься, то... Должен быть выход, — протянув руку, он развернул меня за плечо к себе.

— Выход?

— Чтобы ты осталась. Мы сможем что-нибудь придумать, всегда могли, — его лицо было совсем близко, и я ласково отвела ему за ухо упавшую на глаз прядь волос.

— Нет.

— Снова «нет»? — Иорвет привстал на локте.

— Просто обними меня, — я подкатилась к нему под грудь, нащупала руку, и, притягивая его, прижалась к горячему животу спиной. — Вот так, да.

В наступившей тишине было слышно, как потрескивают сами по себе деревянные половицы, и если бы я могла выбирать, в каком моменте провести вечность, я бы выбрала этот.

— Яна...

— Не говори ничего, — я поёрзала, устраиваясь поудобнее, чтобы наши тела идеально повторяли изгибы друг друга.

Иорвет помолчал, прижался теснее.

— Так сложно думать, — тихо сказал он на ухо.

— И не надо.

— Мы поговорим завтра, — уступил он, хотя по тону было ясно, что не сдался. Его рука скользнула по моему бедру.

— Завтра... — эхом ответила я, лишь бы не спорить, лишь бы не говорить, и отчаянно желала, чтобы завтра не наступило никогда.

ДОЛ БЛАТАННА. Почему не вместе мы, чёрт знает

Завтра наступило совсем нестрашное. Напротив, от него ощутимо веяло расплавленным зерриканским настроением — тем недолгим и очень счастливым временем, когда мы не только засыпали, но и просыпались вместе. Дверь, предусмотрительно запертая изнутри на засов, уже несколько раз дёргалась, в неё стучали, а один раз деликатно поскреблись, и я услышала голос Моны. День требовал дел, но лениво валяться в нагретой смятой постели было несравненно приятнее.

— Мне давно пора быть на дебатах, сегодня последняя встреча. Вопрос в том, что мы всё проспали, и теперь, не сомневаюсь, коридор заполнен соглядатаями, — Иорвет потянулся всем своим длинным телом и сел, подтянув под себя ноги.

Я подползла к нему под руку и, положив голову на бедро, погладила плоский треугольник живота пониже пупка.

— У меня есть идея, — сказала я. — Ты пьёшь зелье Иды?

— Она заряжает воду каждый день, но я забываю. Ты думаешь... — Иорвет раскрыл ладонь, на которой едва-едва начинали чернеть линии знака.

— Надо попробовать.

Синюю чашку я долила доверху и сделала большой глоток. На этот раз энергия растеклась по телу истомой и покалывающими искрами счастья. Раскрыла ладонь на одеяле, и мы наблюдали, как моя белая запятая наливается светом, становится ярче и чётче, чем обычно. Иорвет протянул руку за чашкой.

— Оденся? — напомнила я.

Рассмеявшись, он собрал с пола разбросанные вещи.

— Мне кажется, что Ида всё знает, и... — я задумалась. — Кажется, что она помогает нам.

Иорвет пожал плечами, одновременно с этим наматывая кушак.

— Значит ей это почему-то выгодно, других мотивов у чародеек быть не может, — он обнял меня. — На закате будь в саду, я тебя найду.

Он залпом выпил лекарство. Через несколько секунд знак почернел, мы соединили ладони, и белоснежный Иорвет прошёл сквозь запертую дверь и исчез.

— Мы же хотели идти в город! — пропыхтела обиженно Мона, ввалившись в комнату с подносом в руках. — Завтрак уже остыл!

Она выкладывала на стол крохотные пирожки, похожие на спаржу стебли и плоски с творожным соусом.

— Взяла на нас двоих, — сказала она. — Почему ты не открывала?

— Крепко спала, — ответила я.

Проследила за взглядом Моны и увидела, что на столике у окна лежит забытое Иорветом рыже-чёрное с белыми пестринами перо красного коршуна. В горах, по дороге сюда, их была тьма.

— Спала, как же, — буркнула Мона.

— Это была официальная версия, — быстро поправилась я.

— Вы играете с огнём! — воскликнула она.

— Как обычно, — усмехнулась я под нос...

Площадь, которая навсегда отпечаталась в мозгу страхом, отчаянием, волнующейся толпой, была пустынна. На белый с голубоватыми прожилками мрамор ложилась тень дворца, под синим небом безмятежно шумели водопады. Группками навстречу шли скоя'таэли, и вдруг оказалось, что их взгляды не проходят сквозь меня, словно я невидимка, как это было с эльфами во дворце — мне дружески махали, трепали по плечу, благодарили.

— Последний день дебатов обещает быть жарким, — сказала Мона между приветствиями. — Они идут поддержать Йорвета и Торувьель. Особенно Торувьель.

— Почему именно Торувьель? — заинтересовалась я.

— Она сегодня выступает с речью. Очень важно, чтобы за Йорвета высказался кто-то из наших, но не из его отряда.

— Какое совпадение... — задумчиво проговорила я.

Вскинув брови, Мона подхватила меня под руку и направила в сторону кипарисов у канала.

— Говори! — потребовала она.

— Вчера я видела, как Яевинн сорвал для кого-то розу памяти. Уверена, что для Торувьель, — ответила я, решив, что не обязана хранить тайны Яевинна. — Может быть, это была взятка, а не признание в любви?

— Ах вот в чём дело, — протянула Мона, и теперь уже я умирала от любопытства. — Теперь всё понятно!

Она подвела меня к самой кромке канала. Под водой, словно зелёные волосы, волновались по течению прилепившиеся к каменным стенкам длинные нити водорослей. Оглядевшись по сторонам, Мона убедилась, что вокруг пустынно. Предосторожность была излишней — сквозь шум воды, срывающейся из-под арок, едва можно было расслышать собеседника в шаге от себя.

— Утром Торувьель вдрызг разругалась с Яевинном, — пояснила Мона. — Я как раз была на кухне, брала нам с тобой завтрак и слышала кое-что. Представляешь, она крикнула ему, что пока он умирал, он нравился ей больше!

— Похоже, он выбрал не самый удачный момент, чтобы дарить розу, — усмехнулась я.

— И всё-таки я её не понимаю, — вздохнула Мона, и мы направились к мосту. — Они знакомы давным-давно, они друзья, и он умрёт за неё, я знаю точно.

Мы вышли на мост, и перипетии романтических отношений Яевинна и Торувьель отошли на второй план, потому что внутренности скрутило смесью паники и восторга, как бывает на аттракционах, на какой-нибудь центрифуге или катапульте высотой с небоскрёб, когда тебя пристёгивают, и ты понимаешь, что пути назад нет. Было полное ощущение, что шли мы по каменной радуге. Опоры узкого моста, по которому едва смогла бы проехать конная повозка, терялись в тумане над водой, отчего казалось, что этот изогнутый виадук соединял два парящих над облаками острова.

Мона остановилась у края моста, махнула рукой на белые дома по ту сторону реки.

— Если бы не Яевинн, вместо трёх десятков жертв было бы три сотни. Мы попали в засаду — нильфгаардцы ждали нас, оставив лишь немного людей в казармах, чтобы имитировать жизнь, — Мона оперлась на низкий парапет, и, преодолевая слабость в коленях, я подошла к ней. — Они ударили на рассвете с тыла. Отступать было некуда — горели баррикады из повозок, которые мы сами же подожгли.

Я вспомнила дым, что валил в городе. Теперь о бое не напоминало ничего — небо сливалось с разлившейся рекой, белокаменный город, утопающий в осенних красках,

живописно, как на открытках, сбегал с гор к воде.

— Яевинн собрал всех командиров полусотен и добровольцев в отряд смертников, приказав остальным прятаться по домам у пирса. Где можно было — по крышам, а потом напролом мы пробились к нильфгаардским офицерам, потеряв половину отряда. Яевинн захватил командира и поставил ультиматум — или он перережет дхойне горло, или нильфы снимут оцепление с пирса и дадут скоя'таэлям спокойно уйти. О нас речь, конечно, не шла, мы знали, что живыми не выберемся. Видела бы ты, как радостно тряслись подбородки у этого дхойне, когда он понял, что не только останется жив, но и сможет триумфально предьявить Францеске пару десятков схваченных скоя'таэлей, — Мона рассмеялась так, будто бы ценой этой сделки не была её собственная жизнь. Словно прочитав мои мысли, она добавила: — Почти семь сотен скоя'таэлей смогли уйти в лодках по воде. Это того стоило.

Я обняла Мону, она улыбнулась.

— Не принимай близко к сердцу отношение Яевинна к тебе. Такими нас сделала война.

— Я всё понимаю, — вздохнула я. — Мне совершенно не нужно, чтобы все эльфы меня любили. Тебя достаточно.

— Ой ли? — рассмеялась она и повела дальше по мосту. — Похоже, что Торувьель тоже не нужно, чтобы Яевинн её любил. А жаль. Любовь меняет, и он бы изменился.

Мост вывел на площадь, и если бы не высокие дворцы, можно было бы решить, что мы попали в квартал скоя'таэлей в Вергене. В широко распахнутые двери дома с колоннами вносили ящики, оружие, закатывали бочонки. Вдоль улицы стояли длинной вереницей, фыркая и переступая копытами по брусчатке, лошади. Было шумно, витало приподнятое, почти праздничное настроение, как на новоселье.

— Лина! — Мона окликнула эльфийку, которая отстёгивала ремни седельной сумки. — Ты не видела Роэля?

Высоченная эльфийка развернулась, её большой рот расплылся в улыбке.

— Я же сказала, что ведьмаки по чудовищам! — она обхватила длинными руками меня и Мону сразу, да так, что мы стукнулись головами. — Ты же слышала, как я говорила, что она пойдёт во дворец? Я была права!

— Ну говорила, говорила, — проворчала Мона, выворачиваясь из рук. — А Роэль где?

— Там! — Лина махнула рукой дальше по улице. — Погоди, ведьмачка, я мигом, одна нога здесь, другая там. Мы кое-что приготовили для тебя...

Она понеслась через площадь к дому с колоннами. Мона загадочно улыбнулась.

— Я же сказала, что по эту сторону реки всё иначе.

Через минуту вернулась Лина с корзиной в руках.

— Уверена, что о ведьмачке, которая передала Францеске розу Аэлирэнн, когда-нибудь сложат балладу, — сказала она, вручая мне корзину. — А пока вот, от нас, от всего сердца!

— Спасибо, — смутилась я, приоткрыла полотенце и увидела цветы, какие-то свёртки, сложенные листы бумаги.

— Правда же, что Францеску шарахнуло её собственным заклинанием? — спросила Лина с детским любопытством.

— Нам же уже десять раз это рассказывали! — Мона потянула меня дальше.

— Мне так жаль, что я этого не видела, что я готова послушать ещё десять раз! — жизнерадостно сообщила Лина. — Ну правда же?

— Правда, — засмеялась я.

Дома вдоль улицы ожили — видимо этот район полностью отдали под временное

жилё белкам. Мы шли от лошади к лошади, пытаясь опознать свои сумки. Мона задержалась поболтать с одним из скоя'таэлей, а я, заметив вдалеке знакомое смуглое лицо, перешла улицу и направилась к дому, дверь которого охраняли двое из Свободных Эльфов. Перед домом была высажена аллея гинкго, и их нежно-жёлтые листья, похожие на округлые миниатюрные веера, усыпали светлую брусчатку. На скамейке между деревьев сидел Иолар. Он был погружён в свои мысли, и сначала мне показалось, что не заметил, когда я присела рядом. Но через миг что-то изменилось в его непроницаемом лице, и мне стало тепло, будто знакомы мы были миллион лет и были того редкого рода старыми друзьями, с которыми не надо непрестанно обмениваться новостями, а можно молчать и просто быть рядом. Иолар проследил за жёлтым самолётиком листа гинкго, заходящего на посадку неторопливыми виражами.

— Спасибо, — тихо произнесла я.

Он улыбнулся одними глазами и слегка кивнул.

— В горах зима. Нас давно ждут.

— Завтра праздник, — сказала я.

— Рагнар тоже уговаривал остаться, чтобы уйти вместе после коронации, но... — он помолчал. — Я хотел уйти раньше.

Секунду я сомневалась, стоит ли мне задавать не слишком тактичный вопрос, но в итоге решилась:

— Из-за Торувьель?

— Она выбрала другого, — просто ответил Иолар.

— Она не выбрала, — осторожно сказала я, чувствуя себя сплетницей и свахой с одной стороны, а с другой уверенная, что Иолар должен знать. — Она не приняла от Яевинна розу памяти.

Иолар долго следил за следующим листом, потом своими чёрными, как уголь, глазами пристально посмотрел на меня.

— Спасибо, — он протянул руку, слегка сжал моё предплечье. — Я рад, что успел там, на площади.

Я обернулась — Мона звала. Накрыла пальцы Иолара ладонью. Несколько мгновений мы сидели молча — два путника, каждый со своей дырой в груди, которые встретились ненадолго, подарили друг другу толику тепла и разошлись в разные стороны.

Роэль уже нашёл наши с Моной седельные сумки, они лежали у его ног. Туча, по его словам, осталась в конюшне на окраине города. Мы навьючили лошадь Моны двойным грузом и, ведя её под уздцы, направилась через взбудораженную и радостную площадь обратно во дворец.

— Приходи ко мне завтра готовиться к балу, — сказала Мона на прощание. — Я позвала пару подруг, будет весело, вот увидишь!

Затолкав в комнату седельные сумки и напившись воды, я первым делом уселась исследовать корзинку, переданную Линой. Мона была права — по ту сторону реки отношение эльфов было совсем другим, и я растрогалась от желания скоя'таэлей порадовать меня. Из-под полотенца вынула букетики из осенних полевых цветов и сухостоя. Под ними, изрядно завядшие, лежали две розы памяти. К стеблю одной из роз была привязана записка:

*Почему река течёт, мост знает,
Почему свеча горит, воск знает,*

Почему не вместе мы, чёрт знает.

Я рассмеялась. Неизвестный поэт взял первые две строчки из баллады, которая была в сборнике Эйлин и переиначил концовку.

В свёртках обнаружили: скрученная из медной проволоки роза, из того же материала пара колечек и перстень с ягодой рябины вместо камня. Беличий хвост на шнурке. Несколько плетёных браслетов из тонких полосок кожи, крохотный перочинный ножик в ножнах, шёлковый платок на шею и россыпь писем и записок. Анонимно и не анонимно эльфы благодарили меня, и на глаза навернулись слёзы. От Лины была целая поэма о ведьмаке, в груди которого бьётся настоящее эльфийское сердце, написанная местами нескладно, но явно от души. Я развернула последнюю записку. В ней на всеобщем языке было выведено: «сдохни дхойне».

«Вот же мразь!» — выругалась я и сожгла над тарелкой записку. Два слова отравили всю радость, которую хотели доставить скоя'таэли своими незамысловатыми, но душевными дарами. Разрушили хрупкую иллюзию, что я здесь не чужая. Я никогда не отмоюсь от того, что я дхойне, как бы ни помогала эльфам. Мне нет здесь места — оно там, куда мне не хочется уходить. Как там написала Лина?

Нам не нужен дом, лишь на время кров,

Но прогонят со двора.

Мы идём, и отпечатки наших ног —

Просто талая вода.

слова из песни "Ведьмак" группы Эклиптика

Приготовление Белого мёда было простым, но чрезвычайно муторным. В базу из спирта и эфира, которую следовало поддерживать на грани закипания, нужно было через равные промежутки времени добавлять порошок купороса буквально по кристаллику, не больше. Ида удобно устроилась в кресле и расспрашивала про Зерриканию. Я отвечала, опустив упоминания Золотого Дитя, Зоуи, Драйк Кина и наших с Иорветом знаков, и пыталась не лету скроить из оставшегося непротиворечивую историю. Чародейка, однако, не дала себя обмануть:

— От татуировок, которые, по твоим словам, вам с Иорветом сделали в касбе Шала, за версту разит высокой магией, — нахмутив брови, сказала она. — Не нужно быть Знающей, чтобы распознать ложь.

Я отследила, как последняя песчинка упала на холмик в основании миниатюрных песочных часов, и перевернула их. Иголкой смахнула с ложки в раствор кристаллик купороса.

— Это не совсем ложь, — сказала я. — Это сокрытие правды.

Ида с силой оттолкнулась от ручек кресла и стремительно поднялась. Языки пламени в камине пыхнули в стороны, будто под порывом ветра. Прошагав к полкам, чародейка вытянула пергамент. Подождала, пока я брошу следующий кристаллик.

— Смотри сюда, — велела она и расстелила пергамент на краю стола.

Посреди испещрённого рунами листа в кругу ветвей, полных цветов и листьев, стояла богиня природы — Dana Meadh. К юбке льнули оленята, у ладоней кружили птицы, и у ног клубком свились змеи. Волк склонил к земле хищную морду.

— Дева Полей, знаю, — сказала я. — А что я должна увидеть?

Ида терпеливо выждала, пока я добавлю ещё купороса.

— Твой эликсир готов, — сказала она и подкрутила фитиль у горелки. — Данамеби стоит в кругу, символизирующем смену времён года. Справа начало года — зима, слева лето.

Она подняла пергамент и отошла с ним к окну.

— А теперь смотри снова.

Издалека на кругу, в котором стояла Дева Полей, уже нельзя было рассмотреть мелкие детали, а сам круг распался на светлую и тёмную части, зиму и лето, которые плавно перетекали одна в другую.

— Ты видишь тот же самый знак, что я вижу на ваших ладонях, — сказала Ида и, свернув пергамент, уселась обратно в кресло. — Мой интерес не праздный. Я хочу, чтобы Дева Полей вернулась в Дол Блатанна.

Я опустила в кресло напротив. Мне хотелось помочь Иде, однако было боязно сказать что-нибудь лишнее, чего Иорвет бы не сказал.

— Эти знаки не имеют отношения к Деве Полей, — ответила я и приподняла ладонь, когда брови Иды сошлись к переносице: — Ты можешь спросить самого Айонантаниэла. Он рассказал нам про них.

Прикрыв глаза, Ида прикусила нижнюю губу и задумалась. Шаль из прозрачного газа едва видимого зеленоватого цвета соскользнула с молочно-белого плеча, но она не заметила.

— Это совпадение не могло быть случайным, — наконец, произнесла она.

— И между тем, как сказал Мастер Рун, знаки на наших ладонях появились в результате величайшего совпадения. В результате ошибки в заклинании, которое должно было убить Иорвета.

— Продолжай, — потребовала Ида.

— Я не могу сказать больше, чем сказал бы сам Иорвет. Расспроси его. Если он будет знать твои цели, ему незачем будет что-то скрывать. Могу лишь добавить, что эти метки — проклятие, и чтобы избавиться от него, мне надо найти Филиппу Эйльхарт.

Чародейка хмыкнула, поправила шаль.

— Если копать любую тайну поглубже, то откопаешь ведьмака. Если продолжить копать, обязательно наткнёшься на госпожу Сову.

— Мне нужно найти её и срочно, — повторила я, вдруг осознав, что Ида, как никто другой, может быть полезна в поисках. — Можешь ли ты помочь?

— Ты собираешься покинуть Дол Блатанна? — в голосе чародейки послышался интерес, причину которого я не смогла распознать.

— Да, — ответила я и всё-таки спросила: — А что?

— Да так, ничего, — Ида встала, подошла к окну, как делала всегда, когда не хотела спешить с ответом. — Мы благодарны тебе, однако... Если ты уйдёшь, так будет лучше.

Чародейка была не из тех, кто скажет в лицо: «Сдохни, дхойне», и тем не менее мысль я уловила вполне чётко.

— К слову о твоих изысканиях... — начала я, вновь ощутив неприятный укол обиды. — Торувьель считает, что Дева Полей не может прийти к тем, кто ненавидит, и поэтому богиня покинула Дол Блатанна.

— Ах, если бы всё было так просто, — улыбнулась Ида.

— Перестать ненавидеть — это просто?

— Может быть и нет. Но если убрать повод для ненависти из поля зрения, эльфам будет

проще договориться друг с другом.

— С глаз долой — из сердца вон. Что же, благодарю за откровенность, — тихо сказала я. — В таком случае в твоих же интересах помочь мне найти Филиппу.

— Ни одна уважающая себя чародейка не оставляет магических следов, если не хочет, чтобы её нашли. Но я займусь твоей просьбой.

Ида взмахнула рукой, наводя порядок на столе и одновременно показывая, что разговор окончен. Пламя в камине погасло.

В вечернем саду шептал в клёнах ветер, ненадолго затихал, и снова налетал вздохами по траве, шорохами в кустах. На этот раз я почуяла след Йорвета у беседки. След повёл по гравийной дорожке в глубину сада, в сторону сосен, стволы которых ярко светились оранжевым в последнем солнце. Йорвет сидел на истёртых ступенях лестницы, уходившей вверх по склону к горам. Он облокотился на колени и казалось размышлял о чём-то, задумчиво наблюдая за мной, пока я шла по хрустевшему под ногами сухому гравию.

— Ты говорил, что найдёшь меня, — я опустилась рядом и протянула ему перо. — Ты забыл.

Йорвет пригнул ко мне голову, и я закрепила кончик пера под ремешком, охватывающим повязку.

— Ты же здесь, значит я нашёл, — невесело улыбнулся он.

Я пропустила руку под его руками, обняла, и мы сидели молча, пока сосны гасли, а ветер шумел в верхушках.

— Что-то случилось? — тихо спросила я.

— Пока нет, — он глянул мне в лицо.

— Сегодня же был последний день дебатов...

— Там всё по-старому, — усмехнулся Йорвет. — Филавандрель предлагает силами пленных построить вокруг Дол Блатанна стену. Он думает, что если отгородиться от мира, то можно вернуть Золотой Век. Остальные понимают, что это путь в никуда, но боятся союза с Саскией, считая, что я предлагаю сделку с дхойне.

— Если бы меня здесь не было, тебе было бы проще их убедить.

— Я разберусь, — Йорвет досадливо тряхнул головой. — Дебаты — это только начало. После бала будет время тишины — время разговоров один на один с Исенгримом. В конечном счёте именно за ним последнее слово.

Он встал, протянул руку.

— Я хотел поговорить не об этом. Сегодня пойдём ко мне.

Комната Йорвета была в противоположном крыле на третьем этаже дворца, прямо над залом с портретами, и, словно в виртуальной реальности, мы добежали до неё сквозь иллюзорные стены и перекрытия.

— А ты неплохо устроился! — воскликнула я, когда чёрно-белые цвета рассеялись, и из темноты проступили толстые ковры на полу, гобелены на стенах и поблескивающая лаком в свете свечей резная мебель.

— Утром из окна видно реку, — Йорвет потянулся ко мне, но замер на полпути: — Это что за чёрт?

Он подошёл к массивному столу на затейливых ножках, поднял и распечатал конверт. Нахмутив брови, отшвырнул письмо в сторону.

— Прямо сейчас Исенгрим собирает всех командиров у себя. Мне надо быть там.

— Что ж, надо — значит, надо... — я огляделась в поисках графина с лекарством Иды.

— Постой, я не хочу откладывать разговор до завтра, — он присел на стол и привлёк меня к себе. — У нас есть немного времени, Исенгрим подождёт.

— Я бы предпочла провести это время иным образом, — Иорвет ответил на поцелуй, но тут же отстранился и, обхватив за бока, усадил меня на стол.

Зашагал по комнате.

— Пока нет сведений об Эйльхарт, мы должны действовать. У нас есть Айонантаниэл, который может подсказать выход, у нас есть Зоуи, которая проведёт к Драйк Кину. Ида откроет портал...

— Драйк Кин не занимается исполнением желаний, — перебила я.

— Он отвечает на вопросы. Нужно лишь задать правильный, — Иорвет подошёл, требовательно посмотрел в глаза.

— Нет, — я отвела взгляд. — Пока роза была у меня, я могла рисковать. Теперь нет.

— Нельзя сдаваться, пока есть время!

— Я не сдаюсь. Я иду вперёд.

— Тебе нужно посетить твой мир во сне и посмотреть, не изменилось ли там что-нибудь, — будто не слыша меня, сказал Иорвет, отвернулся, сделал круг по комнате и снова остановился передо мной.

— Я не пойду в свой мир, не хочу. Что бы я там ни увидела, не изменит ничего, и я не буду заигрывать с судьбой, — с напускной твёрдостью в голосе, которую должна была испытывать, но которой не было, сказала я. — Пока Ида ищет Филиппу, а я жду весточки от Геральта... У нас есть ещё время, ты сам сказал, и впервые можно никуда не спешить, никуда не идти. Побывать вместе.

Мы смотрели друг на друга в упор и, как обычно, не произносили важного, и оно, это важное и непроговорённое, стояло между нами невидимой и непреодолимой стеной. Иорвет подошёл к окну и долго всматривался в темень по ту сторону.

— Твоим упрямством можно прошибать стены, — тихо сказал он.

За дверью стали слышны шаги и голоса. Я наполнила чашку магической водой из графина. Говорить было не о чем.

— Тебе пора, — сказала я, — да и мне тоже.

Иорвет подошёл, взял из моих рук чашку, скользнул взглядом по письму на столе.

— Пора, — сказал он.

ДОЛ БЛАТАННА. Последняя ночь

Всю ночь снился пустынный аэропорт. Я стояла перед табло с билетом в руках, пытаюсь найти в мельтешащих голубых и синих строках название города — того, куда был билет. Но все города были другими, и я не знала, появится ли мой рейс, или билет не тот — неправильный билет. В город, какого не существует.

На границе между сном и явью, уставившись в расплывчатый тёмный потолок, я пыталась вспомнить, как назывался тот город. Это казалось жизненно важным, но вместе с проступающим рисунком каменной кладки воспоминание о пункте назначения ускользало, и билет исчезал из рук.

До полудня я правила и полировала мечи, наточила даже новенький подаренный перочинный ножик. Работа руками заземляла, вытаскивала из сна, который исчез из памяти, но оставил в подвешенном ожидании непонятно чего, когда уже всё равно, что будет — плохое либо не очень, лишь бы оно, наконец, настало. Потом я смотрела в окно, плескалась в медном чану, который занимал половину умывальной комнаты и горделиво стоял на растопыренных львиных ножках. Собрала вещи. Разложила на кровати ярко-синее эльфийское платье, подаренное Эйлин.

С запасами еды и травяного чая, которыми обеспечила заботливая Мона, я могла бы не выходить из комнаты до самого бала и поначалу так и планировала. Но теперь, когда дела были сделаны, а я будто сидела на чемоданах, хотелось отвлечься, побыть среди людей или эльфов, неважно, лишь бы они были живыми.

Хохот я слышала ещё в коридоре. Отодвинула дверь в комнату Моны, приваленную изнутри сумками, и, оглушённая, очутилась в круговерти смеющихся лиц, цветных нарядов, распущенных волос.

— Чего вы ржёте?! Чисто лошади! — возмущённо восклицала Лина, которая стояла перед зеркалом. Юбка карминового платья едва доставала ей до середины голени, а грудь выскакивала из овального декольте, открывающего пупок. — Ну короткое, и что? Зато цвет!

— Задом наперёд... — едва выговаривая от смеха слова, подсказала одна из девушек.

— Ах вон оно что! — Лина встряхнула косами, с достоинством выпятила грудь и расхохоталась. — А мне так больше нравится! Красиво же!

Пол и кровать Моны были уставлены раскрытыми сумками с ворохами одежды. Зеркал в комнате было целых пять — похоже, что обитательницы дворцового госпиталя перетащили их из своих спален.

— По всем знакомым из прошлой жизни пробежалась, мамины сундуки выпотрошила, — Верноссиэль расстёгивала ремни одной из сумок, — выбирайте!

Она подняла на меня лицо, на миг замялась:

— И ты выбирай, — сказала на всеобщем, скользнула взглядом по синему платью, из-под подола которого виднелся носок сапога. — Туфли в том углу.

Мона протолкалась ко мне, повела к окну.

— Вы что, поссорились? — озабоченно спросила она, вглядываясь в моё лицо.

— Нет, всё в порядке, — уверила я, понимая, что хотя ничего и не в порядке, но Мона не должна ни секунды переживать об этом. Я хотела, чтобы она была весёлой, чтобы она была счастлива.

Разулыбавшись, Мона разгладила пояс у меня на талии, поправила ткань на плечах.

— Пойдём, я заплету тебе волосы, — сказала она. — Ты будешь красивая, очень красивая, и всё наладится, вот увидишь!

И оно наладилось — может, и не всё, но настроение точно. Невозможно тосковать, когда вокруг смеются и дурачатся, передают друг другу баночки с румянами и пудрой, устраивают шутливые бои за туфли и кружева и дефилируют перед зеркалами. И я тоже смеялась и дурачилась, отвоевала синие балетки, прославилась искусством макияжа и рисовала эльфийкам выразительные глаза с глубоким и томным взглядом. Верноссиэль попросила сделать ей густую дымчатую обводку век, и в сочетании с чёрными волосами и платьем цвета грозовой тучи образ у неё получился загадочный и роковой. Она одобрительно рассматривала себя в зеркале, потом повернулась ко мне:

— Я хочу поговорить с тобой. Наедине.

Дверь в мою комнату Верноссиэль закрыла на засов, и я, ещё витая в облаке смешливого и бесшабашного настроения, в шутку усомнилась про себя, а точно ли она хочет поговорить или вдруг собирается прибить меня тихо и без свидетелей. Однако эльфийка смогла удивить:

— Прошу прощения за то, что считала тебя такой же дхойне, как и всех. Вы, ведьмаки, из другого теста.

Я кивнула, не зная, чего ожидать дальше, а Верноссиэль, видимо, решила, что тема вежливых вступлений исчерпана, и взяла быка за рога:

— Я знаю, что ты сопровождала Йорвета в Зеррикании, — заявила она.

— Это не секрет, — ответила я, жестом показывая ей на стул, а сама присела на кровать.

— Он мне сказал... — она не двинулась с места и стояла прямо, сцепив пальцы. — Он сказал, что женился там, и поэтому мы больше не можем быть вместе. Даже кольцо показал!

Выпалив эти слова, она развернулась и ушла к окну, что было весьма кстати — кровь жарко прилила к щекам и кончикам ушей.

— И что тебе нужно от меня? — спросила я.

— Ты была с ним... Я не верю слухам про тебя и него, потому что любой, кто в своём уме и знает Йорвета, не поверил бы, что он связался с дхойне, — Верноссиэль, казалось, внимательно разглядывала сад, а я с облегчением выдохнула. — А я его знаю очень хорошо.

Она вернулась, встала передо мной в своём струящемся тёмном платье с оголёнными руками, грациозная и гибкая, как кошка, и вместе с тем прямолинейная, как оглобля. Упёрла кулаки в бёдра и заносчиво задрала нос.

— Расскажи про его жену, я должна знать, какая она!

— Э-э-э... — замямлила я. — Она...

— Она эльфийка? Она красива? — перебила Верноссиэль.

— На все вопросы ответ «да», — ответила я и с тайным злорадством добавила: — И ещё она очень умна.

— Как её зовут?

— Арабелла, — нашла я, вспомнив историю про благородного пирата, которую рассказывала Йорвету.

Верноссиэль потребовала отчёта, и я, состряпав в уме собирательный образ Хранительницы-эльфийки из всех женщин, встреченных нами в Зеррикании, вдохновенно врала и к концу рассказа чуть было сама не поверила в реальность придуманной жены.

— Она не пошла с вами к Исенгриму?

— Нет, она осталась в Алтинадире.

— Однако же, Йорвет не слишком-то стремится к ней обратно в Зерриканию, — сделала вывод Верноссиэль.

Сдаваться она явно не собиралась.

— Может быть, он хочет привезти её в Дол Блатанна, — с равнодушным видом пожала плечами я.

— Я так не думаю, — эльфийка задорно улыбнулась, доверительно прикоснувшись к моему плечу, и я вновь поразила её неунывающему нраву и настойчивости. — И сделаю всё, чтобы сегодня он забыл о ней навсегда!

Когда Верноссиэль ушла, то и моё приподнятое настроение куда-то делось, и шутка с зерриканской женой перестала казаться смешной. С другой стороны, и речи быть не могло, чтобы рассказать правду — репутация Йорвета была бы уничтожена, а я отхватила бы порцию ненависти и оскорблений.

Потихоньку вечерело. Я не зажигала свечей, сидела у открытого окна и размышляла, вернётся ли вместе со мной в тот мир приобретённое здесь умение созерцать — смотреть, как медленно темнеет небо, как неподвижны деревья, слышать шорохи и далёкие голоса, чувствовать кожей, как через подоконник в комнату переливается холодный воздух, и просто быть и ощущать. Прошлая жизнь казалась непрерывным барахтаньем в потоке мыслей, из которого лишь изредка удавалось вынырнуть и в краткой паузе увидеть, что над головой горят звёзды.

Голоса приблизились. В тишине сада я слышала их так отчётливо, словно эльфы разговаривали под окном.

— Мне надо было догадаться, куда ты меня ведёшь, — голос Торувьель. — Все просто помешались на этих розах.

— Я хотел последовать вашему обычаю, — ответил Иолар.

— В твоих краях не дарят розы памяти, чтобы доказать любовь?

— Доказать? — по голосу было слышно, что Иолар удивился. — Зачем доказывать, если делишь с кем-то постель, заплетаешь косы, вместе встречаешь весну?

— Любовь вянет, а вместе с ней завянет и роза.

Иолар сказал что-то очень тихо, и Торувьель звонко рассмеялась.

— Ты сам не понимаешь, что говоришь! Твоя любовь — иллюзия, и она развеется, как только ты вернёшься домой. Если я уйду с тобой, то что я буду делать в ваших горных пустынях, когда ты разлюбишь меня?

Тишина, шорох листьев.

— Нет, мне не нужна твоя роза! — воскликнула Торувьель.

— Ты не веришь моим словам, поверь хотя бы цветку.

— Послушай... — я не видела эльфов, но показалось, что тени в беседке слились и изогнулись, будто Торувьель положила руки на плечи Иолара, а он обнял её за талию и притянул к себе. — Забудь меня и заberi розу. Я разрушена войной. Я стара и мертва. А ты молод, у тебя впереди вся жизнь...

— Возьми, я не требую ничего взамен. Я уйду, а роза, которая не завянет никогда, останется у тебя. Она скажет правду.

Снова тишина, такая глубокая, что стало слышно далёкое журчание водопадов по ту сторону дворца.

— Я возьму твою розу, но это ничего не изменит, — сказала, наконец, Торувьель. — Будет так — на балу ты пригласишь меня, и мы будем танцевать. Потом пойдём ко мне, и

будет последняя ночь. А потом ты уйдёшь в свои края, не оглядываясь... Ты уйдёшь и забудешь обо мне.

Иолар тихо возразил что-то.

— Не перечь и не порти эту ночь. Нам пора.

Эльфы ушли. На чёрные листья упали оранжевые отблески — на верхних этажах дворца зажгли свечи.

Коридор был погружён во тьму и пустынен. Подсветив дорогу Игни, я прошла мимо двери в комнату Моны. Эльфийки ушли на бал, и за дверью было мертвенно тихо.

В холле перед парадной лестницей расставили высокие столики с вином и закусками, группками между ними расхаживала разодетая публика. Непроизвольно я поднесла руку к груди и сжала в ладони ведьмачий медальон — я выглядела прекрасно, на все сто или даже на сто двадцать, учитывая элегантно платье Эйлин и сногшибательно заплетённую Моной косу, и между тем чувствовала себя незваной Золушкой, простолюдинкой на балу аристократов. Понимание Старшей Речи вновь сыграло со мной злую шутку:

— Наверняка она украла платье, — сказала эльфийка, усыпанная жемчугами. — Слышала, что ведьмаки тащат всё, что могут унести.

Её соседка пригубила вино.

— Посмотри на край. Такого платья не найдёшь в Северных Королевствах. Наверное, кто-то из наших поделился с ней из жалости.

«Валить, срочно валить на все четыре стороны в мой мир! — думала я со злостью, поднимаясь по ступеням. — Туда, где меня ждут».

Чем ближе я подходила к танцевальному залу — тому самому, с портретами, тем больше вокруг было эльфов, и уже слышалась музыка, и тем сильнее росла моя нерешительность. У дверей было не протолкнуться, и, к счастью, меня заметила Лина, выбравшая-таки себе другое платье — тоже красное, но по росту и без декольте, и за руку повела сквозь толпу. Горели свечи: не так много, как в Ард Доле, сказывался режим экономии, однако их было достаточно, чтобы поразиться великолепию этого дворцового зала. Тогда, в ночь переворота, в темноте я заметила лишь портреты, сейчас же в бликах хрустальной роскошной люстры открылся далёкий потолок с фресками и лепным декором, балкон второго яруса с лёгкой решёткой ограждения из золочёных звёзд. В алькове наверху играл оркестр, а по блестящему, полированному воском паркету кружили пары. Вдоль стен толпились, похоже, все эльфы Дол Блатанна. В зале было жарко, гигантские панорамные двери на балкон в сад были распахнуты, и с бокалами в руках там теснилась изящная публика.

Лина покинула меня, и я пробиралась по стеночке, тайно надеясь найти Иорвета и рассматривая танцующих. В центре Исенгрим, одетый в неприметный, но изысканный кафтан, кружил Иду, которая по сравнению с ним казалась яркой райской птицей. Иолар обеими руками оплёл талию Торувьель, она обнимала его за шею, и они, прижавшись и глядя в глаза друг другу, танцевали медленно, не в такт мелодии. Яевинна не было видно. Моны с Роэлем тоже. Я взяла бокал вина — белого, конечно же, и мыслями была наполовину тут, следуя музыке флейт, а наполовину на балу в Ард Доле, когда всё только-только начиналось. Балы — время начала и время конца.

— Бабушка просила напомнить о себе, — к моему бокалу со звоном прикоснулся другой, и Рагнар, подмигнув, пригубил вино.

Он был весь в чёрном — грациозная и изящная гора мышц с выбритыми висками и толстой косой, спускающейся на спину.

— Я помню о своём обещании, но...

— Она будет ждать столько, сколько нужно, — сказал Рагнар и протянул руку. — Танец?

Я положила ладонь ему на плечо, и он увлёк меня в круг танцующих. Он вёл уверенно и деликатно, и на миг я забыла, что он эльф, а я нет, и отдалась течению танца.

— Ты сказал Францеске, — начала я, когда мы проплыли полный круг по залу, — что Йорвета ждёт экстрадиция в Ард Дол...

Рагнар улыбнулся кончиками губ, ладонь крепче прижалась к пояснице, люстры сделали оборот, и зал прокрутился перед глазами. Мы вынырнули из виража и поплыли дальше среди пар.

— Думаю, это не слишком хорошая идея, — ответил он.

— Владыки мудры, — улыбнулась я.

Мы обогнули Торувьель, которая вела Иолара за руку к выходу, потом сияющего Айвора, обнимавшего свою арддолскую зазнобу. Я рыскала глазами по залу, потому что чувствовала, что за мной наблюдают, и в очередном обороте увидела Йорвета, который стоял, привалившись к стене. Его взгляд неотрывно следовал за мной сквозь толпу. Вместо карминового платка, как и на балу в Ард Доле, его отсутствующий глаз скрывала чёрная пиратская повязка, и на миг наши взгляды встретились. Оборот, другой, и вот уже он не смотрит на меня, а рядом с ним стоит Верноссиэль, небрежно держащая в отведённой в сторону руке бокал.

Мы с Рагнаром поклонились друг другу, и выпорхнувшая невесть откуда Мона увела моего кавалера. Я ринулась на балкон, к свежему воздуху.

За спиной грохотали музыка, голоса, смех, а по ту сторону сырой речной прохладой стелилась ночь. Я вдыхала её.

— До сих пор я не выполнил своего обещания, — хрипло сказал низкий голос.

Исенгрим облокотился на парапет рядом со мной.

— Кахве? — спросила я. — Ночью?

— Ночь будет долгой, — ответил он, протянув руку ладонью вверх. — Прошу.

Он не спрашивал разрешения, он повелевал. Прижатая, словно тисками, железной рукой к груди Исенгрима, я следовала за ним в танцевальных па. Насколько танец с Рагнаром был свободным и естественным, настолько в объятиях нового короля я чувствовала себя скованной, несмотря на то, что вёл он безупречно. Пока мы летели по залу, я ловила на себе изумлённые и завистливые взгляды, а в спину между тем неприятно впивались стальные пальцы.

Исенгрим довёл до двери в библиотеку, отпустил мою талию и, отворив створку, практически втокнул меня внутрь. Плотно закрыл за нами дверь.

— Прошу, — учтиво сказал он, недвусмысленно приказывая следовать за ним.

В бывшем кабинете Францески горели свечи, потрескивал камин. На обитой шёлком стене темнел прямоугольник на месте исчезнувшего ростового портрета королевы. Исчезли безделушки и сервизы, в алькове стулья были сдвинуты вокруг овального стола, на котором остались полупустые бокалы и бумаги. На тумбе по одну сторону бюро появилась небольшая горелка, на которой стояла джезва. По другую сторону — шахматный столик. С противоположных концов доски смотрели друг на друга две одинокие фигуры — белый

ферзь и чёрный король.

Исенгрим ухватился за ручки кресла и по паркету, на котором не осталось ни капли крови Эдвара, со скрежетом придвинул тяжёлое кресло ко мне. Я молча села, а он также молча зажёл в основании горелки толстую свечу и аккуратно насыпал в джезvu пару ложек кофе из фарфоровой банки.

— В Дол Благанна я шёл умирать, — заговорил он и долил воды из кувшина. — Я ошибся.

Он обернулся, и я молчала, рассматривая ровное спокойное пламя свечи.

— Когда ждёшь смерть, а вместо этого в руках оказывается жизнь, то не знаешь, что делать, — продолжил он, придвинул ко мне ещё одно кресло и опустился в него.

— Ты недоволен? — спросила я.

Исенгрим усмехнулся. Подспудно я понимала, что вызвал он меня не для того, чтобы посетовать на тяжкую долю. Знала также, что ничего хорошего этот разговор принести не мог, и мне хотелось надерзить ему — за то, что он так и не принял меня. К тому же я была уверена, что вчерашнее ночное заседание командиров Исенгрим устроил не без тайной мысли помешать нам с Йорветом.

— Я жаждал освобождения. Однако есть те, ради кого я должен жить.

Он упруго поднялся с кресла, склонился над горелкой и, расслабленно опершись на тумбу, следил за кофейной пенкой. Он не спешил, не раскрывал карт раньше времени. Аромат кофе наполнял кабинет.

— Должен признать, что и dh'oine могут удивить, — сказал он после долгого молчания, разлил кофе по чашкам и протянул мне мою. — Тут я ошибся во второй раз.

Он пристально поглядел мне в глаза. Я быстро отпила из наполненной доверху чашечки, чтобы из-за внезапной дрожи в пальцах не расплескать кофе.

— Я не предложил сахар, — заметив манёвр и продолжая сверлить меня взглядом, насмешливо сказал он.

— Не нужно, — ответила я.

— Значит, тут я не ошибся. Как не ошибаюсь и в том, что взаимовыгодный союз между тобой и Йорветом, о котором мы говорили в горах, зашёл слишком далеко.

Что же, вот и первый козырь на столе.

— Куда бы он ни зашёл, это не твоё дело, — ответила я спокойно.

Улыбка не дрогнула на его красивом и страшном лице.

— А вот тут ты ошибаешься, — сказал он. — Вы оба... ошибаетесь.

— До сих пор ошибался только ты, — огрызнулась я.

На руках у меня ещё оставался один единственный козырь.

— Я могу приводить резоны столь долго, что свою ошибку признаешь и ты. Я помню ответ Драйк Кина каждому из нас, — Исенгрим не шевелился и всё так же наблюдал за мной. — Вы рассказали о связавшей вас магии, однако вы рассказали не всё.

Он потянулся, отставил чашку и вновь развернулся ко мне, пришилив к спинке кресла взглядом, под которым невозможно было даже шевельнуться.

— Мне не нужно признаний, я всё знаю. Молчание порой говорит красноречивее слов. До некоторых пор у нас с Йорветом не было запретных тем для разговоров. До тех пор, пока вместе с тобой он не пришёл в Зерриканию. Теперь такая тема есть — это ты.

— Уверяю, моя персона не заслуживает внимания самого короля, — ядовито сказала я.

— Ошибаешься, и причин такого внимания две.

Он, наконец, отлип от меня взглядом и встал, отчего показалось, что с плеч упал пудовый груз. Отошёл к камину, поворошил кочергой угли.

— Первая причина — будущее Дол Блатанна. Иорветом владеют эмоции, что недопустимо в политике, а между тем именно его план развития государства единственно возможен, если мы хотим выжить.

— Да-да, я уже слышала эту песню. Если я уйду, эльфам будет проще договориться друг с другом...

— Несомненно, — невозмутимо перебил Исенгрим и вернулся в кресло. — Но есть и вторая причина, личная. Я знаю Иорвета очень, очень хорошо. И я не могу допустить, чтобы он повторил путь отца. Он должен найти подругу жизни среди своих.

Лицу стало жарко от распиравшего гнева. Исенгрим был словно зловредная свекровь, которая мечтает выдать своё золотце за девушку подостойнее и не находит ничего лучше, чем портить кровь той, кого выбрал её сын! Я вскочила с кресла и схватила с шахматного столика фигуры.

— Сдаётся мне, ты не замечаешь бревна в своём глазу, — я протянула ферзя и короля Исенгриму. — У ног правителя Дол Блатанна весь женский эльфийский цвет, а он тайно шастает к любимой подруге в школу Юнтай!

— Ты очень наблюдательна, — Исенгрим даже не повысил голос, но я видела, что попала в цель. — Однако...

— Скажи ещё, что «это другое»! — я уже не сдерживалась.

— Это другое! — к моей радости рявкнул он. — Зоуи не человек!

— Но и не эльф, — я вернула фигурки на место и стояла перед ним, больше всего на свете желая уйти.

— Будь мы в Зеррикании, я бы закрыл глаза, — Исенгрим совладал с собой, и говорил веско, повысив голос. — Но здесь, в Дол Блатанна, остаётся причина номер один. Ничего личного, только политика. Ты — как песчинка, попавшая между стёклами, которая царапает и тех и других. Я знаю, что время твоё в этом мире исчерпано, Роза Аэлирэнн ушла. Вашим отношениям конец — сейчас или через несколько дней. Мне важны эти несколько дней, и мне нужен рядом Иорвет. Ради него ты должна покинуть Дол Блатанна. Завтра.

Последние слова звучали приказом. Руки опустились, я упала в кресло. На моего козырного туза у Исенгрима в рукаве был заготовлен джокер.

— Не в твоих интересах рассказывать Иорвету о предмете нашего разговора. Чтобы отпустить тебя, он должен быть уверен, что ты уходишь, потому что таково твоё желание. Ты сделаешь это ради него. Скажи ему, что ты разлюбила его, или что там говорят женщины в таких случаях. Уверен, что ты найдёшь нужные слова, — он покрутил в воздухе ладонью со сложенными в щепотку пальцами. — Когда ты уйдёшь, у меня будет неделя, чтобы подготовить всех несогласных к решению, которое я озвучу на коронации. Ида откроет для тебя портал в любую точку Севера.

— Некуда пока открывать портал, — буркнула я.

В оконных рамах тоненько засвистел ветер, пламя свечей затрепетало в сторону камина, в котором вспыхнули угли.

— Я дам тебе голубя, ты пришлешь весточку, когда узнаешь, куда ведёт Путь. Я готов помогать тебе всем, чем могу. До самого конца.

Исенгрим улыбнулся примирительно, почти отечески. Он знал, что партия выиграна всухую.

— Мне надо поблагодарить тебя? — сквозь зубы спросила я.

— Необязательно, — ответил он и встал. — Хотя можно было бы. Я сказал, что ты должна уйти завтра, а это значит, что у тебя есть ночь, чтобы попрощаться. Последняя ночь.

Исенгрим сопровождал меня из кабинета в библиотеку. Шары светились тускло и таинственно, как и в ночь переворота, но книги молчали. Та магия, что вызвала их к жизни и сделала невидимками отряд стражников, исчезла. Исенгрим, не оглядываясь, ушёл в танцевальный зал и плотно прикрыл за собой дверь. Он как будто догадался, что мне нужно побыть одной, а лучшего места для одиночества, чем эльфийская библиотека, придумать было нельзя. Из-за двери приглушённо слышалась музыка, и я провалилась в свои мысли. Дважды за сегодняшний вечер мне сообщили, что знают Иорвета очень хорошо, и я задумалась, а знаю ли его я.

Склонившись над витриной с пророчеством Итлины, я с подозрением принялась. Мне показалось, что тянет запахом тлеющей бумаги, и что ветхие края свитка слегка почернели. «Наверное, запах кофе из кабинета», — решила я и двинулась в глубь стеллажей, тут же забыв о пророчестве и вернувшись к думам.

Верноссиэль с Исенгримом вели счёт знакомству с Иорветом на годы, если не на десятилетия, я же встретила с ним лишь около полугода назад. Я знала, что Иорвет просчитывает всегда и всё от начала и до конца, а значит, и нашу с ним историю просчитал, исходя из условий задачи: мне надо вернуться, а ему не вляпаться в отношения с дхойне. Следовательно, Исенгрим, как это ни противно было признавать, прав — нет смысла тянуть кота за хвост. Не прав он был в другом. Иорвет отпустит меня не потому, что я разлюбила его, а потому что не переставала любить.

В библиотеку на миг ворвалась громкая музыка, а потом снова стихла. «Последняя ночь», — прошептала я и направилась из глубин стеллажей к освещённому шарами проходу.

Иорвет ждал меня. Смотрел, как я приближалась, а я не спешила и любовалась им, его опасной красотой, как в последний раз. Подошла. Мы неподвижно стояли на расстоянии вытянутой руки, глядя в глаза друг другу. Молчали.

Он протянул руку ладонью вверх.

— Потанцуй со мной, — сказал тихо.

— Балы не для нас с тобой, — я вложила ладонь в его.

— Ерунда.

Скользкие шаги вперёд — в сторону — назад, отзывчивые объятия, разговор без слов. Мимолётная история близости под тихую музыку, доносящуюся из зала. Разошлись, вытянув сцепленные руки.

— Запиши куда-нибудь, что твою зерриканскую жену зовут Арабелла, — сказала я.

— Я уже узнал.

Тесно прижались. Моя ладонь скользнула по руке Иорвета повыше локтя, по плечу, бедром под гладким шёлком я чувствовала внутреннюю сторону его бедра. В сторону — назад, и теперь уже он ворвался в моё пространство, ладонь спустилась ниже талии, и, склонившись, провёл губами от мочки уха по шее. Я обвила его руками и мы танцевали медленно, не в такт мелодии. Не сговариваясь, соединили ладони.

Пространство магической изнанки исказилось — нарисованные стены библиотеки растянулись по диагонали, выгнулись, будто косые паруса при свежем бризе, и по ним

бежала рябь. До комнаты Иорвета этажом выше танцевального зала было рукой подать, однако мы едва не заблудились в изменяющей конфигурацию конструкции дворца, едва не застряли в схлопывающемся и висящем почти отвесно коридоре, и нырнули в дверь комнаты в тот миг, когда пол и потолок, сморщившись, коснулись друг друга и тут же разошлись и выправились, будто коридор был сшитой из ткани трубой, которая надулась ветром.

Всё ещё держась за руки и запыхавшись от скачек по текстурам, мы ворвались в комнату и в реальный мир. Я щёлкнула пальцами у фитиля свечи, она ровно загорелась — стены, столы и стулья совершенно безмятежно стояли на положенном им месте.

— Что-то происходит, — сказал Иорвет.

Подошёл к окну, и в этот момент неплотно прикрытые створки, задрожав стёклами, распахнулись. Порыв ветра просвистел по комнате, разметал бумаги на столе и погасил свечу.

Ветер исчез, как и не было, а снизу донеслись удивлённые и чем-то восхищённые голоса. Мы перегнулись через подоконник — на балкон бального зала высыпали эльфы.

— Смотрите, вон там, опять! — крикнул кто-то.

Над чёрной рекой, поблёскивающей оранжевыми бликами от огней города, в темноте вспыхивали далёкие белые кольца и расходились по небу, словно круги по воде. Эльфы восторженно сопровождали каждую вспышку криками, и слышался звон бокалов и смех. Круги погасли, ветер поднялся пуще прежнего. Снизу заливисто взвизгнули, захохотали. Юбка шёлкового платья взметнулась. Иорвет, волосы которого трепал ветер, обнял меня одной рукой за плечо, прижал к себе. Мы стояли у окна и смотрели, как ветер сменялся сиянием в небесах, а потом снова был ветер и снова сияние.

— Сопряжение Сфер, — тихо сказал Иорвет.

Где-то на Скеллиге через портал, открытый Аваллак'хом, Цири вошла в башню Tog Gvalch'ca, чтобы остановить Белый Хлад — Белого Драйк Кина, пожирающего миры. Чтобы спасти тех, кого она любит. Сияние ушло с неба, ветер утих. Наступила тишина, вернулась осенняя ночь, и снизу с балкона обратно к танцам потянулись эльфы.

Иорвет развернул меня к себе, я целовала мягкие губы. Медленно, как никогда ещё не делали, мы раздевали друг друга. Не произносили слов — беседовали на языке любви, на котором нельзя соврать. Вели на нём долгий разговор, длиною в ночь. Последнюю ночь.

Над рекой поднимался серый рассвет. В бальном зале погасли свечи, с балкона не доносилось ни звука, и только из-под карниза, опоясывающего стену, слышалась голубиная возня и редкое курлыканье. Я сидела у окна, смотрела на воду, подёрнутую у берегов утренним туманом, и пыталась придумать, что сказать Иорвету. Он крепко спал и не заметил, когда я тихонько высвободилась из-под его руки, слезла с кровати и на ощупь оделась в ещё тёмной комнате. Все варианты разговора были похожи на дрянную мыльную оперу, звучали неискренне либо пафосно. Чёртов Исенгрим! И между тем он был прав — в моих интересах сгладить расставание, прикрыть задницу Исенгрима для того, чтобы Иорвет остался жить среди эльфов, не тая обид. За годы партизанства в лесах, за то время, что скоя'таэли провели в союзе с Саскией, Иорвет перерос своего учителя, стал для эльфов надеждой на лучшее, пусть неизведанное и другое, и Исенгрим интуитивно понимал это. Иорвет был нужен Дол Блатанна и желательно с репутацией, не подмоченной интрижками с дхойне.

Из-за гор встало солнце, невидимое с этой стороны дворца. Вода, в которой отразилось

васильково-синее небо, замерцала вдали, за тенью от плато, слепяще-оранжевыми бликами. Я повернула голову — Иорвет сидел на постели и рассматривал меня. Потянулся за водой. Потом перебрался на край кровати и спустил ноги на пол. В горле стоял ком, я смотрела на него — голого и уязвимого, совершенно открытого, и не могла выдавить из себя ни слова.

— Говори, — тихо сказал он.

Заготовленные и не раз забракованные фразы застопорились в мозгу, как машины в пробке, и ни одна не годилась, чтобы быть первой. Отвернулась к умиротворяющему виду за окном, подышала.

— Я уйду, — наконец, сказала я, так и не придумав ничего лучше.

Иорвет встал, подобрал с пола штаны и рубашку.

— Сопряжение Сфер произошло, но местонахождение Эйльхарт до сих пор неизвестно. Нам лучше пока оставаться во дворце — начинается неделя тишины, и мне надо успеть убедить Исенгрима, — сказал он спокойно.

— Тебе лучше остаться во дворце, — подтвердила я, подчеркнув первое слово. — Мне — нет, я выезжаю сегодня к Рудным Кряжам, и оттуда Ида откроет мне портал к Филиппе.

— Я, мне? — переспросил Иорвет, и в его голос проникло раздражение. — Для контрзаклинания, если мне не изменяет память, нужны трое!

— Трое не нужны, нужна кровь троих. Погоди, я всё придумала! — заспешила я, пока не наступил взрыв. — Тебе не надо куда идти, ты нужен Дол Блатанна! А я тут как гадкий утёнок, который никогда не станет лебедем. Так будет лучше для всех!

— Я когда-нибудь нарушал клятву, Яна? — Иорвет понизил голос, и по выступившим на скулам алым пятнам было видно, что он едва сдерживал гнев.

Из всех возможных вариантов разговора я, похоже, выбрала самый дурацкий, и если бы в поле зрения была бутылка каэдвенской водки, я бы с удовольствием шарахнула себя ею по голове. И вместе с тем вопрос Иорвета неожиданно и красиво поставил всё на свои места. Он никогда не нарушал клятв, а значит не нарушит и той, в которой поклялся не иметь отношений с дхойне.

— Нет, никогда, — ответила я безнадёжно. — Ты обещал помочь с Филиппой и поможешь, дав мне с собой кровь.

— Не может быть и речи!

Прошагав к умывальнику в углу комнаты, он наполнил ладони водой и окатил лицо.

— Роза Шаэрраведда ушла к своему владельцу. Мы видели отблески Сопряжения Сфер, — сказал он, вернувшись и будто остыв. — У нас осталось совсем немного времени вдвоём, и ты уходишь именно сейчас. Что изменилось со вчерашней ночи, почему ты не можешь позволить мне быть рядом оставшееся время?

С волос капала вода, и он утёр лицо полой рубашки.

— Ты принадлежишь другому миру, Иорвет. Ты должен быть среди своих и не должен быть связан по рукам и ногам нашими не-отношениями. Не должен компрометировать себя перед эльфами связью со мной.

Он пристально и с горечью смотрел мне в глаза, и показалось, что на миг в его лице отразилось выражение острой, тщательно скрываемой боли, но губы сложились в усмешку.

— Это ведь не настоящая причина, почему ты уходишь, не так ли? — почти вкрадчиво спросил он.

Любая ложь начинается с умалчивания, так говорила Рея, и теперь настал тот момент, когда я должна была сказать ему правду. Больше шанса не будет.

— Это не причина, а повод, — ответила я и, не выдержав его взгляда, отвернулась к окну. Собралась с духом, посмотрела в лицо. — А причина есть и всегда была одна единственная — я хочу невозможного.

— Я знаю всё о том, чтобы хотеть невозможного, — сказал он. — Вопрос в том, чего именно.

— Я провалила наш договор, Йорвет. С самого начала провалила. Я никогда не ходила по грани, я всегда была далеко за ней, с самого начала... Я хочу сказку. Скверную сказку про любовь со счастливым концом.

Вот и всё, мосты сожжены, пути назад нет.

— Это невозможно, — тихо сказал он.

— Я знаю!

Его слова проткнули насквозь. Я знала, знала всегда, что хоть сколько-нибудь равноценная любовь между нами невозможна, но в глубине души надеялась на что-то. Что эльф переменит мнение? Нарушит клятву? Смешно.

— Почему сейчас? — повторил он.

— Потому что единственный способ слезть с наркотика — прекратить, — твёрдо ответила я.

— Вот как, наркотика?! — переспросил он, заводясь снова. — То, что мы пережили, ты сравниваешь с дозой фисштеха? Или, может, хотя бы афиума?

Каждое его слово гвоздём вбивалось в грудь, и я не понимала, за что он так, ведь я открылась ему.

— Неважно! Я сказала тебе всё, что могу, и даже больше того. Я уйду, и точка. Так будет лучше и для меня, и для тебя!

— Не надо решать за меня, что мне будет лучше! — в бешенстве воскликнул он.

— Хорошо, так будет лучше для меня! — выкрикнула я. — Теперь доволен?!

Лицо Йорвета вспыхнуло, он шагнул к окну, распахнул створку. Содрал с большого пальца зерриканское кольцо и, размахнувшись, вышвырнул в окно.

— Доволен, — глухо и яростно ответил он. — Как обычно, я невероятно доволен!

Он стремительно прошагал к двери, взялся за ручку и вдруг замер, полуразвернувшись ко мне:

— Поклянись, что решение уйти сегодня — твоё решение.

— Клянусь, — тихо ответила я.

— Будет тебе твоя кровь, — процедил он и с грохотом захлопнул за собой дверь.

У меня была цель, и поэтому сосредоточенно, с холодной головой и сухими глазами, на полную катушку используя не до конца восстановившееся чутьё, я перебегала от дверного проёма к проёму, от колонны к колонне. Большинство эльфов отсыпалось после бала, но немногочисленные жаворонки то и дело шастали по коридорам. Около зала с портретами мимо статуи, за которой я укрылась, стремительно пронёсся Йорвет. Видать, он запоздало осознал, что, хлопнув дверью, поставил меня, да и себя, в не слишком-то удобное положение — пробираться в бальном платье, рискуя попасться на глаза и вызвать закономерные вопросы, мне предстояло через полдворца. Однако я не шелохнулась и проводила его взглядом. Дверной грохот ещё стоял в ушах. Вышла из-за статуи, присела на повороте лестницы за столбом, увенчанным мраморным шаром. Охранники у парадной двери лениво переминались с ноги на ногу, но через несколько минут мне улыбнулась удача, и они, тихо переговариваясь, ушли в обход. Со всех ног я бросилась в зелёнокобальтовый коридор, потом в дубовопанельный, и незамеченная никем распахнула дверь в свою комнату.

От цели не отделяло больше ничего. Повалившись на кровать, я горько рыдала, оплакивая всё, что упустила: этот мир, мечту, которая увела далеко, но требовала платить по счетам. Оплакивала невозможные отношения, короткую свою жизнь, любовь. Рыдала, пока не иссякла, пока не кончились слёзы.

Пока равнодушное солнце поднималось над садом, я складывала вещи, умывалась и размышляла о ведьмачьей судьбе. Я сама выбрала её и вместе с бонусами в виде силы и чутья обязана нести и последствия. Ведьмаки — одиночки, как ни крути, а значит, в последний путь я должна уйти одна.

Когда я переоделась в походную одежду, постучалась Мона. Эльфийка вошла, окинула меня быстрым взглядом и, не говоря ни слова, прижала к груди, и я приютилась в её объятиях.

— Исенгрим вызвал меня, — произнесла она, не отпуская рук. — Сказал, что у тебя важное задание, и приказал срочно организовать твой отъезд.

— Да, я...

— Знаешь что? — Мона встряхнула меня за плечи и поглядела в лицо. — Я пойду с тобой. Мы с Роэлем пойдём.

Я покачала головой:

— Это задание для меня одной.

Мона уже по-хозяйски осматривала поклажу.

— Роэль пригонит твою лошадь, я пока соберу припасы в дорогу. До лагеря рукой подать.

— Мона, вам совсем не нужно...

— Доберёмся до лагеря, там решишь, — легкомысленно перебила она. — Нам в любом случае надо встретить Киарана, он должен прибыть со дня на день на коронацию.

— Разве что до лагеря, — пробормотала я, не сумев скрыть радость от того, что хотя бы часть пути проведу в компании.

— Вот и договорились, я пойду тогда, — улыбнулась Мона, понизила голос и сообщила заговорщицки: — А тебя ждёт Ида, и вид у неё такой, будто на завтрак ей подали жабу вместо икры!

Эльфийская чародейка и правда выглядела сбитой с толку, и непослушные огненные локоны выбивались из обычно гладкой причёски и сияли в пронизывающих библиотеку лучах утреннего солнца. Она встретила меня в дверях, будто знала, когда я приду, и молча повела между стеллажами. Пахло жжёной бумагой.

Около витрины с пророчеством Итлины она остановилась, вяло вскинула руку. Я смотрела на чёрный пепел, ещё сохранивший форму свитка, который лежал на подпаленном зелёном бархате под стеклом.

— Знаю, что тут не обошлось без ведьмака, — сказала Ида, и от её голоса мне стало не по себе. — Я чувствую это.

— Ты чувствуешь правильно, — ответила я. — Без ведьмака не обошлось, только этот ведьмак — не я.

Судя по её виду, оттягивать объяснение было опасно для жизни.

— Белый Хлад повержен, пророчество исполнилось, — быстро добавила я.

Ида схватила за руку, потащила в лабораторию. Усевшись в глубокое кресло, я рассказала про битву Геральта и Цири с Дикой Охотой, Сопряжение Сфер и портал к Белому Хладу, открытый Аваллак'хом.

— Ласточка... Старшая Кровь... — прошептала чародейка. — Энид ан Глеанна была права насчёт неё. Но мы не ушли за ней по Спирали, как пророчила Итлиня, мы остались здесь.

— Белый Хлад больше не угрожает этому миру, зачем вам уходить? — спросила я.

Ида не ответила. Встала, сняла с комода с ящичками шкатулку. Поднесла мне, открыла крышку. Внутри поблёскивал гранями пузырёк с тёмной жидкостью.

— Кровь Иорвета, — сказала она. — Я немного изменила свойства, не изменив структуры, и теперь она не испортится даже через век.

— Благодарю, — я протянула руку, взяла толстостенный ледяной пузырёк. — Ты нашла Филиппу?

Ида поморщилась.

— Пока тишина. Куда бы она ни отправилась со Скеллиге, она позаботилась, чтобы её след нельзя было обнаружить. Я продолжаю искать день и ночь, но мне нужна зацепка, чтобы хотя бы немного сузить территорию поиска.

Она смотрела сквозь меня, будто её мысли были в других временах и пространствах, возможно там, где была Цири. Я поднялась, поблагодарила её.

— Жду весточку, — отрешённо сказала чародейка, не повернув головы. — Я тебя найду.

Укрывшие внутренний двор пористые от старости плиты, между которыми проросла трава, отдавали скупое тепло. Я навесила на Тучу седельные сумки, рядом навьючивали лошадей Мона с Роэлем и ещё с десятков скоя'таэлей, которые собирались поохотиться в районе лагеря. Из дверей дворцовой конюшни, щурясь на солнце, вышла Верноссиэль, отыскала меня взглядом и подошла.

— Личный ведьмак Иорвета покидает нас? — игриво улыбаясь, спросила она.

— Ведьмаки — не чья-то собственность, — ответила я хмуро. — У меня появились свои дела.

— Ты шла за Иорветом, пока ему было нужно, а теперь, когда у тебя появились собственные дела, ты идёшь в одиночестве, — продолжая чему-то радоваться,

констатировала она.

Я досадливо отвернулась, притягивая ремешками к шлее клетку с белым толстым голубем.

— Так Иорвет устроен — всегда идёт к своей цели. Если ты не идёшь за ним, ты идёшь без него, — продолжила Верноссиэль, будто решила прочитать мне напоследок лекцию на тему Иорвета, и, помолчав, добавила мечтательно: — Хотела бы я снова оказаться в лесах, охотиться на дхойне... Всё лучше, чем болтаться здесь без дела.

Эльфийка потрепала Тучу по чёлке, а потом, наклонившись ко мне, положила руку на плечо и, будто закадычной подружке, сообщила на ухо:

— На руке Иорвета больше нет кольца, мой план работает.

— Удачи, — безучастно ответила я и вскочила в седло.

Мона дала команду отправляться.

Из города вела широкая мощёная дорога. Мы мчались по ней вдоль реки, потом свернули на грунтовку в сторону гор. Роца Гамадриад осталась в стороне, и, несмотря на немалый крюк по дорогам, на лошадях мы передвигались так быстро, что к обеду достигли лагеря у подножия Рудных Кряжей.

Скоя'таэли, присматривавшие за лагерем, успели построить у ручья мостки, сложили поленицы выше шатров, сколотили столы и лавки. Под одним из тентов стояли гружёные телеги из Вергена. Насколько я поняла со слов Моны, лагерь решили сделать временным перевалочным пунктом между Долиной Понтара и Дол Блатанна, и расторопные краснолюды поспешили за столбить места, чтобы первыми успеть заключить контракты с эльфами из Долины.

Несмотря на оживление, большинство шатров пустовало, и я заняла тот, в котором мы ночевали перед походом. Повесила гамак между шестью поближе к огню, натаскала дров. Мона с Роэлем устроились в шатре неподалёку.

Обедали за общим столом у костра, который успели превратить в каменный очаг, и слушали сплетни из Вергена. После дождей Понтар разлился и притопил лагерь, где была свадьба, а когда вода ушла, там остались вымытые из пещер трупы гнильцов. Утопцы, наоборот, расплодились. Делегация из Махакама отбыла на родину, а Брунимора, пользуясь связями, получила кредит из казны на открытие таверны.

— А что, Марго Д'Альбер ещё в Вергене? — спросила я у молчаливого краснолюда который сидел напротив.

Он недоумённо уставился на меня, потом склонился к уху соседа и зашептал что-то, тыча в мою сторону оттопыренным большим пальцем.

— Отбыла дама, — отрапортовал тот, когда понял, чего от него хотят. — Отчалила на трёх телегах от Махакамских Врат в неизвестном направлении.

Скоя'таэли собрались вокруг певца, который перебирал струны лютни и исполнял длинную заунывную балладу, а я вернулась в шатёр, где немного потеплело, и подбросила дров. Почему-то известие о том, что Марго уехала, расстроило меня, как будто ещё одна ниточка, связывающая с этим миром, оборвалась. Со дна седельной сумки я достала книгу в кожаном переплёте. «Когда гаснет огонь» называлась книга, и я читала, удобно устроившись в гамаке, и мне казалось, что пока я читаю, то Марго где-то рядом, и от этого становилось легче на душе.

После ужина, распрощавшись до утра с Моной, я прилепила свечу наверху стойки, к которой было привязано изголовье гамака, и продолжила читать. Снаружи от костра

доносились слова очередного скоя'таэльского блюза про то, как подруга ушла ранним утром, с бесконечно повторяющимся припевом:

*Жизнь трудна, а потом ты умираешь,
Жизнь — жестокая стерва, а потом ты умираешь,
Ты отдаешь ей любовь до последней капли, до самого дна, а потом ты умираешь.*

Чтобы понять, что произошло, не требовалось ни открывать глаз, ни использовать ведьмачье чутьё — холодный утренний воздух, в котором едва-едва чувствовался дымок тлеющего костра, был наполнен сладким и душистым ароматом сирени.

Конверт лежал у меня на груди — плотный с острыми уголками прямоугольник бумаги. Не распечатывая, я сунула его за пазуху и не спеша, оттягивая момент истины, прошла через спящий рассветный лагерь к ручью, умылась ледяной водой. Вернувшись, разожгла костёр, примостилась у огня. Мелкий и изящный почерк был мне незнаком, но очевидно, что это писала Йеннифер:

Несмотря на предупреждения о возможной засаде, объект направился в собственные владения — замок Монтекальво.

Снизу квадратным почерком Геральта было приписано:

Удачи на Пути

Оторвав пожелание Геральта и оставив только необходимую информацию от Йен, я аккуратно сложила надушенную записку и спрятала в крохотный мешочек. Голубь, который измучился сидеть в клетке, смотрел на меня с ненавистью и умудрился клюнуть до крови в палец, пока я неловко привязывала мешочек к его лапе. Однако, когда я вынесла его из шатра и подкинула в воздух, он не улетел, а вспорхнул на нижнюю ветку ближайшего дуба и долго чистил перья, с подозрением косясь на меня. Я плюнула, развернулась к шатру, и в тот же момент раздалось хлопанье крыльев, и белый голубь исчез среди голых крон.

Весточка была послана, но как и когда меня собиралась найти Ида, я не представляла, и поэтому с некоторыми сомнениями поддавалась на уговоры Моны прогуляться в глубь ущелья. «Стая эриний спустилась со скал и охотится на лошадей, — утверждала она, — пойдём, развеешься!» Когда же вместо толпы эриний мы нашли только пару заброшенных прошлогодних гнёзд, я уверилась в мысли, что Мона вытащила меня на прогулку с единственной целью не дать захандрить.

Вторую половину дня я провела с книгой Марго, валяясь в гамаке. К ночи при свете свечи перевернула последнюю страницу и снова плакала, но уже не так, как во дворце, а по-другому, не о себе — так плачут, когда оканчивается хорошая и большая история.

Утро не принесло вестей. Я изучила карту. Замок Монтекальво был обозначен крохотной точкой на западе Пустульских гор, разделяющих Реданию и Каэдвен, рядом был помечен пик — Лысая Гора. Всё-таки без помощи Иды не обойтись — до Редании быстрее чем за полмесяца мне было не добраться никак. Обогадившись знаниями, я маялась и слонялась по лагерю в ожидании ответа из дворца, и в конце концов сама напросилась в

компанию к Моне и Роэлю, которые решили прогуляться на лошадях вниз по ручью и встретить Киарана.

Было свежо, и, несмотря на поднимавшееся над горами солнце, по берегам под буреломом трава была покрыта утренней изморозью. Ручей журчал по камням, а над морщинистыми бесснежными склонами в яркой густой синеве кружили коршуны. Я беспокоилась о судьбе толстого белого голубя — додумался ли он обогнуть кряжи или полетел напрямик, когда Роэль остановил коня.

— Идут, — сказал он, проводив взглядом стаю вспорхнувших над лесом птиц.

Первым послышался цокот копыт по галечному дну, а потом из-за поворота ручья показался отряд в пару десятков скоя'таэлей. Впереди на караковом жеребце ехал Киаран и, судя по всему, рассказывал анекдоты, потому что эльфийки по обе стороны от него, бросив поводья, покатывались со смеху.

Завидев нас, Киаран приветственно вскинул руку, а потом взгляд его устремился за наши спины, и, широко улыбаясь, он привстал на стремянах и замахал обеими руками.

Обернувшись, я увидела мелькнувшего за излучиной всадника на белоснежном коне, который приближался по ручью со стороны лагеря.

— Вот и встречай их после этого, — проворчал Роэль, когда Киаран с отрядом проскакали мимо нас.

Не слезая с лошадей, Иорвет с Киараном обнялись.

— Ты что, не мог потерпеть полдня, брат? — услышали мы, когда подъехали поближе. — К вечеру мы бы и сами добрались до Серебряных Башен, но я рад тебя видеть.

Иорвет похлопал Киарана по спине.

— Ты удивишься, но так оно и есть — больше терпеть я не мог, — ответил он.

Бок о бок они поехали во главе отряда. Мона что-то тихо и возбуждённо шептала мне, но я не слышала. Какого чёрта здесь делает Иорвет? Если он здесь, то зачем Исенгриму была нужна клоунада с моим отъездом? Дающее решимость идти одной до конца, старательно возвращаемое, как чахлый росток, ощущение великого и одинокого ведьмачьего подвига, который я совершала ради Иорвета, разрушилось в дым, и теперь я только и могла, что в прострации сверлить взглядом его спину.

Когда шатры лагеря показались между деревьями, Иорвет приотстал от Киарана, пропустив вперёд скоя'таэлей. Мона с Роэлем пришпорили лошадей, и Туча с Бинки пошли бок о бок позади отряда. Я молчала, растеряв все слова. Иорвет потянулся с седла, перехватил поводья Тучи, и лошади остановились.

— Эйльхарт нет в Монтекальво, — сказал он.

— Письмо... — начала я.

— Ида получила его, настроила свои волшебные зеркала на Монтекальво и засекала след Филиппы, которая покинула замок, — перебил Иорвет. — Она обещала прибыть сюда в лагерь, как только узнает что-нибудь конкретное.

— Хорошо, — сказала я, старательно рассматривая гриву Тучи.

Иорвет помолчал, так и не отпустив повод моей лошади.

— Отдай кровь, — тихо сказал он.

Невольно я прижала руку к груди, где во внутреннем кармане куртки был спрятан пузырьрёк, и непонимающе уставилась Иорвету в сосредоточенное нахмуренное лицо. Отдать мой билет отсюда?

— Вот ещё! — воскликнула я.

— По-моему, ты не поняла того, что я пытаюсь сказать, — проговорил он, глядя мне в глаза. — Я пойду с тобой, как и обещал.

— Ты не можешь идти со мной, ты должен быть рядом с Исенгримом!

Иорвет усмехнулся.

— Я сообщил Исенгриму о своём решении. В Дол Блатанна я сделал всё, что мог, и теперь на время уйду в тень. Без меня эльфы договорятся быстрее.

Иорвет улыбался краешками губ и по всей видимости считал, что я должна прыгать от радости до небес, я же взбесилась так, что из-за нехватки воздуха не могла выговорить ни слова. Дурацкое объяснение в любви, расставание, два дня жизни с ощущением, будто я была раздавленной лягушкой, и ради чего? Чтобы Иорвет пошёл со мной, как это и планировалось с самого начала?

— Верни мне кровь, — повторил он.

Я одёрнула предательницу Тучу, которая нежно тёрлась мордой о шею Бинки.

— Кровь останется у меня, — воздух вернулся в лёгкие, и я жалела только о том, что рядом не было Исенгрима, чтобы высказать ему всё, что я о нём думаю. — У меня нет желания ждать очередной перемены эльфийских настроений.

— Что значит «эльфийских»?! — мгновенно рассвирепел Иорвет и притянул морду Тучи, намотав повод на кулак. — Может, мне стоит забрать мою собственную кровь силой?

— Попробуй! — зло ответила я.

Покачав головой, Иорвет отпустил повод, подал Бинки на пару шагов назад.

— Ты прошла со мной от начала и до конца. Не понимаю, почему ты вообще решила, что я не способен выполнить свою часть договора.

— Не понимаю, чем пузырьёк с кровью у меня в кармане мешает тебе выполнять свою часть договора!

— Тем, что у тебя больше не будет возможности передумать и сбежать, чтобы искать Эйльхарт самостоятельно! — воскликнул он.

Из лагеря доносились голоса скоя'таэлей, приветствующих отряд Киарана. Лошади шагом шли рядом, и я смотрела, как на камешках на дне ручья играют солнечные блики. Мысли, наконец, отцепились от собственных страданий и обратились к Иорвету, который знать не знал об ультиматуме, поставленном мне Исенгримом. Очевидно, что моё неожиданное решение уйти должно было показаться ему полной блажью. Если бы я не подчинилась приказу Исенгрима, если бы не глупая ссора, мы остались бы вместе, и Иорвет был бы рядом со мной всё то время, что осталось. Я искоса глянула на него — он и был рядом, несмотря ни на что. Вздохнула. Расстегнув верхний ремешок куртки, достала пузырьёк и протянула ему.

Иорвет кивнул, спрятал кровь в сумку, притороченную к седлу.

— Ждём Иду, — сказал он, пришпорил Бинки и, не оглядываясь, поскакал к лагерю.

Я смотрела ему вслед. Даже если мы и были рядом, но, очевидно, не вместе.

С Иорветом прибыло несколько долблатанцев, которые расселись на лавках вокруг стола, а вергенские торговцы, подкатив поближе телеги, показывали товар. Один из краснолюдов бухнул на стол мешок, развязал и, зачерпывая мощной ручищей зерно и любовно пропуская между пальцев, расхваливал его чистоту и цвет.

К дубу около моего шатра была привязана рассёдланная лошадь. У её копыт лежали сумки, а сверху — лук в чехле и полный колчан. Мне даже не нужно было заходить внутрь,

чтобы догадаться, кем была новая соседка — Иорвет был здесь, значит и Верноссиэль околачивалась неподалёку.

Эльфийка сидела, согнувшись, у очага, и, подойдя ближе, я увидела, что она держала на коленях книгу.

— Взяла у тебя в гамаке, — сказала она, подняв голову. — Интересная?

Я метнула взгляд на свою сумку — она казалась нетронутой.

— Очень. Про любовь, которая закончилась, — ответила я.

— То, что надо, — Верноссиэль криво улыбнулась.

В голосе её не было ни радости, ни бравады.

— Можешь взять, я уже прочитала, — сказала я.

Она медленно и как будто в нерешительности провела пальцами по странице.

— Эта книга о дхойне... Но любовь же у нас и у вас одинаковая? — задумчиво спросила она.

— Не знаю.

Я ушла к гамаку и, расстегнув перевязь с мечами, сняла пояс с эликсирами.

— Думаю, что одинаковая, — Верноссиэль поднялась, кивнула мне, показывая на книгу. — В походе пригодится.

Я ничего не ответила, а она переминалась с ноги на ногу, глядя на меня, будто ей необходимо было выговориться.

— С Иорветом ничего не вышло, прошлое не вернуть, — тихо сказала она и вскинула голову: — Ещё пытался запретить мне ехать сюда за ним, ха! Я сама себе хозяйка! Душно мне в Дол Блатанна. Доберусь до Вергена, а там — вниз по Понтару...

— Охотиться на дхойне? — спросила я.

Верноссиэль неожиданно рассмеялась, и на её щеках появились ямочки.

— Если попадутся, им же хуже! Я хочу найти каждого скоя'таэля в Темерии и Редании, который ещё не знает о том, что у него появился новый дом, и привести сюда! А куда идёшь ты? Может быть, нам по пути?

Она присела, выставив вперёд ногу, чтобы перевязать сползшие голубые ленты, охватывающие мягкое голенище сапога, и вопросительно смотрела мне в лицо.

— Нет, — покачав головой, ответила я. — Нам точно не по пути.

Ида появилась после полудня, когда все сидели за столами и гоняли чай. Кутаясь в тёмно-зелёный плащ, она вышла из незанятой палатки как ни в чём не бывало, будто жила там, и остановилась у входа. Я вскочила с лавки, с противоположного конца стола поднялся Иорвет.

— Дела плохи, — быстро сказала чародейка, заведя нас за шатры к пустующему столу. — В Монтекальво Филиппу ждали. Я засекала след, который довёл до Ринды, потом по Понтару до Хиппиры...

Ида откинула капюшон. Её лицо было бледным, а и без того большие глаза казались огромными.

— Она сняла защиту от поиска, но через двумерит не смогла докричаться ни до кого из нас. Если бы я не шла по следу, её бы не услышал никто.

— Двумерит? — переспросила я. — Филиппу схватили?

Ида достала из складок плаща свёрнутую в трубку карту, расправила на столе.

— Да, она рассказала. Жрец Церкви Вечного Огня Виллимер. Раньше служил в Вызим

— один из тех фанатиков, что возглавили охоту на ведьм. После смерти Фольгеста переметнулся под крыло Иерарха Хеммельфарта, который пожаловал ему отряд Охотников за Колдуньями и полуразрушенный замок на юге от Оксенфурта.

Тонким пальцем Ида провела по испещрённому горизонтальными чёрточками участку карты ниже Понтара до точки на одном из островов посреди прихотливой формы озера, соприкасающегося с болотами.

— Велен... — произнёс Иорвет странным сдавленным голосом.

— Они везут Филиппу к себе в замок, — Ида свернула карту и практически впихнула её Иорвету в руки. — Я никогда не была в друзьях с Филиппой Эйльхарт, но ни одна чародейка не заслуживает того, что скоро сделают с ней.

Иорвет усмехнулся.

— Не уверен, что Эйльхарт этого не заслуживает.

— Она нужна нам живой, — возразила я.

— По всей видимости, живой она нужна только вам, — тихо сказала Ида. — Я не смогла убедить никого из наших помочь ей. Вам надо спешить...

Отправляться решили немедленно, и я бросилась в шатёр перепаковать вещи в сумке. Ида наотрез отказалась переправлять нас через портал вместе с лошадьми, и поэтому предстояло выбрать только самое необходимое. Потом попрощалась с Тучей, погладила в последний раз ласковую серую морду и отвела её, нагруженную седельными сумками со всеми моими пожитками, к Моне. Эльфийка, выслушав меня, бросилась на шею.

— Я не возьму твою лошадь, а отведу в Верген, — сказала она, и в глазах её стояли слёзы. — Она будет тебя там ждать. И я буду. Иорвет вернулся и всё будет хорошо, я знаю!

Сам Иорвет прощался с Киараном. Лук в чёрно-красном сайдаке был за его плечами, у ног лежала сумка. Я подошла.

— Ты так прощаешься, брат, будто навсегда, — улыбнувшись, сказал Киаран. Они обнялись.

Ида, которая осталась ждать на другом конце лагеря, показалась между шатров и нетерпеливо вскинула руки. Хмуро переглянувшись, мы с Иорветом взвалили сумки на плечи. Я быстро отвернулась и зашагала вперёд к чародейке, не ожидая его, чтобы скрыть неожиданный, рвущийся откуда-то из самого нутра восторг — от того, что снова он и я, вместе, шли в неизвестность. На краю поляны оглянулась: Мона прикладывала пальцы к губам и посылала воздушные поцелуи, а у шатра застыла, приоткрыв рот, Верноссиэль, которая неотрывно смотрела в спину Иорвету и, кажется, всё поняла, потому что я уходила, а он уходил вслед за мной.

Портал исчез за спинами. Мы ступили на землю, просвечивающую чёрным сквозь набухший водой снег, который укрывал лес, как рваная простыня. Снег лежал и на голых рахитичных деревьях, но подтаивал, и с веток капало.

— Чёртовы чародейки! — с выражением произнёс Иорвет, оглядываясь. — Почему нельзя просто взять и поставить портал ровно в то место, куда надо?

Вверх по пологому склону лес сгущался грязными пятнами на серо-белом фоне снега и неба. Воздух был прозрачен, напоен влагой и запахом сырых перепрелых листьев. Иорвет достал карту и компас Хонзы, выжидательно посмотрел на меня. Чутьё не подсказывало ничего конкретного, однако хотелось идти вниз по склону — легче, да и казалось, что деревья там стояли реже.

— Туда, — махнула я.

— На запад, — угрюмо кивнул Иорвет, сверяясь с картой. Убрал вещи в сумку. — Где мы — неизвестно, и единственное, в чём я уверен, что это Велен.

Он зашагал вперёд, оставляя на снегу следы, которые тут же наполнялись водой. Лес и правда поредел, расступился вокруг оврагов. Я поскальзывалась на склонах и торопилась за Иорветом. Похоже было, что он, как и Геральт, когда вёл меня в Верген, очень хотел побыстрее расквитаться с этим делом.

Скоро мы вышли на раскисшую от грязи тропу, которая чёрной змеёй ползла через прикрытый снегом лес. В стороне из тёмных проталин, заполненных водой, торчали жёлтые пучки травы. Тропа вывела к развилке с покосившимся деревянным указателем.

— Тракт Кимбольта, — разобрал Иорвет надпись и вновь склонился над картой.

Основная тропа уходила вправо в такой же лес, как мы только что шли, левая же тропинка, пунктиром появлявшаяся из-под снега, вела в болота.

— Нам налево, — обречённо сказала я.

— Тут рядом деревня, — кивнул Иорвет, убрал карту и вытянул из сумки нечто, что я сначала приняла за тушку лохматого животного. — Дай огня.

Он встряхнул это нечто, расправились кучерявистые тёмные волосы, и поднёс к моей ладони, на которой я зажгла Игни, матерчатый изнаночный край.

— Серьёзно?! — воскликнула я и расхохоталась. — Борода?

Обмазанный клеем край парика заблестел, Иорвет аккуратно приложил его к лицу и надменно, не спрашивая о помощи, начал разглаживать по щекам. Вид у него был до того оскорблённый не то моей реакцией, не то обретением презренной растительности на лице, что я смеялась и не могла остановиться.

— У тебя есть идея получше, как скрыть тот факт, что я эльф? — ядовито спросил он и занялся перевязыванием банданы так, чтобы спрятать кончики ушей.

— Нет, но от этого не становится менее смешно!

Было очень странно видеть знакомую горбинку на носу и возмущённо сверкающий зелёный глаз на чужом чернобородом лице и, подумав, я добавила то, что раньше, не открыв карты, не могла бы сказать:

— Как жаль, что на тебе не было бороды, когда я впервые тебя увидела. Сейчас всё было бы гораздо проще.

Теперь всё равно, теперь уж можно.

Иорвет секунду сверлил меня взглядом.

— Мне тоже жаль, что на тебе не было бороды, — отчеканил он.

Молча мы пошлёпали по тропе. С посеревшего неба редко сыпались тяжёлые мокрые снежинки. Вскоре в воздухе почувствовался запах печного дымка, а потом на пригорке показались ветхие крыши. «КОЗОЛУПЫ» — гласила надпись на прогнившем деревянном щите.

— Дороги через болота нет, — сказал Иорвет, разглядывая карту. — Но я уверен, что местные знают пути. Хорошо бы найти проводника, и к вечеру мы будем у озера.

— Нам нужна легенда, кто мы такие. Со мной всё понятно, а вот твой видок зерриканского чародея вызовет подозрения.

— Никаких зерриканских чародеев! — Иорвет задумался. — Лекарь?

— Лекарь? — снова рассмеялась я. — Ты своё лицо видел?

— И что? Специалист по...

— Ампутациям.

Иорвет выругался.

— Придумаем что-нибудь.

Из-за частокола, торчащего словно гнилые зубы, тоскливо и с подвываниями забрехал пёс. Но никто, даже он, не встретил нас за воротами. Людей я чуяла, но они прятались по крытым старой соломой приземистым избам. В ближайшей с глухим стуком захлопнулись ставни на крохотном, в два бревна, окне. По дорожке из втоптаных в грязь досок мы шли к избе, из трубы которой курился дым. Взявшись за деревянную дверную ручку, Иорвет задержался, и я проследила за его взглядом — за поломанной, вросшей в землю телегой в беспорядке валялись бочки, и над ними с ветки коренастого дерева свисал кусок верёвки. Иорвет постучал и отворил скрипучую дверь.

С лавки вскочил босоногий мужик в вытертом жилете из овчины, бросился к ухвату у печи, да так и не поднял, тревожно рыская взглядом по нашему оружию.

— Дак оне брякали, — флегматично отозвалась согнутая старуха, которую я поначалу не заметила за углом почерневшей печи. — Те-то не брякают, лягут дверину и тащи им. А деног-то нема.

Она издала странный звук, будто хихикнула.

— Нету ничего, милсдари! — жалобно заскулил мужик.

Лицо его под седовой шевелюрой, ровно огибающей лысую макушку, было бугристым, одутловатым.

— Нам вашего ничего не нужно, — сказал Иорвет. — Только поговорить.

Мужик с облегчением вытер руки о штаны, пузырями выглядывающие из-под длинной серой рубахи.

— Спрос нонче не здарма, — сориентировалась старуха.

— Договоримся, — сурово кивнул Иорвет и огладил бороду.

— Не распознал, милсдарь, за рогач прощенья просим, ходят всякие... В Козолупах я старостой, — засуетился мужик и, низко кланяясь, приглашающе показал на длинную лавку у стола. — Подите, посидите с дороги. Угощенья только вот...

Он развёл руками, и в этот момент входная дверь приоткрылась, и заглянула укутанная в платок женщина. Староста тут же подскочил, что-то зашептал гневно, пытаясь закрыть дверь, но женщина успела сунуть ему в руки через порог свёрток, по форме напоминающий бутылку.

— До бражки охоч, пьянюжка, — пожаловалась старуха, кивнув в сторону старосты, который понёс свёрток в заднюю часть избы. — Только нема больше браги, всё давечь стягнули.

Она сидела скрючившись, и, примостившись рядом на лавку у стены, я увидела, что на коленях она прятала миску с водой, в которой размачивала засохшую хлебную корку.

— А сами важные, в клобуках, — старуха подняла узловатые ладони чуть над головой и сложила домиком, — а туда же, брагу у бедных людёв тащат.

Иорвет, который нетерпеливо мерил шагами избы, наострил уши.

— В клобуках? — переспросил он.

— Таких вот, что вёдра, — старуха снова с готовностью заводила у седой головы руками. — Всю избы обнесли, и брагу...

— Избу другие обнесли, мать, ещё в подзим, — сказал вернувшийся староста. — А эти господа с острова, чтоб им зады расщеперило — коз увели, хряка последнего да вот Луцку...

— Уж не с того ли острова эти господа, что на озере через болота? — заинтересованно спросил Иорвет.

— А вам что, милсдарь? — с подозрением спросил староста.

Иорвет снова важно огладил бороду, словно жил с ней всю жизнь, а потом, усевшись на лавку напротив меня, невзначай похлопал по мешочку на поясе. Звякнули медяки.

— Спрос, говорят, нынче денег стоит, — он кивнул на старуху, — а мне нужны сведения.

Староста услужливо поклонился.

— Те господа в клобуках с замка на острове — охотники за колдуньями?

— Да вы сами всё знаете, милсдарь, — заволновался староста.

— Расскажи мне про них. Когда они здесь были, что от вас хотели, как прошли через болота.

Староста обошёл стол и уселся на лавку рядом со мной.

— Уж дней десять назад пришли, ещё морозило. Как первый зазимок выпал, лёд схватился даже на топинах, дак хоть на лошади можно было пройти. Это сейчас дряпня — не то снег, не то дождь. Мокропогодица, — староста охватил руками голову, облокотился на стол. — Семеро пришли...

— С мертвяком недоетым, — невнятно добавила старуха, посасывая размокшую корку.

— Одного по дороге задрали, — кивнул староста. — Одна евойная голова, как бы сказать, и осталась, нам за неё спрос и предъявили.

— Кто задрал? — уточнила я.

Он обернулся на меня, замялся.

— Говори, — сказал Иорвет.

Староста запустил пятерни в редкую шевелюру, почесал голову.

— Да мало ли гадья на болотняке водится, — ответил уклончиво.

— Дальше, — потребовал Иорвет, а я, выпучив глаза, так и продолжала смотреть на старосту, на его взлохматившиеся волосы, за которыми стало видно ухо. Вернее стало видно место, где когда-то была ушная раковина, а теперь остались лишь зарубцевавшиеся вокруг слухового прохода ткани.

— Мы по избам засели, двери на запирки закрыли, да им что. Сказали — не выйдем из изб, попалят все Козолупы. Сказали, что ведьма ихнего братана умертвила.

Я изо всех сил моргала Иорвету, скашивая глаза на ухо старосты, но оно снова скрылось

под волосами.

— Добрая знатуха Луцка была. У моей дочи меньшая доча гнилая была, всё болела. Луцка её выправила. И мне травы варила, дак дёсны не кровили, — меланхолично сказала старуха.

— Повесили нашу Луцку на дереве — тут же, за домом, — мрачно сказал староста. — Дескать она и есть ведьма. В оплату за мертвяка того коз забрали...

— И хряка, — дополнила старуха.

Иорвет отстегнул мешочек от пояса и высыпал на стол несколько монет. Похоже было, что денег в деревне не видели давно, потому что старуха со старостой невольно подались вперёд.

— Нам нужно пройти через болота и выйти на озеро поближе к острову, — сказал Иорвет.

— К самим Охотникам? — ахнул староста, провожая глазами исчезающий мешочек с монетами. — Зачем же, милсдарь?

— Спрос денег стоит, — Иорвет кивнул на медяки на столе. — Покупаешь?

— Нам без дела, чего оне тут шлюндают, — быстро сказала старуха, пресекая любопытство старосты на корню.

— И правда, не нашего ума дело, — согласился тот. — Только прохода через болота нет, никак неможно.

Иорвет прищурился, и староста под его взглядом втянул голову в плечи.

— Через тракт на Охсенфурт пойдёте до Бенькового, оттуда через Сворки и до Залипья. Там уж дорога добрая. Охотники так назад и пошли, а их семеро было...

— И мертвяк, — добавила старуха.

— Нам нужно напрямик, — Иорвет мельком глянул на меня, и я сложила под столом пальцы для Аксия, ожидая его знака.

— Заблудите, затопнете! — почти закричал староста и затряс головой. — Никак нельзя напрямик!

Дверь распахнулась, и в тот миг, когда я почти выпустила Аксий, староста вскочил из-за стола.

— Знаешь же, поганец, что нечего мне тебе дать — ни кусочка, ни шкалика! — заголосила женщина, уже другая. — У ней-то четверо, один помрёт и нехай — ещё нарожает, у ней муж есть! А моя кровиночка...

— Решу без тебя, чьего выбрать, — пыхтел староста и выпихивал женщину из избы.

За ними захлопнулась дверь, и снаружи послышалась ругань.

— Вот долба, даром, что староста, — тихо сказала старуха, болтая скрюченным пальцем в пустой миске и нащупывая крошки. — Хозяйкам-то любой живот сгодится, не только дите.

В избе было натоплено, но спину захолодило, будто за шиворот сыпанули снега.

— А что, бабушка, нам из-за Хозяек через болота нельзя? — осторожно спросила я, придвинувшись к старухе.

Та не ответила и смотрела перед собой мутным взглядом, словно бы несколько минут назад не ловила каждое слово на лету. Потянувшись к сумке, я достала свёрток с лепёшками, взятыми из лагеря, и протянула ей.

— А есть путь через болота, бабушка?

Она цапнула свёрток так стремительно, что я отшатнулась.

— Чего б не быть, гать лежит. Хозяйкам дары носили, а как перестали, беда одна. Дак

выбираем гостинчик.

Староста, отдуваясь, зашёл в избу, и старуха молниеносно сунула лепёшки за пазуху.

— Без ума баба, ничего не объяснишь! — он захлопнул дверь.

— Есть путь напрямик, — веско сказал Иорвет, кивнул на старуху и вновь достал кошель.

— Хозяйкам-то любой живот сойдёт, — повторила та. — И бабам радость.

Староста долго смотрел ей в лицо, явно соображая что-то, медленно осел на лавку.

— И правда, так-то оно лучше выйдет, — проговорил он и неожиданно расплылся в подобострастной улыбке. — Но деньги вперёд!

Провожать нас вышло полдеревни. Старуха на прощание намекала, чтобы мы оставили у неё вещи, она-де убережёт и позаботится, отчего нехорошее предчувствие, что нас отправляли в один конец, только крепло. Среди жителей я заметила нескольких детей. Обняв за плечи, матери прижимали их к животам и смотрели нам вслед с надеждой.

Гать начиналась за спутанными, как колючая проволока, кустами. Староста провёл по опушке заболоченного леса за деревней, потом след в след за ним мы пересекли кочковатое круглое болото. Без проводника притопленные доски гати мы не нашли бы нипочём.

— Вы эта... Хозяйкам не перечьте, идите туда, куда скажут, а они уж напрямиком к озеру вас выведут, не сумлевайтесь, — сказал староста на прощание.

— Врёт, как дышит, — я смотрела на удаляющуюся спину нашего проводника. Он перепрыгивал с кочки на кочку, как кузнечик. — Может и правда надо было идти в обход.

— Надо было, если бы не время. Нам повезёт, если охотники ещё не довели Эйльхарт до замка.

Иорвет с силой почесал волосатые щёки, подумал и, оглядевшись по сторонам, оторвал с лица бороду.

— Наконец-то! — с облегчением выдохнул он. — Но с бородой и легенда не понадобилась. На что ты показывала мне в избе?

Он осторожно направился по доске. Я шла за ним и рассказывала про отрезанное ухо старосты и всё, что знала о трёх ведьмах — Хозяйках Леса. Про то, как жители окрестных деревень поклонялись им и приносили кровавые дары взамен на защиту.

— И детей? — с отвращением в голосе спросил Иорвет.

— Особенно детей, — подтвердила я. — Ведьмы держали их у себя, раскармливали и...

— Хватит, — оборвал он.

Доски нахлестом продолжали одна другую и под нашим весом порой уходили по щиколотку под воду в мягкую бурую траву. Снега на болотах не было, деревья стояли худые, с обломанными верхушками. Местами гать заканчивалась на пригорках, но неизменно появлялась на трясинах. Через некоторое время я начала мёрзнуть и перестала чувствовать пальцы ног в полных ледяной воды сапогах. Однако больше, чем переохлаждение, меня тревожила полная безжизненность этих мест, полная тишина. По чавкающим и хлюпающим доскам среди залитой пожухлой травы мы шли и шли, шли и шли, и я фокусировалась на спине Иорвета, чтобы не впасть в стылую болотную летаргию.

На пяточке твёрдой суши Иорвет остановился, снял с плеча сумку. Из упругих моховых кочек проступали рубиновые капли полупрозрачной клюквы. Впереди расстилалась обширная топь без единого дерева, и только вдалеке, затянутая туманом, виднелась кромка леса.

— Посмотри на это, — тихо сказал Иорвет и протянул компас. — В деревне она так себя не вела.

Дрожащая стрелка неуверенно рыскала в поисках севера. Задерживалась на одном месте, потом, будто передумав, прокручивалась и пробовала другое направление. Я села, опёршись спиной о дерево, прикрыла глаза.

— Ничего не чувствую, кроме какой-то тоски.

Иорвет усмехнулся:

— Тоску и я чувствую.

Достал из сумки лепёшки, протянул мне пару и уселся по другую сторону того же дерева.

— Когда-то я был в Велене, — сказал он.

— Помню, ты рассказывал в лесу аминорнов, — ответила я.

— С тех пор Велен лучше не стал, — сказал он, и мы молча принялись за еду.

Туман у опушки приближался, деревья проступали сквозь него костлявыми изломанными чудищами. Иорвет вытянул из ножен меч, замедлил шаг.

— Там что-то виднеется на тропе, — сказал он.

Гать привела на окутанный белесыми парами пригорок у кромки леса. Путь преграждал заляпанный птичьим помётом весь в бурых потёках валун. На боку, обращённом к нам, виднелась надпись:

Налево сам иди

Направо дар веди

За валуном снова становилось топко, и влево и вправо расходились дощатые тропы. Ниже надписи из-под нарощего мха выглядывали буквы. Я соскребла мох перчаткой:

За проход болот плата — живот

— Лишних животных у нас нет, пойдём налево, — сказала я.

Иорвет задумчиво пощипывал подбородок, разглядывая камень.

— Нас из деревни дарами и отправили, — сказал он. — А Охотники так или иначе заплатили за путь через болота одной жизнью.

— И что? Не идти же нам напрямик к ведьмам! Этому камню тысяча лет, да и есть шанс, что Цири убила двух сестёр из трёх, — заспорила я. — Наверняка эта надпись уже неактуальна.

Иорвет прошёл несколько шагов по правой тропинке к ближайшему дереву, и я ринулась за ним, чтобы не разделяться у этого жуткого камня ни на шаг.

— Я так не думаю, — сказал он и поднял руку.

С ветки на верёвке свисал поблёскивающий свежей глазурью пряник.

— И поэтому мы, конечно, пойдём налево, — добавил он.

Медальон завибрировал в тот момент, когда в густом тумане мы ступили на левую дорожку. Поначалу было тихо. Потом впереди шлёпнуло, и по воде, едва покрывающей болотную хлябь, пошли круги. На гать плеснула волна, доска зашаталась, и вслед за гребнем из трясины показался лоснящийся синюшный залив.

— Смотри с тыла! — крикнул Иорвет, взмахнув мечом, и голова утопца улетела в сторону.

Сзади уже подбирались. Болото вскипело. Я бахнула Аардом, перекладины гати разлетелись в стороны, и мы едва успели перебежать на следующие. Утопцев была тьма — вереща, они пытались хлестнуть когтями по сапогам, бросались под ноги, толпой залезали на тонущие доски. Спиной вперёд я пятилась за Иорветом, вокруг летали ошмётки синеватой плоти, а утопцы всё не кончались. Гать развалилась, по пояс мы погрузились в трясину, и шаг за шагом продолжали продвигаться в визжащем тумане.

Вскоре под ногами вместо зыбкого нестабильного дна нашупалась твердь. Сил как будто сразу прибавилось, и когда мы выбрались на землю, на которой из тумана вырастали деревья, волна утопцев, наконец, схлынула, и последние трупы мы спихнули в воду.

— Кажется, получилось, — отдуваясь и прижимая к груди трепещущий медальон, сказала я.

Иорвет уже шёл к деревьям, между которыми темнел в тумане бугор. Мы подошли — бугор оказался уже знакомым нам валуном, тем же самым или другим, но точно такой же формы и с точно такой же надписью на боку. Влево от него уходила в болота гать, вправо между деревьями вилась тропинка, увешанная пряниками.

— Ходим по кругу, как в лесу аминорнов, — огорошенно проговорила я.

— Только здесь сказками не отделаешься, — мрачно сказал Иорвет и огляделся. — И мы не ходим по кругу — место другое. Надо попытаться пробиться дальше.

Приготовив мечи, мы вновь отправились по левой тропе. В этот раз к утопцам присоединились туманники. Топи стали опаснее — ничего не стоило провалиться по грудь и барахтаться во взбаламученном иле, выдирая из вязкого дна ноги и одновременно цепляясь за ненадёжные доски. Чудовищ было столько, что невозможно, совершенно невысказанно было представить, что все они жили тут, на болотах. Казалось, что эти орды появлялись из ниоткуда, лишь бы не дать нам пройти.

Третий камень появился в сумерках. Я уже еле-еле волочила ноги. Надпись осталась неизменной. Иорвет достал из сумки фляжку.

— Зелье Иды, — сказал он. — Попробуем пробиться налево по изнанке, потом восстановим силу.

Мы соприкоснулись ладонями. В магической черноте светилась тропа, а из тумана, горестно вздыхая, вырастали головы с пустыми глазницами. Цепкие руки пытались поймать нас и утянуть под воду. От серебряного меча Аэлирэнн они пшикали дымком, распадались и тут же вырастали заново. Мы бежали. По трясине, как по льду, летел мой волк, клацающая зубами и отрывая туманные руки от своей шкуры. К моменту, когда магия рассеялась, мы добежали до лесной опушки и до четвёртого камня. В изнеможении привалились к нему спинами. Иорвет протянул заряженную Идой воду.

— Зелья едва ли хватит на ещё одну попытку, — сказала я, наблюдая, как белеет знак на ладони.

— Оставим её на утро, — Иорвет сделал глоток, поболтал флягой в воздухе, прислушиваясь к плеску на дне, и убрал в сумку.

Небо было чёрным и беспросветным, с болот доносилось невнятное бормотание и уханье. Вставать с камня не хотелось.

— А ведь ты тоже мог бы стать ведьмаком, — задумчиво сказала я. — Получить силу...

Иорвет тихо рассмеялся.

— У меня другой путь, — ответил он.

Не отходя далеко, мы наломали веток, за валуном со стороны леса разожгли костёр, чтобы его не было видно с болот. Поужинали остатком лепёшек и сыром. Насквозь мокрая одежда постепенно остывала. Мы разделись до рубах, чтобы обсохнуть у огня, но несмотря на то, что я практически сидела в костре, меня трясло от холода. Иорвет грел руки и, казалось, о чём-то сосредоточенно думал — между нахмуренными бровями залегла морщина.

— Я подежурю, — сказал он, глядя на пламя. — К утру разбужу смениться.

Медвежья шкура оказалась подмоченной только снаружи. Я уселась на неё, устроившись между костром и валуном.

— Спи, — Иорвет мельком глянул на меня.

Я приоткрыла край шкуры, приглашающе похлопала рядом.

— Клянусь, будет без рук, — я демонстративно сунула ладони под мышки. — Просто посиди со мной.

Не отвечая, он долго смотрел на огонь, и всё у меня внутри упало, обвалилось, и стало стыдно за свои слова. Сложив руки на колени, я уткнулась в них подбородком, а Иорвет встал, высоко потянулся, сцепив ладони над головой, хрустнул суставами и через миг уже сидел рядом на шкуре.

Мы набросили её на спины, тесно прижались. Молчали и тянули руки к огню. Кажется, я заснула и совершенно нечаянно привалилась к плечу Иорвета, а потом, кажется, он уложил меня и накрыл шкурой с головой. Мне снилось, что я в душно натопленной избе, лицо пылало, а какие-то дети играли на полу, повторяя закольцованную считалочку, и смеялись злыми голосами.

Проснувшись я с тяжёлой головой от собственного кашля, который отдавал болью в груди. Начинало светать, костёр погас, а туман вроде рассеялся. Я неподвижно лежала, прислушиваясь. Тело затекло, и в бок давил какой-то камень. Из-под края шкуры было видно бесконечные болота и чахоточный лес.

— Иорвет, — хрипло позвала я.

Он не ответил. В насквозь мокрой от пота рубашке я выскочила из-под шкуры в ледяной рассвет. Иорвета нигде не было.

— Иорвет!

Крик прокатился по топям. В лохматом медвежьем меху я заметила то, что впивалось в бок. Подняла толстостенный гранёный пузырёк с тёмной жидкостью внутри. Рядом лежала записка:

Иди по левой тропе

Va faill

Потерянно моргая и сжимая в руке пузырёк и записку, я смотрела на валун, и слабость, которая не прошла после сна, разом перетекла в ноги — валун стоял на месте, такой же обгаженный птицами и замшелый, но на боку его больше не было ценника за проход болот, и инструкция изменилась, будто лишние буквы стёрли. Остались только слова:

Налево иди

— Что ты наделал? Что ты, чёрт побери, наделал? — тихонько завывла я и, как ошпаренная, бросилась одеваться, попадая мимо штанин и рукавов.

Туман исчез, медальон безмолвствовал. Налево в болота уходила ладная дощатая дорожка, а направо... Я с силой потёрла глаза, чтобы убедиться, что и на этот раз мне не мерещится. Правая тропа исчезла, и только по еле видимым среди колючих ветвей верёвкам со сладостями можно было восстановить, где она шла.

Опустившись на землю, я приложила руку к груди, где было тяжело, словно там застрял ещё один валун, и куда во внутренний карман куртки спрятала кровь Йорвета — оставленный им билет в мой мир, в зелёный коридор, по левой тропе. Закрыла глаза, сосредоточилась. Не для того, чтобы принять решение — оно уже было принято, а чтобы унять истерику. В таком состоянии я далеко не уйду.

— Глупый эльф, — прошептала я.

Поднялась, закинула сумку на плечи и пошла направо.

Пряник больше не сиял глазурью, и когда по шатким кочкам из поникшей жёлтой травы я добралась до него, оказался никаким не пряником. На тонкой бечеве свисало подвешенное за мочку почерневшее скукоженное ухо.

С серебряным мечом в руке я направилась через кусты к следующему уху, перешагивая упавшие сучья и подтопленные склизкие стволы. Лес точно намекал, что я поступила неправильно, что выбрала не тот путь. Очевидно было, что дорогу к себе ведьмы показывали только тогда, когда хотели, и что меня они видеть не желали.

Трава на кочках зашуршала, словно по ней пробежал кто-то. Донёсся отголосок тоненького смеха. Отпрыгнув, я развернулась — никого. На опушке, откуда я ушла, сгущался болотный пар, почти скрыв за собой валун.

— Надо играть по правилам! — возмущённо закричал из тумана ребёнок.

— Беги-хватай! — хором ответили его невидимые друзья.

Я попятилась, провалилась в топкую грязь по колёно. Медальон молчал. Непрестанно оборачиваясь, зашагала по лужам к ближайшему уху. Туман полз за мной по пятам.

Добравшись, краем глаза заметила следующую метку, убрала меч и рванула напролом через валежник и кусты. Одно ухо, второе, третье. Деревья поредели, и влажных топких мест между кочками стало больше.

— Лови! — донеслось сзади.

Туман стелился по земле, как из дым-машины, и догонял. Призрачные дети повизгивали от смеха — им явно нравилась эта игра. Впереди расстилалась заросшая осокой топь, из которой торчали длинные стебли рогоза с неопрятными, будто с вылезшей ватой, коричневыми свечками соцветий.

На дереве у трясины висело ухо. Туман скрыл ноги, закружился вокруг дерева, и на глазах ухо надулось, заблестело глянцевой глазурью, и медальон забился за пазухой.

— Раз, два, три, четыре, пять — будем в смерть с тобой играть! — считали детские голоса.

Сзади в сумку вцепились, и, выхватив меч, я рубанула по длинным ветвям, вытянувшимся в руки, и рванула в болота. Когда я обгоняла туман, медальон затихал, чудовища исчезали, но когда туман настигал, мне приходилось биться за каждый шаг. Я бежала через топь, проваливалась в тину, выползала и бежала снова. Следующее ухо висело на собранных шалашом палках, воткнутых в полузалитый водой травяной островок. Вдалеке замаячил густой лес. С разбегу я прыгнула на кочку возле островка, та ушла из-под ног, и я погрузилась в трясину с головой.

Я ползла, отплёвываясь от ледяной коричневой жижи. Руки по плечи тонули в грязи, я цеплялась за пожухлые длинные волосы травы, они рвались в ладонях. Ноги всё глубже засасывало в чавкающую топь. Я рычала, стонала и ползла.

С трудом достала из трясины руку и переставила перед собой. Левая рука никак не поддавалась, сил вытянуть её не было. Тяжело дыша, я перевалилась на бок, огляделась — туман окутал меня, стелясь завитками по топи. Тело медленно погружалось в болото. «Ну же! Ведьмачки не сдаются!» — рванувшись вперёд, я выдернула руку.

Передо мной разверзлась грязь, оттуда вынырнула истлевшая грудная клетка, привязанная к спине сгорбленной водной бабы. Соски отвисших заплесневелых грудей чудовища касались воды. Грязь залепила глаза, грязь была везде. Лежа на спине, я выхватила из пояса ведьмачий нож, взмахнула, и руки с длинными когтями отдёрнулись, и в следующий миг с утробным бульканьем баба прыгнула, впечатавшись ногами в то место, где я только что была. Заорав, я рванулась ей за спину и вцепилась в скользкие рёбра трупа на горбу. Баба распрямила ноги, вытянув меня из трясины, и кружила на месте, пытаюсь сдёрнуть со спины. Обнимая скелет одной рукой и оседлав бёдра бабы, я полоснула ножом, и из-под её подбородка хлынула дурно пахнущая слизь. Длинные руки судорожно задёргались, в агонии водная баба хлестнула когтями мне под задравшейся курткой и завалилась лицом в грязь.

До леса оставалось совсем немного. Я зажала измазанной ладонью бок, оттуда кровило.

— Шесть, семь — это твой последний день! — считали дети злыми голосами.

Оттолкнувшись от берега, с брызгами я плюхнулась в воду, отделяющую от пригорка с деревьями.

Выбравшись, попыталась бежать и упала на четвереньки, зацепившись ногой за упавшую ветку. Перед лицом болтался на верёвке пряник. Бок жгло, непроницаемая белая хмарь затянула лес, и в ней рычали, приближаясь, чудовища. Я чувала, что цель близка, и медальон рвался на цепочке.

Игни! С пронзительным визгом утопцы отшатнулись, в тумане появилась прореха, и вдалеке между деревьями проглянули крыши.

— Восемь, девять, десять — спой последнюю нам песню!

Мне показалось, что я вижу этих детей, что жили у ведьм на болотах. Их тени надвигались из тумана, окружали меня.

— Иорвет, я иду! — завопила я, выпустила струю огня и, прижимая ладонью жгучую рану на боку, кашляя и хромя на обе ноги, побежала к домам.

Будто не решаясь ползти дальше, туман замедлился на границе поляны, по краю которой были воткнуты шесты с оленьими черепами. Над росшими из болота кривыми избами нависало строение, похожее на часовню — слепая деревянная башня без окон с крытыми дранкой крыльями пристроек. Дверь была закрыта.

Я толкнула её остриём меча, и дверь нехотя отворилась. Из проёма потянулся запах, который ни с чем нельзя было спутать — тошнотворный и сладковатый, с примесью растворителя для краски и чеснока. Подышав на пороге, я уняла истошно бившееся сердце и шагнула в темноту.

Через открытую дверь проникало немного тусклого света. Помещение было просторным и казалось пустым.

— Иорвет, где же ты... — прошептала я.

В закутке справа, откуда шёл запах, за дощатой загородкой стояли мешки, а с потолка на цепях свешивались металлические крюки. Один из крюков звякнул о рукоятку меча за спиной, от чего я подпрыгнула на месте, и цепи, будто смеясь надо мной, скрипуче закачались. На стене в холщовых кармашках висели людоедского вида ножницы, пилки, ножи и щипцы. На полу под ними валялась треугольная, с подвёрнутыми краями кожаная шляпа.

Трупный запах в этой части комнаты стоял невыносимый. Я зажгла на ладони Игни, шагнула к выдолбленному из цельного ствола корыту у стены и едва сдержала рвотный позыв — внутри лежал освежёванный мужской торс. Лежал он не меньше недели. Брюшина была распорота, внутренние органы вынуты и вперемешку плавали в разлагающейся каше. Судя по шляпе и отсутствию головы, это и был тот «недоетый мертвяк» из охотников за колдуньями, о котором рассказывала старуха в деревне.

Пятясь, я зацепилась сумкой за крюк на цепи, запнулась каблуком о кольцо в полу, и подобру-поздорову поспешила убраться из этой части комнаты.

Туман за это время достиг двери, и в проёме всё было мутно-белым, будто хижина ведьм летела в облаке.

— Она спряталась! Так нечестно! — обиженно закричал детский голосок из тумана.

С размахом захлопнув дверь и подсветив дорогу Игни, я перебежала на другую сторону комнаты. Посередине закутка там стоял котёл с остатками прилипшего варева на дне. Угли под ним были ещё тёплыми. На столешнице лежали подвявшие травы и половинка буханки хлеба. С перекладины свисали заячьи тушки.

Всё указывало на то, что дом был обитаем, да и след из отрезанных ушей, превращающихся в тумане в сладости, привёл сюда. Значит и Иорвет должен был быть где-то рядом.

Глаза освоились в темноте, и осторожно, с обнажённым мечом в руках я направилась к стене напротив двери, которую полностью затягивал гобелен, жутко и богато украшенный, словно иконостас. Рядами вокруг стояли свечи, и я провела над ними ладонью с зажжённым Игни. Из тьмы показались обрамляющие гобелен плетёные, кажется из волос, фестоны. Как лианы, тянулись к нему толстые верёвки с бахромой. Человеческие черепа глазели со стен и свисали с балок на цепях.

На самом же гобелене была вышита картина — три молодые ведьмы, зловещие даже в своей прекрасной ипостаси. Хозяйки Леса. Я помнила картину из игры, но теперь в колеблющемся свете свечей по ней двигались тени, и казалось, что ведьмы ожили.

Правая — в высоком колпаке, с длинными тёмными волосами, прикрывающими грудь, — приподнимала юбку, из-под которой виднелись две пары ног. Центральная держала на коленях корзину с чёрной курицей и сжимала в руке ритуальный нож. У неё, как и у сестры слева, не было видно лица — вышивка расползлась, и волосы, из которых был сплетён гобелен, торчали из ткани лохмами.

— Иорвет! — закричала я.

Пламя свечей покачнулось, и входная дверь со скрипом отворилась. В густой белой пелене за порогом маячили тени.

— Выходи, трусиха! — крикнул оттуда ребёнок.

Я подбежала к двери, заорала в туман:

— Как увидеть Хозяек?!

— Она здесь! Она играет! — обрадовались дети. — Эй ты, догоняй!

Я вдруг поняла, что сил не осталось, что едва стою на ногах. Рана на боку зудела, бедро было всё в крови. Я была мокрая, грязная и совершенно не знала, что делать.

— Я не буду играть, пока вы не ответите! — крикнула я, спустила с плеча на пол сумку и сжала меч.

— Сначала догони!

Ступив в туман, я взмахнула мечом вслепую, и тут же на меня бросился кто-то, вцепился в плечи. У лица клацнула пастью безногая морда с отвислыми ушами, и, отведя голову, я ударила по ней лбом.

— Хозяйки не любят тощих, Хозяйки любят сладких! — голоса детей искажались, сливались с верещанием чудовищ.

В левую руку впились зубы, на спину напрыгнули, повалив меня на землю. Ударив Аардом и раскидав кучу, я рубанула мечом по шее туманнику, который разодрал рукав и бульдогом вцепился в предплечье. Его тело обмякло, но он не разжал зубов. Отгоняя знаками остальных, пытаюсь не подпустить их близко, я тащила за рукой труп, орала от боли и отступала обратно в хижину ведьм.

Завалившись внутрь, я отшвырнула меч и ведьмачьим ножом, скуля и всхлипывая, разжала челюсти туманника. Из-под разорванного рукава хлестала кровь. Как мне могло прийти в голову выйти наружу? Я сидела на полу зловонной избы в растекающейся луже грязной воды и крови, за спиной светился ведьмин алтарь, и я была совершенно одна.

От Ласточки нещадно тошнило, но из раны на боку перестало кровить. К сумке на полу присоединился арбалет, сверху я положила чудом не потерявшуюся шляпу. Время размазывать соплю прошло, пришло время их подбирать. Иорвет был здесь, и ведьмы тоже, и если они не хотят говорить со мной, придётся их заставить!

Я прошагала к гобелену. Замахнулась и полоснула мечом по ткани. Поперёк животов вышитых ведьм прочертился разрез. Ничего не произошло. Ударила Аардом в стену, с грохотом с полок разлетелись черепа и сушёные тушки летучих мышей. Половина свечей погасла. Ноль реакции.

— Что-то же должно вас пронять! — воскликнула я и в закутке кухни вспорола мешки с зерном и расправилась с глиняными горшками и тарелками.

Черепки валялись по всему полу. Тишина.

— Какая же идиотка... — меня вдруг осенило.

Что же, этот разгром нужен был хотя бы для того, чтобы мозг начал функционировать, а

не слепо вязнуть в болоте жалости к себе.

Я прошагала в закуток справа от двери, где в корыте плавал расчлѐнный труп и с балок свисали цепи с крюками.

— Кольцо... Где-то здесь... — бормотала я под нос.

Нашла! Кольцо было приделано к люку в полу, незамеченному мною в темноте. Я схватилась за него, из приседа потянула наверх, и крышка люка легко подалась.

Снизу шѐл мягкий свет. Я соскользнула по лестнице. Моментально одним взглядом охватила подвал. Светились свечи у алтаря, только другого — под черепом лося, напоминающим личину дьявола, был заляпаный кровью жертвенник. Рядом сидела у прялки безобразная старуха в высоком колпаке. Я сглотнула. Пряха встрепенулась, будто смахнув сон, и безошибочно направила в мою сторону лицо — один глаз был скрыт повязкой, а на месте другого был кожный нарост, весь в мелких отверстиях, по которым ползали мухи. Задвигала свисавшим ниже рта бородавчатым носом, принялась.

— Твоя отравленная эликсирами кровь мне не нужна, — визгливым старушачьим голосом сказала она.

Я глянула на пол — с руки капало, и внутри левой перчатки было мокро и горячо.

— Но волосы на починку ковра пригодятся, — скручивая нить из кудели, старуха зашевелила длинными костлявыми пальцами, каждый из которых оканчивался чѐрным когтем. Другой рукой завращала веретено.

— Где Иорвет? — дрогнувшим помимо воли голосом спросила я.

— Ты ищешь, как и все вы, — сказала она. — Ходите друг за другом, блуждаете во мгле. И возвращаетесь к нам.

Старуха гнусно хихикнула и, отложив веретено, вдруг задрала юбку, под которой оказалась пара лишних недоразвитых ног. Огладив руками, развела их пошлым, отвратительным жестом.

— Сладкий юноша, — облизнувшись, сказала она и повернула лицо в темень в глубине подвала. — Спит и жаждет меня. Я буду лучшей и буду последней.

Не отводя нацеленного на ведьму меча, я осторожно пошла вдоль стены. Старуха подхватила веретено, и оно закрутилось с невероятной скоростью.

Иорвет лежал на лавке на спине, раздетый до рубахи и штанов. Лицо его было белым и неподвижным, правая рука соскользнула и касалась пола, левая покоилась на груди.

— Что ты с ним сделала?! — закричала я.

— Укольник веретеном, и юноша спит и ждѐт, пока я подарю ему блаженство. А я сплю и жду, пока мои кишки освободятся от жирного борова, который пугал меня Вечным Огнѐм. Вечным! — всхрюкнув, старуха рассмеялась и отложила веретено. — Вечные в этих землях только мы...

Смех оборвался, она потянулась к ритуальному столу и схватила украшенный рунами нож.

— Ты разбудила меня, — сказала она, повернувшись, — и теперь я заберу твои волосы вместе с головой. Вставай на колени, и в этот раз делай, что велят!

Засветился шар Квена и тут же исчез, когда Пряха взмахнула длинными костлявыми руками и пропорол защитную оболочку когтями. Вместе с Аардом я сделала выпад, меч вошѐл в пустоту — старуха обратилась дымом и исчезла. По всему подвалу захлопали крылья, чѐрные вороны, сделав круг, слетелись, и она появилась за моей спиной.

Мечом я остановила стилет, и свободной рукой старуха хлестнула наотмашь, будто

хотела дать мне пощёчину. Обожгла когтями ухо, по шее потекло.

— Пovyлазили... дрянные выскочки, — фальцетом приговаривала она, — у той хоть была кровь, сладкая Старшая Кровь! Белые волосы...

Уклонившись от стилета, я ударила Аардом, и вновь лишь чёрный дым пыхнул в стороны.

— Терпение, сёстры — не та, так эта ответит за вашу смерть!

Я рубанула по кисти со стилетом — взметнулись чёрные вороны — и ногой откинула выпавший стилет к стене, в кучу ветоши и мешков. Старуха вновь появилась сзади, на спину обрушился страшный удар, и меня швырнуло на деревянные клетки, которые проломились подо мной, и мне показалось, что спина хрустнула. Я закопошилась среди обломков. У соседней стены неподвижно, не реагируя ни на что вокруг, лежал Иорвет.

— Отчаяние наползает, как насекомые, — проскрежетала старуха.

Она подходила, раскачиваясь, и в промежности болтались голые недоноги. Ещё не успев подняться, я прикрылась Квеном, а ведьма взмахнула руками, и в тело сквозь броню, будто её и не было, впились когти. Она отбросила меня, как сломанную куклу, и я прокатилась по полу, въехав головой в опору лавки, на которой лежал Иорвет.

— Я чую твою боль, вижу страх!

Приподнявшись, я выпустила Аард, и старуха исчезла в дыму. Закаркали, кружась, вороны. Рука Иорвета с чернеющим на ладони знаком была совсем рядом, и в секундной передышке с последней отчаянной надеждой я содрала левую перчатку и, испачкав руку Иорвета кровью, приложила к его ладони свою ладонь.

На изнанку я провалилась молниеносно, будто жилище ведьм по-настоящему находилось именно там, лишь кусочком прорастая в реальность. Подвал исчез, стены исчезли. Белый Иорвет, лежащий, словно покойник, парил в черноте.

А на том месте, где из воронов должна была появиться Пряха, стояла женщина с горящими белым пламенем глазами. Рубище ведьмы превратилось в одежды, сотканые из тумана — они колебались, оевали её. Лицо её видоизменялось каждый миг, и в нём проступали то детские, то зрелые, то старческие черты, будто все лица существовали в ней одновременно. В руке она держала веретено с острыми, как иглы, концами.

— Мы древнее времени, древнее памяти. Древние, как тьма, — заговорила женщина и многоголосье отзывалось в моей голове. — Три сестры. Сначала были едины, потом разделились...

Она помахивала и подёргивала веретеном, и нить с него разматывалась, и обрывки превращались в чудовищ с болот.

— Я осталась одна, но скоро допряду ковёр, и нас снова будет трое!

Я подняла меч. На левой руке, как и тогда, в походе к Сердцу Мира, раскрылись шрамы от укуса Мариам. Но сейчас они удлинились, расползались вверх по предплечью по чёрной коже, залитой ярко-белой кровью. Пряха взмахнула ладонью, превратившейся в извивающийся, словно у лешачихи, корень, и вырвала меч из моих рук. Подняла веретено, которое вытянулось копьём, и метнула мне в грудь. Из-под ног оттолкнулся задними лапами, прыгнул, изогнувшись в полёте, волк и схватил зубами веретено, и тут же исчез с добычей под сворой чудовищ. Ведьма размахнулась колючими руками, чтобы разорвать меня на куски. Я выбросила Аард.

Шрамы от укуса Мариам лопнули, и меня будто вытеснил кто-то из тела, выдавил через

открытые раны. Шипастые ветки хлестнули сквозь грудную клетку, но я уже была не мной, а обратившейся вихрем древней вампиршей из пустыни Корат, ещё более древней, чем ведьма с веретеном. Я слилась с Мариам, с её истинной ипостасью, которая упивалась полётом и жаждала крови.

В вихре блеснули сталью вампирские когти, пропороли туман ведьминых одежд. Пряжа взмахнула плетью рук, пытаюсь ухватить ветер, посыпались обрубки ветвей. Мне было радостно и свободно, лезвиями когтей я кромсала ведьмину плоть, и изнанку прорезал вой. Я или Мариам — мы вместе впились клыками в белую шею, и уже точно Мариам, не я дёрнула головой, вырвав с мясом сонную артерию.

Изнанка меркла, ведьма растворялась в луже воды, бьющей из горла. Волк возвращался ко мне, прихрамывая и переступая через трупы чудовищ. Сквозь черноту проступал свет свечей.

Я лежала под алтарём, сверху таращился дьявольский лосиный череп, и от рогов на потолке ветвились тени. Кровь больше не шла из ран на левой руке, и я приподнялась и повернула руку к свету — кожа стала гладкой, рваные раны от зубов туманника исчезли, как и исчезли точки шрамов от укуса Мариам.

— Спасибо за подарок, — прошептала я, и мне причудилось, как в подземелье по ту сторону Огненных Гор кивнула в ответ бледная девушка с длинными чёрными волосами, склонившаяся над круглым карманным зеркальцем.

Сил встать не было. Я поползла на четвереньках через весь подвал к Иорвету.

Он не проснулся. Лежал такой же белый, так же свисала измазанная моей кровью рука. Я приложила ладонь к его щеке — она была мертвенно холодна.

— Иорвет, я здесь, — звала я, вглядываясь в неподвижное, но расслабленное и спокойное лицо. — Проснись!

Он спал, и не было больше ведьмы с волшебным веретеном, которая могла бы его разбудить. Я затрясла его за плечи, попыталась приподнять.

— Пожалуйста, только не ты, это не должен быть ты! — бормотала я.

Из ворота его рубашки выскользнула цепочка, на которой висело широкое матово-серебристое кольцо. Я отпустила плечи, сползла на пол у лавки. Живот сводило спазмами, и голоса рыдать не было — вместе со жгущим чувством вины он застрял где-то в грудной клетке. Иорвет оказался здесь совсем не из-за клятвы. Из-за меня. Именно я вынудила его идти в Велен, который он ненавидел. Оперевшись на лавку, я поднялась около него на колени.

— Я вытащу тебя, позову Иду... Достану Зоуи с того края света, только держись, — шептала я.

Он не отвечал, и лицо его, неподвижное и белое, было невыносимо прекрасным, как у статуй в эльфийском некрополе в Дол Блатанна. Склонившись, я смотрела на него долго, а потом закрыла глаза и прикоснулась губами к его губам.

На шею легла рука, которая не дала отстраниться, а холодные губы ответили. Забывшись и боясь спугнуть чудо, я не открывала глаз, из которых неудержимо лились слёзы, и поцелуй длился, и губы Иорвета теплели.

Он приподнялся на скамье, не отпустив рук, и на его груди я, наконец, расплакалась так, как давно хотелось. Иорвет гладил меня по спине, приговаривая в макушку:

— Ну всё же хорошо, тихо, тихо...

— Зачем ты ушёл помирать к ведьмам один, глупый эльф? — всхлипывала я.

— От меня не так просто избавиться...

— Просто невозможно, — я обхватила его сильнее и зарыдала в голос.

— Почему ты не пошла по левой тропе, глупая ведьмачка? — тихо спросил он.

Я не смогла ответить, и только заливала слезами его рубашку.

— Пророчество, которое дала мне Мариам... — произнёс он. — Очередное враньё без толка, которое означало не то, чем казалось.

Я притихла у него на груди, вытерла рукавом слёзы.

— Мне Мариам не соврала. А что там было? — спросила я. — Остерегайся выходить на болота ночью, когда силы зла властвуют безраздельно?

— Нет, — негромко ответил Иорвет и помолчал, будто раздумывая, стоит ли продолжать. — Там было сказано: «Зов крови не прервать. Для тебя и твоего отца Велен — это начало и это конец».

— Тем более ты не должен был уходить, — буркнула я. — Ты должен был посоветоваться со мной!

— И ты бы сказала: «Конечно, дорогой, иди к ведьмам»? — насмешливо спросил он и, взяв меня за плечи, заглянул в лицо.

— Я бы спросила, как тебе такое вообще пришло в голову! — возмутилась я. — Мы напарники, и в задницу должны идти вместе!

Иорвет рассмеялся:

— Но ведь так и произошло, не правда ли?

Мы выбрались из подвала. За распахнутой дверью в хижину ведьм виднелись болота, тумана не было. Я осмотрела бок — после изнанки рана от когтей водной бабы тоже исчезла бесследно. Однако тяжесть в груди не проходила, руки дрожали, а вместо мозга был вязкий воспалённый слизень.

Иорвет нашёл свои вещи, осмотрел лук. Он снова стал деловит и целеустремлён, словно не лежал несколько минут назад на лавке мёртвый, как Белоснежка. Я молчала о том, что видела зерриканское кольцо, а он о том, что целовал меня. И только в мелочах что-то изменилось: он тревожно вглядывался в моё горящее лицо, подал руку, когда, вылезая из подвала, я повалилась на пол, и был всё время рядом, и от его заботы мне хотелось рыдать и провалиться сквозь землю одновременно.

Когда мы собрались, я поняла, что не смогу уйти из хижины ведьм просто так.

— Ты уверена? — спросил Иорвет, приподняв бровь.

— Более чем.

Вернувшись к алтарю, зажгла все свечи и разложила по полу среди ветоши, порванных мешков и под гобеленом. Остальное сделает огонь.

Стрелка компаса уверенно показывала на север. День ещё не начал клониться к вечеру, когда из лесных болот мы выбрались к топкому, заросшему осокой берегу озера. На острове посереде него над деревьями подымалась полуразрушенная башня. В стороне мы нашли трухлявые мостки, от которых остались сваи да несколько поперечин, и привязанную старую плоскодонку. Иорвет достал со дна вёсла и, нахмурившись, наблюдал, как, кашляя, я размещивала Ласточку с Белым Мёдом.

— Осталось совсем немного, — он показал рукой на башню. — Ты в порядке?

— Я справлюсь, — ответила я. — Только бы Филиппа была ещё жива.

— Она будет, — задумчиво произнёс он, глядя, как я пью эликсир. — Что-то мне подсказывает, что она будет.

Я забралась на нос лодки, улеглась, положив голову на борт. Иорвет оттолкнулся веслом от дна, вставил вёсла в уключины, и лодка заскользила прочь от болот. Высоко над ними столбом поднимался чёрный дым.

Иорвет вернулся в сумерках. Я спрыгнула с развилки ветвей раскидистой сосны, где удобно устроилась на медвежьей шкуре, и куда перед тем с помощью Иорвета же и забралась. Со мной творилось что-то неладное. Казалось, что силы покидали тело, и, даже накачавшись эликсирами до трясушки, только невероятным усилием воли я могла пошевелить словно чужими руками и ногами. Однако после отдыха полегчало.

— Охотники ждут гостей, — сказал Иорвет и протянул фляжку с остатками зелья Иды. — Вдоль дороги к замку расставили зажжённые факелы, на дворе установили новый столб и складывают под ним хворост.

— Новый? — удивилась я. — А есть старые?

— Увидишь, — уклончиво ответил он, приняв из моих рук фляжку. — Уверен, что они готовятся к встрече Эйльхарт.

Остатков заряженной Идой воды хватило ровно для того, чтобы знаки на ладонях вернули цвет, хотя до полной силы требовалось ещё пару часов. Лишние вещи мы оставили в развилке сосны и в спускающейся темноте направились к замку Охотников. Главным образом я полагалась на чутьё, Иорвет же ориентировался по слабым отблескам огней в кронах. В дневной вылазке он умудрился забраться на самый верх старой сторожевой башни, которую мы заметили с болот и с которой как на ладони был виден лагерь.

— Часовых немного, им незачем — замка Охотников сторонятся, как чумного, — сказал он, когда из темноты выросли щербатые стены, освещённые факелами по верхам. — План придётся придумывать на ходу.

Вдоль стены мы добрались до башни. Иорвет поднялся первым, скинул припасённую верёвку, и шаг за шагом, мимо мёртвых оконных дыр, я взобралась следом. Крыша и перекрытия этажей давно обвалились, остался лишь полый цилиндр выветрившихся толстых стен, и мы укрылись на самом верху на остатках лестничного пролёта.

— Левое крыло нежилое, — Иорвет кивнул на полуразрушенные замковые галереи вдоль стены, где из трещин росли деревца. — Там стоят четверо, и двое на воротах.

В свете масляных жаровен на пристроенных к стене деревянных вышках виднелись часовые в узнаваемых костюмах Охотников за Колдуньями — в треугольных шляпах и длинных кожаных пальто. Осыпавшаяся каменная стена постепенно уходила в землю, и до ворот, по обе стороны которых тоже дежурила охрана, её продолжал частокол.

Я осторожно высунулась за край. Тусклые огни виднелись в галерее окон жилого правого крыла. У высокой арки двери в него дремал, навалившись на гарду двуручного меча, ещё один Охотник. На круглом дворе, зажатом между стенами и длинным деревянным баракком без окон, видимо бывшей конюшней, горели факелы. Я присвистнула.

— Увидела? — спросил Иорвет.

— Они поехавшие, абсолютно поехавшие... — выдавила я.

Факелы освещали череду тесно стоящих чёрных столбов. К каждому из них был привязан обуглившийся труп, и с помощью верёвок и подпорок сожжённым телам развели руки так, чтобы они касались друг друга, а ноги расположили в танцевальных коленцах и па. Этот страшный хоровод, напоминающий узор на тюремной барке из Дракенборга, огибал высоченную гору хвороста, в центре которой возвышался ещё один, не тронутый огнём, белый столб.

— Хвороста заготовили не меньше, чем тростниковые люди для самого Мессии, — сказала я и сползла с края стены. — Что дикари, что горожане — разницы нет, лишь бы кого-нибудь сжечь.

— Разница есть, и большая, — ответил, помолчав, Иорвет. — Тростниковые люди хотели воссоединиться с богом сами, что и сделали. А Охотники готовы отправлять к богу только других, не себя.

Прислушиваясь, Иорвет выглянул из-за стены, и я за ним следом. Издалека доносился звук копыт и ободов повозки, стучащих по дощатой переправе на остров. Часовые засуетились, зазвучали отрывистые команды. Охранник у двери в жилое крыло осоловело помотал головой, машинально отдал кому-то честь и бросился внутрь.

На двор въехало с десятков верховых и карета без окон, обтянутая чёрной кожей. Всадники спешили, но не приближались к карете, будто чего-то ждали.

Из замка выходили Охотники и выстраивались коридором.

— Тридцать семь, — прошептал Иорвет. — Вместе с часовыми и конвоем.

— Тридцать восемь и тридцать девять, — дополнила я.

Из жилого крыла вышли двое. Лицо первого — невысокого и сухого, было скрыто капюшоном монашеской рясы. Он опирался на посох. Следом шёл детина таких габаритов, что было удивительно, как он поместился в дверной проём. Кожаного пальто на его размер, по всей видимости, не нашлось, как и подходящей рубахи — огромный живот, нависающий над штанами, едва прикрывал мясницкий фартук. Жир на белых плечах и на боках подрагивал при каждом шаге, а круглую голову, как младенческий чепчик, обтягивала шапка-капюшон палача.

Жрец прошёл между рядами Охотников, передал посох полуголому телохранителю и сложил ладони у груди.

— Помолимся, братья, чтобы колдовская скверна этой женщины не смутила наших душ, чтобы укрепились сердца во славу Вечного Огня! — он опустил голову к рукам, и вслед за ним чинно склонили головы Охотники.

Минуту стояли молча. Двое из конвоя, побренчав ключами, отперли дверь кареты. Оттуда никто не вышел. Потом раздались невнятные восклицания, и из тёмной глубины, видимо с помощью пинков, выпала на землю женщина. Вслед за ней вылез ещё один Охотник, от запястья которого к скованным за спиной женщины рукам тянулась цепь.

— Сорок, — сказал Иорвет.

— Как разбойников, — прошептала я.

Иорвет вопросительно глянул на меня, но тут же снова отвернулся к действию внизу.

Женщина поднялась с земли и горделиво выпрямилась, тряхнув убранными в две косы волосами. Глаза её скрывала расшитая узорами повязка, а вот вырез тёмного платья с полуоторванным и свисающим набок кружевным воротником почти не скрывал высокую грудь.

— Эйльхарт, вот мы и встретились, — тихо сказал Иорвет. — Кто бы мог подумать, что я буду тем, кто пытается её спасти...

Жрец поднял голову к чародейке.

— Вот мы и встретились, Филиппа Эйльхарт, — эхом словам Иорвета провозгласил он. — Советница и убийца короля Редании Визимира Второго, основательница Ложи Чародеек, повинной в убийствах Демавенда, короля Аэдиерна, и Фольгеста, короля Темерии. Я знал, что рано или поздно заговоры, аморальность, мерзопакостность и наглость, которые

составляют твою жизнь, погубят тебя, что всё выйдет на явь, и мой долг развеять смрад грехов твоих.

Филиппа по-птичьи наклонила голову, прислушиваясь к голосу. Её губы раздвинулись в глумливой улыбке.

— Виллимер, старый извращенец, — протянула она надменно, словно была тут хозяйкой, а не пленницей. — Тебе всё не дают покоя вагины чародеек, что ты напридумывал смехотворных фактов? Тебе не даёт покоя то, что нам плевать...

Филиппу толкнули в спину и, оступившись о подол платья, она едва не упала, но тут же царственно выпрямилась. Виллимер прикрыл ладонью лицо, скорбно покачал головой.

— Вы слышите, братья! — он оглядел паству. — Всеми силами души, как того требует пастырское попечение, стремимся мы, чтобы вера Вечного Огня всюду возрастала и процветала, а всякое нечестие искоренялось. Видите вы, что женщина, магической властью развращённая, пренебрегает собственным спасением. Наряду со светскими преступлениями, что решал бы мирской суд, повинна она в плотских соитиях с демонами инкубами и суккубами, в свальном грехе. Повинна в колдовстве, чаровании, заклинаниях и других ужасных злодействах и преступлениях...

Он замолчал, потому что раздался скрип колёсных осей — несколько Охотников выталкивали от стены телегу, на которой были установлены две объёмные бочки и над ними странный, поблёскивающий медью агрегат.

— Дабы зараза нечестия и других подобного рода преступлений не отравила ядом невинных людей, — Виллимер забрал у телохранителя посох и вскинул руки, — мы намерены, как того требует наш долг и как к тому побуждает нас ревность по вере, применить соответствующие средства.

Охотники тем временем подкатили телегу к куче хвороста, заготовленного для Филиппы. Один навалился на рычаг агрегата, потом потянул вверх и нажал снова. Из трубки сбоку телеги толчками стала выбрасываться жидкость, заливая хворост. Снизу принесло запах едкого горючего масла.

— План такой, — быстро сказал Иорвет. — Как только зажгут костёр с Эйльхарт, идём на изнанку, устраняем охрану на стенах, прыгаем вниз и вырезаем всех. Успеем.

— Всех... — повторила я, рассматривая толпу Охотников внизу.

Они вызывали одновременно страх и отвращение, но вместе с тем они были людьми, а не чудовищами. Людьми, которые из сожжённых женских тел сложили танцующую инсталляцию.

Иорвет внимательно смотрел мне в лицо. Я кивнула.

— Признаёшь ли ты свою вину, Филиппа Эйльхарт? — громко спросил жрец.

— Засунь свои обвинения в задницу иерарха, Виллимер, и высунь оттуда язык, — сквозь зубы ответила Филиппа. — За мной придут, и ты будешь молить о пощаде. Но нет прощения для ничтожества, желающего продемонстрировать свою власть.

Жрец кивнул и взмахом руки остановил охотников, поливающих хворост.

— Раз так, то по регламенту, описанному в булле Преосвященнейшего Иерарха Хеммельфарта «Всеми силами души», преступница, отрицающая виновность, обязана пройти допрос, облегчить душу покаянием и признанием вины.

Виллимер хлопнул в ладоши, как бы подводя итог сказанному, и вдруг вслед за ним захлопал в ладоши, словно малютка, которому обещали мороженое, его дебелый телохранитель. Жрец зыркнул на него, мотнул головой. Охотники расступились, и детина

направился к Филиппе. Подойдя, поднял цепь, соединяющую чародейку и конвойного. Шея и спина вздулись от напряжения, он рванул, и цепь, звякнув, лопнула.

— Отпусти, имбецил! — взвизгнула Филиппа, лягаясь каблуками, когда он подхватил её под локоть и поволок ко входу в жилое крыло. — Клянусь, я убью тебя первым, если ты ещё дотронешься до меня, жирный евнух!

Охотники в молчании провожали взглядами исторгающую проклятья и извивающуюся в руках палача чародейку.

— В честь поимки опасной злодейки примите, братья, торжественную трапезу, к коей повелеваю открыть бочку освящённого Иерархом вина. Помолитесь о прощении души грешницы, а после воссияет и очистит её тело Огонь! — провозгласил Виллимер, когда Филиппа скрылась за дверь. — Во славу Вечного Огня!

Нестройные голоса подхватили:

— Во славу Вечного Огня!

Вытянувшись по струнке, Охотники ждали, но, как только жрец скрылся за дверь в жилое крыло вслед за Филиппой, тут же расслабились, заговорили громко. Они явно были радостно взбудоражены предстоящей трапезой и обещанным вином. В бараке открыли створку двери, и за ней показался длинный обеденный стол, уставленный канделябрами с горящими свечами.

— Изнанку побережём на потом, — скомандовал Иорвет, наблюдая за суетой внизу и Охотниками, которые отгоняли лошадей и стекались в трапезную. — Меняем план. Во славу Вечного Огня.

— Что? — удивлённо переспросила я, но тут же поняла его, заметив, как задумчиво Иорвет рассматривал брошенную телегу с насосом и горючим маслом.

Дверь в барак затворили, двор опустел. На стенах и у ворот осталось с десятков лишенных трапезы понурых часовых, которых следовало устранить быстро, безжалостно и бесшумно. Я достала пузырьки Пурги, Грома и Ивы и смешала порцию, аналогичную той, что приняла перед боем с Рэей.

— Не слишком ли много эликсиров? — проворчал Иорвет.

— Мне нужен озверин, — ответила я, не желая признаваться, что жизненная сила оставляет меня, а телу необходима лошадиная доза допинга, чтобы хотя бы двигаться.

«Иорвет не должен думать об этом сейчас, не должен спешить. Времени хватит. Драйк Кин обещал, что хватит», — подумала я и поднесла смесь к губам:

— Во славу Вечного Огня!

Эликсиры работали. Подкравшись по стене из темноты, я хладнокровно и молниеносно перерезала горло двум Охотникам на крыше правого крыла. Ещё двоих убил Иорвет. Мы разделились. Вдоль частокола позади трапезной он прокрался к воротам и стрелой снял одного часового у сигнального колокола и следом за ним второго. Я же, перебежав по стене на левое крыло, бесстрастно, как ассасин, расправилась с часовыми на вышках. Мне даже не нужно было укреплять дух взглядами на казнённых — эликсиры выполнили эту задачу за меня. Иорвет выпустил ещё две стрелы из-под стены, и на дворе, кроме нас, не осталось никого.

Упираясь ногами в землю, я толкала телегу с бочками, Иорвет тянул её за оглоблю. Тяжёлый засов на двери в трапезную вошёл в проушины с лязгом, но это уже было неважно — в бывшей конюшне окна отсутствовали и сбежать, не вышибив дверь, было невозможно.

Иорвет навалился на рычаг насоса, а я, забравшись на телегу, подхватила сшитый из кожи рукав. Струя щедро забила в стену. Я направила медный наконечник рукава вверх, и горячее масло окропило соломенную крышу.

— Довольно! — крикнул он. — Отбегай в сторону, ты вся в масле!

Изнутри трапезной послышались вопли, двери содрогнулись. Иорвет выдернул один из факелов, воткнутого в землю, примерился и метнул на крышу, как копьё. Пыхнуло пламя.

— Гори в аду, орденская падаль, — процедил он, — во славу Вечного Огня...

Вверх и вниз вели ступени. Не задумываясь, мы зашагали по лестнице в подвал — оттуда доносились истошные, обрывающиеся хрипами крики.

— Они убьют её! — через две ступеньки я запрыгала вниз.

— Не торопись! — Иорвет догнал в конце лестницы. — Казнить её хотят на костре, и до сожжения оставят живой. Мы не можем позволить себе ошибиться из-за спешки.

Подземелья замка сохранились гораздо лучше наземной части. По обе стороны низкого коридора тянулись каменные мешки с решётками вместо дверей. Тюрьма — неизменный аксессуар средневекового замка, и неизвестно, что первично.

Холодный воздух пах погребом. Чтобы шагов не было слышно, приходилось ступать, перекатываясь с пятки на носок, и всё равно для взвинченного эликсирами слуха хруст праха под ногами, писк невидимых крыс, монотонный звук падающих капель звучали грохотом.

— Чары-мары, этот пальчик много ел...

Крик взорвал барабанные перепонки, поглотил остальные звуки. Иорвет припустил по коридору. Мы завернули за угол и притаились по обе стороны проёма в пыточную камеру. Пахло жжёной плотью.

— Благодарю небо, дочь моя, что оно привело тебя в эту темницу, — Виллимер, как доктор у постели больного, склонился над кушеткой, которой мне не было видно за складной ширмой. — Исповедуйся, в слезах и смирении ищи облегченья на груди моей. Не хочешь отвечать? Увы, дурно, очень дурно поступаешь ты. Мы предоставляем преступнице свободу изобличенья самой себя. Такие признания, хоть отчасти и вынужденные, имеют свою хорошую сторону, особенно когда виновная находит нужным внести вклад в дело Ордена. По-прежнему молчишь? Тем хуже для тебя, я вижу, что должен сам вывести тебя на верный путь. Отвечай, что открывает этот ключ?

В поле зрения показалась расплывшаяся голая спина палача и скрылась за ширмой.

— Чары-мары, этот пальчик щи варил...

Тяжёлое с присвистом дыхание Филиппы и вскрик.

— Продолжаешь молчать? Иначе мне придется сделать тебе ещё немного больно, — увещевал жрец. — Видишь вон те две доски? Не видишь, конечно.

Виллимер засмеялся, а Филиппа невнятно забормотала, проклиная его.

— Твои стройные ноги вложат в эти доски и стянут верёвками, а потом вобьют молотком между колен клинья. Сперва ноги нальются кровью, потом кровь брызнет из больших пальцев, а на других отвалятся ногти. Подошвы полопаются, и вытечет жир, смешанный с раздавленным мясом. Это уже будет больней. Уверяю, твои сокровища тебе более не понадобятся, но в наших руках послужат праведному делу. Итак, что открывает этот ключ? Не зря же ты носила его на груди...

Из-под ножек складной ширмы расплзлось по полу пятно крови, чёрное в свете свечей.

— Этот ключ открывает самое драгоценное и самое страшное, что у меня есть, — хрипло заговорила Филиппа.

Жрец привстал и наклонился над ней, его голова скрылась за ширмой.

— Прекрасно, дочь моя, расскажи же мне, какая тайна скрывается за тем замком.

Звук плевка, жрец отпрянул. Иорвет взвесил на руке кинжал и жестами начал объяснять мне что-то, что я не поняла.

— Ты — не великая Тиссая де Врие, что создала меня и может открыть секретную дверь, — прошипела Филиппа. — Ты — лишь никчёмный червяк, слепое орудие мракобесного иерарха.

— Как жаль, что упомянутая чародейка де Врие мертва. Я — орудие веры, и со мной заговорила бы даже она, как заговорила ты, — медоточивым голосом невозмутимо продолжил жрец. — Раз так, позволь рассказать, что будет дальше. У тебя вынут вышеупомянутые клинья и вобьют вон те, большего размера. После первого удара у тебя раздробятся коленные суставы и кости, после второго ноги треснут сверху донизу, выскочит костный мозг и вместе с кровью обагрят этот камень. Ты упорствуешь в сохранении тайны? Хорошо.

Виллимер кивнул палачу. Иорвет выбросил вперёд руку. Палач удивлённо, словно надоедливую муху, смахнул кинжал, глубоко вошедший в загривок. Как на картине «Не ждали», отпечатался на сетчатке обернувшийся жрец с отваленной челюстью и застывший жирный, похожий на мишленовского человечка, детина, который поднимал с пола деревянные распорки и с шеи которого капала кровь. Я ударила Аксием.

— Виллимер хочет убить тебя! — крикнула я.

Палач повернул круглый блин лица и бестолково захлопал глазами.

— Светлость любит меня, — жалобно сказал он.

— Больше не любит! — вдогонку я послала ещё один Аксиий. — Разлюбил, нашёл другого!

— Что ты стоишь, как пень? — закричал Виллимер.

Палач вскинул пудовые кулаки, и Иорвет, ринувшийся к нему с мечом наперевес, отлетел в сторону, со звоном опрокинув стойку с пыточными штуками, которым позавидовали бы тростниковые люди. Виллимер попятился, но размахивая руками, его огромный, как голем, телохранитель потопал вперёд, наступая и тесня жреца в угол. Похоже, что на неразвитый разум палача Аксиий подействовал так же хорошо, как действовал на кур и поросят.

— Прекрати, Иржи! В тебя вселился дьявол! — завопил Виллимер, когда палач втолкнул его в раскрытый стоймя саркофаг, изнутри которого торчали шипы. — Взять их! Фас!

— Чары-мары, этот мальчик ляжет тесно... — пробасил Иржи, нажимая на створку.

— Новиградская Дева для дев, тупица! — жрец не договорил и завизжал жалобно, плаксиво, когда шипы вошли в его тело.

Иорвет крался вдоль стены к саркофагу.

— Не смей, он мой! — раздался из-за ширмы свистящий шёпот.

Иорвет размахнулся с двух рук, меч вошёл глубоко в чепчик Иржи, расколов череп. Из саркофага неслись истошные вопли.

— Эта сволочь должна умирать долго! — закричала Филиппа.

— Он нам мешает, — сквозь зубы проговорил Иорвет и, отщёлкнув замок на створке

Новиградской Девы, вогнал лезвие в грудь Виллимера.

Жрец, мантия которого геометрично, как узор горошком, была обагрена кровью от шипов, охнул и осел внутри саркофага.

— Ты всегда всё портишь, эльф, — прошептала Филиппа. — Я надеялась на помощь от кого угодно, только не от тебя.

Нагая, она лежала на пыточной лавке, и при первом же взгляде на неё стало ясно, что мы опоздали. Поперёк тела алели рубцы от плётки из бычих жил, валяющейся рядом. На боках расходились лопнувшие чёрными пузырями ожоги, а на месте груди зияла развороченная щипцами плоть. Я бросилась освобождать лодыжки и руки Филиппы от тугих ремней. На каждом запястье висело по наручнику из димерита, и ни одного целого пальца на руках и ногах у неё больше не осталось, и кровь сочилась из ран.

— Я тоже весьма удивлён этим фактом, — Иорвет убрал в ножны окровавленный меч, достал из кармана сумки пузырьки и, присев у лавки, собрал в один из них капающую с ладони кровь чародейки.

— Как помочь тебе? — воскликнула я.

Даже всех моих запасов мази для остановки крови не хватило бы, а Ласточка убила бы её скорее ран. Я достала из сумки бинты. Филиппа, закусив губу, тихо лежала, пока мы с Иорветом перевязывали размозжённые ступни. Судорожно охнула, когда на грудь ей легли пропитанные мазью тканевые тампоны. Я прикрыла её наготу нижними юбками, которые нашла в углу рядом с платьем. Тонкая белая ткань тут же пропиталась кровью.

— Снимите димерит, — прошептала она.

— Один раз я уже сделал эту ошибку, — проговорил Иорвет. — Сперва ты должна поклясться, что поможешь нам.

Я бросилась к трупу жреца, чтобы найти ключи от наручников.

— Недобитый эльф опять помогает даме в беде? — даже в таком состоянии голос чародейки был полон сарказма. — Убедился, что драконица безнадежна и нашёл следующую?

— Думай, что хочешь, ведьма, — глухо ответил Иорвет. — Только кроме недобитого эльфа и его дамы в беде больше никто в этом мире не захотел тебе помочь. Ни Ида, ни один чародей.

Ненависть сочилась из голосов, и было понятно, что Филиппа и Иорвет на дух не выносили друг друга. Я ощупывала мантию жреца, и медальон задрожал, когда я раскрыла мешочек, привязанный к поясу. Оттуда достала обтянутый красной кожей круглый медальон с треугольной руной. К обратной стороне медальона был пришит ржавый, окислившийся от старости ключ. Ключи от димеритовых браслетов тоже были в мешочке. С находками я вернулась к лавке.

— Но и твоя помощь не бескорытна, — лицо Филиппы перекошило от боли. Она часто-часто задышала. — Так и хочется подохнуть назло тебе.

Иорвет остановил предупреждающим жестом мой порыв открыть наручники и кивнул на пустой пузырёк.

— Уверяю, когда ты умрёшь, я не буду по тебе рыдать, — сказал он Филиппе.

— Прекратите! — я уколола палец подаренным скюта'элями перочинным ножиком и смотрела на кровь, капающую в пузырёк. — От тебя, Филиппа, нам нужно одно единственное заклинание. Взамен мы сделаем всё, чтобы ты спаслась.

Филиппа не ответила, тело её мелко тряслось. Под мрачным взглядом Иорвета я сняла

двимерит с изуродованной правой руки, оставив наручник на левой. Чародейка повела кистью, замерцали слабые искры, задышала.

— Снимите второй браслет...

Её губы шевелились. Иорвет колебался, держа в руках левое запястье Филиппы в двимеритовом наручнике. Сжав зубы, взял у меня ключ, открыл браслет и отшвырнул в сторону.

— Ты свободна, — сказал он. — Мы помогли тебе, теперь ты помоги нам.

— У меня не хватает сил даже на себя!

Она водила окровавленными культиями рук, потрескивали и тут же гасли искры. Я продолжила промакивать кровоточащие ожоги на боках мазью, чтобы выиграть хоть чуть-чуть времени. Ни Иорвет, ни Филиппа не доверяли друг другу, и было совершенно непонятно, что могло заставить чародейку помочь нам. Она умирала и ей было на нас плевать.

— Что мы можем сделать? — спросила я.

— Вы не можете помочь мне, глупцы, — прошептала она. — Если только не достанете с того света Тиссаю де Врие.

Второй раз за вечер я слышала имя знаменитой чародейки — ректора Аретузы.

— Чем бы тебе помогла Тиссая? — спросил Иорвет.

— Тебе пересказать программу магистрата академии и мой диплом? — голос Филиппы окреп и зазвучал злобно. — Рассказать, как она превратила хнычущую соплячку в великую чародейку? Как забрала часть моей жизни и спрятала в магии, чтобы из пережитой боли сделать сверхмощный источник магической энергии?

— И почему же у тебя, великой чародейки со сверхмощным источником энергии, не хватает сил? — с досадой бросил Иорвет.

— Потому что сейчас, чтобы выжить, нужна не разрушающая тело магия, а простая жизненная сила, — с горечью ответила она. — Нужна забранная Тиссаей маленькая несмышлёная дурёха Филь — та, что всегда мешала мне...

Я раскрыла ладонь с медальоном чародейки.

— Ключ... Ключ открывает ту дверь, где заперта часть тебя? — спросила я.

— Да! — прошипела она. — Тебе легче от этого ответа? Мне — нет.

Она попыталась поднять голову. Повернула лицо с завязанными глазами к Иорвету и выкрикнула:

— Убей меня, эльф, добей безболезненно и точно! Хотя бы это ты умеешь, я знаю!

— Я сделаю это для тебя, если ты наложишь на кровь контрзаклинание к тому, которым пыталась убить меня в Лок Муинне. Я обещаю, что сделаю это.

Голова Филиппы опустилась.

— Я не могу даже обезболить себя, глупый эльф, ты хочешь невозможного.

Она затихла, сложив окровавленные руки на животе. Перочинным ножиком я спорола ключ с подкладки медальона.

— Вот и изнанка пригодилась, — сказала я Иорвету и протянула руку. — Пойдём.

От подошв расходились круги. Вода? Нет. Мы стояли на поверхности — бесконечной, чёрной. Лежащая Филиппа была едва видима во мраке, с лавки капала тягучая, как расплавленный гудрон, кровь и соединялась с той, что была под ногами. Невдалеке ярко сияла одиноко стоящая дверь.

Мы обошли её — стен не было, и казалось, что дверь не вела никуда. Я вложила в замочную скважину ключ, повернула.

Удар с той стороны распахнул дверное полотно, сшиб с ног, отбросив на Иорвета. Белый вихрь вырвался из проёма, взорвав поверхность под ногами. В лицо били чёрные брызги. Пригнувшись и ухватившись друг за друга, мы прорывались навстречу урагану. Уцепившись за косяк, я подтянулась, и Иорвет втолкнул меня внутрь.

Ветер стих. У стены прорисовавшегося штрихами сарая лежала на соломе худенькая девочка-подросток с двумя косичками в стороны. Она не была нарисованной — она была наизнанке светящейся и настоящей, как мы с Иорветом.

— Нет, не наказывайте меня, — она приподнялась на руках и попыталась отползти в угол. — Я ничего не сделала, ничего...

Лицо девочки было в кровоподтёках, на тонких белых руках чернели синяки. Она забилась в угол, съёжилась, закрыв руками голову. Спереди на юбке расплылось свежее кровавое пятно.

— Ты свободна, ты можешь уйти отсюда, — я присела на корточки и протянула к ней ладони, как показывают напуганному зверьку, — ты можешь вернуться... к себе.

Девочка недоверчиво и с опаской смотрела на меня, словно не верила, что кто-то разговаривает с ней.

— Она выгнала меня. Она сказала, что я лишняя.

Иорвет присел рядом и исподлобья рассматривал юную Филь.

— Она поплатилась за это. Ты нужна ей.

Так же, как и я, Иорвет протянул открытую ладонь. Девочка робко подняла свою, заколебалась, будто раздумывая, кому её вручить, а потом решила и взяла меня за руку.

По чёрной успокоившейся поверхности мы возвратились к Филиппе. Я обернулась — дверь исчезла. Филь отпустила мою ладонь, забралась на лавку.

— Я не виню её, — проговорила она тихо. — Она просто хотела забыть. Чтобы быть сильной.

— Сильной всё это время была не она, — сказал Иорвет, оглянувшись в черноту, где совсем недавно стоял сарай, в котором целую вечность, день за днём, Филь проживала своё прошлое.

Она улыбнулась ему едва заметно и застенчиво, подвинулась на лавке и улеглась в нарисованное тело чародейки.

— Держи ноги! — скомандовал Иорвет, обхватив Филиппу, которая брыкалась и билась на лавке, разбрасывая снопы искр.

— Зачем?! — кричала она. — Зачем вы это сделали?!

Тело её выгнулось, а искры на этот раз не исчезли, а скопились сияющими облачками около ран. Обмякнув, она перекатилась на бок. Всхлипнула, скорчилась и вдруг зарыдала, тонко подвывая и закусив нижнюю губу. Мы с Иорветом удивлённо переглянулись. Немыслимо было представить, чтобы это была прошлая Филиппа. «Нет зрелища более жалкого, чем плачущая чародейка», — говорила её наставница, Тиссая де Врие, и Филиппа Эйльхарт лучше кого бы то ни было усвоила урок.

— Даже ценой жизни я не сделала бы этот выбор, — проговорила она сквозь всхлипы. — Вернуть память о том, что со мной делали. Вернуть забитую девочку, которой не место в Аретузе... Чтобы стать великой чародейкой, ты должна быть жёсткой, ты должна

идти по головам...

Последнюю фразу она произнесла, чеканя слоги и понизив голос, и я поняла, что это тоже были не её слова, а Тиссаи.

— По головам ты пришла с выколотыми глазами на пыточную лавку и едва не отдала концы на костре, — жёстко сказал Иорвет. — Теперь ты можешь жить.

— Каково это — в моём возрасте встретиться лицом к лицу с прошлым, которое должно было быть прожито и забыто пару веков назад? — она комкала ткань нижних юбок у груди. — Каково знать, что источник силы потерян безвозвратно, что ты никогда больше не сможешь достичь вершин?

— Ты можешь начать всё с начала, — сказала я.

Со стоном она села на лавке, прикоснулась к изуродованным стопам, поправила мокрую насквозь повязку на глазах.

— Начать с начала... — прошептала она горько. — С телом калеки, с больной душой... Есть только один вариант.

Мы молчали, и даже Иорвет не торопил её. Он слил кровь из пузырьков в колбу побольше и ждал.

— Принесите мне одежду.

Голос Филиппы зазвучал властно. Я пожала плечами и подала ей платье.

— Пусть эльф отвернётся, а ты помоги мне, — велела она. — Я знаю, что нужно сделать.

В кромешной тьме мы покинули замок Охотников за Колдуньями. Крыша трапезной рухнула, стены горели и местами завалились внутрь. Никто не встретил нас: все Охотники ушли на встречу с Вечным Огнём.

Действие эликсиров закончилось, и Иорвет тащил еле стоящих на ногах меня и Филиппу к лодке под руки — двух женщин, одну из которых любил, а другую ненавидел. Но я знала, что он не бросит чародейку и сделает всё так, как мы уговорились — в его сумке лежала колба со смешанной из трёх частей кровью, на которую Филиппа, или скорее Филь, наложила нужное контрзаклинание. Там лежал мой путь домой.

Филиппа уселась на корму лодки и с тихими проклятиями стянула с ног сапоги, изъятые у жреца. Свои изящные кожаные туфли на каблуке она не смогла надеть на забинтованные ноги, но взяла с собой. Я улеглась на носу, Иорвет оттолкнул лодку от берега. Над водой по правому борту зажётся огонёк.

— Следуй за ним, — строго сказала Филиппа, расправляя бархатные складки юбки.

Она набросила на плечи одеяло, которое выдал Иорвет, укуталась и вцепилась в сложенные на коленях туфли. С тихим плеском вёсла погрузились в воду. Я смотрела в чёрное небо. Грудь болела. Жизнь вытекала из меня, я чувствовала это. «Осталось последнее дело. Я успею», — думала я и боялась не успеть. Не успеть попрощаться.

— Не вздумай умирать раньше времени, — Филиппа щёлкнула пальцами, и по венам побежала энергия, будто я, как в игре, выпила волшебный пузырёк маны. — Левее.

Я приподнялась на локтях и смотрела на спину Иорвета, который размеренно наваливался на вёсла. Хотелось прикоснуться к нему. Хотелось не отпускать. Вдалеке за кормой маячил зубчатый край башни, подсвеченный маревом пожара. Усмехнулась про себя, подумав, что свет на острове не привлечёт ничьего внимания — вместо трапезной в замке должен был гореть костёр с Филиппой, а до этого горели костры с другими чародейками.

Обычное дело.

Следуя за огоньком, летящим над водой, мы лавировали по узким протокам между островами. Местами лодка цепляла днищем песок, а на вёсла накручивались водоросли.

— По этой системе озёр можно добраться до моря, — сказала Филиппа. — Скоро покажется Коломница, там держись южнее.

Протоки вывели на большую воду. Небо посветлело. Перед рассветом из тумана показался затопленный лесистый берег с торчащей из него деревянной башней.

— Мышиная Башня проклята, — пояснила чародейка, безошибочно махнув рукой на остров. — Рассадник чудовищ и призраков, и поэтому никто не знает, что на соседнем крохотном островке около места силы живёт отшельник. Впрочем, он должно быть помер лет сто как.

Остров отшельника встретил острыми камнями, которые, как зубы злобной собаки, охраняли от высадки, и между ними закручивалась в омуты и хлюпала озёрная вода. Вслед за еле светящимся огоньком Йорвет, подруливая одним веслом, направил лодку за скалу в бурливое узкое устье ручья. Над головой спутанными колючками сплелись еловые лапы.

Филиппа, клевавшая носом на корме, встрепенулась, зябко передёрнула плечами.

— К причалу, — скомандовала она. — Там выходим.

Тёмный тоннель из еловых лап расступился, и мы скользили меж густо убранных палой листвой и подёрнутых изморозью склонов ручья. Над журчащей водой тянулся невесомый туман. В нём прочертились мостки, ведущие в песчаный берег. За мостками ручей разливался в озерцо, за которым уходили ввысь скалы.

Филиппа, охая, долго возилась с сапогами. Йорвет, осунувшийся и бледный после бессонной ночи, привязал лодку, подал мне руку и вытянул на причал. Филиппу пришлось поднимать вдвоём.

Тихим, спокойным и светлым был лес, спрятавшийся внутри острова за надёжной заградой из камней и непроходимого ельника. Таким, каким и должен быть лес в предзимье — сонным, умиротворяющим, прозрачным. Будто был он не в Велене, а где-то в Драконовых Горах — с быстрым ручьём и заросшей тропинкой, уходившей на гору.

— Промедление в нашем случае не просто подобно смерти, оно и есть смерть, — чародейка повисла на руке Йорвета. — Веди по тропе.

Йорвет взял меня за руку. Мы переплели пальцы, не скрываясь, не таясь от Филиппы, которая хмыкнула и потянула за собой.

Хижина отшельника приютилась на берегу озерца под скалами, спряталась за нежно-зелёной порослью сосенок. Над крышей согнулась тяжёлая от ярко-красных ягод рябина. Путь на утёс занял вечность, в которой Йорвет, как мешки с картошкой, забрасывал нас с чародейкой с камня на камень, к самой вершине.

Добравшись, мы повалились на землю среди россыпи булыжников. Облетевшие кроны деревьев у подножья горы едва-едва выступали над площадкой, и сквозь них было видно Мышиную Башню и раскинувшееся во все стороны озеро. Филиппа оперлась спиной с менгир, совсем такой же, как в Кругу Шепчущих камней в Каэр Морхене. Спящий, он стоял в центре — с дырой на уровне груди, где я должна была зажечь огонь. Медальон бился в такт пульсирующей боли во лбу и сердцу, которое с натугой толкало кровь по сосудам. Надсадный кашель унялся, только когда Филиппа шевельнула рукой.

— Больше я не смогу тебе помочь, — сказала она. — Мне нужны силы на самое последнее заклинание.

Она перевалилась на четвереньки и попыталась встать, цепляясь за менгир.

— Магия Огня... Опасная, плохо поддающаяся обузданию. То, что нужно.

Она хрипло рассмеялась. Иорвет устало поднялся с земли.

— Ты всё ещё уверена в своём плане? — спросил он у чародейки.

— Не делай вид, будто тебе не плевать... — на ощупь она обходила камень. — Главное, найти правильное место, подходящую интерсекцию.

Как при игре в жмурки, она расставила руки и, неуверенно покачиваясь и спотыкаясь о булыжники, пошла по площадке. Хмурые тучи над озером раздвинулись на миг, и низкое утреннее солнце заиграло в свинцовых водах, окрасило яркой зеленью кольцо елей, охраняющих остров, вылилось медью по берегам ручья.

— Красивое место, чтобы... Чтобы что-то закончилось, — сказала я.

Иорвет мрачно глянул на меня и направился к чародейке, которая, наконец, перестала блуждать и улеглась на голую землю, положив голову на камень. Расправила тёмные косы, чтобы они аккуратно спускались по плечам на грудь, сложила руки на животе. С шумом вдохнула. Губы её приоткрылись, будто она хотела сказать что-то. Но так и не сказала. Втянув воздух, задержала дыхание.

— Я не могу, но я должна, — наконец, выдохнула Филиппа. — Должна.

Я подошла, сняла с шеи медальон.

— Ты не должна, — сказал Иорвет, достал из-за отворота сапога стилет, задумчиво прокрутил в руке. — Ты можешь оставить всё, как есть.

— Я должна, но мне страшно. Однако страх — это не тот резон, который стоит брать во внимание при принятии решений, — тихо ответила Филиппа. — Мы с ней слишком разные, слишком долго были порознь, мы не уживёмся. Поэтому остаётся только один путь. Ведьмачка, начинай!

Чётко выговаривая слоги и задрав подбородок к небу, она заговорила на неизвестном языке. Я положила медальон в выемку в менгире, опустила на колени в позу для медитаций. От медальона разгорался свет. Голос чародейки становился всё громче, а знак на моей ладони наливался силой. Иорвет тщательно выбрал место на груди Филиппы и приставил стилет.

— Зажигай! — крикнула она. — *Semen aenye renascetur coelum et terram coniungat!*

Я выпустила Игни в менгир. Огонь сорвался с ладони, впитался в свечение, исходящее от медальона. Горящее облако, как воздушный шар, воспарило над площадкой и зависло над лежащей чародейкой.

— Ты уверена? — голос Иорвета звучал жёстко. — Назад пути нет!

— Сделай же это! — Филиппа вцепилась в рукоятку стилета. — *Aen'drean me!*

С резким выдохом Иорвет нажал. Облако огня, пыхнув, сконцентрировалось в искрящую шаровую молнию, со взрывом бахнуло и втянулось в рукоять торчащего из груди Филиппы стилета. В глаза сыпануло песком, с хрустом раскатились по площадке камни, и всё стихло.

Вернулось безмолвие покинутого острова, и ветер нёс шелест и далёкий плеск. Я бросилась к Иорвету, которого отбросило на камни, помогла подняться на ноги. Чародейка была мертва и так и сжимала ладонями рукоять.

— Когда-то она чуть было не обманула нас с Геральтом. Сказала, что проклятие с Саскии можно снять, только ударив дракона зачарованным кинжалом в сердце, — Иорвет аккуратно высвободил из тела стилет и, оглядевшись и не найдя ничего более подходящего, вытер лезвие о юбку Филиппы. — А теперь то же самое мне пришлось сделать с ней.

— Саския узнала тайну Филиппы, пока их сознания были связаны. Она говорила об этом Геральту, — задумалась я, забирая из камня медальон. — Жаль, что она не открыла ему этой тайны, не рассказала про Филь. Возможно кто-то успел бы помочь раньше нас... открыть дверь, и ей не пришлось бы умирать.

— Я не уверен, что Эйльхарт вообще можно было помочь, — усмехнулся Иорвет. — Как не вполне уверен и в том, что она умерла. Давай доделаем обещанное.

Со всей площадки вокруг потухшего менгира мы собирали камни и заваливали тело Филиппы. Хмурилось, наверное собирался дождь, и ни один луч солнца больше не мог пробиться сквозь сгустившиеся, низко плывущие над озером тучи.

Когда Иорвет положил на могилу последний камень, в глазах потемнело, и я поняла, что больше не могу, и что сумка с зачарованной Филиппой кровью осталась у хижины внизу. Привалившись к менгиру, я сползла на землю.

— Иорвет, иди сюда, — прошептала я.

Он уже был здесь, поддерживал под спину.

— Нет, Яна, нет... не может быть, — прижав к груди и подхватив под ноги, он пытался поднять меня. — Ты ещё не уходишь, держись.

Я гладила его по щеке, и его лицо было близко, как было, казалось, всегда, менялись лишь декорации за спиной: резные каменные стены дворцов, горящие свечи, бездонное небо пустыни и пульсирующие звёзды, золото крыш Алтинадира и молочный туман леса в Драконовых Горах. Он был всегда, но сил держаться больше не было.

— Помоги мне, как помог ей. Принеси эликсир... Мне пора, — его лицо расплывалось, уходило во мрак. — *Aé minne taedh. Taedh éigean saev que aé minne taedh. Va fail.*

На лбу, на веках я чувствовала его губы — прохладные, живые, он говорил что-то, но я уже не слышала.

В окне, набранном из кусочков стекла, было белым-бело. Кожи касался пушистый мех. Ничего не понимая, я перевела взгляд от окна на толстые брёвна стен. Под потолком висела гирлянда высушенных до черноты метёлок трав — дотронься и они рассыпятся в прах.

Это не было похоже на мой мир.

Подняла левую ладонь — знак-запятая светился белым. Ничего не получилось! Я резко села на лежанке, устланной знакомой медвежьей шкурой. На ящике рядом стоял толстостенный гранёный пузырёк с тёмной жидкостью внутри, а около: миска с водой, плоска с буро-красной кашицей и стопка тканевых салфеток. От очага с жарко горящим огнём на другом краю хижины с поленом в руке развернулся Иорвет. Рукава рубашки закатаны, повязки не было. Он смахнул со лба упавшие волосы. Улыбнулся.

— Ты не влил в меня эликсир! — я показала на пузырёк.

Иорвет отложил полено, поднялся.

— Нельзя спешить, когда делаешь непоправимые дела. Я бы дал тебе эликсир, если бы... если бы понял, что ты действительно умираешь. Клянусь! Но ты не умирала.

— Умирала!

— Много раз я видел эту болезнь в своём отряде, особенно на болотах, особенно зимой, — он подошёл, присел на край широкого дощатого настила, на котором была расстелена шкура. Махнул на плоску с кашицей. — Не знаю, как называются эти растения... Наш лекарь, Кассис, знал. Он показал их мне, когда я и сам ей болел. Твои симптомы были смазаны мешаниной из эликсиров, но ошибиться было сложно.

— И где сейчас Кассис? — тихо спросила я, зацепившись за незнакомое имя.

— На Авалоне, — Иорвет поднялся, налил в чашку кипятка из жестяного чайника на плите над очагом, плеснул холодной воды из кувшина.

Вернулся, добавил лекарства из плоски, размешал.

— Пей, — протянул мне кружку. — Я хотел, чтобы ты сама, в сознании, приняла эликсир Эйльхарт, когда будешь готова.

Я глянула на пузырьёк — что же, мне не хватало времени на прощание, и оно у меня появилось. Наверное, Драйк Кин, как и Борх, считал, что прощание — совершенно необходимое дело перед расставанием. Сладкий горячий напиток пах мёдом и шалфеем, и от горькой рябины вязало на языке.

— Расскажи, — я мотнула головой на окно. — Я опять спала неделю?

— Нет, — засмеялся Иорвет, встал и распахнул дверь. — Всего три дня. Смотри.

За дверью шёл снег. Лежал сугробами на пушистых сосенках, укрыл землю, запылил следы, ведущие к озерцу под скалой.

— Я успел сплавить на остров Охотников за Колдуньями до снегопада, — Иорвет закрыл дверь, и поток свежего холодного воздуха растворился в тепле комнаты. — У них оказалась весьма впечатляющая коллекция бомб и взрывающихся растяжек.

— Ты её изъял? — любопытствовала я.

— Нет, — он усмехнулся и снова присел рядом, — изъял я другое: травы для тебя, вино, освящённое Иерархом Хеммельфартом, прекрасные сыры, запас муки и круп, капусту, яблоки, вяленое мясо, колбасы и специи. Даже засахаренные орехи! Охотники знают толк в деликатесах. Знали... А после этого я заминировал замок. Довольно скоро в Новиграде обнаружат исчезновение отряда Виллимера, и я подготовил тёплый приём для гостей.

— Пламенный, — дополнила я.

— Сногшибательный!

Мы рассмеялись. За окном шёл снег. Я покрутила в руках кружку с лекарством и поставила на ящик. Взяла пузырьёк с кровью. Иорвет сцепил руки на коленях, смотрел в пол и молчал.

— Ну что же, я в сознании...

Всё, что должна была сказать, я уже сказала, когда думала, что умираю. Повторяться было бы навязчивым, а ответа от него мне не требовалось — все необходимые слова Иорвет произнёс в Дол Блатанна. То, что было между нами, мы знали без слов. Иорвет знал. И я знала.

— Вот этот момент и настал. Это была славная охота, Иорвет, — сказала я и, склонившись, попыталась подцепить ногтем пробку.

Иорвет вскочил, прошагал к двери и обратно. Остановился, глядя на меня.

— Не уходи, — сказал он.

Так и не открытый пузырьёк выскользнул из вмиг ослабевших пальцев.

— Что?

— Остайся, — он опустил у лежанки на колени, сжал мои руки в ладонях. — Теперь, когда у тебя есть выбор — остаться или уйти, я прошу тебя, остайся. Я хочу эту скверную сказку про любовь со счастливым концом, Яна.

— Я не могу, ту меня ждут... — прошептала я.

— Мы поняли слова Драйк Кина неправильно. Я подозревал это, но осознал в полной мере только тогда, когда выхаживал тебя. Когда оказалось, что ты не умираешь, — он махнул

в угол, где у стены стояли мои мечи: — Ты до сих пор несёшь Розу Шаэрраведда.

— Этого не может быть, весь мой путь тут...

— Аэлирэнн дала тебе не только миссию, она дала и награду. Поверь мне, не уходи.

Он порывисто сгрёб меня в охапку, и я прижала к груди его голову и целовала пахнущие дымом тёмные волосы, и была слабой, и мне очень хотелось верить ему.

— Знаешь, что я испытал, когда собственноручно вёл тебя, чтобы ты ушла? Колебался каждый миг и каждую секунду хотел повернуть назад, и забрать тебя с собой. Сейчас ты можешь уйти, но я прошу тебя — останься, потому что здесь у меня дыра.

Он высвободился из объятий и, приложив к груди мою ладонь, испытующе смотрел в глаза и ждал. Пришибленная и совершенно оглушённая, я чувствовала себя человеком с болезнью в терминальной стадии, который в последние дни промотал состояние, безумствовал и смирился, попросился с кем только можно, лёг умирать, а ему сказали — живи, диагноз был ошибкой. Я смотрела на меч, на серебряную эльфийскую розу в наверхии, точно такую, как была на кулоне, отданном Францеске. Будущее, вдруг появившееся, не вмещалось в меня. Подбородок дрожал, я мямлила что-то и, не в силах сдерживаться, заревела.

— Ты бы только знал, как я хочу остаться, но это лишь отсрочит неизбежное. Ты не должен, не можешь этого сделать... — всхлипывала я. — Не хочу сломать тебе жизнь, как та маленькая конопатая дхойне сломала жизнь твоему отцу.

— Я всё решил сам, уже давно, не плачь, пожалуйста, не плачь.

Но я плакала в его руках.

— Не знаю, сколько времени мне осталось. Может быть мне придётся уйти завтра, может быть через год.

— Я хочу всё это время.

За окном шёл снег, в окне синел вечер. Я затихла, сняла с шеи цепочку с обручальным кольцом и надела кольцо на палец. Свернулась на руках Йорвета, обнимала и не отпускала. Он уложил меня, накрыв одеялом, прилёг рядом и нашёптывал на ухо, касаясь волос у висков губами, самую лучшую сказку — сказку про любовь со счастливым концом.

ВЕСЬ МИР. Уроборос кусает свой хвост

Часы в браузере ноутбука показывали 19:18:23. Полторы минуты. Вся моя жизнь в ведьмачьем мире уложилась в полторы минуты в этом. Белый свет, заливающий экран телевизора исчез, там остановился кадр — Геральт доставал из ножен меч, а перед ним разгибался охваченный огнём голем. Та Яна не изменилась — сидела, одеревенев, с закатившимися глазами и сжимала геймпад. Казалось, что в тех же позах остались и домашние — они не заметили ничего. Пока. Я опустилась на пол у дивана перед мужем и сыном.

— Я не буду оправдываться, хотя очень хочется, — тихо сказала я. — Но вы должны знать, что я — не она, а что-то лишнее, что не принадлежит этому миру. Я прошу у вас времени. И прошу прощения, что придётся ещё немного подождать. Я обещаю, что она вернётся к вам, и вернётся без лишней части, которую отправила в другой мир. Без меня. Я обещаю.

Мне показалось, что ухо кота, лежащего на коленях сына, дрогнуло. Я обняла семью, которой никогда не принадлежала и к которой не могла бы вернуться никогда. Подошла к креслу.

— Надо поговорить, — сказала я второй мне.

Она молчала.

— Кабус же был прав? Я отрабатываю что-то, не так ли? — спросила я. — Что? Твою мечту?

Я прикоснулась к её руке — тёплой, неподвижной.

— Как бы то ни было, я благодарна тебе. Ты дала мне жизнь. Клянусь, я вернусь прежде, чем станет слишком поздно. Клянусь.

Плед на полу ждал. Спать хотелось невероятно. Я улеглась и, закрыв глаза, стала падать в сон, и тихий шёпот со словами любви, неуместный здесь, в этой комнате, вновь зазвучал в ушах. Пора отправляться обратно — в мой мир.

А снег всё шёл и шёл. Сугробы у хижины наполовину закрыли окна, белый лес отяжелел под снежными шапками, а вода в озере под скалой казалась чёрной. Странное это было время. Мы были отрезаны от мира, совсем одни, не строили планов и не спешили никуда. Пневмония отпускала, я быстро выздоравливала и через несколько дней начала вставать и помогать Йорвету. Утром, пока я спала, он уходил иногда и возвращался с рябчиком или тушкой зайца, а иногда не уходил — оставался под боком, и такие пробуждения я любила больше всего.

Снегопад закончился через неделю. В то утро Йорвет ушёл на охоту, а я впервые вышла из хижины. Прошла по протоптанной в метровом снегу тропе к озеру. По скале сочился в воду ручеёк, и по каменным трещинам расползлись игольчатые узоры изморози. У мостков виднелась выгашенная на берег лодка, узнаваемая под сугробами лишь очертаниями.

Сверху со скальной полки обвалился снег, и я увидела, как прыжками с горы спускается Йорвет.

— Мне нужно срочно кое-что тебе показать, — он потянул за руку на тропу к менгиру. — Сможешь пойти?

— Идти смогу, добежать — нет... Поставь меня на место! — я рассмеялась и

задрыгала ногами в воздухе, когда Иорвет перекинул меня через плечо и потащил к подножию горы. — Что там?

Опустил меня он только у скальных ступеней и помогал забираться, выуживая с уступа на уступ, словно рыбу из проруби.

Камень силы выглядывал одним глазом из-под снежной шапки, а в сугробе на могиле чародейки росло, красовалось нежно-зелёными листьями молодое деревце.

— Похоже на яблоню, — сказала я.

Пока мы пробирались к Филиппе, невесомые сухие снежинки взметались у ног и медленно опадали, а крепкая наглая яблонька подставляла холодному серому небу блестящие листья, будто майскому солнцу.

— Не стоит ли её срубить, пока не стало слишком поздно? — задумчиво спросил Иорвет.

— Нельзя мешать тому, кто так сильно хочет жить, — ответила я на всякий случай, хотя видела, что спрашивал он не всерьёз и не ждал ответа всерьёз.

Мы спустились в сторону от тропы, уселись на краю скалы над круглым, как дырка от бублика, озерцом внизу и уходящим из него в тёмный хвойный тоннель ручьём. Заснеженная крыша хижины, словно кровью из носа, была забрызгана розовыми расплывшимися пятнами рябины, объединенной свиристелями.

Иорвет закурил трубку, дым пах снегом и вишней.

— Интересно, как бы всё сложилось, если бы ты не призналась мне в любви в Ард Доле, — сказал он.

— Я не... — начала я.

— Тсс... — он приложил палец к губам. — Я знаю, что ты не обманывала тогда. А соврала после, когда вы пили мандрагору.

— Это предположение, не подкреплённое фактами, — сказала я и, заметив возмущённо сверкнувший взгляд, дополнила: — Но ты прав, так оно и было.

Он удовлетворённо ухмыльнулся, притянул меня поближе, а я думала о том, что всё-таки он знал, уже тогда знал.

— Странно другое... — сказала я. — Странно, что ничего не изменилось теперь, когда мы в отношениях. Я люблю тебя, как и раньше, мы вместе, как и раньше.

— Потому что ничего и не изменилось.

Я глядела на расстилавшуюся за нашим островом большую воду, белые далёкие берега. Ничего не изменилось — оно просто не перестало существовать.

Перед Йуле потеплело, снег уплотнился, подтаял, а потом ударили морозы. На большом озере встал лёд, а на озерце у хижины не заросла единственная полынья. Теперь мы могли бы уйти с острова по льду, даже не нужно было откапывать из сугроба лодку, но не уходили. Обсуждали планы за готовкой еды из конфискованных продуктов и вечером, сидя у огня, но эти планы казались чем-то нереальным, сказочным, а реальными были маленькая натопленная хижина и зима снаружи. Мы говорили на Старшей Речи — это было важно для Иорвета, и правы были те, кто утверждал, что нет ничего лучше для освоения языка, чем общая постель и расслабленные задушевные ночные разговоры. Иногда мы переходили на всеобщий — это было важно для меня.

В сочельник вышибли пробку из освященного Иерархом бочонка вина и азартно резались в шашки, напленные Иорветом из палки.

— Дамка, — сказала я. — Сдавайся!

Иорвет, который старательно выстраивал хитроумную комбинацию, потёр переносицу, и на ней остался след от золы — он играл чёрными. Поднял голову и выругался, глядя мне за спину. Я удивлённо обернулась — у печи висело в воздухе искрящееся оранжевое кольцо. Из него вышагнул Исенгрим.

Он был закутан в тёмную мантию, а волосы охватывал золотой ободок, инкрустированный зелёными бериллами. Через плечо у него был перекинут мешок, лицо угрюмо, и он казался Дедом Морозом, только другим: для детишек, которые плохо себя вели.

— Я здесь не как король, а как частное лицо, — дотронувшись до диадемы, сказал Исенгрим вскочившему было Иорвету, потом тяжело вздохнул и свалил мешок у моих ног: — Это тебе от Моны.

Внутри оказался ещё тёплый, завернутый в два полотенца пирог в форме полена, от которого по всей комнате запахло корицей и печёными яблоками, а под ним мои собственные лисья жилетка, унты, шарф и варежки.

Иорвет опустил обратно на стул, развалился на спинке, вытянул ноги. Исенгрим, оглядываясь, обошёл хижину, будто комиссия из санэпидемстанции. Осмотрел арсенал с оружием в углу, смятые одеяла на постели. Заглянул в чайник, где заваривались травы, и уселся на мой стул.

— Ты всё усложняешь, — кивнув на доску, сказал он Иорвету.

Я молча натянула унты и лисью жилетку и вышла вон.

Они говорили долго. У озера было тихо, только снег скрипел под ногами. На чёрном небе показались первые звёзды, а под окнами хижины искрились оранжевым снежинки на стене. Наконец, распахнулся светящийся прямоугольник двери, Иорвет вышел. Постоял рядом, запрокинув голову и глядя на небо, потом обнял меня.

— Что теперь? — спросила я.

— Ничего, пока ничего. Не могу сказать, что я выиграл, но точно и не проиграл. Он понял меня — он эльф, как и я, и знает, что эльфы редко меняют мнение, — Иорвет зарылся носом в мех жилетки на моем плече, помолчал. — Однажды сделав выбор, потом мы пожинаем его плоды.

Мы вернулись домой к пашкам. Исенгрима уже не было, а на моём стуле лежал холщовый мешочек. Догадываясь о содержимом, я поднесла его к носу. Так и есть, пахло кофе.

— Я же сказал, что не проиграл, — Иорвет подмигнул, склонился над доской и сделал ход.

— Зато мне точно проиграешь! — я взяла дамкой две его фишки и отпила вина. Оно было отменным. — Сдавайся!

— Никогда! — воскликнул он и рассмеялся.

Остров был совсем крошечным. С одной стороны гора с местом Силы, неприступной стеной уходившая в воду, у подножия озерцо, образованное родниками, и роща вокруг. Единственное место, через которое можно было бы беспрепятственно проникнуть сюда, — замёрзшее устье ручья — мы завалили снежными валунами, и снегопады скрыли проход без следа. С вершины горы порой виднелись костры рыбаков вдалеке на льду, но близко к острову никто не приближался.

Яблоня-Филиппа отцвела, сбросила белоснежные лепестки на снег, и к концу Йуле на

ветке налилось единственное ярко-красное яблоко. А через пару дней в густом ельнике Иорвет нашёл оленьи следы, которые вели на гору. Мы поднялись к менгиру, и от яблони повернула к нам большеглазую морду и нервно затрепетала ушами беременная самка оленя. Вздрогнула, махнула хвостом и прыжками понеслась вниз по уступам. Яблоко с ветки исчезло.

Иорвет усмехнулся.

— Можно только гадать к кому на стол попадёт тот молодой олень, что родится весной.

— Наверное, к какому-нибудь князю, жена которого по чистой случайности ждёт ребёнка, — сказала я.

— И ждёт девочку, — кивнул Иорвет.

Зима была снежной. Мы жили в своём маленьком мирке, но знали точно, что вечным наш медовый месяц не будет — Исенгрим дал понять, что желает видеть Иорвета в Дол Блатанна.

— Он знает дорогу сюда, — отмахивался Иорвет на мои вопросы. — Будет что-то срочное — придёт.

Однако пришёл к нам не Исенгрим. Через пару недель мы забрались на гору. Потеплело, валуны на вершине проросли из-под подтаявшего снега, и пахло холодной сырой землёй. Листья на яблоне покоричневели, съжились. На большом озере выступила тёмными полыньями вода. Иорвет следил за матово поблёскивающей в небе точкой.

— Разве так сложно не привлечь к себе внимания? — проворчал он, и вскоре и я смогла увидеть золотые перья на крыльях огромного беркута.

— Для него — просто невозможно, — засмеялась я.

Беркут описал плавный круг, чтобы мы сполна насладились его хищной красотой, и камнем, будто на мышь, упал вниз. Оземь он не ударился — обернулся в миг — и перед нами предстал Борх Три Галки. Лёгкий кафтан, уместный в пустыне, сменился на плотный шерстяной дублет, на грудь которого перекочевал истрёпанный вышитый герб с тремя галками на белом фоне. Для Велена наш гость выглядел вызывающе загорелым, холеным и помолодевшим, будто провёл эти месяцы в уважаемом южном санатории.

— Я тоже чертовски рад вас видеть, дорогуши! — воскликнул Борх, шагнул, широко разведя руки, и попытался заключить в объятия нас обоих.

Иорвет высвободился, отступил, и по нахмуренным бровям стало ясно, что «тоже» Борха он, в отличие от меня, не разделял.

— Что случилось? — жёстко спросил он.

Три Галки не заинтересовался условиями нашего быта. Его интересовали жаркое, кружкапряного горячего вина и сыр с орехами и сухофруктами.

— Теперь можно и потолковать, — благостно заявил он, со звоном размешивая в кружке мёд. — И на этот раз вы не сможете упрекнуть меня в безответственности! А вот я вас — смогу.

Он многозначительно переводил взгляд между нами.

— Ну попробуй, упрекни, — усмехнулся Иорвет. — Если тебя прислал Исенгрим...

— Не буду отрицать — первым делом я, конечно, встретился с дорогим другом, — Три Галки примирительно выставил ладонь. — И знаю, как он... э-э-э... беспокоится о вас.

Вторая ладонь Борха предупреждающе взлетела прежде, чем я успела даже хмыкнуть.

— Но здесь я не в качестве посла Вольфа Исенгрима. Я представляю мою дочь, и по

этому поводу имею к вам претензии.

Мы с Иорветом удивлённо переглянулись, а Борх степенно поднялся и, заложив большие пальцы за пояс, выпрямился.

— Пока вы отдыхаете от дел... Не могу не признать, что, чёрт возьми, вы это заслужили! Однако пока вы отдыхаете, она собралась замуж, и из всех женихов выбрала именно того, кому втемяшилось в голову сесть на трон АэDIRна и изгнать из страны нильфгаарцев!

Борх поднял руку, и обвиняющий перст нацелился Иорвету в грудь.

— Саэсентессис сказала, что именно ты подкинул в светлую, и под светлой я имею в виду светловолосую, голову счастливого избранника эту идею, в которую он вцепился, как клещ в паршивую собаку!

— Александр — единственный оставшийся в живых наследник по мужской линии, в ком течёт кровь Венгеров, — хладнокровно ответил Иорвет. — Не удивительно, что он хочет вернуть АэDIRну независимость.

— Однако до разговора с тобой он этого не хотел, а хотел вернуть на престол Стенниса, сына Демавенда, — буркнул Борх.

— Я смотрю, ты успел глубоко погрузиться в политическую жизнь Севера, — саркастически заметил Иорвет. — В таком случае, тебе нелишним будет знать, что Стеннис отрёкся от престола, и моя роль заключалась лишь в том, чтобы передать документ об отречении Александру.

— Лишь в том?! Чушь! Я знаком с тобой достаточно, чтобы не поверить ни на миг в то, что ты лишь выполнил работу гонца.

— Почему ты здесь и что хочешь от нас? — вклинилась я, желая прекратить спор.

Я была так иррационально рада видеть Борха, что казалось ужасной глупостью препираться, когда в гости из самой Зеррикании прилетел старый друг, которого и не надеялась увидеть снова.

Три Галки гневно фыркнул, вернулся за стол и вновь застучал ложкой, размешивая вино.

— Саэсентессис прислала мне зов, сказав, что выходит замуж и что просит у меня приданого. Как честный отец, я не мог отказать. Оставил воспитание сына на мать, перебрал в уме подходящие пещеры с сокровищами, достойными быть приданым для дракона, примчался к ней... — отхлебнув из кружки, Борх откинулся на спинку стула, — чтобы узнать, что в приданое она просит помощи в штурме Венгерберга. Она желает преподнести жениху на блюдечке корону АэDIRна!

Иорвет вскочил, чуть было не опрокинув стул, и заметался по комнате, и Борх, сцепив пальцы на круглом животике, с удовлетворением наблюдал за ним.

— Как давно идёт штурм? — спросил Иорвет.

— Месяц назад из-за голода поднялись бунты кметов, к которым присоединились разбойничьи банды из бывших работников мануфактур, вывезенных в Нильфгаард. Что примечательно, бунтовщики размахивали флагами Альдерсберга и шли с именем некоего Александра на устах. Александра — законного короля АэDIRна, которого до этого знать никто не знал! Уверен, что ты никак не связан с листовками, наводнившими АэDIRн.

Он укоризненно смотрел на Иорвета, а тот кивнул и сказал:

— Продолжай.

— Моя дочь и этот... Александр воспользовались шансом. Саэсентессис сумела найти

общий язык с Исенгримом, заручилась поддержкой Дол Благанна и выступила с Севера. А с запада, с Махакама, ударила скрывающаяся в изгнании Мэва, которая восстановила дружину и теперь надеется под шумок вернуть себе Лирию и Ривию. А вы сидите здесь, наслаждаетесь одиночеством...

Последние слова Борх произнес таким тоном, будто не порицал нас, а хвалил.

— Я бы тоже сидел в Алтинадире, если бы...

— Что-то пошло не так, — констатировал Иорвет и вернулся за стол.

— Да. Тогда-то Саэсентессис и послала мне зов... — Борх замолчал и подал мне кружку. — Не откажусь ещё от вина — я уж и забыл, насколько отвратителен климат Севера.

С невинным и хитроватым выражением на лице он размешивал мёд и тарабанил ложечкой по кружке особенно долго, и делал это явно намеренно, испытывая терпение Иорвета, который сидел как на иголках.

— Н-да. Было опрометчивым недооценить противника. По тому, как вяло Нильфгаард реагировал на бунты, сделали вывод, что силы и казна южан истощены. Однако Белое Пламя лишь ждал, пока союзники откроют карты, чтобы уничтожить их всех одновременно, — Борх залпом выпил вино, утёр губы. — Три дня назад перед королевским дворцом в Венгерберге открылся портал размером с парадные ворота, из которого напрямик из Золотых Башен строем валят войска. Свежая, полная сил пехота, кавалерия и сияющие, как медяки, латники. С заходом солнца портал закрывается, а на рассвете возникает вновь.

— Пробовали его уничтожить? — резко спросил Иорвет.

— К дворцу, где обосновалась группа магов, не подобраться незамеченным, а если так дальше пойдёт, то в Венгерберге чёрных будет больше, чем в самом Нильфгаарде. Даже если уничтожить портал, страшной битвы не избежать, их уже слишком много. Саэсентессис готова открыться.

Он замолчал и стал серьёзен.

— Два дракона — это гораздо лучше, чем один. Особенно если среди них есть золотой. Но остаётся вопрос с порталом, и тут я, конечно, вспомнил о вас, друзья мои. С вашим умением проникать в магический мир мы быстренько обстригаем это дельце. Туда-обратно, и вы вернётесь к деревенским пасторалям.

Должно быть Борх заметил что-то в наших лицах, потому что насмешливое выражение исчезло с его физиономии, и проскользнуло нечто, больше похожее на сочувствие. Он поднялся из-за стола, выглянул в окно.

— Не буду мешать вам собираться. Вернусь к вечеру, — сказал он, застёгивая на все пуговицы дублет. — Мы полетим в темноте.

Открыл настежь дверь, и только пушистый лисий хвост махнул по снегу задорным белым кончиком.

Я бросилась к вещам, на миг ужаснувшись масштабам сборов, но тут же замедлилась, остановилась. Нашу здешнюю жизнь нельзя было уместить в мешок, и с собой мы унесём лишь то, с чем пришли, а это совсем немного. Иорвет, склонив голову, стоял с одеялами в руках и вдруг отшвырнул их обратно на постель.

— Иди ко мне, — сказал он.

До вечера оставалось время, Борх дал его нам, и мы делали то, что было должным в этой хижине, ставшей нашим местом, местом про любовь. А сборы — это недолго.

В полёт я надела всю имеющуюся тёплую одежду и, словно мумия, замоталась в одеяло

с головой. И всё равно промёрзла так, что казалось, будто кожа кусками отваливается с лица. Виллентретенмерт летел высоко, как в трансатлантическом перелёте, и мы болтались в люльках из верёвок, намотанных между драконьими пальцами. Временами я отрубалась в сон, похожий на обморок, временами пыталась высмотреть сквозь темень хоть что-нибудь внизу. Только единожды мелькнули адским пламенем огни махакамских плавилен, а потом снова потянулись погружённые во мрак леса.

Перед рассветом мы прибыли в проснувшийся, бурлящий лагерь Саскии под изрытыми траншеями стенами Венгерберга. Когда мы с Борхом вошли в командирскую палатку, облаченная в доспехи Саския вскочила от исчерченных стрелочками схем и неподдельно и искренне обрадовалась нам, запечатлев на моей щеке поцелуй, больше похожий на удар кулаком.

— Ждать больше нельзя! — решительно заявила она. — На рассвете мы взорвём ворота и начнём штурм. Мы возьмём на себя войска, ваша задача — уничтожить портал.

— Я уже всё рассказал нашим друзьям, — проворчал Борх. — Только передохну чуток с дороги... А где твой жених, неужто ещё спит?

— Александр ведёт дружины баронов и дивизию повстанцев. Мэва с ним, — нахмурившись, ответила Саския. — Против армии чёрных, заполонившей Венгерберг, этого всё равно мало, и я не хочу допустить значительных потерь с нашей стороны. Основной удар мы с тобой возьмём на себя.

Она выразительно смотрела в глаза отцу, и он согласно качнул головой. Два дракона — они поняли друг друга.

За спиной грохотали взрывы, под нами сухим дробным треском отбивали команды барабаны марширующих нильфгаардцев. От лагеря Саскии Виллентретенмерт поднялся к самому небу и спикировал на стеклянный купол в центре дворцового ансамбля. Разжал лапы у балкона, опоясывающего купол. Мы спрыгнули, и золотой дракон, не приземляясь, ударил хвостом по стеклянным панелям, и те со звоном обрушились. Перевернувшись в воздухе, он пронёсся над заполонившими дворцовую площадь войсками, выливающимися из разверстого чрева огненного портала. Из пасти Виллентретенмерта вырвалась жаркая струя пламени.

Соскользнув по верёвке, которую привязали к погнутой металлической балке каркаса купола, мы приземлились в дворцовой оранжерее. Над головой, истошно чирикающая, носились цветастые птички, а вокруг зеленели дебри диковинных кустов, пальм и папоротников, поломанных обвалившимся стеклом. Медальон стучал в грудь, и даже без изнанки чувствовалось, как магия звенела в воздухе. Наша цель была под нами.

Виллентретенмерт показался за окном. Он перекручивался в небе, как ртуть, уворачиваясь от арбалетных болтов, и был быстр, как вспышка, как молния. Послышался звон стекла, грохот и душераздирающие вопли.

— Путь свободен! — крикнул Йорвет и с мечом наперевес бросился к лестнице.

В зале этажом ниже царил полный разгром. Около обугленных столов, расставленных по кругу у окон, дымились лежащие ничком трупы. Один из чародеев в горячей мантии попытался сбежать через балкон и упал там, страшно крича, и Йорвет мечом добил его. Но середина круглого зала осталась нетронутой. За плотной, едва проницаемой взглядом магической сферой стояли кругом зеркала, похожие на мегаскопы. Между ними и к центру, где медленно крутилось на подставке ослепительное нечто, на которое невозможно было смотреть без чёрных пятен в глазах, затейливой пентаграммой протянулись лучи.

Не подумав, я ударила для пробы Аардом в сферу. Та спружинила и отразила удар, отшвырнув нас с Иорветом к стене. Поднимаясь, на миг я задержала взгляд в разбитом окне — там раздался громopodobный рык, и над марширующими по дворцовой площади нильфгаардцами пролетел гигантский зелёный дракон. В вираже Саэсентессис пыхнула огнём и взмыла к парящему в небе кругами Виллентретенмерту.

— Приготовься, нам придётся действовать быстро, — отчеканил Иорвет, сбросил перчатку и взял меня за руку.

По битому стеклу мы прошли к защитной сфере. На счёт «три» соединили ладони.

Изнанка гудела, лязгала и гроыхала. По поверхности защитной сферы плавали, крутились и сталкивались зубастые диски, как для огромной циркулярной пилы. За ними, в недоступном центре, сияло в лучах от мегаскопов содержимое запечатанной бутылки.

— Что делать? — воскликнула я, тут же красочно представив себе, как при попытке пробраться внутрь диски кромсают тело на куски.

Иорвет попробовал отодвинуть один из дисков мечом. Со снопом искр тот провернулся вокруг лезвия, и меч едва не вырвало из руки.

— Ирден! — пришла в голову идея. — Попробую остановить их ловушкой!

— Ударишь по моему сигналу, — кивнув, скомандовал Иорвет. — Жди здесь, я проскочу внутрь.

Последнюю фразу он сказал категоричным, не допускающим возражений тоном. Шагнул к смертоносной сфере. Иорвет был прав, тысячу раз прав, идти вдвоём не имело смысла, но страх сковал меня.

— Секунду, — сказала я, закрыв глаза.

Вдохнула глубоко. Я должна мыслить кристально и чётко, иначе смерть.

— Готова.

Иорвет выждал, пока между дисками образуется зазор, взмахнул ладонью. Ирден! Диски замедлились и заскрежетали, будто в несуществующую смазку попал песок. Ещё один! Страх перерос в уверенность, что я смогу, что у меня есть силы. Третий Ирден, диски, подёргиваясь, застыли, и Иорвет проскользнул между зубьями внутрь сферы. Взмахи меча, и разбитые мегаскопы попадали в стороны, пентаграмма из лучей развалилась. Иорвет остановился перед бутылкой, светящейся на постаменте. Подумав, занёс обеими руками меч.

Свист лезвия по дуге, и из отсечённого горлышка забила фонтаном пенящаяся струя света, будто внутри бутылки кока-кола с ментосом вошли в реакцию. Пыхнуло магией, и я уж испугалась, что сейчас появится джинн, который будет разрушать и строить дворцы, но джинна не появилось — с металлическим звоном диски осыпались с защитной сферы на мраморные плиты, струя захирела, и жидкость зашипела вокруг отколотого горлышка, заливая пол. А белоснежный Иорвет, глядя в сторону распахнутого балкона, так и замер с мечом в руках и вдруг рванулся вперёд:

— Скорее сюда! — закричал он. — Сюда!

В три прыжка мы выскочили на балкон, где в чёрном небе изнанки над нарисованным городом медленно плыл свернувшийся кольцом исполинский белый змей, кусающий свой хвост.

— Знак! — хрипло воскликнул Иорвет. — Кольцо Исенгрима всё это время указывало на Знак!

Небо светлело, Уроборос распался на зелёную и золотую половины, и в голубом небе проявились кружащие драконы. Портал перед дворцом исчез. Саэсентессис с

Виллентретенмертом разорвали кольцо и в брющем полёте погнажи огнём с площади остатки бегущих нильфгаардцев.

— Если это был Знак, — сказала я, — значит Велунд выбрал правильно.

— Я выбрал правильно, — повернувшись ко мне, убеждённо заявил Йорвет. — А значит и Велунд тоже.

Весной отгремела свадьба. Саския прошагала к алтарю в белом платье и внушающих уважение каблуках и даже ни разу не покачнулась. Под руку её вёл отец. Бракосочетание драконицы с новым королём Аэдиерна было большим, чем просто свадьба — это был пакт о создании Новой Северной Коалиции. Была тут беловолосая, вся в шрамах, Мэва, получившая своё и которой позарез нужны были союзники: Лирия и Ривия были первыми на пути Нильфгаарда, задумай Эмгыр снова двинуться на Север. Прибыл Исенгрим с Филавандрелем. Последний не разговаривал с Йорветом с того самого дня, как Йорвет объявил на совете в Дол Блатанна, что видел Знак. Филавандрель поверил, но так и не смог принять, что послание для Велунда увидел не он. В свою очередь Исенгрим не разговаривал со мной. Был подчёркнуто вежлив, неизменно снабжал запасами кофе и в то же время недвусмысленно показывал, что решил переждать меня, как пережидают налетевший дождь — терпеливо и с уверенностью, что непогода вот-вот закончится.

Из Вергена вместе с Киараном прибыл Ярпен Зигрин — с расчёсанной бородой и с супругой. Юзефа без капли смущения давала к поцелуям обветренные, в цыпках, руки, и как-то, проходя по коридору дворца, где поселили гостей, я слышала, как громогласно она распекала прислугу, недостаточно стерильно отдраившую в комнате пол.

Вдовствующая королева-мать Зулейка прислала в подарок молодожёнам полное собрание сочинений пророка Лебеды. Действующий король Ковира и Повисса Танкред, её сын, соблюдая нейтралитет, ограничился письмом с поздравлениями, однако между страниц присланных королевой трактатов обнаружились инвестиционные предложения ковирицев по восстановлению аэдириских мануфактур.

Из Третогора от Адды, королевы Редании и Каэдвена, называемой в кулуарах не иначе, как «стрыгой», прибыли в подарок проложенные льдом ящики с мясом катоблепаса — горного чудовища, также известного, как горгон, чьё мясо, по слухам, на вкус весьма напоминало человечину, и осторожная записка о надежде на увеличение скорости роста создания предпосылок для взаимовыгодного сотрудничества от отрицательной к положительной.

Из Темерии, подписавшей вассальный договор с Нильфгаардом, не пришло ничего.

Долгожданный мир наступил. Время меча и топора прошло, началось время скрипящих по бумаге перьев. Йорвет погряз в письмах, донесениях и отчётах, и как-то, сдуру, я предложила помочь ему с инвестиционными проектами ковирицев, которые Саския сбагрила на Йорвета, а тот прокрастинировал до последнего, оправдываясь неотложными политическими делами. «В конце концов, я это умею», — думала я. Зарывшись по уши в дырявые средневековые законы и обнаружив, что двойную бухгалтерскую запись ещё не изобрели, я превратила письма в бизнес-планы, взамен грабительских ссудных условий предложила миноритарные доли в уставном капитале, сопроводив послание расчётами, графиками и картинками, и не заметила опасно воодушевлённый взгляд Йорвета, которому вечерами питчила свои проекты. Через неделю по приезде в Венгерберг Саския зажала меня

в углу дворцового кабинета и, взяв за грудки, объявила о моей новой должности — королевского финансового консультанта. Работы в момент стало невпроворот: феодальная финансовая система только зарождалась, разрушенная экономика требовала реформ, а в идею центрального королевского банка Саския вцепилась с рвением настоящего дракона, который почуял пещеру с золотом. Ведьмачьи заказы стали редкой отдушиной, и я кляла себя за то, что и в новом мире вляпалась в финансовые дела.

Мы с Иорветом постоянно кочевали между Долиной Понтара, Дол Блатанна и Аэдирном, и всё чаще он задумывался о месте, которое хотел бы назвать своим домом. Мне было проще. Мой дом всегда был там, где были близкие, а сейчас там, где был он. Иорвет же, в отличие от Киарана, не прикипел душой к краснолюдскому Вергену, его не тянуло ни на родину матери — в Ард Дол, ни на родину отца — в Дол Блатанна. Он искал.

На летний Солтыщий отправились в Берг Аен Даль — старый эльфийский город на границе Долины Понтара и Дол Блатанна. Город активно восстанавливали эльфы-беженцы с Севера, а покинутую деревню неподалёку на берегу Бланице, притока Дыфни, — там, где Рудные Кряжи сходили в долину — заселили скоя'таэли из бывшего отряда Иорвета. Дол Блатанна не показалась им родной, а отряд за долгие годы стал семьёй. Они дали посёлку имя Фен Эате — Летний Луг. Иорвета позвали почётным гостем на эльфийский праздник летнего солнцестояния, для меня же это был повод увидеть Мону.

Стояла жара. Ранним вечером луг в излучине реки так пах горячим тысячелистником и ромашкой, что казалось, будто в руке должна появиться удочка из орешника, коленки стать разбиты, а метёлки мятлика доставать до пояса. К ночи разожгли костры, эльфы танцевали, пьяные от вина, свободы и лета. Играли музыканты, играл на флейте Иорвет, и я плясала в изменяющих сознание жарких бликах костра среди гибких эльфов, будто среди своих. Иорвет, закончив играть, нашёл меня, и мы танцевали вдвоем, позабыв, что не одни, а потом, разгорячённые, сбегали на реку, где уже слышались смех и плеск. Нашли уединённое место и купались нагишом в полной темноте.

Встретили потом рассвет и побрели по берегу рука об руку вверх по течению. Из утреннего тумана проглядывали отроги гор, река тихо журчала у валунов. За поворотом на противоположном берегу открылась поляна, на которой возвышалась прилепленная к скале деревянная мельница, а стиснутое каменной плотиной русло реки бежало под остановившимся мельничным колесом. То ли нежное утреннее солнце так подсвечивало поляну, то ли дело было в прозрачной берёзовой роще за мельницей или в песчаном пляже ниже плотины под яркими соснами — казалось, что это место, хоть и сонное, ждущее кого-то, создано специально, чтобы с него рисовали открытки из мира волшебных сказок.

Мы перешли по мосту над плотиной, забрались на балкон на втором этаже мельницы. В просвете между соснами проглядывали крыши посёлка скоя'таэлей, над которыми вился дымок. Вправо убегала река, а слева забирались в небо горы. Иорвет набил трубку и закурил.

— Интересно, кому принадлежит эта земля, — задумчиво произнёс он.

— Узнать нетрудно, — ответила я и улыбнулась ему.

Кажется, мы нашли.

Дана Меадбх пришла весной. Поговаривали, что проплыла светловолосая Дева над отдохнувшими, избавленными от землепашцев полям Дол Блатанна в цветочном венке, в окружении птиц и зверей, и там, где ступала её нога, зашелестели луга, поднялись из земли сады и буйные леса, полные дичи.

Скоя'таэли из Фен Эате утверждали, что видели Деву Полей у берегов Бланице и в лесах предгорья, а потом дошли слухи из Берг Аен Даля, что Дева побывала и у них. Эльфы ликовали.

Вопрос с владением земли у мельницы решился просто — земля принадлежала короне, и Саския с облегчением отписала её Иорвету в счёт долга по давно невыплаченному вознаграждению.

Год был чудовищным по количеству работы. Саския имела прирожденную финансовую хватку, и, пока Александр занимался военными и рыцарскими делами, мы воротили дела экономические. Ежедневно по полдня я пропадала в прошлом мире, перелопачивая историю, чтобы не наступить на грабли. Долина Понтара превратилась в своеобразный офшор, привлекая деньги и бизнесы со всего Севера, производства Аэдирна получили налоговые льготы и с помощью заградительных пошлин для нильфгаардцев смогли развиваться.

Над планами нового дома мы с Иорветом спорили до хрипоты, и я заранее ужасалась тому, что будет после, но неожиданно стройка двигалась настолько гладко, насколько это вообще возможно в таких делах. Ярпен сосватал артель плотников-краснолюдов «за которых зуб даст», и они не ударили в грязь лицом. Нам повезло: под мельницей, которую починили и временно превратили в лесопилку, обнаружился фундамент старого эльфийского здания в точности нужного нам размера, и единственной настоящей сложностью было доказать краснолюдам, что план дома мы составили в своём уме и в твёрдой памяти, и пресекать все попытки сделать «как положено».

К весне, когда Дана Меадбх прошла по землям эльфов, дом был готов достаточно, чтобы переезжать. После многих месяцев скитаний приземлиться в своём жилище, пусть даже и на полу на матрасе, в пустых комнатах без мебели, казалось верхом счастья. Лесопилку свернули, краснолюды нашли заказы в деревне.

Скоро отгремел Блатхе — эльфийский Беллетэйн. Одним майским вечером мы с Иорветом сидели на веранде. Выдыхали. Нагретые за день доски пахли свежим деревом. Темнело. В реке плюхнула рыбина, снизу в конюшне тихонько заржала Туча и басовитым храпом ей ответил Бинки.

— Я получил письмо от Иолара, — задумчиво произнёс Иорвет. — Ему нужна помощь, да и у меня есть, что передать ему от Исенгрима...

Было в голосе Иорвета то, что томило и меня — теперь, когда у нас появилось место, куда можно было вернуться в любой момент, всё чаще накрывала тянущая тоска по путешествиям и неизвестным дорогам. Прошло больше года с той поры, как на золотом драконе мы покинули Велен. Я смотрела на долину внизу. На берегу ниже по течению, на отшибе разросшегося Фен Эате, горел огонёк в окне дома Моны и Роэля. Они ждали ребёнка.

— Отправляемся в Синие Горы? — спросила я.

— И как можно скорее!

Синие Горы, вершина мира. Небо, что не давило, а утягивало ввысь вместе с горными пиками в бесконечную невесомую синь. Расплескавшиеся поля цветущих ирисов и гудящие от шмелей высокогорные луга на плато, по которым с гулким грохотом, сотрясая землю, проносились табуны диких лошадей.

За месяц, что мы добирались до кочевой деревни Свободных Эльфов, мы огребли на

свои arse столько приключений, что, по моим расчётам, их должно было хватить минимум на год вперёд. Собрали бинго из всех возможных неприятностей от бандитов, призраков и горгулий Лок Муинне до скальных троллей. Трижды побывали на волосок от смерти. После того, как встретили у перевала проводника из Свободных Эльфов, пережили землетрясение и чуть не погибли под обвалом, оползнем и лавиной одновременно, и после грозы нас, вместе с ошалевшими от страха лошадьми, едва не смыло селем обратно в долину. Проводник, бесстрастное смуглое лицо которого ничуть не менялось от обстоятельств, пожимал широкими плечами и говорил, что любая погода хороша.

Добравшись до деревни, первым делом он помог расседлать лошадей, а потом жестами и уговорами пытался объяснить уставшим животным, что пастись следует вольно. Бинки и Туча отбегали и, сделав круг, жалась к похожим на вигвамы жилищам эльфов.

А мы с Иорветом, пронизанные насквозь ветром, позабывшие о скрипящих перьях и какой-то там работе при свечах, уселись у очага в вигваме командира Свободных Эльфов. Иолар, в неизменной накидке из меха мантикоры выглядевший, в отличие от нас, предельно гармонично среди расшитых бисером дублёных шкур и подвесок из верёвочек, бусин и перьев, поднёс еду и травяной чай и уселся напротив.

— Мне нужна помощь, — сказал он.

Полог откинулся и вошла эльфийка, которую поначалу я приняла за индианку, одну из местных. Вокруг её бёдер был повязан цветастый платок, по сторонам загорелого лица спускались косички.

— Торувьель! — воскликнул Иорвет.

Она присела на шкуру рядом с Иоларом, и его хищное красивое лицо озарилось счастьем, будто он увидел солнце.

— Когда я уходил из Дол Блатанна, я не мог помочь ей. Я не мог помочь даже самому себе, — сказал он. — Но она помогла мне. Прошёл год, и она пришла.

Торувьель рассмеялась.

— Если вы думаете, что у здешних эльфов меньше дурацких обычаев, чем в Дол Блатанна, вы ошибаетесь, — своим низким хриплым голосом произнесла она. — Прежде, чем мы можем пожениться, я должна выдержать испытание посвящения в племя...

— В народ, — поправил Иолар. — Каждый из нас проходил это испытание.

— Знаю. Ты меня об этом не предупреждал, — снова рассмеялась Торувьель. — По понятным причинам Старейшины не хотят принимать в стаю...

— В народ, — снова поправил Иолар.

— ...чужака, — закончила Торувьель, обняла его, и нахмуренные брови вождя Свободных Эльфов разгладились. — Мне нужна помощь.

Как оказалось, кандидат в племя мог выбрать двух помощников для прохождения испытания, но вредные старейшины запретили кому-либо из Свободных Эльфов помогать Торувьель. Более того, обычное испытание заключалось в том, чтобы принести птенца белого горного орла и не погибнуть в восхождении на скалы и от клювов орлов-родителей, которых запрещалось убивать. Потом пойманных орлят обучали охоте. Для Торувьель же выбрали целью грифона-альбиноса — белоснежное чудовище, помесь льва и орла. Гнездящуюся пару видели на одном из самых опасных и недоступных пиков у плато.

— Мы бы справились с грифонами, — виновато сказал Иолар, — но в пещеру с гнездом невозможно попасть, она будто внутри скалы.

— Иллюзия, — важно кивнула я.

— Вот затем нам и нужен был ведьмак! — обрадовался Иолар.

— Как мы заберёмся на пик? — хмуро спросил Иорвет.

— Мы можем помогать помощникам, но не Торувьель. Вы проникнете за иллюзию и передадите ей птенца. Она принесёт его Старейшинам, мы поженимся, — озвучил Иолар свой бесхитростный план.

Ночью мы с Иорветом лежали, обнявшись, на толстом ложе из шкур в вигваме, который нам выделили, как дорогим гостям. Не было сил ни на любовь, ни на что, и от горчащего дыма кизяка в очаге хотелось только спать и спать — день или лучше два. Но на рассвете надо было ползти на гору, и мы крепко прижимались друг к другу.

— Я побеседовал со Старейшиной, — тихо шепнул Иорвет на ухо. — Отдал ему весь запас табака.

— Грифона заменили на орла? — сонно спросила я.

— Нет. Договорился, что если мы выживем, тоже провести для нас обряд.

— Посвящения в стаю? Зачем?

— Нет, — Иорвет тихо рассмеялся. — Бракосочетания.

От удивления я аж проснулась и, приподнявшись, заглянула в лицо Иорвету, чтобы убедиться, что он не шутит.

— У меня уже есть бумага от Хранительниц, — напомнила я. — Прямо с собой, в сумке. Мы будем жениться во всех жопах мира, куда забросит нас судьба?

— Во всех не понадобится, — серьёзно ответил он. — Эльфийский обряд в Синих Горах имеет силу в Дол Блатанна, а значит и в Аэдирне и Долине Понтара. Пока мы добирались сюда, я подумал, что надо, чтобы у тебя была легитимная бумага о браке. Если что-то случится со мной, право на нашу землю по закону перейдёт к тебе.

Я смотрела на него — он точно не шутил. Неужели он правда думал, что мне нужна земля и наш дом после того, как его не станет? Нет, после этого мне нужен будет только маленький толстостенный пузырёк с эликсиром Филиппы, который всегда был со мной, так же, как и документ о принадлежности.

— Не смей даже думать об этом! — воскликнула я.

— Как пожелаешь, — ответил Иорвет.

— Так-то лучше, — буркнула я, укладываясь на шкуру.

— Но обряд проведём всё равно, — сказал он.

Если описать кратко и политкорректно наше восхождение на гору — это было трудно, но мы справились. Или так: это была полная задница, отмороженные конечности, туман, холод, беснующиеся грифоны (слава Аксию!), чуть не улетевшая в пропасть Торувьель, проход по изнанке за иллюзию, битва с Элементалем Льда, птенец грифона размером с волкодава, который, кажется, откусил добрый кусок от каждого из нас, спуск на ледяном ветру и сорванные страховочные крюки. Но мы справились.

Когда Торувьель передала мешок с птенцом Старейшинам, возникли сложности — обнаружилось, что сто пятидесятый пункт правил в свитке, описывающем обряд, однозначно указывал, что помощниками могут быть только представители народа Свободных Эльфов. Однако под яростным взглядом Иолара, который страшил даже больше, чем грифон, Старейшины не рискнули объявить испытание проваленным и, посоветовавшись, решили в виде исключения принять задним числом в Свободные Эльфы Иорвета и меня. Запрета для дхойне стать эльфом в правилах не нашлось, как ни искали: свитки были написаны ещё до

того, как дхойне высадились на Континент. Этот несуразный факт смешил меня в течение всего ритуала, когда Старейшины (их женская половина выглядела моими ровесницами) обходили нас с мисками из тыквенных корок, откуда мы зачерпывали пальцами распаренный сладкий овёс.

Самый главный Старейшина, похожий на гитариста Роллинг Стоунз, не отходя от кассы, поженил всех желающих. Желали Иолар и Иорвет, и в результате, ещё по какому-то древнему обычаю, мы с Торувьель стали названными сёстрами, а Иорвет с Иоларом братьями.

И всё же, без шуток, путешествие в Синие Горы оказалось лучшим, что случалось со мной за последний год. Мы прошли с племенем через плато, наши лошади носились без сёдел и узды в табуне где-то там, без нас, а миндальный запах белых нежных цветов камнеломки с примесью пряной полыни снился мне потом много лет.

— Не будешь скучать по дому? — как-то спросила я Торувьель.

Мы сидели перед вигвамом, смотрели на красное солнце, зацепившееся за горный пик, и в ущелье под плато колыхалось внизу, будто море, охряное облако.

— Солнце везде разное, — задумчиво сказала она, подняв тонкую изогнутую трубку, и из её губ тоже вырвалось облачко. — Когда тоскуешь по дому, просто взгляни на небо. Куда бы ты ни поехала, Луна везде — одна и та же.

Так оно и было. Круглое полупрозрачное лицо Луны уже висело над горами, точно такое же, как на Севере. Она будто терпеливо ждала своего часа, когда надоедливое солнце, наконец, уйдёт на покой, и можно будет, сияя, занять чёрное небо. Торувьель тоже смотрела на Луну.

— Когда тебе подкидывают новую жизнь, надо брать, — сказала она.

На зиму мы окончательно перебрались в дом у мельницы. Летом можно путешествовать где угодно, а зимой хотелось сидеть у камина, смотреть на снег за окном и выходить наружу лишь затем, чтобы добежать до гостеприимного дома друзей.

Прошло два года с тех пор, как я очнулась в заснеженной хижине на острове. За окном стучал снег с дождем, таяло, по стёклам текло. Заколотили в дверь. Это оказался гонец из Вергена — тот самый паренёк, что когда-то принёс письмо от Эскеля. Он вырос, возмужал и, гордо оправив китель с эмблемой летящего дракона, отказался от чая, сунув мне в руки пухлый пакет.

— Ведьмачке, тут так написано, — пробасил он и вскочил на лошадь в расшитой попоне Королевской Почты.

Я вернулась к камину, опустилась на расстеленную медвежью шкуру. Иорвет поднял голову от тома по истории Скеллиге, которой живо интересовался в последнее время. Сам Иорвет утверждал, что хочет побольше узнать об Ундвике, ведь это теперь и его земля, а я подозревала, что вместе с Исенгримом они готовят для Керис ан Крайт предложение, от которого невозможно отказаться.

Из пакета я достала пачку исписанных листов, перевязанных красной ленточкой и письмо со знакомым мелким убористым почерком.

— Это от Марго, — сказала я.

Иорвет скептически приподнял бровь, а я склонилась к письму, повернув его к свету камина.

Милая моя ведьмачка!

Я вовсе не удивлена, отнюдь. Я знала, что так и будет — гордый неприступный ская'таэль и упрямая (я бы даже сказала, местами твердолобая), но обаятельная ведьмачка! Рада, что ты последовала моему совету.

Не удивлена я и тому, что не встречаю вас на балах и приёмах, что, учитывая ваше приближённое к верхам положение (да-да, слухи летят далеко), было бы естественным. Милые влюблённые лунатики! Я так и знала, что вы не останетесь при дворцах, а растаете в туманной дали подальше от цивилизации. Однако помяни моё слово — рай в шалаше хотя и может длиться долго, но однажды ты начнёшь мечтать о шёлковых нарядах, карете на мягких рессорах и расторопных служанках. Не пристало женщине, даже пусть и ведьмачке, отказываться от того, что заработала.

Я прямо вижу перед собой твоё лицо и слава богам, что сейчас я далеко и могу спокойно высказать своё мнение, не опасаясь, что ты набросишься на меня, как дикая кошка, и не начнёшь спорить и разглагольствовать о Пути и прочих ваших ведьмачьих штучках.

Не буду отрицать — что-то в этом есть. Даже больше! Уверена, что Путь — собственность не только ведьмаков, а, возможно, и романисток тоже. Вы истребляете чудовищ мечом в дремучих лесах и городских трущобах, мы — пишущий народ — остро отточенным пером истребляем чудовищ в сердцах людей.

Не буду более отвлекать тебя от чрезвычайно важных романтических дел, настолько важных, что за эти годы ты не сподобилась черкнуть мне ни строчки. Однако сейчас я требую весточку в ответ. С этим письмом посылаю копию моей рукописи «Авантюрные похождения ведьмачки» и жду редакций по части наименования оружия, боевых телодвижений и прочего, что сочтёшь необходимым исправить. Правок по сюжету не приму, так и знай!

Плачь и смейся, читая мой лучший роман, ведьмачка, и думай обо мне иногда.

Твоя любящая подруга Марго Д'Альбер.

P.S. Ответ отправь на адрес милого Скалена Бурдона в Вергене, он переишлёт его по назначению. В силу некоторых причин я не могу доверить почте тайну своего местонахождения.

Я не стала пересказывать Йорвету содержание письма — ответных шпилек в адрес Марго было бы не избежать. Вместо этого принесла свечей, расставила их у шкуры и распустила бант на рукописи. Приключения ведьмачки начались.

Надо было отдать должное мастерству Марго — от текста невозможно было оторваться, и будь он о ком-то другом, я погрузилась бы в историю с головой. Однако ведьмачка Анна была слишком очевидно списана с меня, хоть и щеголяла в элегантных доспехах, открывающих пупок, и я злилась на Марго и возмущалась нелогичностью (и местами тупостью) героини. Я бы так не поступила никогда! Читая первую часть книги об обучении Анны в ведьмачьей крепости и любви с ведьмаком Акселем, я покрывалась холодным потом при мысли, что кто-то из ведьмаков — Весемир или Эскель, или не дай бог Ламберт — прочтёт книгу. Ведьмачий быт был там выписан с впечатляющей достоверностью и не оставалось сомнений, кто был для автора источником информации.

На третий день, когда непогода за окном только разыгралась, а Йорвет покончил со Скеллиге и перешёл к истории благородных родов Темерии, я добралась до второй части, где

появился тот самый неприступный скоя'таэль Йорен, который приставил нож к беззащитной пульсирующей жилке на шее Анны в глухом флотзамском лесу. Йорвет терпел долго, слушая мои взрывы смеха, потом отложил Темерию.

— Что там? — спросил он.

— «Йорен рыкнул и, раздирая корсет, впился яростным поцелуем в белое плечо», — зачитала я. — Хм-м, странно, я никогда не носила корсетов...

Я сделала пометку в списке правок, подняла взгляд и увидела лицо Йорвета.

— А то, что я не раздирал ничего с рыком, тебя не смущает? — ледяным голосом спросил он. — Что там дальше?

Перелистнув пару страниц, я пробежалась по ровным строчкам взглядом.

— Дальше... м-м-м... спелеология.

— Что?

— Ну, про пещеры. Пещерки... — я расхохоталась.

— Дай посмотреть!

Я передала ему страницы, начиная с Флотзама, и он погрузился в текст, отшвыривая прочитанные листы на пол. Я лежала на пушистой шкуре, переводила взгляд с огня на мокрый снег за окном и на лицо Йорвета, которое чем дальше, тем более покрывалось пунцовыми пятнами. Наконец, он закончил читать, собрал в кучу разбросанные страницы и вернул мне.

— Ты должна сама написать всю правду, — сказал он, поднимая с пола том с Темерией. — Иначе из-за таких вот писак ведьмаки и скоя'таэли станут посмешищем всего Севера.

— Я? Для этого нужно быть писателем!

— Ерунда, — он раскрыл книгу и веско произнёс: — Берёшь перо и пишешь буквы, складываешь их в слова, ставишь одно слово за другим. Что тут сложного?

Весной, почти через три года после битвы в Каэр Морхене, мне пришло письмо из Ард Дола: тонкая полупрозрачная бумага, запах лаванды и аристократический почерк с длинными завитушками. Писала Наина. Писала, что болела всю зиму и думает о море. Она не жаловалась, не просила и, тем более, не требовала — писала так, будто бабушка позабывшему о ней внуку. Я поняла, что тянуть далее нельзя.

Йорвету тоже принесли письмо. Сургуч был запечатан оттиском перстня с лилией.

— Мы должны были встретиться через два месяца во Флотзаме, но Роше переносит встречу в Элландер, — мрачно сказал он. — По словам Неннэке, Анаис исчезла из храма Мелителе, Роше подозревает похищение. Мы должны ехать немедленно!

Я мялась и крутила в руках письмо Наины.

— Боюсь, что она потеряет надежду, если придётся опять ждать, — я протянула ему письмо. — Я должна быть в Ард Доле.

Йорвет отвернулся и долго смотрел в окно.

— Я думал, мы сделаем это темерское дело вместе, — наконец, сказал он.

Вместе... Три года мы были неразлучны, как попугайчики. Слились, потеряли границы собственных «я», став «мы», и может быть, пришло время вспомнить, чего каждый стоит. Йорвет пристально смотрел мне в лицо.

— Отдохнём друг от друга... — упавшим голосом сказала я.

— Я не устал, — буркнул он в ответ.

Разлука — темерское дело Иорвета и путешествие с Наиной из Ард Дола на Скеллиге — затянулась на полгода. Когда-нибудь я напишу о приключениях в пути: об эльфийке, которую полюбила, как родную, которая, однако, великосветскими капризами вынесла мозг каждому, о Рагнаре и о том, как он влюбился без памяти в рыжеволосую Керис ан Крайт, о корчме в Мариборе посреди глухомани, где на середине пути на один краткий вечер встретились мы с Иорветом. Был там Роше, предъявивший мне счёт за каждого из Синих Полосок, съеденных за три года чудовищами, была Бьянка, был Геральт и непостижимым образом возникшая Марго, которая, не объясняя ничего, словно расстались мы день назад, потребовала поменяться с ней на вечер одеждой для тайного дела. Когда-нибудь я напишу об этом. Буду складывать буквы в слова, ставить одно слово за другим, как советовал Иорвет, пока не получится история — она того стоит. Когда-нибудь.

По приглашению Керис Наина с Рагнаром остались зимовать в Каэр Трольде. Старая эльфийка, утверждавшая, что морской воздух идёт на пользу её артритам, закрутила роман с импозантным ярлом, а изгнать Рагнара со Скеллиге теперь не представлялось возможным даже силой. Получив письмо от Иорвета, и с охранными грамотами канцелярий Адды Саскии и Керис в кармане, я отправилась в обратный путь вверх по Понтару и добралась до Вергена — условленного места встречи.

Прошла неделя, потом другая, но Иорвет так и не появился. В Вергене раскрасились жёлтым листья, стояла ранняя бархатная тёплая осень. Я повидалась с Эйлин и Несой, до чёртиков надоела Титу Сороке, околавываясь в кузнице, пока мне ремонтировали доспехи и оружие, приняла заказ на вновь расплодившихся в пещерах гарпий келайно, измаялась и волновалась всё сильнее. К началу третьей недели красочно представила все смертельные опасности у Иорвета на пути: нильфгаардскую разведку, бандитов, страшных чудовищ и Верноссиэль. Из-за навязчивых мыслей об эльфийке и остальных несомненно прекрасных женщинах вокруг Иорвета меня тошнило от самой себя, и всё чаще вечерами я оставалась в тесной каменной комнатухе, которую сняла над таверной, медитируя и выбираясь в народ, только чтобы поесть.

В один такой вечер принесли пакет от Скалена Бурдона, который передал от Марго подарочный экземпляр в кожаной обложке с вензелями из первого тиража «Похождений ведьмачки». Я спустилась в таверну и заняла свой столик в углу. Ведьмачка Анна переделалась — живот теперь был закрыт, но доспех стал выгодно подчёркивать грудь. Вздохнув, я отпила вина, перевернула страницу. Даже магия Марго сейчас не действовала.

— Кого-то ждёте, госпожа? — над плечом появилась тень, а этот голос, от которого мурашки побежали по шее и ослабили колени, я узнала бы из миллионов.

— Одного высокого темноволосого красавца, — ответила я, не поворачивая головы.

— Я не подойду?

Иорвет уселся напротив, улыбаясь краешками губ, а я смотрела на него, неувовимо изменившегося, такого и не такого, будто видела впервые. И как впервые, больно и сладко ёкнуло и разорвалось что-то в груди.

— На вид похож, — ответила я, сдерживаясь, чтобы не кинуться ему на шею и не осыпать поцелуями при всём народе. — Но надо убедиться.

Вино осталось недопитым, а мы сбежали в мою комнату и убеждались и убеждались в том, что разлука прошла, и снова мы были вместе — немножко иные, но выбравшие вернуться друг к другу. Ладони соединились совершенно случайно, волк, тяжело вздохнув и хмуро посмотрев исподлобья на непотребства, покрутился на месте и привалился к

нарисованной двери, а мы занимались любовью на изнанке, которая всё не кончалась.

— Мне приснился сон, — сказал утром Йорвет.

— Кошмар? — спросила я и натянула сползшее одеяло на ухо.

— Вроде того, но не совсем, — задумчиво ответил он. — Мне снились дети, наши дети.

— Просто плохой сон после дороги, — сказала я, взяла флягу с водой и поболтала — камешек был на месте. — Забудь.

О детях до этого мы не говорили никогда. Слишком сложно всё это было: неизбежный расовый вопрос, неизвестный срок моей жизни. Регулярно я посещала прошлый мир — пока там всё оставалось без изменений, Роза Шаэрраведда всегда была при мне, но сам факт того, что я могу уйти в любой момент не позволял даже думать в сторону детей. Меня всё устраивало, и до последнего времени я была уверена, что Йорвета всё устраивало тоже. Однако сны о детях не уходили, снились ему почти каждый день.

Мы вернулись в дом у мельницы на зиму и через некоторое время оказалось, что он прав.

— Твой камень не действует на изнанке! — потрясённо воскликнул Йорвет, когда я сообщила ему новость.

Я ожидала чего угодно: взрыва, отрицания, но не того, что он обрадуется, как мальчишка, с утроенной скоростью начнёт обставлять дом, опустошая наши счета в банках, и хлопать надо мной крыльями, будто я в миг стала стеклянной. Слух распространился по Фен Эате мгновенно. Мона, на правах молодой матери считавшая себя авторитетом, взяла меня в оборот. Выписала к Йуле эльфийскую лекарку из Дол Блатанна, которая приложила руки к моему животу, вынесла вердикт и выдала полдюжины мешочков с травами.

— Йорвет, я не больная, я всего лишь беременная! — воскликнула я, пробежав после приёма лекарки под градом от дома Моны до нашего и выслушав тираду о безопасности и осторожности.

— Ни разу за всё наше знакомство я не относился к тебе, как к слабой или больной, Яна, — серьёзно сказал Йорвет. — Но сейчас это не только твоё дело — ты носишь моего ребёнка!

— Детей, Йорвет, детей... — сказала я, снимая накидку.

Он побледнел, будто готов был упасть в обморок, подхватил меня под локоть, и я не вполне уверена, кто кого вёл к очагу.

— Нам надо расширить дом, — пробормотал он.

Шани приехала из Оксенфурта в конце мая, когда подошёл срок, и твёрдой рукой навела в доме порядок, поручив мятущемуся Йорвету три тысячи неотложных дел. Потом принялась за меня, пока я проклинала средневековье и отсутствие эпидуральной анестезии и причитала, что не для того я попала в этот мир, чтобы так страдать.

Но как и всё, что имеет свой срок, и это прошло. Йорвет, помогающий Шани, уложил детей мне на грудь.

— Принимай! Мальчик и девочка, — объявила Шани и, переглянувшись с Йорветом, добавила: — Ладони детей я обработаю позднее.

Я кивнула, особо не задумавшись о её словах, медичка тактично вышла. Йорвет склонился ко мне и с восторгом рассматривал детей, словно инопланетян.

— Это первая рыжая эльфийка с таким цветом волос, которую я вижу в своей жизни! — воскликнул он, прикоснувшись губами к темечку дочери с тонкими, медно-рыжими

волосами.

Волосы брата были тёмными, как у самого Йорвета.

— Потому что она полуэльфийка и получеловек, — прошептала я. — Мой дед был рыжим... Я никогда не знала об этом — он же был седой, хоть и весь в веснушках, а поняла потом.

— Нет. Мои дети — настоящие эльфы, — произнёс Йорвет. — Посмотри на их уши!

— А что бы ты делал, если бы у них оказались другие уши, ты, эльфийский расист? — рассмеялась я.

— Мои дети по-любому были бы настоящими эльфами, — убеждённо заявил Йорвет. — С любыми ушами.

Воспаление на детских ладонях — у Ульяны на левой, у Гленна на правой — Шани лечила неделю, и, когда сошла краснота, проявились будто вытатуированные линии чёткого круга, разделённого на чёрную и белую половины. Каждый из детей получил на ладони полный знак Инь-Ян.

— Это всё из-за чёртовой изнанки! — волновался Йорвет. — Надо навестить Айонантаниэла и узнать, чем им это грозит.

— Узнаем, — успокаивала я. — Для нас изнанка стала подарком, а не проклятием...

— Я бы хотел, чтобы они были нормальными эльфами, прожили нормальную жизнь, как... — он замолчал.

— И как кто же? — усмехнулась я.

Йорвет не ответил — нормальной жизни эльфы не видели столетия, и нашим детям предстояло искать её самостоятельно.

Пару последующих лет я помню, как в тумане — работа финансовым консультантом на правительство Саскии, не говоря уже о ведьмачьих заказах, была гораздо, гораздо проще. Хотя урывками работать и даже путешествовать мы продолжали. Как-то я ждала Йорвета в трактире в Вергерберге после тяжелейшей встречи с Гвидо Джианкарди. Банкир-краснолюд из могущественной диаспоры Джианкарди, владеющей банками по всему Северу, в неформальной обстановке пытался выбить для банка особые привилегии. Размер предлагаемой им взятки впечатлял. Оставшись в одиночестве и рассеянно слушая разговоры с соседних столиков, я осознала, насколько давно не была одна, в самом что ни на есть прямом смысле этого слова.

— Мир сошёл с ума, — услышала я позади. Обернулась: за столиком, заполненным пустыми кружками, сидели двое мужчин в долгополых купеческих сюртуках. — Чистокровные эльфы берут в жены скеллигских конунгов. Драконицы сидят на троне людских государств...

Один из купцов причитал, второй сокрушенно качал головой.

— Чародейки забыли палящий жар костров. Реданией правит стрыга. Куда это всё приведёт?

— Всё зло от баб, — поддакнул второй. — Только дай им волю!

— Я тебе скажу так, Вуфрик, — первый повысил голос. — Людям надо кого-то ненавидеть, иначе к чему стремиться, против кого дружить?

— О, за это не беспокойся. Не таким можно быть не только из-за формы ушей, — успокоил второй. — За что ненавидеть — найдём!

На пороге появился Иорвет, махнул мне рукой. На груди и на спине у него в переносках, сшитых по моему проекту, сидели и болтали ногами близнецы. Я поднялась из-за столика и, многозначительно глядя на купцов, надела перевязь с мечами.

— Да услышат тебя боги, Вуфрик! — сказал первый, пряча глаза.

Сложно было представить, насколько разными получились у нас дети. Ульяна — с солнечно-рыжими гладкими волосами, с зелёными, как у Иорвета, глазами, не давала спуску ни нам, ни всей детской округе Фен Эате. Её интересовали драки, палки, метание камней, и она не расставалась с детским луком, который выстрегал Иорвет. Темноволосый ласковый Гленн предпочитал наблюдать, задумчиво глядя на суетный мир серыми глазами с длинными эльфийскими ресницами. И всё же они были неразлучны.

На день рождения близнецов из Вергена к нам приехал Киаран в сопровождении сногшибательной эльфийки-блондинки и мгновенно покорило страстное и порывистое пятилетнее сердце нашей дочери. Ульяна не слезала с его рук всю неделю, что Киаран гостил у нас, и под снисходительными взглядами блондинки выбила из него обещание жениться на ней позже, когда она подрастёт. Киаран смеялся, давая обещание, мы с Иорветом переглянулись — на месте Киарана, зная нашу дочь, мы бы не смеялись.

Гленна же подобные глупости не интересовали. Он уже уверенно читал и ходил за мной хвостом, чтобы мы поиграли в «математику».

Следующим летом, когда близнецам исполнилось шесть, пришло письмо от Весемира. Я долго не решалась распечатать его — я хотела забыть Каэр Морхен и, хоть и не забыла, но успешно вытеснила ведьмачью родину из памяти на многие годы. И всё же, в глубине души скучала, скучала смертельно.

«Прошло десять лет, Яна, — так начиналось письмо, — Достаточный срок. Кончай валять дурака и приезжай в Каэр Морхен, тут соберутся все. И привози детей, я на них посмотрю».

— Что значит «я на них посмотрю»? — взорвался Иорвет, когда я зачитала ему письмо. — Весемир что, хочет сделать из наших детей ведьмаков?

— Я очень хочу стать ведьмачкой! — закричала Ульяна, которая пробежала мимо. — Я хочу в Каэр Морхен!

— Кто бы сомневался, — проворчал Иорвет.

Десять лет... Через десять лет, вырванных у этого мира, я снова очутилась на дворе старой ведьмачьей крепости. Всё было по-прежнему, только трава у стен стояла по пояс, на месте погибшего древнего дуба шелестел листьями новый, молодой, и всё так же ветер гнал по двору клубы пыли.

Весемир встретил, поселил нас с Иорветом в моей бывшей комнате в башне, а детям досталась комната в галерее на втором этаже. Геральт приехал с Йеннифер и привёз из Корво Бьянко три бочки вина. Был здесь и научившийся за эти годы обниматься Ламберт — один, без Кейры.

Эскеля не было.

С момента приезда мы видели детей только в столовой и вечерами, укладывая спать. Весемир рыбачил с ними на озере, нашёл в арсенале каждому по стилету, выполняющему роль меча, водил в зал Шепчущих Камней на пятиминутные медитации и непрестанно подкармливал бутербродами с колбасой и сыром. У нас с Иорветом появилось время друг

для друга и на ежедневные тренировки на нижнем дворе, и частенько мне компанию составляли Геральт или Ламберт. Вечера Йорвет с Геральтом проводили у камина, перебивая кости правителям и общим знакомым. Гленн не избежал участи сестры — на Йеннифер он смотрел так, что даже Геральт заволновался.

— Она очень-очень красивая, — сообщил сын, когда мы пришли попрощаться на ночь.

— Как и все чародейки, — хмыкнул Йорвет, поправил одеяло на его постели.

— Правда? — Гленн долго молчал, и я уж подумала, что он уснул. — Тогда я хочу быть чародеем!

Йорвет шёпотом, едва слышно, выругался.

— Одобряю! — заявила Ульяна, встав на постели. — У каждого настоящего ведьмака должен быть свой чародей, как у Геральта и у Ламберта. Гленн будет моим.

— У твоей мамы нет никакого чародея... — начал Йорвет.

— Ну-у, — с сомнением протянула Ульяна. — Настоящий ведьмак должен убивать чудовищ, а не писать бумажки, как мама. У Геральта вон сколько шрамов!

Я тихонько рассмеялась, а Ульяна засопела, укладываясь.

— У меня будет свой собственный чародей, а потом я вырасту и возьму в мужья скоя'таэля, — объявила она и обняла меня за шею. — Как мама.

На рассвете я пробежала Мучильню и примостилась на упавшем стволе у входа в замок. Утренний туман рассеивался, роса ещё поблёскивала в мокрой траве и слышно было журчание Гвинлеха под кручей.

Снизу на тропе всхрапнула лошадь, звякнула сбруя, и из-за поворота показался всадник с двумя мечами за спиной на чёрном коне. Хоть и прошло десять лет, но, запаниковав, я едва поборола порыв вскочить с бревна и скрыться в лесу. С видом праздного туриста осталась сидеть и любоваться отвесной стеной Каэр Морхена.

Эскель осадил Василька, спешился. Медленно, будто тоже в нерешительности, подошёл. Он почти совсем не изменился, лишь волосы были подстрижены короче, но так же падали на лоб, и так же задумчивы были золотисто-карие глаза с вертикальным зрачком. Он сел на бревно рядом.

— Ты не изменилась, — наконец, сказал он.

Я усмехнулась.

— Ты тоже.

Он улыбнулся, покачал головой. Сказать друг другу мы могли очень многое или малодушно не говорить ничего, но не было того, что можно было сказать между, посередине.

— Могло ли всё сложиться иначе, Яна? — тихо спросил он, исподлобья посмотрев мне в глаза.

Эскель всегда был смелее меня.

— Нет, иначе быть не могло, — ответила я.

Он кивнул.

— Думаю, что так. Мы сделали друг другу больно, но мы любили. Я нашёл в шкатулке твою записку, — он улыбнулся, а я ощутила, как в лицо бросилась кровь. — До этого ждал, что ты будешь искать меня. Надеялся, как старый дурак, даже после того, как увидел вас в корчме в Мариборе... А когда нашёл записку, понял, что всё кончено.

— Эскель, я... — в мозгу зашевелились воспоминания корчмы посреди ничего и

мелькнувшее на краю сознания видение мужчины в глубоком капюшоне, сидевшего в углу.

— Ты сказала, что я не изменился, — прервал он, положив тяжёлую ладонь на мою руку, — это не так. Я изменился тогда. Поверил, что и меня кто-то может любить, и умудрился на этот раз не разрушить любовь, когда она меня нашла.

Эскель задумался, замолчал.

— Она нашла меня, как удар по голове, — сказал он загадочную фразу и добавил: — Хотя, поначалу я был весьма далёк от мысли, что это именно она.

Послышался топот копыт, и снизу, хрустя ободами по песку тропы, показалась мягко качающаяся на рессорах карета, запряжённая двойкой. На козлах в сдвинутом набок парике сидел кучер с красным потным лицом и в такого же цвета камзоле.

— Хочу познакомить тебя кое с кем, — сказал Эскель, мы поднялись.

Кучер натянул вожжи, карета остановилась. Распахнулась дверца, проём заполонил и застрял поперёк белый кружевной зонтик. Изнутри послышался смех, зонтик выпал на землю и на тропу ступила, шелестя шелками, Марго Д'Альбер собственной персоной и раскинула руки для объятий.

— Наконец-то! После стольких лет я увижу ваше тайное гнездо, про которое вы мне все уши прожужжали! — воскликнула она.

— Вы? — ошарашенно переспросил Эскель.

— Мы знакомы, — рассмеявшись, сказала ему я и на глазах у изумлённого ведьмака обняла романистку.

— Тебе следовало читать мои книги, дорогой! — объявила та. — Тогда бы оказалось, что случайности совсем не случайны. Мы умираем с голода!

Она запрыгнула обратно в карету, из которой выглядывали детские лица, кучер шлёпнул вожжами и покатил к воротам Каэр Морхена.

— Жизнь порой занимательней романов, — сказала я и, повернувшись к Эскелю, который озадаченно ерошил волосы, протянула руку. — Кажется, что мы в расчёте. Мир?

— Да, — улыбнулся он, крепко сжав мою ладонь. — Тренировку вечером?

— Да!

— Когда-нибудь я напишу об этом роман, — сказала Марго после того, как вся прибывшая компания поела и расселилась по замку, который вмиг стал казаться переполненным. — Когда перестанет болеть, и я смогу эмоционально приподняться над ситуацией.

Мы с ней сидели на внешней стене Каэр Морхена, смотрели на долину меж гор и серебристую нитку реки. Двое детей Марго оказались не детьми, а внуками романистки, и детали того, как они попали к ней с Эскелем на воспитание, она отказывалась открывать — время ещё не пришло. Зато в красках расписала знакомство с Эскелем.

— Тот самый лучший в мире ведьмак из Каэр Морхена, трагическую историю которого ты рассказала, запал мне в сердце. Такой персонаж достоин большего, нежели чем остаться героем второго плана в романе о ведьмачке. Поэтому, уезжая из Вергена, я твёрдо решила разыскать его.

Лишь вскользь Марго упомянула о том, что и за ней велась охота. Она попала в списки чародеек, подлежащих «очищению», Иерарха Хеммельфарта, и по следу шли Охотники за Колдуньями. Но что было ещё хуже — «Синяя Борода», её первый муж, оказался совсем не так мёртв, как она считала, и подослал к ней убийц.

— Моё состояние, мой титул оказались под угрозой, не говоря уже о жизни! — восклицала Марго.

В той самой корчме в Мариборе, заметив Эскеля и подслушав его разговор с Геральтом, она сразу догадалась, что давно ускользающая цель перед ней. Экстравагантный план заключался в том, чтобы, переодевшись мной и дождавшись, пока ведьмаки напьются до нужной кондиции, предстать пред очами Эскеля.

— Самое главное — произвести неизгладимое первое впечатление! А там по ситуации, — сказала она.

Но ведьмаки пили и пили, корчма опустела. Марго надоело прятаться у кухни и она вышла погулять, попав прямиком в лапы убийц.

— Я еле успела добежать до корчмы, ворвалась внутрь, а там остался один Эскель! Он бросился на помощь... — Марго приложила ладони к груди, и её глаза заблестели. — Ах, какой это был удар! Удар судьбы!

Удар судьбы романистка нанесла сковородкой, полной жареной картошки с салом, по голове Эскеля.

— Чуть-чуть промахнулась, — пояснила она. — Их было там так много, куча мала.

Я ошарашенно смотрела на неё — пока мы с Иорветом, Наиной, Роше и другими спали, внизу разыгралось настоящее побоище. Проснулся только хозяин корчмы, который со знанием дела закопал под луной трупы на заднем дворе.

— Я же говорю — первое впечатление, оно самое важное, — подвела итог Марго.

Несмотря на эффектное появление в жизни Эскеля, быструю победу на любовном фронте одержать не удалось. Два года она провела вместе с ведьмаком, которого наняла, чтобы избавиться от «некоторых проблем» — два года, по туманным намёкам Марго больше похожих на детектив или даже на триллер в атмосфере средневековья, полных ссор, расставаний и драм, прежде чем каждый понял, что между ними возникло нечто большее.

— Любовь... — сказала я.

— Да, — Марго наморщила нос. — Но мы такие разные...

— Как масло и вода? — вспомнила я вергенскую лекцию романистки.

— Нет. Как ключ и замочная скважина, — гордо ответила Марго. — Идеально подходим друг другу!

— Слишком сладко. Сироп! — заявил детский голос, и по коридору мимо нас с Иорветом, улучивших момент, чтобы вдумчиво целоваться, проскользнула Элен — бледная и тоненькая, как веточка, старшая девочка Марго.

За ней, на ходу сделав виноватый книксен, просеменила рыхлая бонна, которую все звали Бо. Супружескую пару слуг Марго забрала из Новиграда вместе с детьми.

— Ты кажется говорила, что в Каэр Морхене мы сможем побыть одни, — шепнул Иорвет, отпуская мою талию.

— Мы побыли... чуть-чуть, — ответила я.

С момента приезда Эскеля с Марго мы могли остаться наедине только заперевшись в комнате. Десятилетняя Элен с длинными, как у бабушки, волосами, всегда в белом платье и с неизменно зажатой под мышкой книгой, появлялась неожиданно, как привидение, и отпускала по поводу увиденного глубокомысленные замечания.

Внизу в зале горел камин. У ног Йеннифер примостился Гленн, раскладывая на полу листы со странными пентаграммами, а чародейка задумчиво перебирала пальцами его

волнистые тёмные волосы. Геральт с Эскем склонились над шахматами, а Весемир дремал в кресле.

«Подозрительно тихо», — подумала я, высматривая дочь, и в тот же момент входная дверь распахнулась, и в зал влетел Матиас — младший брат Элен годом старше наших близнецов — преследуемый Ульяной.

— Уля — уши, как у гуля! — кричал он.

Иорвет сделал шаг вперёд, я поймала его за руку. Избалованного Матиаса Марго забрала из пансиона, куда богатые семьи сплавляли надоевших отпрысков. «Он не знает, что такое любовь, — говорила она нам с Иорветом после очередной драки Матиаса с Ульяной. — Дайте нам с Эскем время — бедные дети всего полгода как обрели семью».

— Он опять дёргал меня за уши! — завопила Ульяна, хватая его за шиворот.

— Блок и прямой левой, — тихо сказал Иорвет и удовлетворённо кивнул.

Матиас зажал нос, из которого брызнула кровь.

— Ты — рыжая полукровка! — закричал он.

— А ты полудурок! — крикнула Ульяна, сжав кулаки и явно не собираясь сдаваться.

Хмурый, как туча, Эскем поднялся от шахмат.

— Моя дочь! — с гордостью шепнул Иорвет.

— Мой папа тебе покажет! — Матиас с надеждой посмотрел на Эскема.

— А мой вымажет тебя мёдом и сунет в муравейник!

— Детишки, что с них взять, — Элен была тут как тут и, презрительно окинув взглядом брата, уселась с книжкой за стол.

— Довольно! — при звуке голоса Весемира драчуны отошли друг от друга на шаг и даже, кажется, оправили рубашки.

Старый ведьмак поднялся из кресла.

— Эскем, тебе надо поговорить с сыном, — Весемир окинул взглядом довольное лицо Иорвета и, видимо, решил, что отцовские наставления не помогут Ульяне воздерживаться от драк: — Пойдём, дитя, потолкуем.

— Пусть идут, — я сжала ладонь Иорвета.

Ведьмаки развели детей по углам. Геральт застучал фигурами, собирая их и расставляя вновь на доске.

— Иорвет, партию? — спросил он.

Как обычно, между большим и меньшим злом Геральт предпочитал не выбирать вовсе.

И всё же, пионерским лагерем «Каэр Морхен» Иорвет тяготился, особенно после появления Эскема. Хотел уехать, но под давлением протестующих детей согласился остаться ещё на месяц, как и планировали. Всё чаще он оставался в комнате, разбирая кипу бумаг, привезённых с собой, и отказывался от тренировок. Однажды мы крепко поссорились.

— Ты опять идёшь заниматься с этим своим ведьмаком? — спросил он, запечатывая письмо.

— Ты же отказался, — ответила я.

— И разве ты не должна закончить проект для Саскии? — он кивнул на мой стол с аккуратными пачками бумаг, к которым с момента приезда я даже не притронулась. — Мы и так теряем тут время.

— Мы обещали детям лето в Каэр Морхене, и мы им его дадим, а Саския подождёт! — начиная закипать, ответила я. — Я — ведьмачка, пишу бумажки, как считает моя

собственная дочь, вместо того, чтобы тренироваться! А Эскель обещал научить улучшенному Игни.

— Других ведьмаков в округе нет? — язвительно спросил Иорвет.

— Геральт в бадье, Ламберт на озере, Весемир с детьми...

— И только Эскель всегда готов!

— Между нами всё кончено десять лет назад, Иорвет, — в ярости процедила я. — Если ты соизволишь спуститься на двор, я буду тренироваться с тобой.

Хлопнув дверью, я побежала по винтовой лестнице вниз. Настроение было отвратительным — может и правда следовало уехать, не будить лихо, но в Каэр Морхене было так хорошо!

Улучшенный Игни, ожидаемо, не получался, сосредоточиться я не могла, и Эскель недоуменно приподнимал бровь после очередного моего ляпа. Наконец, я отбросила меч, подошла к бочке и окатила волосы водой.

— Перерыв? — Эскель снял мокрую от пота рубашку и кинул к мечу на траву.

Я подняла от бадьи лицо — из ворот на внешний двор вышел Иорвет. Спустился к нам, в руке у него была зерриканская сабля. Он не смотрел на меня, он смотрел на Эскеля.

— Бой? — серьёзно спросил Эскель, смерив его взглядом.

— Почему бы и нет, — Иорвет провернул саблю в руке.

— До первой крови, — Эскель нагнулся и вместо тренировочного меча вытянул из ножен стальной ведьмачий меч.

— Без знаков, — Иорвет стянул через голову рубашку, оставшись голым по пояс, как и ведьмак.

— Идёт.

Ни один не бросил на меня даже взгляда — я была тут очевидно лишней. Лезвия со звоном скрестились, я гневно выругалась под нос и зашагала прочь.

— Ты куда? Пропустишь такое зрелище! — Марго восторженно смотрела со стены, и перо летало по свитку. — Погляди, какие торсы!

Торсы и впрямь были хоть куда, но так паршиво я не чувствовала себя уже давно.

На кухне Ламберт и Весемир чистили карасей, которых Ламберт наловил полное ведро. Я взяла нож и тоже принялась за дело.

— Или один убьёт другого, или другой первого, или одно из двух, — заявил Ламберт, когда я рассказала о бое внизу, — не о чем беспокоиться!

Время шло и шло, близился вечер. Спустился вниз благоухающий мылом Геральт, Весемир дожарил под прессом карасей, пришла со двора зевающая и заскучившая Марго. «Никакого развития и кульминации, один звон в ушах», — сообщила она. Иорвет с Эскелем не возвращались. Весемир прикрикнул на детей, запрещая им выходить из замка, и позвал всех к столу.

— Начнём без них, — сказал он.

Гленн ковырял вилкой рыбу, вытаскивая мелкие кости.

— Ненавижу чёртовых карасей, — кривясь, сказал он.

Йеннифер бросила на него укоризненный взгляд.

— Нельзя ненавидеть кого-то за расу, даже рыбу, — важно сказал Матиас, видимо, преисполнившись после разговора с Эскелем познанием. — Ты расист!

— Карасист, — пробурчал в ответ Гленн, отодвинув тарелку.

Ламберт заржал. Йеннифер мягко улыбнулась оставшемуся без ужина карасисту.

Геральт подлил в бокалы вина.

— Идут, — сказал он.

Эскель и Иорвет появились у двери, прошли через зал и молча остановились, когда заметили, что на них обращены все взгляды. Кожа их блестела от пота, но ни единой царапины ни на одном, ни на другом не было видно. Иорвет усмехнулся, повернулся к Эскелю и протянул руку. Тот, улыбнувшись, пожал её в ответ.

— Эта сцена обязательно войдёт в мой роман, — прошептала Марго, влюблённым взглядом оглаживая Эскеля.

— Иногда меч говорит лучше слов, — сказал Весемир многозначительно и погрозил детям пальцем: — Но вы этого не слышали!

Когда я вернулась в башню, Иорвет с самым безмятежным видом отмокал в бадье и, судя по всему, был чрезвычайно доволен собой.

— Иногда мне хочется убить тебя, — сказала я, уперев в бока кулаки.

— Завтра утром на тренировке попробуешь, — он перегнулся через край и поймал меня за руку. — Иди сюда.

Один за другим он перецеловал мои пальцы и, не выпуская ладони, с озорным, если не сказать хулиганским, прищуром посмотрел снизу вверх. Насчёт торсов Марго была, несомненно, права.

— погоди, — засмеялась я, не желая, однако, сдаваться без боя. — И ты пропустил ужин!

Он дёрнул руку, и, взвизгнув и чертыхаясь, я повалилась на него в мыльную воду.

— ненавижу карасей, — сказал он.

Лето заканчивалось. Разобравшись с вопросами рас, формы ушей, цвета волос и разбитых носов, играли вместе Ульяна и Матиас. Поначалу она брала его в игру, только когда Гленн пропадал у Йеннифер, но потом объявила, что будущий рыцарь тоже сгодится в её ведьмачьей команде.

За день до отъезда чародейка пригласила к себе. Мы с Иорветом уселись на стулья с прямыми высокими спинками напротив Йеннифер, как вызванные в школу родители перед строгой училкой.

— В отличие от сестры, Гленн демонстрирует определённые магические способности, — начала она, рассматривая нас фиалковыми глазами из-под полуприкрытых век. — Я хотела бы и дальше поддерживать его тягу к знаниям. И я готова покровительствовать ему — он хочет стать чародеем.

— Он хочет стать чародеем лишь потому, что находит тебя очень красивой, — резко сказал Иорвет. — Я не хотел бы такого будущего для своего сына.

— Уверю тебя, ни один мужчина, сражённый моей красотой, ещё ни разу не начинал испытывать тягу к магической науке, — рассмеялась Йеннифер, однако видно было, что слова Иорвета ей польстили. — Родители часто против, но это не меняет ничего, лишь затрудняет и удлиняет путь. Если Гленн захочет — он по этому пути пройдёт.

Иорвет выжидающе посмотрел на меня, а я думала о том, что совсем не против, чтобы у моего сына, особенно после того, как я уйду, появилась могущественная покровительница, которая всегда будет на его стороне. О том, насколько самоотверженной и преданной близким была Йеннифер, я знала.

— Он ещё слишком мал, но я не хочу препятствовать ему, — ответила я. — Правда, я

считала, что ему более по душе точные науки...

— Нет ничего более точного, чем магия, — сказала Йеннифер. — Однако прежде, чем мы можем начать, помимо вашего согласия я должна знать природу метки на его ладони. Подумайте, вечером я хочу получить ответ.

Она вышла из комнаты, пахнув шейфом духов. До вечера мы спорили, потом говорили с Гленном. Сын был непреклонен — несмотря на спокойный характер, упрямства в нём было не меньше, а то и поболее, чем у сестры. Вечером вернулись в комнату Йеннифер и рассказали ей всё: про проклятие Филиппы, изнанку, про силу Шепчущих Камней, которая активировала знак на моей ладони. Раз уж мы решили доверить ей обучение сына, мы не скрывали ничего.

— До совершеннолетия детям нельзя использовать места Силы, — серьёзно сказала Йеннифер. — Я позабочусь об этом. Они должны получить силу только тогда, когда будут готовы управлять ею.

— Йен... — начал Иорвет и замолчал. Чародейка вопросительно изогнула бровь. — Что именно станет с Яной, когда она выпьет эликсир?

Йеннифер поднялась, отошла к окну.

— Никто не может знать наверняка, но то, что вы рассказали... — она обернулась. — Эликсир разорвёт связь между физическим и магическим телами. А так как физическое тело — это сон, с ним случится то же самое, что со всеми снами — оно просто исчезнет, не удерживаемое более в этом мире ничем.

В окне вокруг точёного силуэта Йеннифер виднелись горы с косыми тенями от пиков и закатное небо. «Не такой уж плохой вариант», — подумала я.

— А что с магическим? — спросил Иорвет.

Чародейка пожала плечами.

— В отличие от ваших детей вы имеете лишь по половине знака. Полагаю, что магическое тело будет нежизнеспособно и растает. Станет частью этого мира, квантумом магии, порывом ветра. Как и все мы когда-нибудь, — добавила она. — Как и все мы.

Раз в пару недель Йеннифер прибывала в дом у мельницы напрямик из Корво Бьянко, чтобы заниматься с Гленном. Первый раз портал выбросил её в Фен Эате, второй раз в горах в истоках Бланице. Мы видели вспышку, когда ужинали на веранде.

— Может, она решила обучать магии скальных троллей, а не тебя? — ехидно спросил Иорвет у Гленна.

— Меня, меня! — закричал тот. — Папа, спаси Йеннифер от троллей!

— Пойдём вместе, — со всей серьёзностью сказал Иорвет. — Мне нужно по дороге не забыть с какой целью я карабкаюсь в гору.

Гленн бросился к куртке, стилету и луку.

После этого Йеннифер поправила прицелы и вышагивала из портала точнѐхонько посередь гостиной.

В один такой вечер, когда чародейка заперлась с Гленном на этаже под крышей, а мы с Иорветом тренировались на дворе внизу, на веранду вышла наша дочь. Она шла, медленно переставляя ноги, будто кто-то заставлял её идти. Руки были вытянуты: одной она сжимала рукоять, другой поддерживала под лезвие Розу Шаэрраведда. Серебряная роза в навершии светилась голубым светом, а на лезвии сияли синие руны.

Лицо Иорвета потемнело, он отшвырнул тренировочный меч на песок.

— Я же говорил! Никогда. Не трогать. Мамин. Меч! И ты знаешь почему!

От звука его голоса Ульяна остановилась, так и держа перед собой Розу Шаэрраведда, фигурка её содрогнулась, лицо сморщилось, и из глаз брызнули слёзы. Она легко могла бы скрыть проступок, но всё-таки, увидев, что случилось с мечом, вышла к нам, хотя и знала, как разгневается отец.

— Мамочка, прости, я не хотела! — зарыдала она. — Мне так хотелось потрогать твой меч!

Я подошла, обняла её. Гладила по спутавшимся рыжим волосам, выбившимся из косы.

— Просто отнеси его на место, — тихо сказала я и поцеловала её в мокрые щёки.

Ульяна метнула виноватый взгляд на Иорвета и убежала в дом. Роза Шаэрраведда нашла своего истинного хозяина.

— Ты же понимаешь, что это значит, — глухо сказал, подойдя, Иорвет.

— Да, — ответила я.

— Ненавижу предназначения, пророчества... — начал он, а сверху зажужжало, в мансардных окнах ярко вспыхнуло зелёным, и хлопнули ставни, — ... и магию. Моя дочь пойдёт с этим мечом в великую битву, а мой сын готовится стать чародеем, чтобы помогать ей...

Мы опустили на ступеньки веранды, я обняла Иорвета и думала, что мне жаль, что я этого не увижу. В долине уютно и мирно светились огоньки деревни скоя'таэлей.

— Это будет нескоро. Мы узнали, кому предназначен меч, но это не меняет пока ничего.

— Я должен обучить её всему, что знаю, пока есть время, — сказал Иорвет.

Вечером я укладывала Ульяну спать. Гленн ещё не спустился — в те дни, когда приезжала Йеннифер, ему позволялось засиживаться с ней допоздна. Ульяна забралась ко мне на колени, и я покачивала её, прижавшись губами к тёплой макушке.

— Я больше никогда-никогда не буду трогать твой меч, — бормотала она. — Он мне не нужен, больше не хочу его!

— Когда-нибудь он станет твоим, когда придёт время.

— Я не хочу, чтобы время пришло, а ты ушла, — она обвила руками мою шею и тихо заплакала. — Никогда!

— Это будет нескоро, через целую вечность, мой огонёчек, я обещаю, — я уложила её на подушку, прижала к груди. Хотела бы я сама себе верить так, как дочь верила мне. — Обещаю.

Вопрос, что делать летом, перед нашими детьми больше не стоял.

— Весемир! Весемир! — скандировали они, когда за завтраком мы с Иорветом в красках, достойных реклам туристических агентств, предложили другие варианты путешествий.

— В Зеррикании водятся драконы! — сказала я.

— Весемир! — дети переглянулись и ударили вилками по столу: — Колбасыр! Колбасыр!

В Каэр Морхене мы с Иорветом задержались ненадолго. Дети подросли достаточно, чтобы оставить их на попечение Весемира, да и Эскель с Марго вызвались помогать, а Йеннифер, казалось, была только рада сплавить нас и получить Гленна в своё полное распоряжение.

— Алтинадир или Каэр Трольде? — лукаво спросил Йорвет, подбрасывая монету. — У меня есть дела и там, и там, а своего Ундвика я ещё в глаза не видал.

— Даже не знаю, — задумалась я. — Я бы встретилась с Зоуи, да и вид из дома Исенгрима отличный.

— И постель в чайхане в касбе Шала мы так и не использовали по назначению, — кивнул он и рассмеялся: — Решено!

В старом мире прошло около пятнадцати минут, когда муж и сын обнаружили ту Яну в кресле. Муж склонился над ней, прижимая к уху телефон, сын держал за руку, на щеках его блестели слёзы. Я протиснулась между ними, ощупала старую себя — изменений не было. «Не спешите, пожалуйста! — мысленно возвала я к мужу с сыном. — Ещё не время!», и надеялась, что скорая будет ехать долго.

В этом же мире мы жили, работали, путешествовали, учили детей. Они росли медленнее, чем людские — к двадцати годам всё ещё были угловатыми подростками, состоящими из локтей, колен и воющего со всем миром настроения. «Эльфы не спешат взрослеть», — успокаивал Йорвет. Элен, старшая дочь Эскеля и Марго, уже превратилась в красивую молодую женщину и писала стихи. Матиас вымахал в плечах с приёмного отца и был тайно (но явно для всех) влюблён в Ульяну, скулы которой теперь покрывали веснушки, а обращаться с мечом даже вслепую она научилась так, что Весемир лишь довольно покрывал. Знаки она умела делать лучше меня, особенно Игни, который получался великолепно во всех вариациях. Гленн с Йеннифер начали отлучаться в экспедиции на старые эльфские развалины, раскапывая артефакты, а порталы мой сын ставил настолько точно, что через некоторое время мы с Йорветом почти перестали использовать лошадей, которым уже и так давно было пора на пенсию. Зачем нужны лошади, когда под боком есть свой собственный чародей?

К моему счастью, точные науки Гленн тоже не забывал. В мельнице мы оборудовали лабораторию, соорудили из шёлковых лент, медных щёточек и металлической сферы простейший генератор Ван Де Граафа. Электричество Гленн отнес к подвиду магии. Математика же завораживала его сама по себе, и моё материнское сердце переполнялось гордостью, когда он решал какую-нибудь особо мудрёную олимпиадную задачку. «Выкуси, Йеннифер», — думала я, хотя и совершенно не представляла, зачем понадобятся ему производные и интегралы в будущем.

Завязавшаяся в Вергене дружба с Марго непостижимым образом с годами только крепла. Ни то, что мы были разными, ни прошлая любовь к Эскелю не могли пошатнуть её. «Мужчины! — фыркала Марго, когда вытаскивала меня в зланные места Новиграда (обязательно инкогнито). — Необходимо, но не достаточно!» Втайне я считала, но, конечно, не говорила ей, что хотя шёлковые платья, расторопные бонны и тёплая ванная комната и могут длиться долго, но однажды начнёшь мечтать о рае в шалашах на краю мира, о ветре и небе и друзьях, которые любят тебя просто потому, что ты есть. Не пристало женщине, даже заработавшей достаточно, отказываться от того, чего хочется на самом деле.

Анаис, внебрачная дочь короля Темерии Фольтеста, выросла приёмной дочерью при дворе Саскии, которая любила её так же, как своего собственного сына, тоже Александра. Эмгыр ослабел здоровьем и уже не мог держать в стальном кулаке империю, и в двадцать пять Анаис вернула себе трон Темерии. Роше с Бьянкой, выбравшие быть вместе, ушли на покой, променяв войну на прохладную тишь кабинетов вызимского дворца. Мне нравилось

встречаться и с ними, и с Шани в Оксенфурте. В отличие от ведьмаков, эльфов и магичек, время шло для нас одинаково.

Скорая приехала в тот мир минут через сорок. В этом мире я прожила сорок пять лет. Волосы мои стали белоснежными, и когда мы с Иорветом приезжали в Каэр Морхен, там собиралась коллекция белоголовых ведьмаков — я, Весемир, Геральт и Цири, которая не старела, как и эльфы, но появлялась иногда из других миров на радость родителям. В такие редкие моменты Весемир распорядился закатывать пир.

Когда детям исполнилось сорок — совершеннолетие по эльфийским меркам, в кругу Шепчущих Камней под присмотром Йеннифер они прошли инициацию. Чтобы уходить наизнанку, им не нужно было соединять ладони, достаточно было пожелать и погрузиться в особую медитацию, хотя, так же как и мы, они теряли силу по возвращению.

Я понимала, что осталось совсем чуть-чуть: медбрат уже прощупывал пульс, врач копался в сумке. В тот год мы взяли детей и отправились в путешествие по всему миру. В Драконовы Горы в дом Исенгрима, в Ард Дол к Айонантаниэлу, в Алтинадир повидать Борха и его сына, который уже научился трансфигурировать и оказался жгучим юным брюнетом, неуловимо похожим на Саскию. Зоуи тоже прибыла во дворец Хатун Мелике.

— Пока в мире есть хоть один золотой дракон, мир выдержит, — сказала она.

— А если их три, то пусть другие миры боятся! — воскликнул Борх.

На прощание Веструм отвела наше семейство в сторону и выдала Ульяне белого, а Гленну чёрного шахматного коня.

— Предназначению надо немного помогать, — подмигнув нам с Иорветом, сказала она.

Погостили мы и в Вергене у Киарана, и может быть зря, потому что Ульяна любила его всё отчаянней и не забыла о вырванном обещании, а он, кажется, так и продолжал видеть в ней ребёнка. Доехали до Синих Гор к Свободным Эльфам, потом до Ковира, где нам с дочерью пришлось втиснуться в двадцатикилограммовые бальные платья, а потом на Скеллиге. Рагнар был тут вместе с поседевшей Керис. Он отвёл меня на могилу Наины.

— Она была очень счастлива здесь, — сказал он.

— Я тоже, — прошептала я.

Потом всей семьёй мы вернулись в дом на мельнице. Всё-таки, это было лучшее место на Континенте. Стояла поздняя осень. Врач уже отломил кончик ампулы.

— Я ненавижу время, — сказал Иорвет, когда мы вечером, как обычно, сидели на ступеньках веранды. — Я ненавижу его, потому что ничего не могу с ним сделать.

— Мы знали, что рано или поздно так будет. Та Яна дала нам целую жизнь времени.

— Я знаю, но не могу смириться, — он притянул меня к себе, обнял. — Мне кажется, что ты ушла далеко вперёд по дороге, куда мне путь закрыт. А я остался, несмотря на то, что мы жили бок о бок и вырастили детей. Ты уходишь, а я топчусь на месте.

— Я ещё не собираюсь умирать! — рассмеялась я. — Может я и стара, но тело моё здорово, и я крепко держу в руках меч.

— Ты всегда легкомысленно относилась ко времени.

— А ты слишком серьёзно.

Мы целовались, забыв о времени, будто и не было всех этих лет, будто бы я не изменилась. Эльфы, не знающие старения, не обращали внимания на такие мелочи, им важна была суть, и я радовалась, что мои дети выросли настоящими эльфами, и что Иорвет был им.

На следующее утро я не смогла поднять Розу Шаэрраведда.

Мы позвали детей.

— Время пришло, — сказала я. — Ульяна, возьми меч.

Я смотрела на них, пытаюсь запомнить так, чтобы хватило на вечность. Моя дочь, превратившаяся в гибкую зеленоглазую и рыжеволосую красавицу (сама себя она считала уродиной) сжала кулаки и зарыдала. Гленн, который с годами всё больше становился похожим на Йорвета, нахмурившись, молчал.

Я обнимала их, целовала напоследок, и всё равно казалось, что этого мало. Роза Шаэрраведда засветилась ясным голубым пламенем в руках Ульяны.

— Мне нечего передать тебе, родной... кроме математики, — я развела руками, — и разве что это.

Я надела на его шею кулон из драконовой чешуи Саскии. Гленн обнял меня и вдруг, наш сдержанный мальчик, которому я едва доставала до плеча, зарыдал, уткнувшись носом мне в макушку.

— Открой портал, — сказал Йорвет и расстелил на столе карту. — Озеро Моречко, Велен, южнее Коломницы. Я провожу маму.

Гленн утёр глаза, склонился над картой. Йорвет подошёл к Ульяне, прижал к груди, расцеловал, потом пришла очередь сына.

— Я люблю вас до неба, до других миров, — сказала я, сгребла их обоих напоследок в охапку. — Всегда помните это.

Гленн взмахнул руками, и у камина открылось светящееся порталное кольцо.

— Скоро увидимся, — сказал Йорвет детям, и мы шагнули в портал.

— Мой сын! — гордо сказал Йорвет, когда мы выступили из портала прямо перед почерневшей вросшей в землю хижинкой на берегу крохотного озерца. — Ровно то место, какое я и задумывал.

— Наше место, — улыбнулась я.

— Можешь идти? — спросил Йорвет, мотнув головой в сторону мостков с лодкой.

— Да.

Он внимательно посмотрел на меня — я почти висела, обхватив его за шею. Легко подхватил на руки.

— Это самая романтическая смерть, которая у меня когда-либо была, — засмеялась я, прижавшись ухом к его груди и слушая, как стучит сердце.

Йорвет оттолкнул веслом лодку от мостков. Она плавно покачнулась, выплыла на середину озерца и остановилась. По отвесной скале переливался по камням ручей.

— Йорвет.

Он бросил весло, сел рядом, пересадил меня к себе на колени.

— Я забыла отдать Ульяне медальон, — сказала я. — Пусть активирует его, Весемир подскажет.

— Она найдёт твой медальон, не сомневайся, — сказал Йорвет.

— Передай его! — я приподнялась на его руках.

— Хорошо, передам.

Достала трясущимися пальцами из кармана на груди эликсир.

— Йорвет!

— Я здесь, *me minne*.

Я вздохнула, обвила его шею руками.

— У тебя вся жизнь впереди. Не останавливайся, иди вперёд, — я тихо рассмеялась. —

Но мне льстит, что я была рядом с тобой в лучшие твои годы.

— Я был рядом с тобой все твои годы, — сказал он.

— Это правда, ты всегда был лучше меня, — прошептала я. — С того мига, как я тебя увидела, для меня всегда был только ты один, Иорвет.

— Я знаю.

Мы смотрели в глаза друг другу, я провела ладонью по его щеке. Он склонился, прикоснулся губами к моим губам.

— Открой эликсир. Я засыпаю.

Не спуская меня с рук, он щёлкнул пробкой, почему-то дважды. Поднёс к моим губам пузырёк.

— Велен — это начало и это конец, Яна, — сказал он. — А Уроборос кусает свой хвост и конец становится началом.

К левой ладони прикоснулась его ладонь.

— *Va faill, Iorveth*, — сказала я.

Эликсир — тягучий, как смола, горький и терпкий полился в рот. Быстро темнело, и затухающим сознанием я успела увидеть, как Иорвет, от которого начало расходиться сияние, приложил к губам пузырёк. Точно такой же, как мой.

— *Sead, Jana*, — сказал белоснежный Иорвет, которого я видела уже со стороны, и широко улыбнулся — азартно, по-мальчишески, как умел только он.

Силуэты двоих, в объятиях склонившихся друг к другу, бледнели вместе с изнанкой. Миг я парила над качающейся пустой лодкой, где на дне сверкнул ведьмачий медальон с головой волка. А потом провалилась в сон.

— Как ты?

Надо мной склонился муж. Зелёные глаза, родное, любимое, знакомое до мельчайших чёрточек лицо.

— Ты напугала! — возмущённо сказал сын и погладил по руке.

Глаза его были заплаканы.

— Я... — подняла левую ладонь — знака не было. — Я стала старше на жизнь...

— Отдыхай, — муж прижался губами к моему лбу. — Скорая уехала.

— Что со мной было?

— Они сами не знают. Говорят, обморок. Вкололи что-то, ты очнулась. Сказали, если повторится, вызывать снова.

Я подняла глаза к потолку. Совершенно точно к моему потолку. В углу спускался на тонкой ниточке крохотный паук, надо будет смахнуть.

— Я вернулась, — сказала я.

Сон я помнила в мельчайших деталях, и, вместе с тем, чем больше проходило времени, тем сильнее казалось, что он был не со мной. Я включала игру, смотрела на жёсткий абрис губ Йорвета и понимала, что будто листаю чужой фотоальбом. Какая-то часть души, которая влюбилась в этого персонажа, покинула меня навсегда, и при виде компьютерной модели, лишь отчасти похожей на Йорвета из сна, больше не ныло, не болело и не свербило в груди.

В какой-то момент я даже засомневалась, что приключившееся было правдой. Однако Старшая Речь, не к месту срывавшаяся с губ, которой я, оказывается, владела в совершенстве, свидетельствовала об обратном, а руки знали, как держать меч. Чтобы железобетонно убедиться, мы с сыном записались в секцию исторического фехтования. Поначалу было тяжело — тело совсем не было подготовлено к нагрузкам, но мышцы помнили. Через год мы спорили с инструктором с пеной у рта, как правильно проводить тот или иной приём, потом я выступала в соревнованиях «бабушек 40+» (как шептались в раздевалках), а потом, к чести всех бабушек, вышла из категорий, потому что никто, даже юноши «40-», не мог побить меня. «Пятьдесят лет в Каэр Морхене. Что вы можете противопоставить ведьмачке?!» — мстительно думала я.

И всё же, прошлое того мира ушло безвозвратно. О том, что когда-то у меня была там семья, был Йорвет, я знала, но не чувствовала, и это знание совершенно не влияло на то, что у меня было сейчас — мои близкие. Муж и сын. Рядом со мной. И всё же... Всё же порой чего-то не хватало. Путешествий и приключений? Дальних миров? Ерунда, у меня всё есть — здесь и сейчас.

И только иногда во сне, в те ночи, когда полная луна светит в окно и особенно тонки грани между мирами, в те ночи я вижу сон. Я вижу мир, непохожий на наш, вижу высокого эльфа с ослепительно красивым белым лицом, в сияющих доспехах. Рядом с ним идёт юная девушка. Девушка в том мире черна, как зола, волосы заплетены в косу, она кутается в чёрный плащ. Эльф берёт её за руку, говорит что-то, что я силуюсь расслышать, но не могу. Девушка смеётся, сверкают белые зубы, и, держась за руки, они уходят к мерцающему разноцветными башнями городу под диковинным небом прочь из моего сна.

За ними по пятам следует чёрный волк.

